

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

**САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК**

Научные труды и публикации

Выпуск 2

Под редакцией проф. *В. Н. Данилова*

Саратов
ОАО «Приволжское книжное издательство»
2005

УДК 908(470.44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43
С20

Саратовский краеведческий сборник:
Научные труды и публикации
С20 / Под ред. проф. В. Н. Данилова. –
Саратов: Приволжское книжное изд-во, 2005. –
Вып. 2. – С. 312.
ISBN 5-7633-1118-3

В сборнике содержатся исследовательские статьи и сообщения по широкому кругу вопросов этнографии, краеведения и истории Саратовского Поволжья. В нем также помещены документальные находки, интересные архивные документы и воспоминания очевидцев.

Для научных работников, студентов, учителей школ, гимназий и лицеев, интересующихся историей родного края.

Рецензент:

Доктор исторических наук, профессор С.А.Мезин

Редакционная коллегия:

*М. В. Булычев, А. В. Воронежцев, А. А. Гуменюк,
В. Н. Данилов (отв. редактор), Н. М. Малов, В. А. Родионов*

ISBN 5-7633-1118-3

УДК 908(470.44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43

© Саратовский государственный
университет, 2005
© Управление по делам архивов
Правительства Саратовской области, 2005
© Саратовское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов, 2005

Е. Н. Ардабацкий

**«ЭТО ЕСТЬ МЕРЫ ПОДНЯТИЯ НАРОДНОГО
БЛАГОСОСТОЯНИЯ» (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САРАТОВСКОГО
ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ В. А. КОРОБКОВА)**

Два четырехлетия (1905–1912) в начале XX в. Саратовское городское общественное управление возглавлял Владимир Аполлонович Коробков.

По происхождению был купеческий сын, по образованию юрист. Впервые имя Коробкова встречается в справочной литературе по Саратовской губернии в 1880 г. В это время он уже был гласным городского общественного управления г. Саратова и кандидатом на должность члена управы, купцом второй гильдии¹. Через три года он стал почетным членом правления отделения Галкина-Врасского приюта «Ясли»². В 1888 г. В. А. Коробков продолжает оставаться гласным городской думы³.

В первой половине 1890-х гг. вслед за новыми должностями рос круг и сопутствующих общественных обязанностей. В 1893 г. купец В. А. Коробков является членом городской управы г. Саратова, гласным городской думы. С этого года он надолго (до 1907 г.) ставится попечителем 6-го городского мужского приходского училища, которое располагалось на Митрофаньевской площади, в доме Москвитина. В этом же году он значился и членом ревизионной комиссии общества вспомоществования учащимся в городских начальных училищах⁴. В 1895 г. В. А. Коробков становится также членом попечительного совета женской гимназии, располагавшейся на ул. Сергиевской (Мичурина) и Приютской (Комсомольская) в доме городского общества⁵.

¹ Памятная книжка Саратовской губернии. Адрес-календарь и статистико-справочные сведения. Саратов, 1880. С. 219, 221.

² Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 г. Саратов, 1883. С. 114.

³ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 г. Саратов, 1888. С. 195.

⁴ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. Саратов, 1893. С. 17, 110, 111, 117, 127.

⁵ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 г. Саратов, 1895. С. 238, 244, 247.

Однако наибольшая общественная активность В. А. Коробкова приходится на вторую половину последнего и первую половину первого десятилетий XIX–XX вв. В 1900 г. В. А. Коробков в чине губернского секретаря стоит первым в списке членов Саратовской городской управы, продолжая оставаться членом попечительского совета женской гимназии Министерства народного просвещения (1898). В том же 1898 г. он: заместитель председателя городской исполнительной училищной комиссии, попечитель 6-го городского начального мужского училища, член правления общества пособия учащимся в саратовских городских начальных училищах. С этого же года он участвует в деятельности (как член-казначей и секретарь) одного из престижных благотворительных обществ в Саратове – Саратовского отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. В 1900–1902 гг. дополнительной заботой В. А. Коробкова становится также и заведование второй городской народной бесплатной читальней, которая находилась в Пушкинском саду (бывш. Сервье)⁶.

После внезапного ухода в отставку прежнего городского головы А. О. Немировского, последовавшего в самом конце декабря 1905 г., и произошло избрание В. А. Коробкова городским головой г. Саратова. Это было в конце 1905 или в начале 1906 г., так как о принятии отставки А. О. Немировского официально было сообщено 4 января 1906 г.

К 1907 г., когда В. А. Коробков уже два года был саратовским городским головой, в качестве должностной обязанности он председательствовал в Саратовском по воинской повинности присутствии, а в качестве общественной – сохранил попечительство в городском начальном мужском училище, но возможно, что в справочном издании и не все его должности на 1907 г. были прослежены⁷. Наводит на эту мысль то, что в 1910 г., правда по другому типу издания, представлен гораздо более полный перечень должностей гласного думы городского головы В. А. Коробкова. Его прямыми обязанностями по управе были заведование секретарским отделом и бухгалтерией⁸. Коллежский ассессор В. А. Коробков являлся почетным мировым судьей съезда мировых судей Саратовского городского округа, председательствовал в городском училищном совете, стал вице-председателем Саратовского отделения попечительства им. императрицы Марии Александровны о слепых. Новой и, видимо, не только почетной должностью стало председательство

⁶ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. Саратов, 1898. С. 270, 271, 278, 280, 291, 295; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. Саратов, 1900. С. 162, 164, 174, 188, 201; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. Саратов, 1902. С. 120–121, 128, 130, 141, 146.

⁷ Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. Саратов, 1907. С. 86–88, 104.

⁸ Весь Саратов. Адрес-календарь-указатель за 1910 г. Саратов, 1910. С. 170.

во временном правлении городского кредитного общества. Так же как когда-то один из его предшественников, В. А. Коробков стал членом «Комитета по распределению и благоукрашению Саратовского кафедрального собора»⁹.

В начале декабря 1909 г., к моменту открытия Саратовского университета, на имя этого нового высшего учебного заведения стали поступать телеграммы, приветственные адреса, послания. Среди них был, конечно, и приветственный адрес от города, написанный саратовским городским головой В. А. Коробковым. Приведем его полностью, как свидетельство той огромной значимости, какую имел университет в глазах современников:

«Саратов давно лелеял мечту видеть у себя высшее учебное заведение. Еще в 60-х годах возбуждалось об этом ходатайство.

С тех пор, лишь только возникла в правящих сферах мысль об открытии нового высшего учебного заведения или о переводе существующего – Саратов поднимал голос в защиту своих прав на высшее учебное заведение.

История возникновения идеи Саратовского Университета и тех усилий, какие пришлось употребить городскому управлению для ее осуществления, только что выслушана здесь.

Теперь мечта стала действительностью, и на долю Саратова выпал, наконец, счастливый жребий видеть у себя праздник науки и русского просвещения.

Приветствуя открытие нового десятого русского университета, мы, Саратовцы, счастливы, что этот новый храм науки воздвигается именно здесь, среди нас.

Если высокое развитие знания и слава ученых составляют гордость страны, то тем более ими гордятся те города, где это развитие нашло наиболее яркое выражение.

Для науки и ее учений нет ни эллина, ни иудея, свет ее равно сияет для всех – но знаменитые Университеты Запада прославили города, в коих они существовали, и процветание городов было тесно связано с судьбою их университетов.

В наше время, когда жажда знания проникла в глубокие недра народные, когда вера в науку, в ее великую культурную, гуманизирующую и моральную силу растет в самой толще народных масс и окрыляет наши надежды и желания, – наука не может быть чуждой запросам жизни.

⁹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. Саратов, 1910. С. 91, 93, 108, 115, 128, 153.

И мы надеемся, что между Университетом и городом вырастет живая связь, которая тесно спаяет их судьбу. Помимо непосредственного воздействия на население через научно-просветительские учреждения, группирующиеся около Университета – всестороннее изучение всех особенностей нашего края и нашего города явится неизбежным последствием этой проникновенной связи науки и жизни.

Пусть новый светоч знания, зажженный у нас, ярко светит для всех – он озарит и наш край, наши нужды и язвы, и в гармоничном сочетании науки и практики мы найдем средства для их исцеления и верные пути, ведущие к благу и счастью нашего города.

Пусть этот новый храм науки воспитывает в молодежи вместе с любовью к знанию и благодатный патриотизм, который побудит ее с жаром и энергией отдаться на служение родному городу и краю, чтобы потомки наши с гордостью говорили: мы – Саратовские граждане.

Пожелаем же славного будущего нашему Императорскому Саратовскому Университету – слава его будет процветанием и славой Саратова.

Подносимая икона Спасителя да будет благословением города Саратова его возлюбленному Университету.

Саратовский Городской Голова. В. А. Коробков. Г. Саратов, 6 декабря 1909 года»¹⁰.

К 1912 г. – периоду зенита его службы в должности саратовского городского головы – к этим многим обязанностям добавились и новые: В. А. Коробков стал по должности одним из директоров губернского общества попечительного о тюрьмах комитета и членом губернского комитета попечительств о народной трезвости¹¹.

Что касается служебных обязанностей В. А. Коробкова в качестве гласного и городского головы, то о его кипучей и разносторонней деятельности можно судить по ряду сохранившихся докладов, записок, другим документам делового характера и принадлежащей перу В. А. Коробкова книге.

8 февраля 1908 г. В. А. Коробковым от имени Саратовской городской управы был внесен в городскую думу доклад «Об организации долгосрочного кредита городам». Городская дума согласилась с ним и возбудила перед Министерством финансов ходатайство об организации государственного банка для долгосрочного кредита городам, из которого города России, в том числе и Саратов, могли бы получить ссуды для долгосрочного кредита на строительство необходимых сооружений, проведение разного рода работ и т. д. Согласно предложению В. А. Коробкова, города могли бы получать такие ссуды облигациями

¹⁰ Чуевский К. А. Торжество открытия Императорского Николаевского Университета в Саратове. Саратов, 1911. С. 64–65.

¹¹ Весь Саратов. Адрес-календарь-указатель за 1912 г. С. 96–98.

банка в размерах разрешенного кредита или же, если организация такого банка будет признана несвоевременной, предполагалось разрешить русским земельным банкам открывать городам кредит без ипотечного обеспечения на условиях соглашения Министерства финансов с земельным банком.

Доклад В. А. Коробкова и его предложения были приняты Саратовской городской думой, и после этого текст доклада был разослан городским головам других городов России, причем многие из них предложения саратовского городского головы вынесли на рассмотрение своих дум. На основании этого доклада в течение 1908 г., по сведениям, имевшимся в Саратовской городской управе, 90 российских городов предъявили правительству ходатайства об организации долгосрочного кредита городам, тождественные с саратовским проектом.

В дальнейшем инициатива саратовского городского головы В. А. Коробкова стала явлением российского масштаба. В 1909 г. состоялось частное совещание представителей городов и земельных банков, где ставился вопрос об организации земельными банками кредита городам. Однако представители городов признали условия земельных банков совершенно неприемлемыми. В течение 1909 г. дело банковского обеспечения российских городов стало постепенно продвигаться и на министерском уровне. Советом министров была образована особая комиссия под председательством товарища заместителя министра финансов Д. С. Покровского. Комиссией были выработаны основные положения «Особого Государственного Банка для долгосрочного кредита городам и земству». Эти основные положения были внесены на рассмотрение совета по делам местного хозяйства (Спб.) в ноябрьскую сессию 1910 г. и советом в целом приняты. На основании этих общих положений Министерство внутренних дел и Министерство финансов стали подготавливать законопроект с целью внесения его на рассмотрение Государственной думы. 17 января 1911 г. Саратовская дума возбудила ходатайство перед Министерством внутренних дел о внесении этого законопроекта в текущую сессию Государственной думы. Тождественные ходатайства были возбуждены и многими другими российскими городами, которым Саратовское городского общественное управление, как инициатор всего дела, сообщило о положении дела с организацией долгосрочного кредита городам и земству. Кроме того, Саратовская городская дума обратилась к депутатам Государственной думы от Саратовской губернии с просьбой оказать содействие к скорейшему внесению этого законопроекта в Государственную думу. Результатом этого ходатайства стало внесение фракцией националистов в Государственную думу 2 марта 1911 г. и принятие думой

предложения – выразить пожелания о скорейшем внесении законопроекта на рассмотрение думы.

Инициатор этих российского масштаба начинаний саратовский городской голова В. А. Коробков рассматривал вопрос не только с точки зрения городского и земского благоустройства. Он считал, что «...организация этого кредита необходима не только в интересах городов и земств – это есть первейшая необходимость государственная». Развитие этого основного положения он подтверждал тезисами своего доклада «О влиянии городского и земского строительства на рост народного благосостояния», заканчивающегося следующим прогнозом экономического развития России: «...Это есть меры поднятия народного благосостояния. Это есть, следовательно, основные меры государственного хозяйства, и земельной культуры, и меры для подъема могущества страны – может явиться только как логическое следствие подъема народного благосостояния. В созидательной деятельности государства, городов и земства находится ныне центр государственных интересов»¹².

В последующие годы, когда В. А. Коробков ушел с поста саратовского городского головы, но остался гласным Саратовской городской думы, он настойчиво проводил свои инициативы на городском и общественном уровне. 19 февраля 1913 г. им был сделан доклад на заседании Саратовской городской думы, которой был рассмотрен, принят и разослан гласным других городов для более подробного ознакомления с вопросом. В докладе отмечалось, что земельным банкам России было дано правительством разрешение на кредитование городов, а особый государственный банк начал свою деятельность с января 1913 г. Вопрос об организации долгосрочного кредита городам, а попутно и земству, получил, таким образом, до некоторой степени разрешение. Это была первая сторона вопроса, уже достигнутая в практическом плане. Далее В. А. Коробков останавливается на второй части вопроса, «...которая будет носить название: Об организации кредитоспособности городов, ибо банки могут и будут открывать кредит городам только кредитоспособным, т. е. таким, которые имеют средства выполнять принятые на себя долговые обязательства. Без организации кредитоспособности городов и земств сами банки долгосрочного кредита городам и земствам будут малополезны».

В. А. Коробков подчеркивал, что «организовывать кредитоспособность городов и земств, значит организовывать производство, которого в настоящее время почти не существует в России, – производство земствами и городами имуществ большей частью общего пользования».

¹² О влиянии городского и земского строительства на рост народного благосостояния: Доклад саратовского городского головы В. А. Коробкова. Саратов, б. г. С. 1–16.

Он обращал внимание, что «без такого производства земское и городское благоустройство осуществлено быть не может, это совершенно ясно, но, кроме того, это производство дает еще и заработок народу... часть которого остается в виде сбережений и новых капиталов, которых раньше ни у рабочих всех рангов и степеней, ни в стране не было». В итоге В. А. Коробков предлагал следующие способы организовывать кредитоспособность городов, предлагая Саратовской городской думе ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о разработке и внесении в законодательные учреждения следующего законопроекта:

1. Об отчислении в пользу городов определенного процента с городского увеличения государственных доходов от всех или некоторых доходных статей. Общая сумма должна ежегодно распределяться между городами точно установленным порядком, при этом:

2. Каждому городу предоставляется пользование минимальным долгосрочным кредитом в целях городского строительства.

3. Обеспечением своевременности платежей по сделанному городом займу служат принадлежащие ему суммы, находящиеся в государственном казначействе.

Рассматривая, как экономист, вопрос о производстве долгосрочных займов и о влиянии их на денежный рынок, В. А. Коробков отмечал следующие закономерности: «...Форма краткосрочного кредита – вексель; форма долгосрочного кредита – всякого рода фонды. Если в стране свободные капиталы переходят в долгосрочный кредит, употребляемый на создание имуществ, то спрос на краткосрочный кредит падает, потому что увеличивается спрос на товары, происходит более быстрая их реализация, они продаются ранее наступления сроков платежей. В кредитных учреждениях увеличивается запас свободных капиталов и происходит понижение ценности вексельного кредита и повышение фондов. И наоборот, если почему-либо в стране всякая строительная деятельность падает, то замедляется сбыт товаров, спрос на кратко-срочный кредит увеличивается, повышается стоимость этого кредита и понижаются фонды.

Понижение стоимости вексельного кредита служит верным доказательством усиления строительной деятельности в стране, и наоборот, если стоимость краткосрочного кредита растет, то значит строительство падает; что же касается вопроса, где занимать: внутри страны или вне ее, то эту операцию можно с полным успехом производить внутри страны; не нужно занимать сразу всю потребную в течение года сумму, ее можно разделить на 5-6 выпусков и выпускать их по мере надобности»¹³.

¹³ Коробков В. А. Об организации кредитоспособности городов: Доклад гласного В. А. Коробкова. Саратов, б. г. С. 1–16.

В. А. Коробковым была также поддержана инициатива директора Саратовского городского общественного банка о внесении в Саратовскую городскую думу проекта центрального кредитного учреждения, объединяющего все существующие банки, с предложением Саратовскому городскому общественному управлению проявить инициативу съезда деятелей городских банков для обсуждения вопроса об учреждении центрального городского банка. Это предложение было заслушано Саратовской городской думой на заседании 15 июня 1911 г. В ответ на запрос саратовского губернатора был представлен проект устава центрального кредитного учреждения и программа съезда городских представителей по этому вопросу, подготовленные директором Саратовского городского общественного банка А. Давыдовым и городским головой В. А. Коробковым. На майском заседании Саратовской городской думы 23 мая 1912 г. проекты нашли положительный отклик. Затем думой эти инициативы были препровождены в кредитную канцелярию (Спб.), откуда циркулярно были направлены в городские думы и городские банки российских городов, губернских и уездных. Почти все из них высказывались положительно. Однако организационные вопросы создания банка и съезда затянулись, что и вызвало немалую озабоченность В. А. Коробкова¹⁴.

Другой крупной инициативой В. А. Коробкова была проработка вопроса о строительстве железнодорожного моста через Волгу между Саратовом и Покровской слободой «в два яруса с приспособлением для пешего, конного и трамвайного движения». Об этом свидетельствует докладная записка В. А. Коробкова и гласных думы М. Ф. Волкова и М. П. Репина и экономическая записка городского головы В. А. Коробкова к проекту перехода через Волгу с железнодорожным мостом в Саратове. В начале второго десятилетия XX в. эти планы основательно прорабатывались думой и управой. На своем заседании 8 октября 1912 г. Саратовская городская дума даже постановила отвести бесплатно городскую землю под сооружение моста и соединительной ветви (железная дорога и трамвай) в количестве 70 968 квадратных сажен стоимостью 500 тыс. рублей. Постройка моста предполагалась в Саратове, а не в Увекке (проект железнодорожного моста, управление РУЖД).

В. А. Коробков рассматривал необходимость постройки такого комбинированного железнодорожно-пешеходно-гужевого-трамвайного моста с позиций соединения с экономически «тянувшимися» к Саратову развивающимися городами и уездами Заволжья – Покровской слободой (Покровск – Энгельс), Новоузенским и Николаевским (Пугачев)

¹⁴ Коробков В. А. Доклад гласного о положении дела по ходатайству города Саратова об учреждении Центрального городского банка. Саратов, б. г. С. 1–16.

уездами. С этим же проектом городского моста через Волгу в Саратове состыковывались и предпринимавшиеся Саратовским городским общественным управлением усилия по оздоровлению территорий Глебучева оврага – этой «санитарной язвы города», рассадника эпидемических заболеваний, в том числе холеры (в 1892 г. из всего числа заболевших холерой в городе Саратове – 3807 человек – на Глебучев овраг приходилось 1196 человек, т. е. около 1/3). В. А. Коробков особо подчеркивал, что «...проекты уничтожения оврага и выселения оттуда жителей составлялись Городским Управлением давно, начиная с 1871 г., но встречали препятствия по необходимости крупных затрат на это дело и в недостатке средств. Между тем, при существовании Глебучева оврага оздоровление города достигнуто быть не может. Являясь очагом всяких болезней, овраг остается угрозой для жителей всего города, а при появлении таких эпидемий, как холера и чума – для всего Поволжья, а следовательно и государства, ибо Саратов является ближайшим этапом для этих страшных бичей в глубине России»¹⁵.

Как саратовский городской голова и знаток земского дела, В. А. Коробков был автором жалобы в Правительствующий Сенат по делу об обложении города Саратова земскими сборами за сооружение электрического трамвая и освещения в Саратове. Жалоба, опубликованная в Саратове типографским способом, была написана 17 января 1912 г.¹⁶.

Экономическим наследием коллежского асессора, саратовского городского головы В. А. Коробкова является его труд «Осиновые законы прибыли», вышедший в Саратове в 1911 г.¹⁷.

В. А. Коробков сложил с себя обязанности городского головы ранее положенного четырехлетия – уже с 29 декабря 1912 г., получив новое назначение в столицу, видимо не без влияния А. О. Немировского¹⁸.

Последние по времени сведения о нем имеются в справочных изданиях 1914–1916 гг. В 1914 г. коллежский асессор В. А. Коробков значится проживающим в Санкт-Петербурге. Но по Саратовской губернии он продолжал оставаться почетным мировым судьей съезда мировых судей Саратовского городского округа. Эти же сведения относятся и к 1916 г., с тем изменением, что В. А. Коробков стал надворным советником¹⁹.

¹⁵ Коробков В. А., Волков М. Ф., Репин П. М. Докладная записка по ходатайству о постройке железнодорожного моста через Волгу. Саратов, 1912. С. 1–4; Коробков В. А. Экономическая записка к проекту перехода через волгу с железнодорожным мостом в г. Саратове. Саратов, б. г. С. 1–14.

¹⁶ Коробков В. А. В Правительствующий Сенат. Жалоба. Саратов, 1912. С. 1–11.

¹⁷ Коробков В. А. Основные законы прибыли. Саратов, 1911.

¹⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1083. Л. 1–4.

¹⁹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1898 г. С. 195; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. С. 86; Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. С. 227.

О личной жизни Коробкова почти нет сведений. Известно лишь, что в Саратове он проживал в собственном доме на Театральной площади (сведения с 1888 по 1907 г.). Но в 1907–1910 гг. он значится уже по другому адресу – Малая Сергиевская, 95, дом Коробковой (ныне ул. Мичурина)²⁰.

В период руководства В. А. Коробковым Саратовским городским самоуправлением, оно, вслед за бурным развитием капитализированного губернского центра, преодолевшим 200-тысячный рубеж городского населения, также быстро и интенсивно развивалось. Разрасталась его общественная структура (постоянные и временные комиссии), но почти не рос штат служащих городского управления и его отраслей. Так, на 1910 г. Саратовская городская управа, располагавшаяся в угловом здании на ул. Полицейской (Октябрьской) и Московской, несмотря на постоянно растущий объем различных дел, кадровых штатных сотрудников, насчитывала считанные единицы, как и полагалось по общероссийскому законодательству. Так, вся управа состояла всего лишь из пяти (!) членов. Ими были Н. О. Никольский, В. И. Алмазов, П. В. Воронин, Я. Т. Воробьев, А. А. Яковлев. Канцелярия городской управы, перерабатывающая многие сотни различных документов, состояла из секретаря управы (П. С. Гусев), его помощника (он же делопроизводитель) П. Н. Быкова, возглавлявшего секретарский отдел. Далее шли различные отделения и столы управы, которых в общей сложности было более полутора десятков; но и здесь были предельно ограниченные штаты сотрудников. Например, медико-санитарное отделение – два врача, один делопроизводитель (всего три человека); отделение городского благоустройства и городских зданий состояло из делопроизводителя и его помощника, заведующего счетоводством (всего три человека); отделение городских предприятий, с функциями контроля и управления над скотобойней, мясным и скотопригонным рынками, кирпичным заводом, ассенизационным обозом, свалкой нечистот, городским ломбардом, аукционной камерой, городским банком и ветеринарией – все это возглавлял один (!) делопроизводитель. Всего же по всем отраслям структур управы можно насчитать в общей сложности менее 90 человек, и это включая еще мещанскую и ремесленную управы, управление имуществ купцов и мещан, сиротский суд, городские общественные бойни²¹.

Период руководства саратовским городским самоуправлением В. А. Коробковым был отмечен многими новыми долговременными

²⁰ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 г. С. 195; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. С. 86. Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. С. 227.

²¹ Саратов в кармане. 1910 г. С. 125–130.

(вплоть до наших дней сохранившимися) делами. На Старособорной площади было построено здание управления Рязано-Уральской железной дороги. На углу улиц Астраханской и Б. Казачьей была построена электрическая станция для обслуживания трамвайного движения, а всего в городе было проложено девять трамвайных линий по улицам Немецкой, Московской (таким образом открылось постоянное трамвайное движение от железнодорожного вокзала до волжских пристаней), Ильинской (Чапаева), Константиновской (Советской), Большой и Малой Горным, Большой Сергиевской (Чернышевского), Кладбищенской (Мурманская), Александровской (Горького). Вокруг сада «Липки» была построена кованая железная ограда, до сих пор являющаяся одним из старинных украшений нашего города. В 1910 г. был открыт Саратовский аэроклуб и впервые над Саратовом состоялись полеты самолета. В почтовых отделениях, на центральной телефонной станции и пассажирском вокзале были установлены первые телефоны-автоматы. На Театральной площади был построен новый общественный банк (городской Дом пионеров – теперь Дом творчества юных). В 1912 г. была торжественно открыта консерватория – первая в российской провинции. В сентябре 1913 г. (уже после Коробкова) в зале городской думы состоялось открытие Высших сельскохозяйственных курсов. В городе открылась первая зубоврачебная школа. Наконец, в 1909–1914 гг. по проекту и под непосредственным руководством К. Л. Мюфке в Саратове строится комплекс зданий Императорского Николаевского Саратовского университета (ныне Саратовского государственного университета), до сих пор являющегося украшением нашего города.

В этот предвоенный период мирной жизни нашего города саратовские городские дума и управа решали многие перспективные и жизненно-важные вопросы: в связи с развитием промышленности города об учреждении в Саратове ряда новых товариществ – мыловаренных, лесопильных, заводов, торговых домов и др.; о постройке крытого рынка; намечались изыскательные работы по постройке моста через Волгу; ставился вопрос о постройке станции для фильтрования воды для городского водопровода и о выпуске облигационного займа на его поддержку. Рассматривались и решались вопросы о выделении ссуд на постройку новых школьных зданий. В период 1913–1917 гг. дума Саратова участвовала в разработке нового городского положения²².

²² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1 (оц.). Д. 3299. Связка 658.

**САРАТОВСКОЕ ЗЕМСТВО И ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (80-е гг. XIX в.)**

В 80-х гг. XIX в. численно небольшую, но весьма важную по значению группу земской интеллигенции составляли статистики, которых по праву называют передовым отрядом земской интеллигенции. Это земские статистики заслужили прежде всего «благодаря своему составу, обеспечивающему сознательное и отзывчивое отношение с их стороны к земскому делу, отчасти благодаря самой профессии, дающей им систематическое знание местных нужд»²³. Земскими статистиками становились в основном бывшие народники, видевшие в занятиях статистикой возможность продолжения «работы в народе». «Занятия в земстве вообще, в частности статистикой, мы считали работой в духе наших старых народнических идеалов», – вспоминал полтавский статистик Ю. А. Бунин²⁴.

Социальный, иными словами народнический, состав земских статистиков, их постоянное общение с крестьянами, знание хозяйственных нужд деревни, делади статистиков в глазах правительства лицами «неблагонадежными», а их исследования «опасными в государственном отношении делом»²⁵. «Вестник Европы» отмечал, что земская статистика «испытала на себе все превратности, с которыми вообще приходилось иметь дело земским учреждениям. Ее подозревала и ограничивала администрация, против нее открывались походы в самих земских собраниях; статистические работы обрекались на сожжение; статистические бюро то закрывались, то открывались вновь; в земских статистиках одни видели пионеров нового метода, одинаково важного и в научном, и в практическом отношении, другие – опасных агитаторов, которых не следует допускать в деревню»²⁶. «Служба в статистическом бюро не только не делала, но наоборот, компрометировала каждое лицо, вступившее в него, накладывала неизгладимое клеймо неблагонадежности», – вспоминал И. П. Белокопский²⁷.

Однако не только правительство косо смотрело на земскую статистику, против нее выступали сами же земцы. И хотя не всегда и не везде наблюдался подобный антагонизм, в ряде земств он существовал.

²³ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 185.

²⁴ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 115.

²⁵ Веселовский Б. Б. История земства. Спб., 1911. Т. 3. С. 471.

²⁶ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1898. Кн. 3. С. 439.

²⁷ Белокопский И. П. В годы бесправия. Воспоминания. М., 1930. С. 49.

Причинами разногласий могли стать «личные интриги, недовольство собранными сведениями»²⁸. А. В. Пешехонов отмечал, что в некоторых земствах статбюро могут быть закрыты из-за «не нравящегося им [земцам. – Е. К.] образа мыслей в статистиках»²⁹. Но, пожалуй, главной причиной негативного отношения земцев к статистике являлся статистический материал, которым большинство земских гласных не умели пользоваться, особенно им были непонятны таблицы, в которые статистики сводили цифровой материал. «Таблицы служили причиной нападков на земских статистиков, – писал Н. А. Каблуков, – ибо большинство земцев не разбирались в них и считали, что в таблицах земские статистики преднамеренно искажали истину»³⁰. В силу этого земцам казалось, что статистики тенденциозно проводили переписи крестьянских и помещичьих хозяйств, маскируя их результаты цифровыми таблицами. Такое заблуждение земских гласных стало причиной закрытия курского статбюро в 1886 г. Работы курских статистиков были охарактеризованы как «начиненные социалистическим перцем»³¹.

Земские статистики добросовестно выполняли свою работу, чем собственно и вызывали недовольство крупных землевладельцев, старавшихся скрыть от переписчиков часть своих земель, хозяйственных строений, чтобы они не попали под земское налогообложение. «Статистика была вообще пугалом поместных дворян», – иронизировал по этому поводу В. Г. Короленко³².

Еще одной причиной отрицательного отношения губернских земств к статистике можно назвать слишком обширные программы статистических работ. На их выполнение требовались значительные денежные суммы, которые одни земства не хотели, а другие просто не в состоянии были выделить.

Все вышеназванные причины разногласий земств со своими статистиками являлись характерными и для Саратовской губернии. Здесь нападкам со стороны земцев статистическое отделение подверглось уже в 1883 г.³³. Изданный в этом году «Сборник статистических сведений» по Саратовскому уезду некоторые земские гласные встретили

²⁸ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1883. Кн. 3. С. 76.

²⁹ Пешехонов А. В. Указ. соч. С. 187.

³⁰ Каблуков Н. А. Статистика: Теория и методы статистики: Основные моменты в истории ее развития. М., 1922. С. 250.

³¹ Журнал заседаний Курского губернского земского собрания 9–20 декабря 1886 г. Курск, 1887. С. 528.

³² Короленко В. Г. Третий элемент // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1955. Т. 8. С. 273.

³³ Статистическое отделение при губернской земской управе было образовано в 1882 г. постановлением губернского земского собрания от 12 декабря 1881 г. на основании доклада губернской земской управы (см.: ДСГУ. 1882. Ч. 1. С. 70–74).

огнем критики только за то, что он содержал очень много цифрового материала, сгруппированного в таблицы, которыми они не умели пользоваться, а потому и не могли разобраться в нем. В 1885 г. в адрес статбюро был брошен упрек в том, что оно «слишком дорого» обходится земству³⁴. В 1887 г. губернское земское собрание, заслушав годичный доклад губернской земской управы, положительно оценило в целом работу статистического отделения, подчеркнув, что собранные им данные ценны и полезны, при этом «качественная сторона» статистических работ была признана «совершенно удовлетворительной и достаточной для практических целей»³⁵. Несмотря на это, в следующем 1888 г. образованная при губернском земстве ревизионная комиссия по продовольственным вопросам предложила закрыть статистический отдел, мотивируя свое предложение нехваткой денег на его финансирование. Статбюро спасло вмешательство губернатора А. И. Косича, который понимал значение статистических исследований губернии для ее экономического и культурного развития и поддерживал земскую статистику. В 1889 г. некоторые земские гласные вновь пытались поднять вопрос о закрытии статистического отдела, объясняя это тем, что земство «не в силах создать необходимую статистику и не в состоянии пользоваться ее данными»³⁶.

Неурожай 1891 г. поставил все Поволжье, и Саратовскую губернию в частности, в тяжелое продовольственное положение и стал очередным поводом для нападков на земскую статистику. Саратовские земцы обвинили своих статистиков в том, что они не смогли предсказать неурожай и не оказали действенной практической помощи пострадавшим от неурожая крестьянским хозяйствам, как, например, Нижегородское статистическое отделение, участвовавшее в закупке зерна для своей губернии. «Статистическое бюро, – писал «Саратовский листок», – по самому жизненному вопросу, по вопросу о неурожае, до сих пор не обмолвилось ни одним словом, не оказало и не оказывает никакого содействия точному выяснению степени нужды населения»³⁷.

Отвечая на критику, заведующий земским статбюро С. А. Харизоменов подчеркнул, что статистики предупреждали о возможном неурожае и пытались на практике оказать действенную помощь наиболее

³⁴ Н. И. [Иванов Н. Ф.]. Хроника. Письма из провинции // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 824, 828–829; Борьба со статистикой: письмо из Саратова // Неделя. 1885. № 4. С. 157.

³⁵ ДСГУ. 1887. Ч. 1. С. 156.

³⁶ Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1891–1900 гг. / Под ред. Н. Н. Львова. Саратов, 1901. С. 12.

³⁷ Земские вопросы // Саратовский листок. 1891. № 182.

пострадавшим от неурожая крестьянским хозяйством, но не встретили поддержки со стороны земства³⁸.

Еще в начале декабря 1887 г. в Саратове открылась картографическая выставка, на которой статбюро выставило около 200 картограмм и диаграмм по различным вопросам сельского хозяйства, и в частности урожая текущего года по всем уездам губернии³⁹. «Наглядное изображение данных в цифрах картограмм должно было уяснить обществу все значение статистики», – отмечал секретарь губернского статистического комитета Ф. С. Шиманский⁴⁰.

В 1888 г. Харизоменов выступил с предложением организовать в каждом уезде статистический отдел, сотрудники которого на месте собирали бы необходимые «сельскохозяйственные сведения» и представляли их в губернское земское статбюро для последующей обработки и анализа. На основе таких данных, считал Харизоменов, можно иметь полную и достоверную картину положения сельского хозяйства того или иного уезда и своевременно оказывать продовольственную помощь тем крестьянским хозяйствам, которые будут в ней нуждаться⁴¹.

В 1889 г. по инициативе С. А. Харизоменова и Н. Н. Черненкова при губернском земстве образована «продовольственно-экономическая комиссия», которая должна была заниматься вопросами продовольственного обеспечения населения в случае неурожая⁴². В 1890 г. комиссия на своих собраниях рассмотрела ряд мер борьбы с неурожаем, ликвидации его последствий. Для комиссии статбюро составило картограмму урожая 1890 г., на которой «наглядно представлен урожай не только по крупным районам, но даже по самым маленьким селениям»⁴³. К сожалению, деятельность комиссии ограничилась лишь заседаниями, земцы не проявили к ней внимания и просто перестали участвовать в ее работе.

³⁸ Харизоменов С. А. Ответ на статью «Земские вопросы» // Саратовский листок. 1891. № 188.

³⁹ Выставка была организована по инициативе губернатора А. И. Косича, придававшего ей большое значение. На основе картограмм и диаграмм выставки саратовские статистики составили статистический «атлас» Саратовской губернии, который демонстрировался в том же году на московском совещании земских статистиков (см.: *Фортуатов А. Ф.* Несколько слов о покойных деятелях земской статистики // *Земский работник*. 1918. № 1. С. 15).

⁴⁰ Статистический сборник Саратовской губернии с отчетом губернского статистического комитета за 1889 г. / Сост. Ф. С. Шиманский. Саратов, 1890. С. 56.

⁴¹ Протокол Комиссии по организации статистических бюро при городских управах 23 июля 1888 г. и 4 ноября 1888 г. Саратов, 1889. С. 9–10.

⁴² ДСГУ. 1889. Ч. 2. С. 32–33.

⁴³ Хроника // Саратовский дневник. 1890. № 247.

Саратовские статистики выступили инициаторами проведения в Саратове съезда «сельских хозяев юго-востока России». Целью съезда являлось «выяснение причин» неурожаев и «приискание надежных мер к устранению зла»⁴⁴. Съезд состоялся в 1891 г. На нем С. А. Харизоменов выступил со своей программой оказания помощи сельскому хозяйству губернии. В программе выделены основные причины разразившегося сельскохозяйственного кризиса и намечены «основные категории мер для поднятия уровня нашего народного хозяйства»⁴⁵.

На съезде Харизоменов предложил создать в юго-восточном регионе «сельскохозяйственные синдикаты», которые, по его мнению, могут оказывать действительную помощь в организации складов семян в уездах, получении крестьянскими хозяйствами денежного кредита, приобретении техники, сбыте сельскохозяйственной продукции. «Синдикаты значительно улучшат положение нашего сельского хозяйства», – делал вывод Харизоменов⁴⁶.

Большинство участников съезда поддержали его предложение. Однако создать «сельскохозяйственные синдикаты» не удалось⁴⁷.

После неурожая 1891 г. участь саратовской земской статистики была предрешена. 15 декабря 1891 г. губернское земское собрание обсуждало вопрос о скорейшем завершении работ «фундаментальной статистики по губернии», а через год на очередном собрании был рассмотрен и утвержден проект «новой организации статистического дела в Саратовской губернии»⁴⁸. В этом проекте упор делался на текущую оценочную статистику. Земцы объясняли это тем, что «заниматься научной статистикой земству не по силам, что ввиду этого губернскому земству необходимо заниматься только той статистикой, которая или требуется по закону от земства правительственными органами или безусловно необходима для земства в его практической деятельности»⁴⁹.

Насколько же обоснованными являлись упреки губернского земства в адрес статистиков? Постоянным являлся упрек в том, что на содержа-

⁴⁴ Труды первого областного съезда сельских хозяев юго-восточной России / Под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1894. С. 3.

⁴⁵ Харизоменов С. А. О сельскохозяйственном кризисе // Труды Саратовского общества сельских хозяев. 1891–1892. Вып. 3. С. 39–51.

⁴⁶ Труды первого областного съезда сельских хозяев юго-восточной России. С. 195.

⁴⁷ В феврале 1895 г. на заседании Саратовского сельскохозяйственного общества Харизоменов выступил уже с развернутым докладом об организации синдиката (см.: Харизоменов С. А. Об образовании областного сельскохозяйственного товарищества // ССЗ. 1895. № 2. С. 69–80). Доклад поддержало большинство присутствовавших на заседании (см.: Общий отдел // Саратовская земская неделя. 1895. № 11. С. 215), но этим дело и закончилось.

⁴⁸ Деятельность губернской земской управы: статистический отдел // ССЗ. 1893. № 1. С. 100.

⁴⁹ Протокол статистической комиссии. Заседание от 23 января 1894 г. // Там же. 1894. № 2. С. 389.

ние земского статистического бюро расходуется слишком много денег. Анализ земской документации говорит об обратном. Суммы, выделяемые саратовским губернским земством на статистические работы были «самыми минимальными». Так, на организацию земской статистики в 1882 г. было выделено всего 5700 рублей, в 1885 и в 1887 г. – по 5000 рублей⁵⁰. Только на 1892 г. для завершения работ «по фундаментальной статистике», земство ассигновало 7700 рублей, из которых 2000 рублей выделялось на выплату годового жалования С. А. Харизоменову, проработавшему весь 1891 г. без оплаты своего труда, и статистикам З. И. Митину и Н. Н. Черненкову за редактирование и корректирование статистических сборников⁵¹.

Всего же, по подсчетам земских гласных, за десять лет существования статистического бюро на него было потрачено 74 000 рублей⁵².

Немало усилий прилагал Харизоменов, отстаивая на заседаниях губернской земской управы возможность дальнейшего проведения статистических работ, их финансирования. «Много он потратил молодых сил, чтобы вырывать каждый год на земских собраниях необходимые мизерные суммы на ведение дела, – вспоминала Е. А. Реброва-Харизоменова. – Чего стоило убедить земцев, – и каждого в отдельности, и всех вместе – на собраниях в полезности вообще статистики, в серьезности и достоверности тех знаний и истин, которые добываются статистическими исследованиями»⁵³.

Минимальному бюджету земского статистического отдела соответствовал и минимальный штат сотрудников этого отдела: в 1885 г. он насчитывал всего десять человек, а в 1905 г. – девятнадцать, т. е. за двадцать лет увеличился всего на девять человек⁵⁴.

Объем работы, который выполняли земские статистики, был колоссальным. Всего за пять лет (с 1882 по 1887 г.) было проведено статистико-экономическое описание десяти уездов губернии, организована теку-

⁵⁰ ДСГУ. 1885. Ч. 2. С. 196; 1887. Ч. 1. С. 167.

⁵¹ Протокол статистической комиссии. Заседание от 27 января 1893 г. // ССЗ. 1894. № 2. С. 392–393.

⁵² См.: Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1891–1900 гг. С. 12. Цифра дана без каких-либо расчетов со стороны земства и представляется несколько преувеличенной; вероятно сюда были включены и ассигнования на губстаткомитет.

⁵³ Реброва-Харизоменова Е. А. С. А. Харизоменов // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 267–268.

⁵⁴ ДСГУ. 1885. Ч. 2. С. 196; ГАСО. Ф. 25. оп. 1. Д. 1427. Л. 17. Л. С. Личков, первый заведующий саратовским земским статбюро, обследовал Саратовский уезд всего с двумя сотрудниками, на плечах которых лежал и «весь труд окончательной обработки материала...» (Сборник статистических сведений по Саратовской губернии / Под ред. Л. С. Личкова: Саратовский уезд. Саратов, 1883. Т. 1. С. 5).

щая статистика; статистики принимали активное участие в подготовке и проведении в 1889 г. в Саратове земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, подготовке празднований 300-летнего юбилея Саратова в 1890 г. Статистики способствовали оживлению деятельности Саратовского сельскохозяйственного общества, участвовали в общественной жизни Саратова. Материалами земской статистики пользовались как земские, так и правительственные учреждения губернии.

Как видим, выделявшиеся на земскую статистику денежные средства были незначительными, статистики своей работой полностью оправдывали земские расходы. Что же касается «непонимания» земцами цифрового материала, то это свидетельство их недостаточной подготовленности к восприятию и обсуждению экономико-статистических вопросов. Таблицы составляли важнейшую часть статистических работ. Огромнейший цифровой материал целесообразнее всего было сводить в таблицы, с которыми удобнее было работать. Статистические таблицы являлись важнейшей частью всех статистических исследований земских статистиков.

Пожалуй, только один упрек в адрес земской статистики со стороны земств можно признать обоснованным – программы статистических исследований слишком обширны и расплывчаты. Это признавали и сами специалисты-статистики⁵⁵.

Н. М. Пирумова считает, что конфликты земцев со статистиками происходили в основном «в наиболее политически отсталых земствах»⁵⁶. Думается, что к числу таких земств можно отнести и саратовское. Б. Б. Веселовский дал следующую характеристику саратовскому земству: «Долгое время саратовское земство являлось одним из наиболее бесцветных глухих и отсталых: никакие общие вопросы его не волновали. <...> Саратовское земство было глухо ко всему, что непосредственно затрагивало интересы массы населения губернии. <...> Ни вопросы народного образования, ни другие культурные начинания не волновали земство»⁵⁷. «В общем земство Саратовской губернии являлось в это время одним из наиболее отсталых», – делал вывод Веселовский⁵⁸. Хотя Е. Н. Морозова полагает, что «подобная оценка саратовских органов самоуправления не соответствует действительности»⁵⁹,

⁵⁵ См., напр.: В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 779–807; Анцыферов А. Н. Курс элементарной статистики. Харьков, 1910. Ч. 1 С. 222, Каблуков Н. А. Указ. соч. С. 146.

⁵⁶ Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 116. Напротив, лучшие земства, «в большинстве случаев, горой стояли за статистику и статистиков, мужественно защищая от администрации», – подчеркивал И. П. Белокопский (Белокопский И. П. Земское движение М., 1914.

⁵⁷ Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. 3. С. 379–380.

⁵⁸ Там же. С. 382.

⁵⁹ Морозова Е. Н. Саратовское земство (1866–1890). Саратов, 1991. С. 8.

с мнением Веселовского трудно не согласиться. Так, газета «Неделя» сообщила, что многие «саратовские землевладельцы проявляли полное безразличие к земской деятельности, вплоть до того, что переставали приезжать на избирательные съезды для выбора земских гласных»⁶⁰.

С. А. Харизоменов, возглавив статистическое бюро при Саратовской губернской земской управе, составил по поручению ее председателя аналитическую записку экономической деятельности саратовского земства, в которой обратил внимание на его косность, отсталость по многим вопросам экономического характера⁶¹. Губернатор А. И. Косич, защищая статистику от нападок земцев, призывал последних пользоваться ее трудами, чтобы «из собираемых статистических сведений немедленно составлялись практические выводы и принимались непосредственно соответствующие решения...»⁶²

Земские статистики очень много сделали для определения экономического положения страны, показав русскому обществу все знание статистики, важность и необходимость проведения статистических работ. Конфликты земцев со статистиками служили доказательством «добросовестности статистических исследований». «Сама уже горячность нападок на статистику, появляющихся время от времени в земских собраниях, свидетельствует, что статистика действительно имеет практическое значение, иначе бы она отвергалась или принималась с гораздо большим хладнокровием», – отмечал Н. А. Каблуков⁶³.

С полным основанием это высказывание Каблукова можно отнести и к саратовским статистикам, работы которых имели важное значение для исследования народного хозяйства губернии, ее экономического развития.

Труды саратовских статистиков получили признание таких выдающихся экономистов и статистиков, как В. П. Воронцов, В. Н. Григорьев, А. А. Кауфман, А. Ф. Фортунатов⁶⁴.

⁶⁰ Земские дела и люди // Неделя. 1885. № 1. С. 20.

⁶¹ [Харизоменов С. А.] Экономическая деятельность земства. Краткая историческая записка. Саратов, 1888.

⁶² Циркуляры, указания и речи начальника Саратовской губернии генерал-лейтенанта А. И. Косича (1887–1891). Саратов, 1891. С. 54.

⁶³ Каблуков Н. А. Практические результаты земской статистики // Русская мысль. 1886. № 2. С. 12.

⁶⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Новый тип местно-статистического издания // Северный вестник. 1885. № 3. С. 92; Он же. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 795; Григорьев В. Н. Общий обзор земско-статистических работ // Русская мысль. 1887. Кн. 1. С. 1. С. 97; Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 13; Он же. Статистическая наука в России. С. 63; Фортунатов А. Ф. Земско-статистическая литература в 1891 г. // Юридический вестник. 1892. Т. 11. Кн. 3–4. С. 485–486. С. 36).

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВИЛ 27 МАЯ 1820 г.
«О ЗАПРЕЩЕНИИ СТАРООБРЯДЦАМ ЗАНИМАТЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ»
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Раскол Русской Православной Церкви 1666 г. явился одним из самых трагических моментов русской истории, разделив общество на две группы по важнейшей в жизни человека того времени религиозной принадлежности. Однако если никонианская церковь осталась главенствующей, старообрядцы подвергались постоянному нажиму со стороны светских и церковных властей. Одним из запретов, ограничивающих рост раскола, явились высочайше утвержденные 27 мая 1820 г. правила, не позволяющие раскольникам любых толков занимать государственные чиновничьи должности. Многие исследователи раскола усматривают в этом прямую причину того, что староверы практически монополизировали купеческую деятельность в XIX в., не имея возможности применить свою общественную активность, в чем-то сходную с протестантской этикой, на другом поприще⁶⁵. Нас, однако, будет занимать другое: каким образом правила о раскольниках 1820 г. исполнялись в Саратовской губернии? Это поможет осветить многие вопросы относительно влияния старообрядчества в крае, соотношения общегосударственной церковной и местной политики по отношению к расколу.

Источником для данной публикации послужили документы фонда канцелярии губернатора Государственного архива Саратовской области. Хотя они скупо отражают действия местного гражданского и церковного начальства, губернатора и епископа, но все же открывают картину внешнего влияния проводимых в жизнь законов и правил. Документы собраны довольно полно, без изъятия, что позволяет сделать вполне обоснованные выводы.

В одном из лучших учебников по истории Русской Православной Церкви, до сих пор используемом в большинстве духовных учебных заведений, Н. Тальберг упоминает правила о раскольниках 1820 г. вскользь и не совсем точно. «В 1820 г. надзору полиции поручены были лишь беспоповцы (федосеевцы), между которыми обнаружены были случаи разврата и детоубийства; их снова не велено было выбирать на

⁶⁵ Воробьев М. Православное краеведение. Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002; Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983; Шахназаров О. Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) // Вопросы истории. 2004. № 4.

общественные должности»⁶⁶. Дело, однако, обстояло сложнее. Наряду с запрещением строить храмы и часовни в 1812 г. и появлением с 1803 г. в официальных бумагах обидного, со времен Екатерины не употреблявшегося, наименования «раскольник», правила явились еще одной, может быть самой важной, попыткой сломить раскол и заставить старообрядцев обратиться к появившемуся в 1800 г. единоверию.

Так, в официальной переписке Министерства внутренних дел и канцелярии саратовского губернатора прямо указывается на общий для всех старообрядцев характер правил, невзирая на толки и согласия⁶⁷. В циркулярном письме от 23 ноября 1935 г. говорилось:

«Вашему Превосходительству известны Высочайше утвержденные 27 мая 1820 года правила, касательно производства купеческих и мещанских выборов из раскольников. В правилах сих между прочим постановлено, в случае небольшого числа православных допускать к должностям и раскольников, приемлющих священство, в виде изъятия из общего законоположения.

Ныне Государь Император в пояснении сих правил Высочайше повелеть изволил:

В обществах, где число православных и единоверцев ограничено, в допущении раскольников, приемлющих священство, до общественных должностей держаться духа коренного о сем предмете законоположения, то есть наблюдать, чтобы должности, по преимуществу начальные и соединенные с особенным влиянием на общество, каковые суть: должность Городского Головы, Городского старосты, Головы ремесленного, вверяемы были непременно православным или единоверцам, что же касается до присутственных мест, составляемых посредством городских выборов, то ежели по ограниченному числу православных, нельзя будет составить из сих эти присутствия, наблюдать по крайней мере, чтобы число православных членов было в каждом больше, нежели из раскольников, и чтобы в особенности старшие члены Магистрата, то есть Бургомистры были из православных или единоверцев»⁶⁸.

Как видно, данная мера явилась для правительства еще одним методом, наравне с запрещением строить храмы и служить в них, борьбы с распространением раскола среди православного населения. Трезво оценивая ситуацию в некоторых регионах, царское правительство хотя и делало некоторые послабления, но и использовало все возможные средства, дабы не допустить расширения старообрядчества.

⁶⁶ Тальберг Н. История Русской Церкви. Свято-Успенский-Псково-Печерский монастырь. 1994. Т. 2. С. 844.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 1 – 1 об.

⁶⁸ Там же. Л. 7 – 7 об.

Саратовский край изначально представлял собой место с исключительно большим числом староверов. Само массовое заселение Саратовского Заволжья, по мнению исследователей, началось с прихода сюда старообрядцев, приглашенных в 1762 г. императрицей Екатериной из польской Ветки⁶⁹. И хотя староверы появились в Саратовском крае еще со второй половины XVII в.⁷⁰, массовый их приход наблюдается как раз со второй половины XVIII в. Дальнейшее успешное развитие раскола в крае – прямое следствие образования здесь одного из российских центров старообрядчества – Иргизских монастырей. В трех мужских монастырях проводилась священническая исправа (прием беглых священников в старообрядчество) и дальнейшая их «продажа» по всея страны. Это, а также богатейшие подношения местного старообрядческого купечества, составило экономическую основу для дальнейшего роста раскола.

Все исследователи раскола в Саратовском крае⁷¹ сходятся во мнении, что реальная религиозная картина общества в регионе, в частности масштабы распространения раскола, оставалась долгое время неизвестной для правительства, причем как государственного, так и губернского. Однако, кроме известной ревизии на Иргизе князя Галицина в 1828 г., в саратовском архиве находятся подобные документы за 1818, 1832 и другие годы⁷², которые явственно говорят о том, что старообрядчество в крае находилось под пристальным вниманием. Активных же действий по контролю и регулированию раскола не производилось по вполне обыденным причинам.

Первые саратовские епископы относились к старообрядцам довольно милостиво. Так, пресвященный Гаий Такаов уехал в свой второй кафедральный город Пензу, после того как убедился в зараженности края расколом. Моисей Блинецов-Платонов, активный сторонник единоверия, старался не проявлять излишнего усердия и таким образом лишь способствовал староверию. Следующие епископы: Афанасий Корчанов, Иннокентий Смирнов и неуживчивый Амвросий Орнатский – и вовсе придерживались мнения о превосходстве старообрядческого богослужения.

Также и первые наместники и губернаторы относились к распространению раскола в крае совершенно безучастно, а Алексей Давыдович Панчулидзе так и вовсе способствовал Иргизским общинам во

⁶⁹ Перетякович Г. И. Поволжье XVII и начала XVIII века. Одесса, 1882.

⁷⁰ Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888.

⁷¹ Соколов Н. С. Указ. соч.; Воробьев М. Указ. соч.; Леопольдов А. Ф. О расколе по Саратовской епархии // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. Лебедев А. К истории старообрядчества на Иргизе. М., 1911.

⁷² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43, 106.

всех начинаниях, за что получал немалую мзду и что послужило одной из причин его ареста.

Таким образом, халатность, взяточничество и потворство расколу создали благоприятную почву для его распространения в Саратовском крае.

Именно поэтому правила о раскольниках 1820 г. оставались не востребованными вплоть до 1835 г., когда МВД, обеспокоенное, что правила не исполняются в ряде регионов страны, прислало запрос в канцелярию саратовского губернатора с просьбой проконтролировать исполнение закона пятнадцатилетней давности⁷³. На посту губернатора в это время находился мягкий и приятный во многих отношениях, кроме деловых, Федор Лукич Переверзев, снискавший долгую добрую память саратовцев. Однако более крупной представляется фигура, занимающая саратовскую епископскую кафедру, – преосвященный Иаков Вечерков, один из самых образованных и деятельных саратовских владык. Неутомимый борец с расколом, преосвященный сразу же занялся сбором информации через уездных священников о выполнении правил и, естественно, об их нарушении.

В губернском правлении запрос вызвал крайнее удивление и растерянность. На следующий же день, 10 мая 1835 г., губернатор поставил вопрос перед правлением и Саратовской казенной палатой. Передав сообщение от министра, Переверзев постановил провести следующие действия: «...Поставив сие Высочайшее повеление в виду Губернского Правления, предлагаю: немедленно рассмотреть баллотированные списки о избранных Городскими обществами к занятию должностей на текущее трехлетие, и если окажется, что некоторые из них допущены к оным в противность вышеозначенных Высочайше утвержденных 27 мая 1820 года правил; с коих предлагается при сем копия; то тотчас удалить их от должности, заместив оные теми, которые к сему могут быть допущены. О том же, что по сему окажется, меня уведомить»⁷⁴.

Таким образом, от губернатора на сей счет поступило три приказа губернскому правлению: 1) просмотреть все избирательные списки баллотирующихся в городские думы и думы посадов; 2) стараться допускать к выборам лишь православных, а старообрядцев поповщинских и беспоповщинских (лишь тех, кто молиться за царя и признает брак) толков только в случае крайней нужды и после представления списков министру внутренних дел; 3) всех остальных раскольников (беспоповцев, не молящихся за царя и не приемлющих брак, а также тех, кто собственно отношения к старообрядчеству не имел, но по за-

⁷³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 1 – 1 об.

⁷⁴ Там же. Л. 2 об. – 3.

конодательству носил название раскольников – молокан, субботников, духоборов, скопцов и пр.) к занятию государственных должностей не допускать вовсе.

Такое активное начало действий, однако, не получило никакого реального подтверждения, кроме отчета о начатой работе в МВД. И здесь стоит затронуть вопрос об отсутствии взаимодействия между церковной и светской губернской властью по решению подобных вопросов.

В данном случае дело усложняется еще и тем, что весьма благосклонно относящийся к подношениям местного старообрядческого купечества Переверзев не мог стать помощником преосвященному Иакову в деле искоренения раскола. Однако в канцелярии губернатора находилась масса дел, в которых деятельный епископ месяцами не мог получить ответа от губернатора, причем не только от Переверзева, но и от И. М. Бибикова и даже от помощника в деле привлечения Иргиза к единоверию А. П. Степанова. Так, например, епископ пять раз присылал уведомление о запрещенных каменных постройках на Иргизе с просьбой ответить по этому делу. Понадобилось обращение в Правительствующий Сенат, чтобы в Петербурге через МВД нарушить молчание губернатора⁷⁵.

Тем временем поступила первая информация из просмотренных трехгодичных выборных списков. Выяснилось, что занятие старообрядцами чиновничьих должностей приняло настолько массовый характер, что члены Хвалынской городской думы почти сплошь староверы, а в самом Саратове в числе раскольников городской голова Шатов⁷⁶. Такая запущенность дел, по-видимому, настолько обескуражила губернское правление, что вплоть до осени 1835 г. никаких конкретных мер не принималось. Губернатор лишь приказал там, где государственные должности занимают староверы, готовить списки православных купцов и мещан для замены ими раскольников.

Там, где гражданская власть, усматривая в делах религиозную сторону, не торопилась с решениями, церковная же власть, в лице епископа Иакова, оказалась расторопнее. По донесениям благочинных настоятелей был составлен список раскольников, занимающих чиновничьи должности, и 26 августа 1835 г. препровожден на имя губернатора Переверзева со следующим примером их противоправной деятельности:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

По поступившему ко мне от благочинного Аткарской округи Баландинского городка священника Ивана Помилотова донесению, что в селе Альшанке Мирской староста крестьянин Прокопий Парамонов, содержащий раскольническую Поморскую секту и имеющий в доме

⁷⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136.

⁷⁶ Там же. Д. 147. Л. 23.

своем часовню, по неуважению к Православной Церкви нашей, нарочито делая Мирские сходки во время Божественной службы, а особенно в воскресные и праздничные дни, отвлекает через то прихожан от бытия в Церкви...

...Между тем по собранным Консistorией сведениям видно, что и в городе Саратове в довольном количестве раскольники из купеческого и мещанского звания занимают разные по обществу должности.

Посему препровождаю при сем тем лицам именной реестр, составленный Градским Благочинным... покорнейше прошу Ваше Превосходительство переменить их, людьми, содержащими православное вероисповедание о последующем почтить меня уведомлением.

С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею быть.

Вашего Превосходительства Милостивого Государя

Покорнейший слуга Иаков Епископ Саратовский»⁷⁷.

«Список начальникам из купеческого и мещанского звания, держащихся раскольнической Поповской секты в городе Саратове.

1-й Саратовский градской голова, купец Петр Никитин Шатов

Заседатели от купечества в Саратовской Палате Гражданского

Суда.

2-й Иван Афанасьев Уфимцев

3-й Василий Федоров Кривоносов

Члены Саратовской Градской Думы.

4-й Василий Петров Верзоулов

5-й Федор Степанов Градков

6-й Тихон Васильев Кутин

7-й Матвей Петров Кокурошкинов

Заседатели в Совестном суде.

8-й Максим Петров Верзоулов

9-й Ротман Саратовского городского Магистрата Иван Петров Буркин

Подлинное подписал: Алексей Попов»⁷⁸.

Здесь уместным будет обратиться к вопросу о влиянии, которое имели старообрядцы на экономическую и социальную жизнь Саратовского Поволжья. Далеко не полный, как потом выяснится, список староверов, занимающих чиновничьи места по Саратову, – наглядный пример распространения раскола в крае. Торговая жизнь края также во многом протекала сообразно деятельности старообрядческого купечества. Так, в Вольске, втором по значению городе края, первым городским головою был представитель известной старообрядческой купеческой фа-

⁷⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 5 – 5 об.

⁷⁸ Там же. Л. 6.

мии Иван Вавилович Расторгуев, а в 1780 г. едва ли не единогласно был избран также, по всей видимости, старовер Василий Алексеевич Злобин – миллионер, известнейший винный монополист, откупщик и меценат. Тесная связь саратовского старообрядческого купечества со всероссийским центром раскола в Москве на Рогожском кладбище привела, задолго до организации специальной торговой агентуры, к появлению таковой в лице раскольничьих общин хлебородного края⁷⁹. Рогожцы, осуществляя контроль торговой деятельности своих единоверцев по всей стране, устанавливали цены на центральных ярмарках на хлеб с помощью общин Самарского, Саратовского, Пензенского краев, на скот с помощью общин степных губерний и т. д. Что же касается влияния раскольничьего капитала на экономику Саратовской губернии, то, например, Верхне-Успенскому Иргизскому монастырю принадлежало более восьми тысяч десятин удобной для хлебопашества, исключительно плодородной земли, с которой хлеб шел в основном на местный губернский рынок⁸⁰. Подобным образом обстояло дело и с рыбной ловлей. Верхне-Спасопреображенский Иргизский монастырь имел весьма обширные ловли на озере Калач, что по официальному донесению, заниженному, по меньшей мере, вдвое, приносило ежегодно 400 рублей дохода⁸¹. Так что нет ничего удивительного в том, что управление многих городов края, особенно в близких к Иргизу, находилось практически в руках старообрядцев.

Представленный выше список епископа Иакова был не последним. Вслед за данными, собранными по Саратову, расторопное церковное начальство собрало подобную информацию по всей губернии и преподнесло ее в декабре на имя губернатора, сопроводив следующим объяснением:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

В дополнение препровожденного к Вашему Превосходительству при отношении моем от 26-го числа минувшего августа за № 5076-м списка о раскольниках, занимающих в городе Саратове общественные должности по выборам, коих, просил я Ваше Превосходительство, как вредных для православной Церкви, удалить от тех должностей и заменить людьми православного вероисповедания, присовокупляя к сему таковой же список, составленный из поступивших ко мне донесений от Протоиереев городов – Волгска Петра Бибикова, Камышина Петра Казаринова и благочинного, священника Дубовского Посада Максима Волкова, – покорнейше прошу Ваше Превосходительство, согласно тому моему отношению, о удалении означенных в сем списке раскольников от должностей ими занимаемых, с помещением на оные людей

⁷⁹ Никольский Н. М. Указ. соч. С. 245.

⁸⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 81.

⁸¹ Там же. Л. 78 об.

православного вероисповедания, учинить начальническое Ваше распоряжение и о последующих для донесения Господину Обер-Прокурору Святейшего Синода, почтить меня уведомлением.

С истинным почтением и таковою же преданностью имею честь быть Покорнейший слуга Иаков Епископ Саратовский»⁸².

«Список, составленный из донесений Протоиереев городов: Волгска Петра Бибикова, Камышина Петра Казаринова и благочинного Дубовского Посада священника Максима Волкова.

Раскольникам, занимающих разные должности по выборам.

В городе Волгске

По Магистрату:

Бургомистры из купцов – Сергей Мельников Поповщинской
Лука Разумов секты

Ротмистры из купцов – Николай Новиков
Андрей Волковоинов
Степан Симаков
Ерофей Золуев

В Думе:

Голова – купец Гавриил Расторгуев

Авдей Калганов

Степан Мунин

Иван Жизякин – поморец

Староста – Павел Стрелков – поповщинской секты

В городе Камышине

По Магистрату:

Бургомистр, купец Тимофей Лазарев – поморец

В Думе:

Гласный Никита Герасимов

В Посаде Дубовке

По Ратуше:

Ротманы из купцов – Василий Рышников
Макар Макаров

Подлинное подписал: Алексей Попов»⁸³.

К этому времени с 5 декабря 1835 г. губернаторскую должность занял Александр Петрович Степанов. Бывший адъютант самого Суворова, писатель и краевед Енисейского края, где был губернатором с 1822 г., Степанов, видимо памятуя наставления прославленного полководца, активно взялся за дело искоренения раскола⁸⁴. Вообще же весь год с не-

⁸² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.

⁸³ Там же. Л. 12 – 12 об.

⁸⁴ Семенов В. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 104–105.

большим его губернаторства для саратовского старообрядчества наиболее разгромным. В марте 1837 г. Степанов с помощью двух артиллерийских батальонов из Вольска и Хвалынского, двух вооруженных рот саратовского гарнизона и пожарных команд с брандспойтами практически разгромил Никольский Иргизский монастырь, один из богатейших и влиятельнейших в раскольничьей общине Иргиза⁸⁵.

Так, наконец, преосвященный Иаков нашел в лице гражданского начальства столь необходимую помощь и поддержку. И тут же дело о правилах 1820 г. получило дальнейшее развитие и, в общем-то, развязку. 24 декабря новый губернатор представляет оба списка епископа Иакова на рассмотрение губернского правления, чего, по всей видимости, не было сделано ранее с информацией по Саратову. Здесь же Степанов в весьма категоричной форме приказывает «учинить надлежащее положение»⁸⁶. Одновременно городским думам по губернии было напомнено о предоставлении списков старообрядцев на чиновничьих должностях.

Еще раньше, 10 сентября 1835 г., епископ Иаков добился первого примера снятия раскольника с должности. Довольно громкое дело о гласном Вольской городской думы Жестянине, старовере поморского толка, не осталось незамеченным Министерством внутренних дел и, как явное нарушение государственных правил, получило быстрое разрешение. Приверженец одного из самых консервативных толков в расколе не допускал свою дочь до брака с православным. На защиту молодых встала вольская общественность, и даже безвольному Переверзеву пришлось принять меры⁸⁷.

Довольно обширная выписка из журнала Саратовского губернского правления вбирает в себя как деятельность губернских властей в деле о правилах 1820 г., так и все бумаги, касаемые дела. Сюда же были внесены наконец-то полученные списки из городов губернии с именами занимающих государственные должности староверов и претендентами на них. Выяснилось, что в Петровске, Сердобске, Аткарске и Царицыне все чиновники православные. В Балашове лишь один старообрядец поповщинского толка, да и тот кандидат в гласные, купец Гуськов. Списки по самому Саратову, Камышину и Вольску совпадали со списками из консистории. В Кузнецке из поповщинских старообрядцев были представители семьи Кошкодаевых – бургомистр Василий и кандидаты в городские головы купец Антон и мещанин Аникий⁸⁸.

⁸⁵ Мордовцев Д. Л. Последние годы Иргизских раскольничьих общин // Дело. 1872. № 1–4. С. 302–303.

⁸⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 15 об.

⁸⁷ Там же. Л. 25.

⁸⁸ Там же. Л. 28 об. – 30.

Практически каждый город, в котором имелись в управлении старообрядцы, оправдывался тем, что православных, которые могут занимать государственными делами, не хватает, так как многим мешает торговая деятельность. Да и само правление после рассмотрения списков признало, «что если изъять из государственных должностей всех раскольников (в том числе и тех, которые добром и благонаравием заслужили похвалу от общества и правительственные награды), то во многих селениях православным придется находиться на должности почти бесменно»⁸⁹. Однако новый губернатор был непреклонен и решение принял, руководствуясь суровой буквой закона, о чем было доложено министру внутренних дел 19 января 1836 г. в следующей форме: «...3 сего января состоялось положение, чтобы на места всех состоящих ныне при должностях по городским выборам раскольников и старообрядцев хоть их числом находилось в большой массе людей, – утвердить православных христиан, состоящих из кандидатов с допущением к должностям по приведении к присяге, а по недостатку кандидатов сделать вновь баллотировку...»⁹⁰

Таким образом, участь раскольников была решена. Однако неутомимый епископ Иаков дознается о трех старообрядцах чиновниках в селе Юловой Мазе и трех в Балакове, причем в последнем в том числе городской голова Павел Шикин, о чем было доложено 4 марта 1836 г. губернскому правлению⁹¹. Наконец 31 мая 1836 г. приходит из Петербурга подтверждение решения вопроса:

«И. Д. С. Г. Г. Саратовскому Губернскому Правлению.

Господин Министр Внутренних дел от 29 прошедшего апреля № 1116 уведомил Г. Гражданского Губернатора, что по доведении до сведения Государя Императора донесения Исправлявшего должность начальника Саратовской Губернии Председателя Палаты уголовного суда касательно сделанного правлением распоряжения, об удалении от общественных должностей по здешней губернии старообрядцев и раскольников, и замещения сих должностей лицами православного исповедания, – Его Величество Высочайше повелеть соизволил изъясненное распоряжение Губернского начальства, как основанное на законах, оставить в силе...»⁹²

Так завершилась борьба церковного и гражданского начальства с занимаемыми чиновничьи должности старообрядцами. Многие здесь зависело от тех, кто проводил борьбу. Так, если не гнушавшийся подношений иргизской братии Ф. Л. Переверзев тянул дело восемь меся-

⁸⁹ ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 31.

⁹⁰ Там же. Л. 32 об.

⁹¹ Там же. Л. 34 – 35 об.

⁹² Там же. Л. 44.

цев, то А. П. Степанов по-военному завершил его за месяц. По-разному эта борьба отразилась и на участниках. Переверзев, не успевший ничем испортить отношений ни с непосредственным начальством, ни с влиятельными старообрядческими общинами, направился на повышение в Киев. Степанову же наоборот была вменена в вину излишняя ретивость, что, в совокупности с его явным расположением к декабристам, сыграло роль в его отставке⁹³. Для епископа Иакова и созданного им Общества благочестивых по борьбе с расколом дело о правилах 1820 г. было использовано как начало для полного уничтожения старообрядчества на Иргизе⁹⁴. Для самих староверов принятые меры оказались действительно разрушительными. Оказавшийся без поддержки Иргиз уже в 1846 г. окончательно перейдет в единоверие. Вскоре затухнут многие старообрядческие купеческие фамилии Вольска: Расторгуевы, Мельниковы, Волковоиновы. Наконец, старообрядцы попытаются создать еще один центр – в Хвалынске, однако без вспоможения именитых староверов тот очень быстро исчезнет. Раскол уже никогда, даже после восстановления полной иерархии в лице Боснийского митрополита Амвросия, не сможет закрепиться в Саратовском крае с прежней силой.

⁹³ Семенов В. Указ. соч. С. 104, 106.

⁹⁴ Рассказ очевидца о действиях преосвященного Иакова по обращению раскольников Саратовской губернии с 1832 по 1839 г. Спб., 1862.

**ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 1906 г.:
ПАРТИЙНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ДЕПУТАТОВ
ОТ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В отличие от многих европейских стран, где парламентские традиции складывались веками, в России первое представительное учреждение парламентского типа было создано лишь в 1906 г. Оно получило название Государственная дума. Ее статус и место в системе высших государственных учреждений были определены рядом законодательных актов.

Начало революции 1905 г. заставило власти объявить о созыве законосовещательного органа Государственной думы, а Октябрьская всеобщая политическая стачка вынудила Николая II издать Манифест 17 октября, третий пункт которого превращал это учреждение из законосовещательного в законодательный. Дума становилась нижней палатой российского парламента, откуда законопроекты поступали в верхнюю палату – Государственный совет (половина членов которого назначалась царем, а другая выбиралась от дворянских обществ, земских деятелей, высшего духовенства, представителей крупного капитала).

11 декабря 1905 г. был обнародован закон о выборах в Государственную думу. Выборы происходили по куриям, когда выборщики, объединенные по ценовому или социальному признаку (землевладельцы, домовладельцы, рабочие, крестьяне-общинники), выбирали каждый в своей курии. Избирательный закон лишал права участия в выборах женщин, военнослужащих, молодежь до 25 лет, учащихся, рабочих мелких предприятий (с числом рабочих менее 50 человек), ремесленников, поденщиков, безземельных крестьян, кочевые народы (т. е. скотоводов севера и юга страны)⁹⁵. Таким образом, выборы были не пря-

⁹⁵ Однако избирательным правом пользовались не отдельные рабочие, а только коллектив в целом. Каждое предприятие, насчитывающее от 50 до 1000 рабочих мужского пола, выбирало из своей среды одного выборщика, и от каждой следующей полной тысячи шел еще один выборщик. По земледельческой курии один выборщик приходился на 2000 человек, по городской – на 7000, по крестьянской – на 30 000, а по рабочей – на 90 000 избирателей. Кроме того, для первой курии (землевладельцы, имеющие от 100 до 800 десятин) была установлена двухступенная подача голосов (выбранные в губернские выборщики избирали сразу членов думы). Избиратели городской курии на городских съездах выбирали выборщиков на губернские съезды. Для рабочих устанавливалась трехступенная (выбирали уполномоченных, уполномоченные – выборщиков, выборщики – депутатов), а для крестьян-общинников – четырехступенная избирательная система. Крестьяне избирали десятидворников на волостной сход, волостной сход – на уездный съезд, который посылал выборщиков на губернское избирательное собрание. В результате один голос в первой курии приравнивался к трем голосам богатых горожан второй курии, 15 голосам крестьян третьей курии и 45 голосам рабочих крупных предприятий, объединявшихся в четвертой, так называемой «второй городской» курии.

мые, не равные и не всеобщие. Разные слои российского общества были представлены в думе разным количеством депутатов.

Расширяя представительство крестьян по сравнению с рабочими, правительство рассчитывало на монархические настроения крестьян, на веру крестьянина в «царя-батюшку». С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что главный недостаток избирательного закона 11 декабря – «его, если так можно выразиться, крестьянский характер. Тогда было признано, что держава может положиться только на крестьянство, которое по традициям верно самодержавию»⁹⁶.

Все политические силы, в том числе и земские либералы, в той или иной степени боролись за влияние на крестьянство. Весной 1906 г. саратовские земцы провели в губернии статистическое обследование среди крестьян с целью определения их отношения к избирательному закону и выявления предполагаемых изменений от думы. Сбор сведений был осуществлен при помощи рассылки анкет добровольным корреспондентам из числа местного населения.

Из 256 опрошенных 153 положительно оценили избирательный закон и только 37 отрицательно. Из 288 полученных ответов в 115 надеялись на наделение землей, в 75 – на получение земли и воли, в 74 – получение земли, введения равноправия, всеобщего образования и тому подобные меры, и только в двух ответах речь шла об уничтожении существующего строя⁹⁷.

Для проверки правильности выборов и рассмотрения жалоб и предложений создавались (еще в период законосовещательной думы) специальные учреждения – губернские, уездные и городские комиссии по делам о выборах. Их работа ограничивалась сроками проведения этого мероприятия. Губернские комиссии состояли из председателя окружного суда, управляющего казенной палатой, предводителя дворянства, председателя губернской земской управы, городского головы, члена окружного суда, члена губернского присутствия. Уездные комиссии по делам о выборах – из члена окружного суда (предводителя дворянства или городского судьи), председателя уездной земской управы, городского головы, податного инспектора и одного из земских начальников. Председательствовали в них председатели окружных судов, уездные члены окружных судов. Деятельностью избирательных комиссий руководило особое делопроизводство по выборам в думу, созданное в аппарате Министерства внутренних дел. Сведения о лицах, избираемых в депутаты, сообщались из уездов в губернскую комиссию, в полицей-

⁹⁶ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 615–616.

⁹⁷ Воронезцев А. В. Саратовская деревня в годы первой российской революции // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 177–178.

ские органы губернии⁹⁸. Общий надзор за правильным производством выборов возлагался на губернаторов под руководством министра внутренних дел.

Представляет интерес объявление городской избирательной комиссии II участка по выборам в Государственную думу: «Жители II-й части г. Саратова приглашаются к участию в выборах в Государственную Думу. В выборах могут принимать участие следующие лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста.

1. Все квартирнаниматели, занимающие отдельную квартиру на свое имя, хотя бы они не платили никаких налогов, если только они живут не менее года, хотя бы и не на одной и той же квартирах в течение всего года.

2. Все домовладельцы, владеющие не менее года домом, как на своей земле, так и на арендованной.

3. Все лица, выбирающие промысловое, приказчиье или торговое свидетельство, или свидетельства на личные промысловые занятия, независимо от размера уплачиваемого ими сбора.

4. Все служащие, проживающие в городе не менее года и получающие содержание или пенсию.

Необходимые справки, разъяснения можно получать в избирательной комиссии ежедневно. По праздникам от 10 часов утра до 4 часов дня. По будням от 4 часов дня до 8 часов вечера. В помещении 15 мужского городского училища на углу Мало-Царицынской⁹⁹ и Жандармской¹⁰⁰ улиц против 2-й полицейской части.

Срок подачи заявлений о желании принять участие в выборах истекает 1-го февраля 1906 года»¹⁰¹.

Выборы растянулись на три недели (с 26 марта по 20 апреля 1906 г.)¹⁰². Многие партии оспаривали голоса избирателей. Крупнейшими из них являлись РСДРП, партия социалистов-революционеров (эсеры), конституционно-демократическая партия (кадеты), Союз русского народа (СРН). Саратовские большевики, эсеры и Крестьянский союз выборы бойкотировали. Большевики высказались против выборов депутатов, но за участие в избрании уполномоченных и выборщиков. Однако в ходе избирательной кампании они отошли от тактики полубойкота и стали на путь соглашения с кадетами. Ввиду того, что большинство социалистических партий бойкотировало выборы, каде-

⁹⁸ ГАСО. Ф. 93, 354, 543, 544, 1259.

⁹⁹ Ныне ул. Мичурина.

¹⁰⁰ Ныне ул. Хользунова.

¹⁰¹ Объявление городской избирательной комиссии II участка по выборам в Государственную думу. СОМК № 32998.

¹⁰² Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 44.

ров депутатов, но за участие в избрании уполномоченных и выборщиков. Однако в ходе избирательной кампании они отошли от тактики полубойкота и стали на путь соглашения с кадетами. Ввиду того, что большинство социалистических партий бойкотировало выборы, кадеты сумели привлечь на свою сторону множество избирателей, в том числе крестьян, которым они обещали проведение земельных реформ. Партия конституционных демократов (кадеты) – левое крыло либералов, объединявших земских представителей, стоящих на конституционных позициях. В отличие от октябристов кадеты считали Манифест 17 октября началом политической борьбы, которую они намеревались продолжить в думе, с целью установления подлинного парламентского правления в стране.

О предвыборной кампании и результатах выборов пишет в своих мемуарах бывший премьер-министр Временного правительства (в 1912 г. от Саратовской губернии был избран в IV Думу) А. Ф. Керенский: «Политические приготовления к выборам в I Думу начались ранней весной 1906 года. Граф Витте весьма успешно противодействовал попыткам властей вмешаться в ход предвыборной кампании или оказать тайное давление на избирателей. В то время как правые организации и реакционные круги бюрократического аппарата в бессильной ярости боролись против созыва Думы, партии социал-демократов и социалистов-революционеров призывали к бойкоту выборов в Думу и подвергали резким нападкам Витте и либералов, тем самым, играя на руку придворной клике. И я, и мои друзья считали эту политику левых партий абсурдной, даже преступной. К счастью, народ в целом был непоколебим в своей решимости принять участие в выборах. Особенно твердой была вера крестьянства в то, что выборы дадут им возможность рассказать о своих бедах непосредственно царю. И столь же незыблемо верили они в то, что царь поможет им.

В Думу не был избран ни один кандидат от крайне правых и даже умеренных»¹⁰³.

Первая дума была избрана в составе 499 депутатов. Члены думы по партийной принадлежности распределились следующим образом: преобладали кадеты, они получили треть мандатов – 161. Но была сильной и группа крестьянских депутатов, объединившихся в «Трудовую группу» («Трудовики»); она насчитывала 107 человек, а затем уменьшилась до 97, поскольку из нее выделились социал-демократы, образовав свою фракцию из 17 человек. Беспартийных было 109, и 70 человек составляли фракцию автономистов, куда вошли поляки, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, мусульмане, объединившиеся

¹⁰³ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 47–48.

под лозунгом национальной автономии областей, которые они представляли. Партию демократических реформ представляли 14 человек, группу умеренных («Союз 17 октября») – 31¹⁰⁴.

Выборы в первый российский парламент в Саратовской губернии проходили при губернаторе Петре Аркадьевиче Столыпине. Став председателем Совета министров в 1906 г., он неоднократно выступал с думской трибуны по важнейшим вопросам государственной деятельности.

От Саратовской губернии в Государственную думу (всех четырех созывов, до 1917 г.) избиралось 11 депутатов, представлявших разные политические партии. Многие из них были личностями незаурядными и известными не только в Саратовской губернии, но и в России.

В I Государственной думе саратовские депутаты представляли две фракции: 3 кадета (А. А. Токарский, Н. Н. Львов, С. А. Котляревский) и 8 трудовиков (С. В. Аникин, С. И. Бондарев, Я. Е. Дитц, И. В. Жилкин, П. В. Кальянов, М. И. Литвинов, Н. И. Семенов, Г. К. Ульянов).

Депутатом I Думы от Саратова стал Александр Ардалионович Токарский, 54 лет, присяжный поверенный, принадлежавший к числу известных конституционных демократов города. Он получил 75 голосов из 80 выборщиков.

П. А. Столыпин характеризовал его кратко: «Не отличается ни особенным красноречием, ни эрудицией по какой-либо отрасли»¹⁰⁵.

Современник А. А. Токарского, Иван Яковлевич Славин, адвокат, член городской думы, активный общественный деятель города, вспоминал о нем: «По своим познаниям, дарованиям и трудоспособности он не стоял в первых рядах нашей присяжной адвокатуры. Но у него были личные симпатичные черты, располагавшие к нему. Добродушие, незлобивость, мягкость в обращении, полное отрешение от каких-либо интриг и коварных подходов к товарищам – все эти качества и свойства сделали его популярным среди адвокатской молодежи. Практикой он не был богат, капиталов не нажил. А потому не возбуждал товарищеской, профессиональной зависти и ревности. Его политические убеждения были с очень заметным левым уклоном. Когда в конце восьмидесятых годов в Саратове появился вернувшийся из ссылки Н. Г. Чернышевский, Токарский сошелся с ним очень близко. Рассказывают, что на его руках Чернышевский и умер. Он был деятельным членом саратовской кадетской партии. Все это популяризировало Токарского в общественных кругах известной окраски.

В общем А. А. Токарский на горизонте саратовской жизни был фигурой популярной (в известных кругах), но не яркой. Избранный

¹⁰⁴ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). 1-й созыв. М., 1906. С. 24.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 1.

в члены Государственной Думы, он и там не выдвинулся и ничем выдающимся не проявил себя»¹⁰⁶.

А. А. Токарский не раз устраивал у себя вечерние собрания, куда приглашались самые активные политические деятели разных направлений.

В 1917 г. он был выбран в городскую думу и Учредительное собрание от партии «Народной свободы», как именовали себя кадеты. В марте этого же года А. А. Токарский – председатель общественного городского исполнительного комитета, который стал руководящим органом всей губернии¹⁰⁷. Скончался в октябре 1917 г., не дожив до Октябрьской революции.

В думу первого созыва был избран цвет земского либерального конституционного движения. По словам депутата I Думы кадет В. А. Макакова, в первой думе «большинство было серой, для законодательства не подготовленной массой. Зато в ней было блестящее, далеко поднимавшееся над средним уровнем меньшинство»¹⁰⁸.

Николай Николаевич Львов, крупный землевладелец Балашовского уезда, фигура заметная в российской истории: известный земский деятель, один из основателей общероссийской организации «Союза освобождения», родился 5 мая 1865 г. Получил хорошее столичное образование: учился в лицее цесаревича Николая, а затем, в 1891 г., закончил юридический факультет Московского университета с дипломом I степени.

В 1893 г. он избирается Балашовским уездным предводителем дворянства. С этого же года состоял губернским земским гласным, почетным мировым судьей. В 1899 г. – председатель губернской земской управы.

Вскоре начинается его активное участие в политической жизни страны. Он был одним из создателей нелегальной общероссийской либеральной организации «Союз освобождения». Николай Николаевич Львов вошел в состав членов совета этой организации. Учредительный съезд, состоявшийся в январе 1904 г., провозгласил целью «Союза освобождения» установление в стране конституционно-монархического строя с всеобщим избирательным правом.

Н. Н. Львов – один из руководителей «Союза земцев-конституционалистов», принимал активное и деятельное участие в работе земских

¹⁰⁶ Славин И. Я. Минувшее – пережитое: Воспоминания // Саратов (Волга). 1999. № 8. С. 151.

¹⁰⁷ Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 101.

¹⁰⁸ Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998. С. 608.

съездов. На первом съезде, проходившем в Петербурге в ноябре 1904 г., он заявил, что участники его «требуют реформ, предвидя в противном случае неизбежность революции». На втором совещании земских деятелей, состоявшемся в Москве 22–26 апреля 1905 г., обсуждались такие вопросы, как всеобщее избирательное право, структура будущих органов народного представительства, было определено отношение к внутренней политике правительства. Речь Н. Н. Львова, призывавшего к вере в народ и к всеобщему избирательному праву, собравшиеся встретили оглушительными аплодисментами¹⁰⁹.

В октябре 1905 г. один из создателей конституционно-демократической партии, в которой занимал правые позиции. В 1906 г. вошел в состав ЦК.

В 1906 г. Николай Николаевич избирается депутатом от Саратовской губернии в I Государственную думу. Из 150 голосов выборщиков получил 110. П. А. Столыпин, будучи Саратовским губернатором, к характеристике, данной избранному членом I Государственной думы Н. Н. Львову, добавил следующие качества: «Обладает выдающимся ораторским талантом, крупным влиянием в губернии. Пользуется репутацией безукоризненной политической честности. Весьма впечатлителен, честолюбив. Львов будет, несомненно, одним из видных ораторов Государственной Думы»¹¹⁰.

П. А. Столыпин, став премьер-министром, намечал кандидатуру Н. Н. Львова на пост министра земледелия. После приема Николай II писал премьеру: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры... Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов»¹¹¹.

В I Государственной думе произошел разрыв Н. Н. Львова с кадетами: выступил против политической амнистии, требуя предварительного осуждения думой террористических актов левых партий; против частичного принудительного отчуждения частновладельческих земель, полагая, что разорение налаженного помещичьего хозяйства понизит общую культуру в деревне, в качестве альтернативы предлагал расширить и упорядочить переселенческую политику.

В июле 1906 г. один из основателей партии мирного обновления. В 1912 г. среди учредителей партии прогрессистов¹¹².

Он избирался также депутатом в III и IV Государственную думу. Октябрьскую революцию не принял. В гражданскую войну сотрудни-

¹⁰⁹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 161.

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

¹¹¹ Смирнов А. Ф. Указ. соч. С. 276.

¹¹² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 329.

чал в белогвардейской прессе. В ноябре 1920 г. эмигрировал во Францию, где и умер в 1944 г.¹¹³

Саратовское земство выдвинуло депутатом I Государственной думы либерала, представителя кадетской партии Сергея Андреевича Котляревского (1873–1940), 33 лет, дворянина, землевладельца Балашовского уезда. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, доктор всеобщей истории, приват-доцент Московского университета (с 1900 г.). В 1890–1900-х гг. избирается гласным Балашовского уездного и Саратовского губернского земских собраний. Так же как и Н. Н. Львов, являлся одним из создателей «Союза Освобождения», «Союза земцев-конституционалистов», конституционно-демократической партии (член ЦК). Публицист и сотрудник журнала «Полярная звезда». Из 150 голосов получил 111. «По взглядам своим близок к Н. Н. Львову, с которым помимо приятельских отношений, действует солидарно. Не склонен к крайним мерам»¹¹⁴, – сообщал о нем саратовский губернатор председателю Совета министров.

В Государственной думе был противником союза с трудовиками.

Во время Февральской революции был комиссаром Временного правительства по иноверным исповеданиям; в марте вошел в комиссию для выработки закона об Учредительном собрании; в июне – в совет Лиги русской культуры; с июля – товарищ обер-прокурора Синода и товарищ министра вероисповеданий. Октябрьскую революцию не принял. Впоследствии занимался исследованиями в области финансов, местного хозяйства, международных отношений, работал в институте советского права, журнале «Советское право», в Московском университете¹¹⁵.

Остальные восемь депутатов входили в состав Трудовой группы. Среди них были лидеры саратовских эсеров С. В. Аникин и Г. К. Ульянов.

Степан Васильевич Аникин избран от крестьян, получил из 60 голосов 52. Родился в 1869 г. (к моменту избрания депутатом думы – 37 лет), из крестьян Петровского уезда (с. Камаевка). Начальное образование получил в сельской школе, затем окончил Саратовское Александровское ремесленное училище. Был учителем в земских школах Петровского, а затем Саратовского уездов. Примкнул к партии социалистов-революционеров. Среди крестьян пользовался широкой популярностью. С 1903 г. С. В. Аникин трижды привлекался губернским жандармским управлением по политическим делам «О пропаганде и распространении среди населения Саратовского уезда преступных из-

¹¹³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 329.

¹¹⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

¹¹⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 277.

даний», «О Всероссийском крестьянском союзе», «Об обнаружении в с. Сосновке Саратовского уезда типографии партии социалистов-революционеров». С января 1905 г. служил в Саратовской городской управе в отделе народного образования. Во время революции 1905 г. Степан Васильевич Аникин перешел на нелегальное положение. Это не помешало местным крестьянам выбрать его выборщиком в Государственную думу, а на губернском избирательном собрании он заочно был избран депутатом I Думы; из 60 голосов получил 52. О нем П. А. Столыпин сообщал: «По своим политическим взглядам принадлежит к крайне левой партии. Лицо до сего времени неизвестное в губернии и ничем, кроме революционной деятельности, себя не проявивший, но выдвинувшийся среди крестьян во время предвыборной агитации речами о безвозмездной передаче всей земли в руки трудящихся. Отличается своеобразным красноречием и будет, вероятно, в Думе энергичным поборником идеи национализации земли»¹¹⁶.

В Государственной думе С. В. Аникин явился одним из организаторов и лидеров трудовой группы. Его речи находили значительный отклик в крестьянстве и создали ему широкую популярность. Чаще всего он выступал по аграрному вопросу, говорил также по вопросам об амнистии, об отмене смертной казни. Степан Васильевич Аникин отстаивал идею создания постановлением думы местных – волостных, уездных и губернских – комитетов для наделения крестьян землей. Незадолго до роспуска I Государственной думы он был послан трудовой группой в Лондон на социалистическую конференцию Межпарламентского союза. Благодаря этому в момент роспуска думы в Петербурге его не было. Выборгского воззвания он не подписал, к делу о нем привлечен не был и, не потеряв права на вторичное избрание, принял деятельное участие в агитации по поводу выборов во II Государственную думу. Он вновь был избран выборщиком, но Саратовская избирательная комиссия аннулировала его избрание на основании сенатского разъяснения, требовавшего, чтобы по крестьянской курии участвовали в выборах только крестьяне-домохозяева, ведущие свое хозяйство.

В 1906–1909 гг. С. В. Аникин жил в Петербурге и был деятельным членом центрального комитета трудовой группы, активным деятелем Крестьянского союза. В эти годы Степан Васильевич Аникин печатал в столичных журналах рассказы из крестьянской жизни. Был одним из основателей народного книгоиздательства и книжной торговли «Родной мир» в Петербурге, основателем и фактическим редактором журнала «Бодрое слово». В 1908 г. вышла его книга «Мордовские народные сказки». В начале 1909 г. он был арестован по обвинению в участии

¹¹⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 1.

в крестьянском союзе, освобожден под залог, и, опасаясь нового ареста, летом 1909 г. выехал за границу, где проживал до 1916 г. В «Вестнике Европы» были напечатаны два его очерка: «Чего просит деревня» (1909), «За праведной землей» (1910) и рассказ «Стена глухая» (1910). После Февральской революции участник I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (май 1917 г., Петроград), член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, заместитель председателя и заведующий отделом народного образования Саратовской губернской земской управы. В 1918 г. избран в Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов, председатель правления Нижне-Волжского кооперативного союза. Умер в 1919 г.¹¹⁷

Сергей Иванович Бондарев «до сего времени в губернии известен был, выдвинулся весьма крайними социалистическими взглядами которых держится весьма упорно»¹¹⁸, – писал о нем саратовский губернатор. Родился в 1872 г., происходил из крестьян Самарской губернии. Окончил курс в Оренбургском учительском институте и был народным учителем. Затем окончил курс физико-математического факультета Казанского университета. С 1903 г. был преподавателем в Вольской женской гимназии. 20 октября 1905 г., защищая на улице во время беспорядков учениц от погромщиков, был сам жестоко избит. Избран крестьянами Саратовской губернии в I Государственную думу; из 150 голосов получил 80. В думе он был одним из деятельных членов трудовой группы; отстаивал аграрную программу трудовиков. В то же время он был редактором и деятельным сотрудником «Известий крестьянских депутатов». После роспуска Государственной думы он был в Выборге принимал участие в выработке Выборгского воззвания, призывавшего в знак протеста не платить налоги и уклоняться от службы в армии. Подписавшим Выборгское воззвание было предъявлено обвинение в возбуждении неповиновения и противодействия законам. Дело рассматривалось в особом присутствии Петербургской судебной палаты, суд вынес приговор – три месяца тюремного заключения.

В 1907 г. С.-Петербургской судебной палатой приговорен к году крестов. В 1911 г. С. И. Бондарев издал «Сборник арифметических задач для начальных классов. Дальнейшая судьба его не известна.

Яков Егорович Дитц родился в 1864 г. в немецкой колонии в Камышинском уезде Саратовской губернии. После окончания саратовской гимназии получил юридическое образование, уехал в Область войск Донского, где в течение 20 лет занимался адвокатурой.

В октябре 1905 г. Я. Е. Дитц вернулся в родные места, работал адвокатом Саратовского окружного суда в Камышине.

¹¹⁷ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 40–4

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 1.

С января 1906 г. в качестве редактора камышинской «Приволжской газеты» совершал многочисленные поездки из Камышина в Саратов через немецкие колонии, основательно изучил историю и быт поволжских немцев-колонистов, публиковал по этому вопросу статьи в саратовских и столичных газетах.

В конфиденциальном письме МВД саратовского губернатора с пометками П. А. Столыпина на имя председателя Совета министров дана следующая характеристика на него как на депутата в I Государственную думу: «Пользуется влиянием на немцев-колонистов, принадлежит к левым партиям. Дела ведет недостаточно чисто и плотно; по словам знающих его, склонен поддаваться влиянию, главным образом денежному; нравственных качеств не высоких. Из 150 голосов получил 76. До сего времени в губернии известен не был и со стороны общественной деятельности себя не проявлял, кроме издания в самое последнее время маленькой газеты в Камышине»¹¹⁹.

В думе Яков Егорович Дитц присоединился к трудовикам, был членом президиума, членом нескольких комиссий.

После роспуска I Государственной думы в июле 1907 г. Я. Е. Дитц был в числе тех, кто подписал Выборгское воззвание. После роспуска думы и подписания Выборгского воззвания Я. Е. Дитц возвратился домой. 15 августа 1907 г. к Дитцу пришла полиция, но арестовать его не удалось. Набат церковью собрал около его дома народ. Яков Егорович Дитц обратился к собравшимся с речью о том, что люди собрались не столько ради защиты одного конкретного человека, а ради защиты идеи народного представительства. Арест мог вызвать большое общественное возмущение, и прокурор снял обвинение с Дитца.

Новое заседание Петербургской судебной палаты вынесло новый приговор – тюремное заключение на три месяца. Долгие судебные тяжбы закончились письмом Я. Е. Дитца прокурору Саратовского окружного суда от 13 мая 1909 г. с прошением о заключении его на три месяца с применением одиночного режима¹²⁰.

После выхода из тюрьмы он поселился на Волге, на окраине русского села Даниловка, недалеко от колонии Мюллер, где он приступил к написанию истории поволжских немцев-колонистов. Над рукописью он работал вплоть до своей смерти в августе 1917 г. «История поволжских немцев-колонистов» была опубликована спустя много лет – в 2000 г.

Одним из лидеров трудовой группы являлся депутат Иван Васильевич Жилкин (1874–1958), 32 лет. Родился в 1874 г. в г. Вольске. Окончил городское училище. Служил писарем в Вольской мещанской управе, затем посвятил себя журналистике. Был корреспондентом различных га-

¹¹⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

¹²⁰ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 6.

зет: «Саратовского дневника», «С.-Петербургских ведомостей», «Наша жизнь», журнала «Неделя». По вероисповеданию старообрядец. Автор известной книги «Старообрядцы на Волге»¹²¹. «По своим политическим взглядам принадлежит к крайне левой партии. До избрания в члены Государственной думы был лицом, совершенно неизвестным в губернии и ничем себя не заявил на общественном поприще. По отзывам лиц его знающих, не отличается непоколебимо не подвластностью взглядов и способен эволюционировать»¹²², – сообщалось в письме МВД саратовского губернатора председателю Совета министров. Из 150 голосов выборщиков получил 83. В I Государственной думе выступал по аграрному вопросу, по вопросам об амнистии, о смертной казни, о депутатской неприкосновенности. Во фракции занимал умеренные позиции, высказываясь за мирную, законодательную работу в думе. Подписал Выборгское воззвание; отбыл трехмесячное заключение в тюрьме. После роспуска Государственной думы устранился от всякой политической деятельности. В 1909 г. Иван Васильевич Жилкин – член редакции «Вестник Европы», вел рубрику «Провинциальное обозрение», работал также в «Русском слове». С 1918 г. председатель московского клуба писателей, товарищ председателя и член правления Союза писателей. В 1920-е гг. работал в различных культурно-просветительных учреждениях. С 1925 г. под псевдонимом Иван Вершинин печатал очерки и статьи в газете «Известия ВЦИК», в журналах «Красная Нива», «Прожектор». Автор книг для детей. Член союза писателей с 1934 г.¹²³

Максим Иванович Литвинов, 34 лет (родился в 1872 г.), из крестьян Аткарского уезда. Окончил двухклассную земскую школу и поступил в Вольскую учительскую семинарию, но в 1891 г. был уволен с последнего курса. В 1896 г. поступил на службу в Управление Рязанско-Уральской железной дороги. Деятельный член общества приказчиков¹²⁴. Принадлежал к левым партиям. Из 150 голосов получил 89. П. А. Столыпин довольно интересно его характеризовал: «По-видимому, весьма благоумного характера и в Думе мог бы долго служить примирительным звеном между крестьянами крайнего и умеренного направления»¹²⁵.

Павел Васильевич Кальянов, 37 лет (родился в 1869 г.), из крестьян Камышинского уезда. Член «Крестьянского союза». «Народный учитель, с низшим образованием. Принадлежит к крайним партиям, мало развит и, по словам знающих его, не представляет собой ни нравствен-

¹²¹ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). 1-й созыв. М.: 1906. С. 309.

¹²² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 1.

¹²³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 208

¹²⁴ Члены Государственной Думы. (портреты и биографии). 1-й созыв. С. 312.

¹²⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

ной, ни умственной силы. В губернии совершенно неизвестен. Из 150 голосов получил 91»¹²⁶.

Николай Иванович Семенов, 45 лет, сын народного учителя. По окончании Саратовской гимназии поступил в технологический институт, затем перешел на юридический факультет С.-Петербургского университета, откуда был исключен. В 1892 г. сдал экстерном экзамен в Казанском университете. Присяжный поверенный Саратовской окружной судебной палаты¹²⁷. «Принимал участие в деятельности разных благотворительных обществ. По словам знающих его, человек прямой и честный. Из 144 голосов получил 74»¹²⁸. Деятельность его как члена I Государственной думы пока не известна. Во время Февральской революции 1917 г. Николай Иванович Семенов был избран комиссаром Саратовской губернии¹²⁹. Дальнейшая судьба его не известна.

Григорий Карпович Ульянов (1864–1943). «Из крестьян Кузнецкого уезда. Образование получил в Вольской учительской семинарии, по окончании которой был земским учителем. В последнее время служил в Саратовской губернской земской управе. В 1902 году привлекался к дознанию об уличной демонстрации 5 мая в Саратове. По агентурным сведениям считается членом партии социалистов-революционеров, одним из организаторов боевой дружины. В мае 1905 года в Саратове на съезде учителей призывал к пропаганде в деревне, к необходимости применения аграрного террора и подготовке крестьян к вооруженному восстанию. 30 сентября 1905 года арестован на сходке комитета революционеров, но выпущен; считается одним из видных революционных деятелей, есть указания на причастность его к покушению на жизнь бывшего Вице-губернатора Кноля. В декабре 1905 года был арестован, а затем выслан административным порядком в Тобольскую губернию. Ныне Министром внутренних дел сделано распоряжение об освобождении Ульянова от высылки. Из 150 голосов получил 86. По отзывам лиц, его знающих, человек недалекий и неразвитый»¹³⁰, – сообщало о нем Министерство внутренних дел Саратовской губернии 19 апреля 1906 г. председателю Совета министров в С.-Петербурге. В I Государственной думе был одним из деятельных членов Трудовой группы. В своих выступлениях отмечал беспочвенность надежд на возможность мирной законодательной работы, выдвигал в качестве первоочередной задачи борьбу за народовластие, призывал к использованию думы как одного из путей организации народных масс для активного революци-

¹²⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

¹²⁷ Члены Государственной Думы. (портреты и биографии). 1-й созыв. С. 314.

¹²⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

¹²⁹ Саратовский листок. 1917. 5 марта.

¹³⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2161. Л. 2.

онного выступления в необходимый момент. После роспуска думы был в Выборге и подписал Выборгское воззвание. В 1907 г. эмигрировал в Италию, с ноября 1908 г. – в Париже и Женеве. В годы эмиграции работал в организациях левых эсеров-интернационалистов. Печатался под псевдонимом Иван Деревенский. В своих статьях Г. К. Ульянов призывал к активной революционной борьбе с самодержавием, за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего равного избирательного права. Выступал с острой критикой правительства и деятельности I Государственной думы. После Февральской революции вернулся в Россию (в апреле 1917 г.). Выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров (от Москвы). После Октябрьской революции Г. К. Ульянов работал на государственной службе, в том числе в Наркомпросе¹³¹.

Таким образом, Саратовскую губернию в I Государственной думе представляли 11 депутатов. По партийной принадлежности они делились на две фракции: 3 кадет и 8 трудовиков. Как видно из характеристики депутатов, в их числе были незаурядные личности, ставшие известными деятелями в губернии. По возрастным группам депутаты распределялись следующим образом: до 40 лет – шесть человек, до 45 лет – четыре и старше 50 лет – один. Из них высшее образование имели четыре человека.

На заключительном этапе выборов в Саратовской губернии из 114 выборщиков 64 были от крестьян, 51 от землевладельцев и 35 от горожан. Большинство голосов принадлежало левым и левоцентристским партиям, вошедшим в Трудовую группу. Возможно, это объясняло тем, что губерния была аграрной (по данным переписи 1897 г., сельское население губернии составляло 87,2 %, городское – лишь 12,8 %)¹³² острота социальных противоречий была очень высокой. Основной вопрос революции 1905 г. – это вопрос о земле: с наибольшей силой выступления крестьян происходили в тех уездах губернии, где крестьяне имели наименьший надел и наибольшие кабальные отношения и где было наиболее крупное помещичье землевладение. Аграрный вопрос был центральным и в деятельности Государственной думы Российской империи.

Введение законодательной выборной думы стало важнейшим событием истории России и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции. Работа I Государственной думы, просуществовавшей всего 72 дня, была самой короткой в истории работы нижней палаты российского парламента. И все же в этот пери

¹³¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 64

¹³² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Ст. 1904. Т. 38.

было положено начало формированию традиций думской деятельности, организации аппарата, установлению порядка делопроизводства, норм депутатской этики, разрабатывался регламент, именуемый «наказом».

ПРАЗДНИКИ ДРЕВОНАСАЖДЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ САРАТОВЕ

Зеленые парки и скверы – это не только прекрасный внешний вид города, это и спасение от шума транспорта, и защита от пыли и вредных для человека солнечных излучений. В парках мы можем отдохнуть, полюбоваться красотой природы, ее первозданной чистотой. Здесь человек успокаивается, его нервная система расслабляется. Учеными доказано, что зеленый цвет – цвет жизни – благотворно влияет на человека, делая его более спокойным, приятным в общении, менее агрессивным. Вот почему столь важны зеленые насаждения.

Как часто в знойный летний день мы ищем спасения от жары под гостеприимной сенью деревьев, но лишь немногие из нас задумываются над тем, откуда и каким образом появились прекрасные парки и скверы Саратова. И дело не в том, что люди не хотят знать об этом, просто материалов на эту тему явно не достаточно. В существующих работах по истории зеленого ландшафта упор делается на мероприятия по озеленению города в середине – второй половине XX в., но история создания зеленых насаждений Саратова уходит своими корнями в глубь веков.

«Город Саратов, имея в гербе трех стерлядей, расположен в пустынной, бесплодной местности. Он окружен песчаными холмами, поросшими кустарником»¹³³, – именно так охарактеризовал город пленный французской армии польский врач С. Б. Пешке в 1813 г. И это отнюдь не единичное высказывание, такое же описание встречается в мемуарах подполковника, барона К. Х. Л. Шенка фон Винтерштедта¹³⁴.

Подобное мнение разделяли и местные жители, и администрация города, и приезжие в более позднее время. Саратов в этом отношении находился в бедственном положении: в лучшем случае – крохотные бульвары с чахлыми деревцами и всюду пыль.

В чем же причина отсутствия зеленых насаждений в городе? Длительное время этому вопросу не придавали особого значения. Позже различные проекты, предложения проходили через городскую думу, где немалое значение имело мнение купечества, но гласные думы и этого сословия считали, что больше места следовало отводить под тог

¹³³ *Peszke S. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812. Warszawa, 1913. S. 48.*

¹³⁴ *Schenk C. Ch. L. Mittheilungen aus der Leben des französischen Oberslieutenant. Enthältend die Geschichte seiner Gefangennahme in der Schlacht bey Borodino in Russland am 7-ten September 1812, seines Transports an die Grenze von Asien, sowie seines Aufenthalts und seiner Behandlung als Kriegsgefangener daselbst in den Jahren 1813 und 1814. Celle, 1829. S. 82–83.*

говые помещения¹³⁵. Купцы подчас отстаивали свои интересы в ущерб мнению других сословий. Они настаивали на развитии Саратова исключительно как торгового центра. Именно поэтому многие перспективные проекты либо не были реализованы, либо претворены в жизнь гораздо позже намеченного срока.

Но это не значит, что позиция купечества разделялась другими жителями города. Представители интеллигенции, дворянства, чиновничьего аппарата придерживались иного мнения и прилагали определенные усилия для превращения Саратова в культурный центр. Непременным атрибутом центра культуры считались бульвары, скверы и общественные сады. Однако во второй половине XIX в. подобные заведения существовали лишь в частной собственности.

Самым известным был сад, принадлежавший саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву. Вот что писал о нем в своих воспоминаниях барон К. Х. Л. Шенк еще в 1813 г.: «Я обнаружил здесь только один сад... принадлежащий губернатору и лишь несколько лет назад разбитый на английский манер, тем не менее нуждающийся в улучшениях»¹³⁶. Однако в качестве усадьбы губернатора сад просуществовал до 1834 г., до смерти своего хозяина. После этого события вся территория дачи была разделена на небольшие участки земли и частично продана, а частично сдана в аренду¹³⁷. Эти меры были предприняты местной администрацией для получения наибольшей выгоды¹³⁸.

Сад перестал существовать как единое целое, однако не стал менее известным. Одни части сада долгое время оставались в тени, другие были известны всем жителям города. Таким примером могут служить «Вакуровский парк» и «Парусиновая роща».

Первый из них принадлежал купцу Д. М. Вакурову и располагался на участке, примыкавшем к улице Царицынской (ныне им. Н. Г. Чернышевского), а второй находился в центральной части сада и принадлежал купцу Парусинову¹³⁹. Эти состоятельные меценаты смогли превратить свои участки в места культурного отдыха. Здесь было все самое необходимое: ресторан, летний театр и, конечно, благодатная сень деревьев¹⁴⁰. Около 70 видов древесной растительности украшало сад¹⁴¹.

¹³⁵ Лузина Е. С. По паркам и скверам Саратова. Саратов, 1987. С. 7.

¹³⁶ Schenk C. Ch. L. Op. cit. S. 82–83.

¹³⁷ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 45.

¹³⁸ Сокольская О. Б. Зеленое зодчество Саратовской области. Саратов, 1993. С. 54–56.

¹³⁹ Энциклопедия... С. 45.

¹⁴⁰ Лузина Е. С. Парк культуры и отдыха в Саратове. Саратов, 1983. С. 6.

¹⁴¹ Там же. С. 18.

Лишь в 1934 г., при Советской власти, после принятия решения о строительстве парков культуры и отдыха в столицах союзных республик и крупных городах, этот сад начал свое превращение в ГПК им. А. М. Горького (ныне МУП ГПК). 27 мая 1935 г. парк отметил свой первый день рождения, а 17 августа 1935 г. – открытие¹⁴².

Похожая судьба сложилась у сада Сервье. Попавший сначала в руки к богачу Шехтелю, а затем к удачливому парикмахеру Э. Ф. Сервье сад вскоре стал очень популярен среди горожан. Здесь довольно часто проводились различные гуляния¹⁴³, но саду уделялось недостаточно внимания. Порой вместо организации новых садов и парков городская дума была вынуждена выделять средства на починку оград, проведение водопровода или разбивку новых цветников, так как старые были ужасны¹⁴⁴. Таким образом, зародившийся в 1859 г. и ставший в непродолжительное время наиболее популярным среди саратовцев в наше время сад Сервье превратился в скромный сквер у Академического театра драмы¹⁴⁵.

Однако не все появившиеся в XIX в. сады и скверы сохранились до наших дней. Многие из них, например сад Вердье¹⁴⁶, неизвестны нашим современникам. Один из самых популярных в конце XIX в. экономических садов (сад, сочетающий в себе унитарную и культурную функции) он представлял собой участок размером в 65 га и находился в пяти верстах от города. Сад орошался горными родниками, находившимися поблизости, и был засажен тузовыми деревьями. В 1848 г. плантацию заложили, и хотя в течение последующих 20 лет предпринимались попытки превращения его в общественный сад, они не увенчались успехом.

Но все это примеры частной инициативы, а что предлагала жителям администрация города? Одним из первых общедоступных садов стал Александровский (позже Городской) бульвар, который потом превратился в городской парк «Липки». Именно о нем очень резко отзывается в своих воспоминаниях дочь саратовского губернатора П. А. Столыпина – Мария фон Бок: «А сам Саратов. Боже, как он мне не понравился! ...все наводило на меня здесь уныние и тоску: улицы, проведенные будто по линейке, маленькие скучные домики по их сторонам, полное отсутствие зелени, кроме нескольких чахлах липок вокруг собора (Св. Александра Невского. – К. Т.)»¹⁴⁷.

¹⁴² Сокольская О. Б. Указ. соч. С. 54–56.

¹⁴³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1866. Л. 6.

¹⁴⁴ Там же. Л. 10.

¹⁴⁵ Лузина Е. С. По паркам... С. 62–63.

¹⁴⁶ Там же. С. 5.

¹⁴⁷ Бок М. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 74.

На самом деле сад стал таким не сразу. Заложенный, по разным источникам, в 1824 или 1825 г.¹⁴⁸ сад пользовался популярностью у губернаторов. Основателем сада стал уже упомянутый А. Д. Панчулидзе. Именно он способствовал первым посадкам, а каждый последующий губернатор считал своим долгом обновлять сад и следить за его состоянием¹⁴⁹. Однако порой сад до того запускали, что он вызывал очень резкие высказывания в свой адрес: «Нет гротов, беседок, тенистых уголков, придающих саду красоту и изящество, в саду нет фантазии, нет узора, в саду мало эстетики»¹⁵⁰. Или: «Бедность на цветы поразила бы всякого, кто бывал не только в Варшаве, Киеве, но в Самаре и даже в... Аткарске»¹⁵¹. Тем не менее, несмотря на все трудности, сад выжил и остается местом отдыха для саратовцев, маня их раскидистыми ветвями старых лип, которым он обязан своим названием¹⁵², хотя здесь растет еще множество других растений.

Многие уверены, что в Саратове всегда существовали только одни «Липки». Однако в «Известиях Саратовской городской думы», кратком отчете санитарного врача И. Н. Матвеева и отчетах Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания (далее – СОЕ) встречается название еще одних «Липок» – «Собачьих» или «Малых». Что это? Ошибка? Если нет, то где они были расположены? И чем обусловлено такое своеобразное название?

Судя по отчету Матвеева, выходило, что сад находился где-то слева от 2-го мужского училища (ныне музей К. А. Федина) на улице Б. Сергиевской (ныне им. Н. Г. Чернышевского). Хотя, пожалуй, сад – слишком громкое название. Это была одна аллея с низкими скамьями в зарослях сирени, акации, вязов и лип. Своим названием сад обязан тому, что, в отличие от городского сада «Липки», здесь не было никаких ограничений и правил для посетителей. В частности, здесь можно было выгуливать собак. Именно поэтому первоначальное название «Малые» было переименовано народом в «Собачьи»¹⁵³.

История «Малых Липок» печальна: сначала частично, а затем и полностью территория сада была передана СОЕ. Здесь построили здание общества, а затем предполагали разбить ботанический сад, но дело остановилось на перекапывании земли за ограждениями. В 1960-е гг. здесь был построен пятиэтажный дом (ныне ул. Н. Г. Чернышевского,

¹⁴⁸ Энциклопедия... С. 46–47; Лузина Е. С. По паркам... С. 46–49.

¹⁴⁹ Энциклопедия... С. 46–47.

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3031. Л. 28.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Энциклопедия... С. 46.

¹⁵³ Там же. С. 47.

152), и сейчас в нем находится Саратовский отдел государственной НИОРХа, Волжское отделение Экономбанка и жилые квартиры¹⁵⁴.

Следует отметить, что в скверах и на улицах сажали строго определенные породы деревьев: конский каштан, ясень, липы, вяз, пирамидальные тополя, клены и т. д., а из кустарников – спирею, бирючину, жимолость¹⁵⁵.

Для посадки не рекомендовались ярко цветущие и сильно пахнущие растения, причем высаживаемые на улицах деревья были приняты огораживать, а огороженное пространство засеивать газоном¹⁵⁶. Кроме того, места посадки также были строго регламентированы, в частности засаживались обочины дорог. На улицах шириной 12 саженей ширины посадок составляла 1 1/2 – 2 1/2 сажени, при наличии трамвайной линии или на улицах шириной 10 саженей ширина газона равнялась 1 саженю.

Деревья сажались в один ряд и, как было сказано выше, обносились деревянной, реже железной оградой¹⁵⁷. Кроме того, вносились предложения о том, чтобы сажать на каждой улице одну конкретную породу деревьев¹⁵⁸, так как «такое однообразие должно придать улицам прекрасный внешний вид»¹⁵⁹. При этом первоначально предполагалось высадить деревья сразу на всех улицах города, но затем было принято решение озеленить лишь некоторые из них в качестве эксперимента (ул. Астраханская, Б. Садовая, Никольская, Зеленая и др.)¹⁶⁰. Ставил также вопрос и о высадке деревьев посередине улицы, чтобы освободить домовладельцев от предполагаемой платы¹⁶¹.

Однако, несмотря на все предпринятые меры, зелени в городе было мало. Так, М. Горький, посетивший Саратов в 1903 г., писал о нем: «Есть самый пыльный и грязный из всех волжских городов»¹⁶². Понятно, что такая ситуация никого не устраивала, и именно это послужило поводом к созданию городской садовой комиссии¹⁶³. На ее заседаниях обсуждались остро стоявшие проблемы озеленения города, однако комиссия требовалась поддержка думы, которую она очень часто не получала. Дума принимала сам проект (отнюдь не большинством голосов), а решение о его финансировании откладывалось на неопределенный срок¹⁶⁴.

¹⁵⁴ Энциклопедия... С.47.

¹⁵⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3032. Л. 2 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 2 об., 11.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. Д. 1866. Л. 15 об.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. Д. 3032. Л. 2.

¹⁶¹ Там же. Л. 2 об.

¹⁶² Лузина Е. С. По паркам... С. 7.

¹⁶³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1866, 2172.

¹⁶⁴ Там же. Д. 2172.

Таким образом, усилия многих людей наталкивались на нераспорочность или нежелание думы, а проблема зеленых насаждений решалась неспешными темпами. Более того, хотя в думе принимались решения об организации новых парков и скверов, но о судьбе прежних насаждений уже забывали. Острота проблемы хорошо видна из приводимых ниже таблиц.

Таблица 1

Динамика развития города и зеленых насаждений¹⁶⁵

Годы	1889	1899	1902	1904	1907
Общая площадь, кв. саж.					
Городские улицы и площади	960 000	960 000	960 000	960 000	960 000
Городские сады, скверы и питомники	27 400	33 900	34 900	34 900	43 000

Таблица 2

Общая площадь зеленых насаждений¹⁶⁶

Зеленые насаждения	Общее количество	Занято	Общая площадь, протяженность
Городские площади	14	2 под садами, 2 под посадками	18,3 дес.
Городские общественные сады	9		49 700 кв. саж.
Улицы, обсаженные деревьями	2		950 000 саж. (значатся в числе общественных садов)

Следует отметить, что одним из способов увеличения зеленых насаждений в городе стали школьные праздники древонасаждения, которые принято относить к традициям 1920–30-х гг. На самом же деле они восходили к самому концу XIX в. До своего появления в России этот праздник уже существовал в США около 15 лет. На территории Российской империи он впервые состоялся в Черниговской губернии. В отчете о ее состоянии за 1899 г. местный губернатор сообщал, что в городе «были устроены для учеников весенние праздники древонасаждения и что дети с удовольствием насаждают деревья, а затем с любовью ухаживают за своими посадками...»¹⁶⁷ В связи с этим начинанием император

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2854. Л. 81 об – 82.

¹⁶⁶ Там же. Л. 39.

¹⁶⁷ Рейнман А. Л. Праздник древонасаждения // Памятники истории и культуры: Сб. ст. СПб., 1997. С. 233.

наложил резолюцию: «Желательно, чтобы этот добрый почин прочно у нас привился»¹⁶⁸.

Содержание резолюции было доведено до сведения губернаторов. Узнав об этом, саратовский губернатор А. П. Энгельгардт стал инициатором подобного праздника в губернии. 27 февраля 1902 г. он провёл у себя дома заседание с участием представителей местного самоуправления, народного просвещения и т. д., на котором было принято решение о создании комиссии, состоящей из членов городского управления, представителей учебного ведомства и городской управы под председательством городского головы. Здесь же были решены вопросы отведения земель для посадок и проблема посадочного материала. В результате обсуждения члены заседания пришли к выводу, что земли будут отведены городским управлением из площади городской земли, а семена выделены городским питомником и из казенных лесничеств бесплатно¹⁶⁹. Предпочтение отдавалось быстрорастущим растениям¹⁷⁰.

Посадки было решено проводить в первых числах апреля, «когда почва наиболее влажна»¹⁷¹. Предполагалось участие мужских учебных заведений, таких как 1-я и 2-я гимназии, реальное техническое и коммерческое училища, народная школа и т. д.¹⁷². Городской голова совместно с директорами этих учебных заведений должны были составить план праздника¹⁷³. Для этого по школам были разосланы наставления, в которых объяснялись причины праздника, польза зеленых насаждений, необходимость участия в нем детей. «Цель этих праздников двояка: непосредственная – насаждение деревьев... и посредственная – приучение населения с детского возраста к посадке деревьев. Внушение любви к растению и уважению к своему и чужому труду»¹⁷⁴. Кроме того, по городу были распространены обращения к населению с просьбой оказывать помощь школам, а последним предлагалось дважды в год (весной и осенью) устраивать праздники древонасаждения¹⁷⁵. Члены комиссии, организующие праздник, приняли решение о его проведении уже весной 1902 г.¹⁷⁶.

Праздник прошел с широким размахом под руководством городского головы. В нем участвовали 5000 человек. Посадки проводились на склоне за городским кладбищем на участке в 1 1/4 десятины. Все

¹⁶⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368. Л. 7.

¹⁶⁹ Рейнман А. Л. Указ. соч. С. 233.

¹⁷⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368. Л. 7.

¹⁷¹ Там же. Л. 5а.

¹⁷² Там же. Л. 1–3.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Рейнман А. Л. Указ. соч. С. 233.

¹⁷⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368. Л. 5 а.

¹⁷⁶ Там же.

было посажено 1300 саженцев, но многие из них впоследствии погибли из-за того, что посадки находились далеко от города, и дети не могли часто посещать их, чтобы ухаживать за деревьями. Поэтому был осуществлен лишь сам акт посадки, проведенный, однако, с большой торжественностью¹⁷⁷.

Дети все вместе собирались в определенном месте под присмотром учителей, здесь же им читали лекцию о пользе зеленых насаждений и праздников древонасаждения. После этого участники празднества отправлялись на место посадки, где служился молебен. Затем каждое из учебных заведений выходило на свой участок, где учащиеся сажали деревья. Потом дети снова собирались вместе и исполняли гимн страны и гимн в честь деревьев¹⁷⁸. В наставлении упоминалось о том, что если не было возможности исполнить гимн деревьям, то праздник ни в коем случае не должен был откладываться или переноситься. После исполнения гимнов детям рассказывали о необходимости ухода, затем, собравшись по группам, участники праздника завтракали, играли в игры на призы на свежем воздухе. Вернувшись в город, учащиеся обменивались флагами и расходились по домам¹⁷⁹.

Следует отметить, что в Саратовской губернии, в отличие от Санкт-Петербурга, сам процесс посадки осуществлялся быстрее и легче, так как за-

¹⁷⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 3.

¹⁷⁸ Стихи А. Энгельмеера, музыка С. К. Экснера (впоследствии директора саратовской консерватории) или М. Попова-Платонова. (В различных источниках авторами музыки названы разные лица: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368; Рейнман А. Л. Указ. соч.)

Малютку дерево сажая,
Несем деревьям мы привет.
Пусть, тень широкую бросая,
Они живут на много лет!
Пройдут года – в наш сад тенистый
Усталый путник забредет,
И для него в листве душистой
Певунья-птичка запоеет.
И наши дети, наши внуки
Грядущей вешнею порой,
В тени дерев, под эти звуки
Пусть отдохнут не раз душой!
Привет, живительная сила.
Тебе, творящей без конца!
Ты жизнь могучую вселила
В зеленый отпрыск деревца.
Ты всюду вносишь обновленье,
Даришь ты жизнь, тепло и свет –
В наш праздник древонасаждения
Поем тебе мы свой привет!

¹⁷⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368. Л. 36 об. – 37.

ранее определялись время и место посадки, кроме того, участников снабжали специализированной литературой на эту тему. Опять же в отличие от Петербурга организаторы праздника в Саратове обеспечивали учащихся заранее подготовленными саженцами, которые до самого акта посадки сохранялись в питательном растворе; а лунки также заранее были вырыты лесниками¹⁸⁰. Кроме того, почву специально подготавливали к посадке.

Несмотря на отмеченные положительные стороны, праздник 1902 вызвал в свой адрес некоторые замечания¹⁸¹. Отмечалось, например, что в празднике участвовали только мальчики, и то, что место посадки располагалось далеко от города. Эти замечания были учтены при проведении праздника в 1904 г. Организаторы праздника учли также опыт проведения праздника и в уездах¹⁸², где, в частности, места посадки были расположены близко к центру города.

В 1904 г. организаторы праздника рассматривали несколько вариантов, предполагая провести праздник либо на площади Плац-парка (ныне на этом месте расположены стадион и корпус спортфакультета Педагогического института СГУ), либо на Полтавской площади (ныне Детский парк), либо на Соколовой горе. Также рассматривался вариант проведения праздника на дворовом месте 2-го женского училища¹⁸³. При обсуждении выяснилось, что подготовлена к посадкам только Полтавская площадь. Кроме того, было принято решение об участии в празднике не только мальчиков, но и девочек¹⁸⁴.

В 1904 г. праздник предполагалось проводить практически по тому же сценарию, что и в прошлый раз. Как и в 1902 г., вся подготовка была проведена заранее городской управой, а руководство организацией посадки было доверено Училищной комиссии¹⁸⁵. На Полтавской площади был выделен участок в 1 $\frac{1}{4}$ десятины, как и два года назад¹⁸⁶.

Он был разделен между 26 учебными заведениями: 15 мужскими, 10 женскими и единоверческим смешанным училищами¹⁸⁷. К 17 апреля директора этих учебных заведений подали списки участников праздника от своего заведения и фамилии учителей, их сопровождающих. Всего участвовало 892 ребенка, из них 456 девочек и 436 мальчиков¹⁸⁸. На следующий день (18 апреля) все учителя должны были самостоятельно

¹⁸⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6368. Л. 8.

¹⁸¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2172. Л. 3-4.

¹⁸² Там же. Д. 6368. Л. 20-25.

¹⁸³ Там же. Д. 2172. Л. 3-4.

¹⁸⁴ Там же. Л. 1-2 об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 4.

¹⁸⁶ Там же. Л. 3.

¹⁸⁷ Там же. Л. 34.

¹⁸⁸ Там же.

прийти и осмотреть выделенные им участки, сам праздник предполагалось провести 22 апреля 1904 г.¹⁸⁹.

В этот день все участники праздника собрались к 11 часам утра у 6-го мужского училища. Здесь, как и в прошлый раз, отслужили молебен и исполнили гимн деревьям и гимн страны («Коль славен»)¹⁹⁰, а затем дети отправились к месту посадки. На Полтавской площади участники праздника вновь выслушали лекцию о необходимости посадок и ухода за деревьями. После этого дети высадили саженцы; в отличие от первого раза, были предусмотрены бочки для помывки рук¹⁹¹.

Затем детям предложили игры на свежем воздухе, после которых все участники праздника получили завтрак (из расчета 15 копеек¹⁹² на человека)¹⁹³. Далее дети отправились в сад Сервье, где их ожидали «закуска и лакомства»¹⁹⁴. Затем они отправились к месту сбора в сопровождении оркестра¹⁹⁵.

Таким образом, одобренный Николаем II праздник древонасаждения появился и в Саратове, принеся с собой определенные изменения в зеленый наряд города. В частности, именно он положил начало образованию Детского парка, который и сейчас пользуется популярностью у горожан. Следует оговориться, что какие-либо данные о проведении праздника в другие годы пока выявить не удалось.

К сожалению, этот праздник не сохранился до наших дней в том виде, в каком его знали наши прабабушки. Но традиция из года в год освежать зеленый убор города была продолжена в годы Советской власти.

Праздники древонасаждения, пусть чуть изменившись, сохранились до наших дней, однако и поныне их инициаторами являются высокопоставленные лица города. Конечно, в конце XIX – начале XX в. на эту, казалось бы, пустячную проблему обращали гораздо более серьезное внимание, но и в наши дни она не остается незамеченной.

¹⁸⁹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2127. Л. 40.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. Л. 41.

¹⁹² Это была хорошая для того времени сумма, так как, например, пеший батрак на своих харчах зарабатывал в день от 48 до 75 копеек (см.: Россия 1913 г.: Стат.-док. справ. СПб., 1995. С. 316).

¹⁹³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2172. Л. 35 об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁹⁵ Там же.

**ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕРОВА**

Одним из проявлений глубокого политического и экономического кризиса, начавшегося в 1920–1921 гг. в России, были крестьянски антибольшевистские выступления. Эти волнения охватили территорию Западной Сибири, Центральной России (Тамбовская, Пензенская, Воронежская губернии), юго-запада России, Поволжья, т. е. важные аграрные регионов страны. Саратовская губерния в течение почти двух с половиной лет была ареной настоящих боевых сражений советских военных частей и повстанческих формирований (А. Сапожкова, К. В. Кулина, Ф. Попова, А. Пятакова, В. Серова и др.). Антибольшевистское выступление Серова – малоизученное событие в истории Саратовского края. В отличие от «Антоновщины» или Кронштадтского мятежа, деятельность отрядов Серова, впрочем как и других подобных отрядов, действовавших на территории нашей губернии, мало интересует историков. И это объяснимо. Во-первых, Серов, Пятаков и другие лидеры небольших (относительно небольших, если за образец брать «Антоновщину» или Сибирское восстание) отрядов не являлись главными побудителями смены политического курса большевиков в 1921 г. Они были лишь частью одного целого – общего недовольства крестьянства политикой «военного коммунизма». Во-вторых, повстанческие выступления в Поволжье имели общие характерные черты, что позволяло рассматривать их в совокупности, не выделяя какое-то одно выступление¹⁹⁶.

Противоречивость информации, содержащейся в документах центральных и местных архивов, является одной из особенностей исторической базы по данной теме (это относится не только к выступлению Серова, но и ко всему крестьянскому повстанчеству периода революции в целом). Документы местных архивов, с одной стороны, позн

¹⁹⁶ См.: *Васина Е.* Бандитизм в Саратовской губернии. Саратов, 1928; *Трибин Р. А.* Из истории борьбы с меньшевистской и эсерово-кулацкой контрреволюцией // Ученые записки СГУ им. Н. Г. Чернышевского. 1939. Т. 1 (XIV). Вып. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1. 1921–1922 гг. М., 1964; *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1984; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья СССР. М., 1986; *Гончаров А. В., Данилов В. Н.* Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов, 2000; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // Россия сельская XIX – нач. XX вв. М., 2004.

ляют исследователю более детально восстановить ход событий. Но с другой стороны, рассмотрение проблемы замыкается на уровне уезда или, самое большее, губернии. Взглянуть на проблему в масштабе всей страны могут позволить документы только центральных архивов, таких как, например, ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), РГВА (Российский государственный военный архив) и т. д. Данная статья – попытка, используя материал саратовских архивов и опубликованные работы, рассмотреть выступление Серова от его возникновения до поражения, так сказать, «единым планом».

Точно известно, что Серов¹⁹⁷ – уроженец села Куриловка, волостного центра Новоузенского уезда Саратовской губернии, был женат, имел сына. По социальному положению Серов – батрак, по политическим убеждениям – скорее всего, левый эсер. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Серов попадает на фронт. Ушел ли он добровольно или его забрали по призыву – сказать сложно. На фронте Серов проявляет храбрость и отвагу, за что и был награжден тремя Георгиевскими орденами и двумя медалями. После революции Серов добровольцем вступает в местный Орлово-Гайский и Куриловский красногвардейский отряд, который принимал активное участие в боях в Самарской губернии против чехословаков и белогвардейцев. В декабре 1918 г. Серов является командиром Орлово-Куриловского полка¹⁹⁸. Позднее, в 1919 г., этот полк вошел в состав 22-й дивизии 4-й армии.

В марте 1920 г. Серов командует 6-м кавалерийским полком, входившим в состав той же 22-й дивизии. Командиром этой дивизии был другой уроженец Новоузенского уезда – Александр Сапожков. В этой же дивизии 7-м кавалерийским полком командовал и будущий сподвижник Серова в его борьбе против большевиков Федор Далматов, уро-

¹⁹⁷ Нельзя с уверенностью назвать имя Серова. В архивных документах Серов проходит как «Серов», без упоминания имени и отчества. Также по фамилии Серов упоминается в исследованиях советского периода по истории гражданской войны. В этот период имя Серова – Василий называет В. К. Григорьев (см.: Григорьев В. К. Указ. соч. С. 60). В 1990-е гг. Т. В. Осипова в статье «Крестьянский фронт в гражданской войне» перечисляет сподвижников А. Сапожкова и, ссылаясь на вышеуказанную работу В. К. Григорьева, упоминает Серова как «В. Серов» (см.: Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства М., 1996. С. 140). Совсем недавно В. В. Кондрашин в своей статье написал о Серове, употребив инициалы «В. А.». В данном случае исследователь ссылается на материалы РГВА (см.: Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 356).

¹⁹⁸ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 159. Л. 2; оп. 3. Д. 538. Л. 1; За бандой Серова (воспоминания участника) // Саратовские известия. 1924. № 136; Таубин Р. Указ. соч. С. 28–30; Григорьев В. К. Указ. соч. С. 58, 159; Осипова Т. В. Указ. соч. С. 141.

женец Орлов-Гая¹⁹⁹. По данным Р. А. Таубина, Серов занимал одну из командных должностей во 2-й Туркестанской дивизии, формируемой Александром Сапожковым в июле 1920 г., и был непосредственным подготовителем восстания Сапожкова (14 июля – 5 сентября 1920 г.). Это подтверждает и В. К. Григорьев, добавляя, что заговор подготовлялся на квартире Серова. По плану, после захвата Бузулука 14 июля Серов должен был сформировать пехотный полк из добровольцев-бойцов запасного батальона²⁰⁰. Этот полк, как указывает И. Я. Трифонов, был сформирован, и под началом Серова находилось 1500 человек²⁰¹. Но, согласно архивным материалам, Серов появляется в дивизии уже после начала восстания²⁰². Как бы то ни было, Серов принимает активное участие в «Сапожковской авантюре», чем навсегда ставит себя вне закона. После поражения основных сил сапожковцев под Талово 25 июля 1920 г. Серов совместно с полком под командованием Усова (который также был командиром одного из полков в формировавшейся 2-й Туркестанской дивизии) по приказу Сапожкова пытается прорваться к Уральску с целью поднять уральское казачество на борьбу с Советами. Однако под Уральском Серов и Усов в ходе нескольких боёв были разбиты и вынуждены были присоединиться к Сапожкову, чтобы не быть уничтоженными²⁰³. После гибели Сапожкова 5 сентября 1920 г. и разгрома его 1-й Армии Правды Серов со своим отрядом маневрирует по Новоузенскому уезду, в районе Новоузенска и Малоузенска, и после нескольких стычек с отрядами ЧОНа (частями особого назначения) уходит из Саратовского Поволжья вплоть до весны 1921 г.²⁰⁴

Весной 1921 г., объединившись с несколькими мелкими отрядами Серов снова появляется в Новоузенском уезде. С этого времени и в апреле 1922 г. его формирование носит название «Группа восставших войск воли народа». Уничтожив около 20 коммун, Серов захватывает Куриловку. Здесь вызывает интерес следующий момент. Губерния пережила крупные выступления Антонова и Вакулина, уезды были наводнены мелкими отрядами, промышленяющими грабежом, крестьянст

¹⁹⁹ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 159. Л. 2, 7; д. 261. Л. 75–76; Григорьев В. К. Указ. соч. С. 59. У В. К. Григорьева Федор Далматов упоминается как Федор Долматов, но в данном случае нет никаких сомнений, что это одно и то же лицо.

²⁰⁰ Таубин Р. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1920. № 12. С. 57; Григорьев В. К. Указ. соч. С. 60.

²⁰¹ Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 259.

²⁰² ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 534. Л. 10.

²⁰³ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 159. Л. 7; Таубин Р. Разгром... С. 61–62.

²⁰⁴ Нет точных сведений о численном составе его отряда в этот период. И. Я. Трифонов считает, что у Серова в отряде в этот период было около 100 человек (Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 260). По архивным данным – 400 человек (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 159. Л. 7).

разочаровалось в лидерах восстаний. Но приход Серова, судя по всему, не вызвал большого недовольства у основной массы населения. При активном участии местного населения Серов экспроприировал зерно из ссыпных пунктов в Куриловке, Краснянке, Таловке, Бессоновке и Киевке²⁰⁵. Поддержка Серова населением объясняется раздачей большей части экспроприированного зерна населению, которое после выполнения последней разверстки жило впроголодь, а также отсутствием на этом этапе такого явления, как «самоснабжение» (по крайней мере, об этом не упоминается в архивных материалах)²⁰⁶.

Спустя несколько дней Серов уходит в направлении Дергачей, где, по данным оперативных сводок, он соединяется с отрядом Далматова и действует в течение всего мая на территории Дергачевского и Новоузенского уездов. Численность их отрядов в это время достигает 2000 человек²⁰⁷. В июне Серов уходит на территорию немецкой автономии, где объединяется с отрядом Пятакова. Вскоре складывается новый альянс, получивший название «Революционный комитет пяти». В состав этого «комитета» входили руководители нескольких наиболее крупных повстанческих отрядов, действовавших в Саратовском Заволжье в этот период. Это – Серов, Пятаков, Горин, Аистов. Председателем был выбран Федор Далматов. Совместно они действуют до августа 1921 г., но неудачно²⁰⁸. Надо отметить, что существование и деятельность «Революционного комитета пяти» – спорный момент. С одной стороны, отряд Серова (численностью до 900 человек) действительно был замечен в районе Дергачей в июле 1921 г.²⁰⁹; распад комитета в августе 1921 г. также возможен в связи с разгромом отряда Аистова в том же августе месяце²¹⁰. С другой стороны, А. В. Гончаров и В. Н. Данилов в своей работе «Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.)», ссылаясь на другие документы, не упоминают этот комитет. По их данным, Серов в середине июня 1921 г., объединившись с Пятаковым, появляется в Дергачевском уезде и совершает налет на Новорепное, но вскоре они были вытеснены из уезда, и их союз на

²⁰⁵ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 154. Л. 7.

²⁰⁶ Там же. Л. 183. По некоторым данным, отряд Серова со второй половины 1921 по апрель 1922 г. раздал населению с ссыпных пунктов около 2 млн пудов зерна (Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 80).

²⁰⁷ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 154. Л. 174, 197; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 4 об.

²⁰⁸ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 159. Л. 7. По другим данным в «комитет» входил некий Люшнин (Там же. Д. 261. Л. 75–76).

²⁰⁹ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46. Л. 75–76. В целом, общая численность повстанческих формирований в районе Дергачей, по данным Саргубчека, в июле 1921 г. составила около 2500 человек (ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 9).

²¹⁰ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 538. Л. 26.

время распался²¹¹. В середине августа 1921 г. Серов объединяется с отрядом Далматова для совместных действий в пределах Вольского уезда. Их совместный отряд численностью до 500 человек в августе столкнулся с 37-м батальоном ВЧК, и, потерпев в стычке поражение, оставив поле боя около ста человек убитых, Серов и Далматов с остатком своего отряда (40 – 50 человек) скрываются в заволжских степях, где их состав снова распадается²¹². В октябре 1921 г. Серов на короткое время опять объединяется с Пятаковым и Сарафанкиным и действует в казахских степях. В середине октября между ними произошел раскол, и Пятаков отделился. Серов совместно с отрядом Сарафанкина рейдирует в южных окраинах Новоузенского уезда, не предпринимая никаких активных шагов, и, по слухам, планирует провести зимовку в Сломихинском районе, поскольку местные крестьяне относятся к нему сочувственно. После добровольной сдачи Пятакова в ноябре 1921 г. отряд Серова и Сарафанкина являлся единственным крупным повстанческим формированием на территории Саратовской губернии. Численность этого сводного отряда достигает 250 человек при пяти пулеметах²¹³. Но уже в середине ноября Серов действует самостоятельно и, судя по оперативным сводкам, отказался от зимовки и перешел к активным боевым действиям²¹⁴. С осени 1921 г. и до весны 1922 г. отряды Серова действуют в пределах Самарской, Астраханской²¹⁵ губерний и Туркестана.

Осенью 1921 г. Серов проводит реорганизацию своего отряда. В сентябре Серов начинает объединять под своим командованием мелкие отряды, которыми было наводнено Заволжье, промышленявшие обычным грабежом населения. Вскоре создается реввоенсовет группы вставших войск воли народа. Руководителем реввоенсовета стал Федор Далматов. Сразу же принимается декларация, которую В. К. Григорьев называет «эсеровской»²¹⁶. Помимо «Декларации революционного совета и командующего группой воли народа», существует еще несколько программных документов реввоенсовета – это так назы-

²¹¹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117; ф. 27. Оп. 2. Д. 324 (см.: Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 79).

²¹² ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 10 – 10 об.

²¹³ Там же. Л. 13, 16 об; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 79.

²¹⁴ Так, 13 ноября 1921 г. Серов совершил налет на Пугачевск, входивший тогда в Самарскую губернию. В оперативных сводках за этот период неоднократно сообщалось о гибели Серова во время налета (см.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. 155. Л. 218 и далее).

²¹⁵ В декабре 1921 г. отряды Серова создали серьезное положение на нефтяных и рыбных промыслах Каспия. 29 декабря соединением в более чем тысячу кавалеристов был совершен налет на Гурьев, в результате чего было захвачено 1000 пудов зерна, уведено 52 верблюда и «немного» лошадей [так в документе – А. Ш.] (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 229).

²¹⁶ Григорьев В. К. Указ. соч. С. 159–160.

емое «Воззвание к населению», воззвание «Крестьяне – труженики!», воззвание «Коммунистам», воззвание «Всем советам»²¹⁷. Все воззвания были захвачены красноармейцами и приложены к военным оперативным сводкам. По времени написания их можно отнести предположительно к февралю 1922 г.

«Борьба наша – чисто политического характера, а не материальная, и в основу ее входит лозунг «Свобода, Равенство, Братство»... восставшие войска воли народа не есть банды, как их именует Советская власть, а есть партизаны, которые несут народу волю и освобождение от Совстрога»²¹⁸. На территории, захваченной серовцами, как заявлялось в декларации, отменялась власть РКП(б), декреты большевистского правительства не имели силы, не принимались назначения комиссаров из центра, распоряжения их не выполнялись, а комиссары, добровольно не отказавшиеся от власти, объявляются вне закона²¹⁹. Власть должна была осуществляться аппаратом Совета Пяти, избираемым на общих собраниях в населенных пунктах, с населением более 2000 человек, и Советом Трех, избираемым в населенных пунктах, где такого числа нет. Города и поселения, имевшие важное политическое значение, должны были управляться особыми правилами, которые устанавливались дополнительно²²⁰. Серов выступал не против коммунистической идеи, признавая за ней будущее, а, как подчеркивалось в декларации, против комиссаров, спекулировавших на коммунизме. Признавались все политические партии, кроме черносотенцев-монархистов. Их деятельность должна была ограничиваться «политически-парламентарною областью» и посягательство партии на захват государственной власти считалось узурпацией, пресекалось самым беспощадным образом, вплоть до расстрела (как и попытка монархического переворота)²²¹. Также признавалось право человека на свободу политического выбора²²². По мнению Серова, для обустройства России необходимы силы, «знакомые с демократическим переустройством государства», и таковые имеются

²¹⁷ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 199–201, 203–210.

²¹⁸ Там же. Л. 200–201.

²¹⁹ Там же. Л. 204.

²²⁰ Там же. Л. 205.

²²¹ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 204. Этот момент несомненно говорит о том, что Серов разделяет взгляды эсеров (на это также указывает и заголовок «воззвания к населению» – «В борьбе ты обретишь право свое» [ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 200]). Однако при всем при этом характерна и определенная лояльность к коммунизму, что было чуждо, например, для эсеровских воззваний Антонова, начинавшихся таким же девизом (см., напр.: *Фельдман Д.* Крестьянская война // *Родина*. 1989. № 10. С. 55; *Крестьянская война* (публ. П. Аптекар) // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 2. С. 71).

²²² ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 204.

среди «народнической интеллигенции России»²²³. Приветствовалось право народностей на самоопределение²²⁴. В экономической области Серов объявлял о необходимости введения свободной торговли и отмены государственной монополии на «жизненные продукты и фабрикаты», заявлял о борьбе с крупным капиталом²²⁵.

Содержание всех воззваний свидетельствовало о том, что Серов, главным образом, ориентировался на крестьянство. Об этом говорит также и место оперирования, активное привлечение в условиях голода крестьян с раздачей экспроприированного из ссыпных пунктов зерна, перевыборы сельисполкомов и волысполкомов. Правда, по агентурным сведениям, Серов через своих ставленников спускал разверстку продовфуража на население²²⁶. Но тем не менее численный состав отрядов Серова в некоторые моменты достигал 1000 человек²²⁷.

В ноябре 1921 г. отряд Серова превращается в небольшую армию. Из отдельных отрядов были образованы 1-й, 2-й, 3-й атаманские полки, создан штаб во главе с Буржаковским. Командующим остался Серов, председателем реввоенсовета – Далматов. Полками руководили Киселев, Мазанов, Горин²²⁸. В таком составе эта «Народная армия» действует в районе Калмыкова Гурьева, Уила. Укреплением Уильское Серов овладел 18 января 1922 г. и продержался в нем до 27 февраля 1922 г.²²⁹.

В марте 1922 г. Серов снова перебирается в пределы Саратовской губернии. Здесь с 3 по 7 апреля в боях с 27-й Омской дивизией Серов терпит несколько поражений. Так, 3 апреля разведка Серова устроила ди-

²²³ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 207.

²²⁴ Там же. Л. 206.

²²⁵ Там же. Л. 205–206. Есть еще несколько пунктов, касающихся экономики, но экземпляр декларации попал в руки красноармейцев с оборванным левым краем, и поэтому некоторые слова в документе пропущены.

²²⁶ Там же. Д. 155. Л. 198.

²²⁷ Так, под Гурьевом численность серовцев превышала 1000 человек (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 229), в другое время численность колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек (Там же. Д. 146. Л. 138–139; Д. 147. Л. 13–16; Д. 150. Л. 137; Д. 151. Л. 20–21). Вообще, определить численность затруднительно, так как архивные данные (данные агентурной, военной разведки и оперативных сводок) постоянно противоречат друг другу. О возможности преувеличения численности повстанческих упоминается в самих документах. Зампредуисполкома Дергачевского уезда Ишин в телеграмме Начдиву I 27-й Омской дивизии от 14 июля 1921 г. сообщает о замеченном отряде Серова численностью 900 человек. Но при этом оговаривается, что «возможно цифра преувеличена» (Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46. Л. 75–76). Если верить И. Я. Трифонову, то общая численность отрядов Серова под Гурьевом в январе 1922 г. достигала 3000 человек, а в марте 1922 г. – до 2500 человек (Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 261–262).

²²⁸ Григорьев В. К. Указ. соч. С. 160–161; Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 261–262.

²²⁹ Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 261.

версию между станциями Деркул и Шипово, паровоз сошел с рельс, но эшелон остался целым. Ехавший в эшелоне кавалерийский дивизион высадился из вагонов и начал преследование. В одиннадцати верстах от станции Деркул был достигнут обоз Серова и разбит. Основные силы сошлись под Кузиб-баем. Исход боя решил обходной маневр дивизионного пулемета. Серовцы отошли к хутору Железнову. Попытка дать новое сражение оказалась неудачной: отряд снова оказался разбитым. Применяв тактику рассыпного отступления, Серов укрылся на хуторе Тельновом. 4 апреля состоялось новое сражение в районе Тельнова, также окончившееся разгромом отряда. 7 апреля Серов, распустив «Группу восставших войск воли народа», с небольшим количеством людей ушел в направлении Орлов-Гая. Вскоре был разбит 2-й атаманский полк под командованием Киселева численностью 145 человек. Сам Киселев погиб в бою²³⁰.

В ночь с 10 на 11 апреля в районе Сломихинской Серов снова столкнулся с отрядами 27-й Омской дивизии. После маневров, вечером 11 апреля, состоялось сражение. Отряд ушел, но бросил обоз²³¹. Исследователи сообщают, что в середине апреля 1922 г. повстанцы Серова были уничтожены, а сам Серов бежал и в крае больше не появлялся²³². Однако в оперативных сводках, которые можно встретить в архиве, говорится, что Серов продолжал действовать в Новоузенском уезде и на территории Уральской губернии и в мае, и в июне 1922 г.²³³. 7 мая в Орлов-Гай прибыла комиссия по ведению переговоров Саргуботдела ГПУ, куда также прибыл и Серов. Серов совместно с комиссией вел переговоры по прямому проводу с Саратовом, выразив в присутствии своего начштаба Семенова, предреввоенсовета Далматова и предкома Землянско-го желание сдаться и «ликвидировать бандитизм от Волги до Урала». 8 мая Серов, прервав переговоры, выступил из Орлов-Гая в направлении

²³⁰ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 147. Л. 13–16; д. 151. Л. 20–21; д. 155. Л. 211–212.

²³¹ За бандой Серова... С. 3. Там же было сообщено, что в этом бою в плен были взяты жена Серова, его восьмилетний сын и жена Федора Далматова. Однако если верить архивным документам, при отряде Серова 14 мая были четыре женщины, имена которых не называются (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 150. Л. 137). В оперативных сводках за 11 апреля 1922 г. и донесениях об этом сражении о плененных родственниках ни Серова, ни Далматова не говорится. Поэтому пленение 11 апреля 1922 г. жены и сына Серова – факт спорный.

²³² Трифонов И. Я. Указ. соч. С. 262; Голинко Д. Л. Указ. соч. Кн. 2. С. 86; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 80.

²³³ Так, в сводке за 30 апреля сообщается, что «банда Серова была единственной обнаруженной» на территории Новоузенского уезда. Отмечается соединение отряда Серова с отрядом Далматова, а также уход из отряда одного из лидеров формирования – Мазанова. В мае 1922 г. отряд Серова несколько дней провел в Автономной области немцев Поволжья (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 151. Л. 47, 49).

Чистый Плес – Новотроицкая (Перекопное), забрав с собой членов комиссии Константинова и Зельмана²³⁴. Переговоры в Орлов-Гае не были первыми переговорами Серова и официальных властей. Еще 18 января 1922 г. завкомвойсками Приволжского округа Артеменко предложил Серову условия добровольной сдачи. Вот текст этих условий, напечатанный в «Известиях Саратовского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов» за 31 января 1922 г.:

«1) Сдача оружия и прекращение всякой противосоветской деятельности;

2) Вам и вашим соучастникам предоставляется свобода личности свободный выбор местожительства;

3) Дабы дать раскаявшимся приступить к мирному труду, гарантируется оставление у каждого по одной лошади;

4) Будет дано распоряжение местным властям на месте сдачи выдать соответствующие документы каждому из вашей группы, ограждающие от репрессий в месте избранном для жительства.

Повторение предупреждения о сдаче не последует. На размышление дается ровно 12 часов с момента разговора. При отрицательном решении вопроса беспощадное истребление»²³⁵. Ответа не последовало из-за плохих метеоусловий (для переговоров был использован телефон и телеграф). 20 января 1922 г. бандиты согласились на сдачу на принятых условиях²³⁶. Но, видно, эти довольно мягкие условия все же не удовлетворили Серова, и он предпочел скрыться, чтобы в феврале объявиться в Уильском.

Переговоры о сдаче велись также и в июне 1922 г. Тогда сдача по условиям Новоузенского уездного ревкома предполагалась в Новоузенске²³⁷. Но и тогда все усилия властей оказались тщетны. Надо заметить, что серовцы сдавались не очень охотно. По данным Новоузенского уисполкома, с 17 февраля по 1 декабря 1921 г. из отряда Серова добровольно сдались всего 35 человек²³⁸. Этот, как представляется, немаловажный факт и делает выступление Серова отличным от сотни других. «Отряд Серова принадлежал к числу тех немногочисленных... формирований, которые сумели продержаться в условиях развернувшейся со

²³⁴ 11 мая взятые серовцами Константинов и Зельман прислали письмо с просьбой прекратить военные действия, ссылаясь на то, что «банда изъявляет желание сдаться и ожидает приезда комиссии» (ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 146. Л. 138-139; Д. 151. Л. 28).

²³⁵ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 147. Л. 26.

²³⁶ Там же. Л. 27.

²³⁷ Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 402. Л. 57.

²³⁸ Это при том, что летом – осенью 1921 г. повстанцы добровольно сдавались целыми отрядами со всем вооружением (ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 546. Л. 132; Д. 643. Л. 8 об.).

второй половины 1921 г. «охоты на бандитов», – указывают А. В. Гончаров и В. Н. Данилов²³⁹.

План борьбы с бандитизмом на территории 27-й Омской стрелковой дивизии предусматривал: «Для того, чтобы уничтожить банды... надлежит вести с ними борьбу планомерно, т. е. путем продуманной операции на основании положительных разведывательных данных и силами, которые должны превосходить силы бандитов хотя бы по качеству (техника). При составлении плана иметь в виду: а) правильную организацию войскового соединения, т. е. составлять отряды трех родов войск не путем надергивания случайных частей, а введением организационных частей одного большого соединения; б) обеспечение таким способом составленного отряда всеми необходимыми средствами боевой техники, авто-бронемашинами (или грузовиками с пулеметами), аэропланами; в) обеспечение средствами связи; г) обеспечение отряда огнеприпасами, продовольствием и фуражом в такой степени, чтобы не быть в тяжелой зависимости от местных средств... е) организация верблюжьих транспортов, конница на верблюдах и т. д.»²⁴⁰. «Уничтожение социальных и политических баз» бандитизма является главной задачей, стоявшей тогда перед большевиками в ходе борьбы с повстанчеством²⁴¹. Репрессии, система заложничества, экономическое воздействие (например, лишение пайка) наряду с агитацией были самыми распространенными методами правительства в подавлении повстанчества не только в Поволжье, но и по всей стране. Но не всегда эти меры обеспечивали успех. Голод, экономический кризис, снижение авторитета большевиков в народе обеспечивали повстанцам более или менее постоянную поддержку среди населения.

Успех Серова (впрочем, и не только его) связан с еще двумя причинами. Первой причиной успешного развития повстанчества в Поволжье (Серова, Вакулина, Попова и др.) было то, что саратовские губернские власти не разрешили властям на местах действовать самостоятельно в подавлении очагов повстанчества. Губком настаивал на полной централизации борьбы против повстанчества, на подчинении единому командованию. Но стремление губернских властей к полной централизации управления, их неосведомленность в истинном положении вещей, их «неподвижность» дают время развернуться силам повстанчества. Но с другой стороны, вся полнота власти, сосредоточенная в руках уездных и волостных органов управления, могла привести к «перегибам на местах» и самоуправству. Подобная ситуация сложилась в июле

²³⁹ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 79.

²⁴⁰ План борьбы с бандитизмом на территории 27-й Омской стрелковой дивизии // ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 146. Л. 105-106.

²⁴¹ А. П. К вопросу о бандитизме // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 11. С. 22.

1921 г., когда Заволжский военный округ командование по борьбе бандитизмом сосредоточил в двух пунктах. Первый и главный пункт командования во главе с В. К. Путна находился в Саратове, а второй под командованием Начдива I, – в Дергачах. В связи с этим влияние саратовского командования на Начдива I, как сообщалось в телеграмме Саргубисполкома в ЦК РКП(б) и РВС Республики, было «равно нулю» и привело «к недопустимым явлениям вроде ареста им Уревкома и обвинения ответственных работников... как виновников бандитизма»²⁴². Вторая причина заключалась в недоверии власти к населению. Уже в мае 1921 г. от волревкомов и волисполкомов поступали заявления с просьбами разрешить создание на местах «добровольческих» отрядов из граждан для борьбы с бандитами. Центр запретил создание подобных отрядов, опасаясь, что они пополнят и без того многочисленные отряды повстанцев²⁴³. Тогда многие крестьяне, недовольные повстанчеством, своими силами самовольно устраивали специальные облавы для поимки повстанцев, дежурили на волжских переправах и у сельсоветов²⁴⁴. Тем не менее до конца 1922 г., когда с Саратовского Заволжья было снято военное положение, подавлением повстанчества занимались только 27-я Омская (Сибирская) дивизия (которая была специально направлена в Поволжье в марте 1921 г.) и ЧОНЫ, подведомственные органам ВЧК – ОГПУ.

Причиной успеха повстанчества в целом и Серова в частности можно считать и банальную халатность. Вот два примера. По донесениям в Самару в командование ЗВО от 29 апреля 1921 г., в Алгае, Алгембе, Сломихинской, Кармановской, Кисык-Камыше, Гребенщикове, где были сосредоточены продовольственные и материальные склады, практически полностью отсутствовали гарнизоны для охраны этих складов от налетов повстанческих и бандитских отрядов. В августе 1921 г. в районе Таловки (Новоузенский уезд) бандитами было сожжено 40 000 пудов сена. Несмотря на это, остальные 500 000 пудов сена продолжали оставаться без охраны²⁴⁵. Естественно, что при подобном отношении к своим обязанностям со стороны местных органов исполнительной власти Серов без особого труда мог захватить любой продовольственный склад. Вполне возможно, что так оно и было при захвате ссыльных пунктов в Куриловке, Краснянке, Таловке, Бессоновке и Киевке в мае 1921 г.

Серовская эпопея закончилась 15 августа 1922 г. В этот день, как указывалось в сводке, Федор Далматов прибыл в Орлов-Гай, чтобы добровольно сдать властям, вместе с братом Никифором, который

²⁴² ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 44. Л. 14; Там же. Ф. 199. Оп. 3. Д. 201. Л. 9.

²⁴³ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 625. Л. 44.

²⁴⁴ Там же. Д. 643. Л. 4 об., 16 об.

²⁴⁵ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 44. Л. 111; Ф. 199. Оп. 1. Д. 150. Л. 55.

также воевал в отряде. По поводу Серова говорилось, что он «бесследно скрылся». Но в следующем же донесении, датированном этим же числом, сообщается, что Серов тоже сдался. 16 августа Серов и братья Далматовы выбыли в Самару, где военный трибунал в начале 1924 г. приговорил Серова и Далматова к расстрелу²⁴⁶.

«Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением... Это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас... Это уже достигнуто»²⁴⁷, – говорил В. И. Ленин в ноябре 1922 г. Массовые крестьянские выступления были подавлены. Но вооруженные выступления крестьян как форма протеста сохранилась. Изменилась численность отрядов, характер действия, тактика. Начиная с 1922 г. повстанчество все больше превращается в обыкновенный бандитизм.

²⁴⁶ ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 155. Л. 215; За бандой Серова... С. 3.

²⁴⁷ Ленин В. И. Речь на IV Конгрессе Коминтерна // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 285.

БОРЬБА С «БАНДИТИЗМОМ» В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (1921–1922)

Характер явления, получивший в советской историографии название «кулацкого бандитизма», имеет свои истоки в большевистской политике «военного коммунизма». Продразверстка, различные повинности и принудительная мобилизация населения в армию являлись неизбежными атрибутами войны и оправдывались как вынужденные временные меры. Массовая вспышка недовольства назревала по мере приближения окончания военных действий. Рубежом отмечена вторая половина 1920 г., когда в хлебопашеских районах стало набирать размах крестьянское повстанческое движение. В Поволжье и на Тамбовщине, имевших первостепенное значение в продовольственном балансе Советской республики, цепь событий развернулась почти одновременно и наиболее трагически²⁴⁸.

После окончательной победы над Белой армией, сверхжесткие государственные повинности сразу же стали восприниматься населением как ничем не оправданное, нестерпимое насилие. В массовом сознании экономический фактор ставился теперь выше военного. Несколько мощных народных выступлений в Саратовском Поволжье, как и во многих других районах Советской России, послужили катализатором для замены политики «военного коммунизма». Гражданская война со всей своей силой заполыхала на «внутренних фронтах».

Повстанческое движение не было однородным. Сами большевики различали так называемый «бандитизм идейный» и «бандитизм рецидивистский». Первый имел организованную форму и идеологическую подоплеку, второй был хаотичен и преследовал узкие цели уголовной наживы. Среди повстанцев вначале преобладало «идейное» направление, но к «лету 1921 г. грань... ступевалась»²⁴⁹. По характеру действия «банды» подразделялись на оседлые и рейдовые. «Осед-

²⁴⁸ Подробнее о причинах и ходе крестьянской войны в указанных районах см.: *Васильев Г.* Восстание Сапожкова в Заволжье // *Волга*. 1994. № 9–10. С. 55–63; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Саратов, 1992. Ч. 1. С. 93–113; *Он же.* Крестьянская война в Области немцев Поволжья // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 3. Ч. 2. Саратов, 1997. С. 12–27; *Гончаров А. В., Данилов В. Н.* Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов, 2000. С. 59–81; *Фатуева Н. В.* Организация и методы деятельности повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. // *Белая Гвардия: Альманах*. 2002. № 6. С. 103–108.

²⁴⁹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 12.

лые» повстанцы были активны только в пределах района своего проживания. Им была свойственна высокая организованность и наличие своеобразного аппарата управления. Существовала мобилизационная система, боевые действия носили плановый характер. «Рейдовые банды» имели более гибкую структуру, характерную для полевых, экстерриториальных частей партизанского типа. Тактика «рейдовых банд» основывалась на элементах внезапности, скрытности и чрезвычайной подвижности²⁵⁰.

Первые тревожные сигналы для руководства Саратовской губернии прозвучали в докладе председателя губчека еще зимой 1921 г. Из него следовало, что «среди городского населения всюду встречается ропот и недовольство на то, что не дают того или другого продукта, или выдают его в недостаточном количестве. Крестьянство же наоборот недовольно тем, что у него отбирают эти продукты»²⁵¹. Отмечалось также «неудовлетворительное состояние» воинских частей. На настроении красноармейцев сказывались получаемые из дома известия, рисовавшие «отчаянную картину, в связи с продовольственной политикой»²⁵². Неудивительно, что именно воинские формирования в некоторых случаях становились инициаторами антиправительственных выступлений.

В середине января 1921 г. в южных уездах Саратовской губернии из соседней Донской области появились восставшие там караульные батальон и эскадрон. Небольшой повстанческий отряд в 400 бойцов возглавил командир Красной армии К. Т. Вакулин²⁵³. Неожиданный рейд пришельцев внес панику в работу местных властей. Под рукой не оказалось ни одной надежной части, способной остановить незваных гостей. Большинство красноармейцев сдавалось без боя, пополняя ряды повстанцев. Мало того, мощную поддержку Вакулину оказали крестьяне. В итоге, через месяц численность отряда выросла более чем на порядок²⁵⁴.

К тому времени «советские и партийные органы» оправались от шока. На путях движения «банды» концентрировались три сводные войсковые группы. Их основу составили курсанты и мобилизованные коммунисты.

13 февраля по приказу командования войск Заволжского военного округа (ЗВО) в Саратове был создан батальон особого назначения, куда вошли рота пехотных командных курсов и рота запасной бригады ЗВО.

²⁵⁰ См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 12.

²⁵¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 5. Д. 11. Л. 17.

²⁵² Там же. Л. 17 об.

²⁵³ См.: Там же. Л. 21.

²⁵⁴ 4000 пехоты, 500 кавалеристов при 30–40 пулеметах и двух орудиях. См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10.

Через два дня батальон влился в группу И. М. Плясункова²⁵⁵. Новое формирование срочно перебрасывалось на юго-восток области немцев Поволжья, где планировалось окружить и разгромить противника.

«Банда», получая поддержку заволжских крестьян, легко маневрировала и избегала открытых столкновений. Плясунковцы были еще на марше, когда ранее подошедшим группам Кузнецова и Селиванова наконец удалось завязать бой. Ожесточенная ночная атака советских войск 17 февраля у села Водянка не принесла успеха. Выдержав удар превосходящих сил, повстанцы предпочли рассеяться и уйти в степь. «Победная реляция» красных подтвердила единственно достоверный факт – смерть в бою Вакулина. Другие потери из-за «сильного снега, которым трупы бандитов заносились»²⁵⁶, оказались невыясненными. Буран и усталость людей не дали возможности продолжить преследование противника. Понадобилось время, чтобы снова напасть на след повстанцев.

Противник оказался дерзким, хитрым и находчивым. Разбежавшиеся «бандиты» собрались в селе Петропавловка. В командование отрядом вступил начальник штаба вакулинцев, бывший красный командир Ф. Попов. Ему удалось вывести из-под удара советских частей всю кавалерию и артиллерию, а также значительную часть пехоты²⁵⁷. Мало того, в плен к повстанцам случайно попал заблудившийся в снежном буране штаб 28-й кавалерийской бригады. Из захваченных сводок и донесений стал ясен план советского командования: дать в Петропавловке новый бой. К селу уже подходила группа Трунина в составе отрядов Плясункова и П. А. Сурова. Расстреляв пленных, Попов немедленно двинулся в северном направлении и, перейдя в ночь на 22 февраля железную дорогу, ушел по Новоузенскому тракту. Группе Трунина пришлось разделиться: отряд Плясункова пошел за «бандой», а другая часть была переброшена железнодорожным транспортом в Пугачевский уезд на перехват противника. Там отряд Сурова пополнился батальоном Вольских пулеметных курсов²⁵⁸.

²⁵⁵ И. М. Плясунков – командир бригады 25-й Чапаевской дивизии, был арестован во время мятежа Сапожкова летом 1920 г. Несколько месяцев находился в тюрьме под следствием, был приговорен к расстрелу, затем амнистирован, «чтобы смыть вину кровью». См.: *Васильев Г.* Указ. соч. С. 58. В группу Плясункова вошли также: 1-й батальон 191-го полка ВНУС, 2-й кавалерийский полк из 22-й Царицынской милиционной бригады и, несколько позже, рота курсантов Самарских пехотных командных курсов. См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10.

²⁵⁶ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10.

²⁵⁷ 600 штыков, 200 сабель, 6 орудий. См.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 169. Л. 38.

²⁵⁸ См.: Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10 об. Состав батальона – 19 командиров, 543 курсанта, 38 красноармейцев. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 432.

Отряд Плясункова сразу же оказался в очень трудных условиях. Для рвавшихся в бой курсантов ожидаемая романтика войны сменилась борьбой с сугробами снега и холодными, насквозь пронизывающими степными ветрами. Без единого выстрела рота таяла, теряя замерзших и обмороженных товарищей²⁵⁹. По маршруту своего движения Попов первым занимал селения, бросал там измученных лошадей и мужиков-подводчиков, набирал новых, загружался продуктами и снова отрывался от преследователей, оставляя тех голодными и без свежего гужевого транспорта. Ни о каком централизованном снабжении не было и речи. Не хватало даже патронов. Полевые кухни остались далеко позади: их забыли вовремя переоборудовать и поставить на сани²⁶⁰. Лошадей и верблюдов кормили соломой с крыш. Ослабевшая скотина служила для людей главным продуктом питания²⁶¹. Использовалась любая возможность согреться и хотя бы обжарить замерзший и превратившийся в вещевом мешке в камень кусок хлеба. Даже случайно встреченная киргизская юрта могла послужить пристанищем для целого отряда. От зимнего ветра прятались поочередно небольшими, по 15–20 человек, партиями. Если удавалось разжиться кизяком, явью становились кружка кипятка и кусок вареного верблюжьего мяса²⁶².

Трудности похода притупляли бдительность и в редкие минуты полноценного отдыха расхолаживали. Так, по своей вине погибли 75 курсантов Самарских пехотных курсов. Трагедия произошла 13 марта на постое в деревне Падовка Пугачевского уезда. К тому времени, после трех недель безуспешной погони, Плясунков несколько видоизменил тактику действий отряда. Сначала разведка узнавала пути движения противника, затем для преследования выбиралась другая, более короткая, не разоренная дорога. Вышедшие на задание самарцы не приняли должных мер во время ночного отдыха. Безмятежность стоила дорого. Под утро в деревню ворвался специально посланный Поповым конный отряд. Курсанты оказались отрезанными от лошадей и оружия, среди них началась паника. Оттесненные в степь, многие из них были порубаны²⁶³. «Падовская резня» более чем за 300 верст пути Плясунковского отряда оказалась для него единственным боевым столкновением.

²⁵⁹ 38 курсантов. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 397.

²⁶⁰ См.: Сумбаев С. П. О ликвидации контрреволюционной банды Вакулина и Попова в 1921 году: Рукоп. / Архив Хвалынского краеведческого музея. С. 12.

²⁶¹ См.: РГВА. Ф. 27872. Оп. 1. Д. 1042. Л. 60.

²⁶² Рассказ о некоторых подробностях похода см.: Сумбаев С. П. Указ. соч. С. 8–12.

²⁶³ См.: РГВА. Ф. 27872. Оп. 1. Д. 1042. Л. 12, 61; ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 512. Л. 98.

Жуткая расправа над самарцами стала для Попова своего рода актом возмездия за потери, понесенные в бою с другим отрядом Трунинской группы. До этого «бандиты» не имели серьезных неудач. В Пугачевском уезде их ряды значительно пополнились восставшими крестьянами. Из жителей села Рахмановка, например, был сформирован целый полк в 800 человек. Наметились и военные успехи – на станции Порубежка удалось разбить батальон красноармейцев²⁶⁴. Впереди был Пугачев. Для спасения уездного центра местному ревкому пришлось принять срочные меры. Навстречу «банде» двинулся отряд Сурова. 7 февраля разведка обнаружила повстанцев в 12 верстах юго-восточнее станции Порубежка в селе Журавлиха. Решено было атаковать своими силами: отставший Плясунков ничем не мог помочь. Повстанцы окопались и сделали село неприступным. Вольские курсанты «шли в бой по грудь в снегу»²⁶⁵. Поединок затянулся на всю ночь. В 5 часов утра поповцы «повели наступление по всему фронту и начали обход кавалерией левого фланга»²⁶⁶. Пригодились пулеметные расчеты вольцев, отбившие опасную контратаку. Речь уже шла не о разгроме повстанцев, а лишь бы не дать им прорваться к уездному центру. Упорство отряда Сурова изменило планы восставших. В результате, потеряв 91 человека убитыми, 120 пленными (в основном местных крестьян) и всю свою медицинскую часть, «бандиты» решили, минуя Пугачев, перейти по льду на правый берег Волги²⁶⁷. Со стороны Вольских курсов под Журавлихой из строя выбыло 17 человек убитыми, 60 ранеными, 7 пропали без вести и 5 курсантов дезертировали²⁶⁸.

Благодаря ошибкам советского командования неуловимая «банда» продолжила свое движение по Хвалынскому и Вольскому уездам. Почти везде ей была обеспечена поддержка крестьян. Населенные пункты сдавались без боя. Возникла угроза губернскому центру, в котором тоже было неспокойно. Катастрофическое обнищание к концу гражданской войны населения Саратова вызвало волнения в рабочей среде. Начались забастовки, принявшие в конце марта повальный характер. В этих условиях местная власть приступила к мерам чрезвычайного характера. Губревком срочно образовал штаб обороны. Ставка делалась на использование военной силы²⁶⁹.

Людские ресурсы гарнизона оказались на пределе. Все боеспособные войска давно находились на «бандитском фронте». В надежном резер-

²⁶⁴ См.: ЭФГАСО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 116. Л. 73.

²⁶⁵ Власть Советов (орган Вольского уездного революционного комитета). 1921. 24 апреля.

²⁶⁶ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10 об.

²⁶⁷ См.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 261. Л. 74; РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 432.

²⁶⁸ См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 432.

²⁶⁹ См.: Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 51.

ве остались лишь курсанты военно-учебных заведений. Разработанный начальником пехотных командных курсов П. Вакуличем оперативный план предусматривал получасовую готовность вузов. Артиллерийские же курсы должны были «открыть огонь по любой части города и по любому подступу к нему через 10–20 минут»²⁷⁰. Неожиданные коррективы в план внес Попов. 23 марта он оказался на подходе к железнодорожной ветке, ведущей на Вольск²⁷¹. В район возможного прорыва срочно двинулись военно-хозяйственные курсы. Слабые в строевом отношении, они послужили резервом для других частей, сконцентрированных на этом же направлении²⁷². Одновременно, но уже в Заволжье для борьбы с крестьянским восстанием в области немцев Поволжья был отправлен отряд пехотных курсов²⁷³. На экстренный случай в Саратове остались лишь артиллерийские курсы.

Социальная напряженность в городе ликвидировалась жесткими методами. Устанавливался комендантский час, на предприятиях запрещались митинги и собрания²⁷⁴. С помощью курсантов чекисты провели аресты среди рабочих, принимавших наиболее активное участие в забастовках. «Для предотвращения возможных эксцессов» был «изъят вредный элемент» в 30-м запасном стрелковом полку, в подразделениях которого отмечалось «подавленное настроение»²⁷⁵. Кроме участия в этих акциях секретным приказом начальника обороны курсанты-артиллеристы привлекались к охране наиболее важных объектов, таких как паром в Увекe или продовольственные склады²⁷⁶.

Между тем другие военно-учебные заведения губернии продолжали гоняться за Поповым. Отряд Плясункова дошел до Вольска и сразу же был переброшен по железной дороге к Базарному Карабулаку. Собранный там группа войск в составе 145-й стрелковой бригады, военно-хозяйственных курсов, трех бронепоездов и одной бронелетучки прикрывала от повстанцев Вольское и Саратовское направления²⁷⁷. Ударившись об этот кулак, Попов откатился на Кузнецк, но, «прослышав, что дорогой курсируют бронепоезда, повернул к Петровску»²⁷⁸. В этом уездном городе его уже поджидала рота Вольских курсов численностью 200 штыков при семи пулеметах и Оренбургский батальон особого на-

²⁷⁰ Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 51.

²⁷¹ См.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 169. Л. 35.

²⁷² См.: Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 323. Л. 36.

²⁷³ См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 394.

²⁷⁴ См.: Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 151.

²⁷⁵ ГАСО. Ф. 521. Оп. 5. Д. 11. Л. 33.

²⁷⁶ 24 марта 1921 г. – одно орудие с расчетом; 27 марта – один пулемет и 45 штыков. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 363.

²⁷⁷ См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 10.

²⁷⁸ Пять лет пролетарской борьбы. С. 52.

значения. Остальные части Суровского отряда, в том числе еще одно подразделение батальона вольских курсантов, находились на подходе. Не решившись на штурм Петровска, Попов обошел его и направился в сторону Донской области²⁷⁹.

Наступившая распутица мешала всем. За Петровском повстанцы бросили всю свою артиллерию²⁸⁰, красные же недопустимо растянули коммуникации. Последнее обстоятельство имело решающее значение в бою 1 апреля у села Мерлино. В этом населенном пункте планировалось перехватить «бандитов» при переходе их через железную дорогу. К назначенному сроку на месте оказался лишь бронепоезд с саратовскими курсантами и штаб Плясунковского отряда²⁸¹. Высадившись у разъезда Афросимовский, не дожидаясь прибытия главных сил, небольшой отряд во главе с Плясунковым двинулся к Мерлино. Вскоре со стороны деревни Крутояр показалась «банда». Скоротечный бой произошел на окраине села. Его исход решила кавалерия поповцев: обойдя левый фланг, она зашла в тыл курсантам. Зажатые между населенным пунктом и прорвавшейся конницей, красные бойцы дрогнули и стали отступать. В этот момент под Плясунковым убили лошадь. Чтобы не попасть в руки врага он застрелился. Отряд целиком оказался в плену²⁸².

Ночью группа повстанцев попыталась уничтожить стоявший у переезда бронепоезд. Диверсия почти удалась, но спохватившаяся команда смогла отбиться гранатами (стрелять из пушек и пулеметов было уже поздно)²⁸³. Попытка прорваться через переезд повторилась рано утром. Потерпев вновь неудачу, теряя драгоценное время, повстанцы вернулись в Мерлино. Там опять бой – со стороны села Альшанка подошли цепи Вольских курсов. Много раз спасавшая «банду» кавалерия на сей раз оказалась беспомощной. Плотный огонь курсантских пулеметов не дал никаких шансов на обход флангов. Не оправдал надежд повстанцев и находившийся на пути наступающего курсантского батальона глубокий и крутой овраг с быстрой речкой. В атакующем порыве курсантская цепь преодолела это серьезное природное препятствие и, «расстреливая бандитов на ходу, неудержимо, несмотря на огонь двух десятков пулеметов», бросилась вперед²⁸⁴. В этот день отряду Попова был нанесен самый чувствительный удар. Потери исчислялись сотнями убитых. В

²⁷⁹ См.: РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 1042. Л. 67.

²⁸⁰ Два орудия. См.: ЦДНИСО. Ф.199. Оп. 3. Д. 201. Л. 19.

²⁸¹ См.: Сумбаев С. П. Указ. соч. С. 17.

²⁸² Из доклада в ГУВУЗ следует, что в плен попало 46 курсантов. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 368.

²⁸³ См.: СОМК. Ф. 27081. Д. 32. Л. 1.

²⁸⁴ Власть Советов (орган Вольского уездного революционного комитета). 1921. 1 мая.

плен «бандитов» не брали. Спасением для них стали собственные решительные действия. Потеряв в результате 2/3 своего состава и весь обоз, «степные партизаны» все же смогли вырваться из окружения и продолжить свой рейд в сторону Донской области²⁸⁵.

Очередная попытка разбить относительно малочисленного, но подвижного противника введением в дело крупных, а значит инертных, сил не удалась. Возложивший на себя функции военных органов губревком затеял несвоевременную перегруппировку красных отрядов и только затормозил «нормальный и планомерный ход операций»²⁸⁶. Ложная оценка своих действий и преувеличенные слухи о разгроме Попова помешали губернской власти принять и в последующем правильное решение. На срочные телеграммы из уездкомов ответ из Саратова был один: справитесь сами, бандитов осталось немного. В результате «банда» 4 апреля без боя захватила крупный населенный пункт Баланду в 120 километрах от Саратова²⁸⁷. Обстановка вокруг губернского центра в очередной раз осложнилась. В этих условиях приказом командующего ЗВО навстречу «банде» 6 апреля выдвинулся сборный батальон всех саратовских курсов²⁸⁸.

Однако завершающий удар по затянувшемуся рейду Попова нанесли вольские курсанты. После Мерлино отряду Сурова составило больших трудов нащупать оторвавшегося противника. Новая схватка состоялась у села Самойловка. Из боя повстанцы вышли сильно потрепанными. Потеряв своего командира, отряд раскололся, распавшись на мелкие группы. Одна из групп под командой Еремеева осталась в Саратовской губернии и «прошлась» по селам Камышинского уезда. В конце апреля отряд Сурова ликвидировал ее как организованную боевую единицу²⁸⁹.

Тысячеверстный «бандитский» рейд имел далеко идущие последствия. По маршруту своего движения он провоцировал население на борьбу с властью, насаждая тем самым «банды оседлые». Обойдя по кругу практически всю Саратовскую губернию, отряд Вакулина – По-

²⁸⁵ См.: ЦДНИСО. Ф. 27. оп. 2. Д. 320. Л. 10 об. Перед боем численность «банды» оценивалась в 2300 человек, после боя – в 700 штыков и 200 сабель. См.: Овчинников С. А., Овчинников И. С. Время лихолетья. Из истории ликвидации бандитизма и повстанчества в Саратовской губернии и Области немцев Поволжья в 1920–1922 гг. Саратов, 2000. С. 48, 50.

²⁸⁶ См.: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 403. Л. 19.

²⁸⁷ См.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 201. Л. 19.

²⁸⁸ 34-е Саратовские пехотные курсы – 348 человек, военно-хозяйственные курсы – 115 человек, 6-е Саратовские артиллерийские курсы – одно орудие и расчет. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 364.

²⁸⁹ См.: ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 201. Л. 21.

пова запалил настоящую крестьянскую войну, охватившую многие районы, особенно в Левобережье.

Пик активности народного негодования в многонациональном Заповолжье пришелся на весну 1921 г. В конце марта в руках восставших крестьян оказалась значительная часть автономной области немцев Поволжья. Быстрый успех противников коммунистического режима объяснялся тем, что «повстанцам противостояли... малочисленные продовольственные отряды и местная милиция»²⁹⁰. Областной ревком попытался предпринять экстренные меры, но сформированный отряд к боевым действиям так и не приступил. В ночь с 21 на 22 марта он был уничтожен в результате внезапного нападения повстанцев. «Сложилась критическая ситуация, когда советская власть в области висела буквально на волоске»²⁹¹. Для подавления восстания губернскому и областному ревкомам пришлось срочно создать новую боевую группу. Из состава Саратовского гарнизона 23 марта задачу выдвинуться в район Красного Кута получил двухротный отряд 34-х курсов под командой П. Шувалова²⁹².

Антиповстанческая тактика советских войск учитывала особенности «оседлого бандитизма». Взбунтовавшиеся крестьяне обычно ограничивались задачей свержения советской власти в своем районе и разграблением государственных складов с хлебом. Крупные зернохранилища, размещались, как правило, вблизи железных дорог, и от посягательств на них с успехом применялись бронепоезда. Сложнее было противостоять партизанским методам ведения боевых действий. Оперировав только в районе своего населенного пункта, повстанцы имели возможность после боя буквально исчезать, превращаясь из «бандитов» в обычных жителей. В этом случае наиболее оправданной контрмерой для советских войск виделась практика показательных расстрелов и взятия заложников. Курсантскому отряду Шувалова предстояло пройти через это испытание жестокостью.

Рано утром 29 марта курсанты выгрузились в Новоузенском уезде на станции Питерка и повели наступление на стоявшее юго-восточнее в двух верстах село Агафоновка. Накануне разведка обнаружила там восьмитысячную группировку повстанцев. Правда, только 300 «бандитов» из общего числа можно было считать по-настоящему вооруженными. В ходе получасовой схватки, курсанты, «обстреливаемые повстанцами с крыш домов и колоколен»²⁹³, рассеяли противника. Потеряв одного

²⁹⁰ Герман А. А. Крестьянская война в Области немцев Поволжья. С. 16.

²⁹¹ Там же. С. 16, 18.

²⁹² Восемь командиров и 208 курсантов. См.: РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 368, 394.

²⁹³ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 11.

человека раненым (потери повстанцев выяснять не стали) и захватив с собой несколько заложников из местных жителей, отряд в тот же день отбыл на станцию Малоузенск²⁹⁴. Здесь к курсантам, для совместного наступления на село Малый Узень, присоединился отряд особого назначения 292-го полка 33-й стрелковой дивизии²⁹⁵.

Следующий бой 30 марта оказался более упорным. В результате двухчасовой перестрелки «бандиты» были «частью перебиты, частью бежали в западном направлении. Захвачено в плен 300 человек, отобрано 20 винтовок и 16 лошадей, освобождено около 50 человек партийных работников. Отряд потерял одного убитым и 9 ранеными»²⁹⁶.

Через день опять стычка. При возвращении в Красный Кут на станции Фриденфельд (Тимоевеево) произошла заминка. Повстанцы разобрали железнодорожный путь и унесли с собой телеграфный аппарат. Остаться без связи со штабом своей группировки в окружении враждебного населения означало пойти на серьезный риск. Поэтому немедленно была организована погоня. В результате скоротечного боя пехота «бандитов» оказалась уничтоженной, а кавалерия бежала. В плен захватили около ста повстанцев и, самое главное, отбили взятый со станции телеграфный аппарат. Тут же по восстановленной связи для ремонта железнодорожного полотна вызвали подмогу²⁹⁷.

Не имея какое-то время сведений о передвижении курсантского отряда, в Красном Куте тоже заволновались. Поводом для беспокойства послужила возросшая активность повстанцев вокруг уездного центра. Не дожидаясь известий, навстречу саратовцам выслали бронелетучку.

С усилением в Заволжье боевых действий советское командование все большее практиковало использование специально оборудованных железнодорожных составов – бронепоездов и бронелетучек. Команда этих подвижных боевых средств состояла обычно из группы техобслуживания, подразделения огневой поддержки и десантного отряда. Так получилось, что орудийный расчет бронелетучки, пришедшей на помощь курсантам-пехотинцам, состоял из курсантов еще одного саратовского вуза – 6-х артиллерийских курсов.

Ко времени описываемых событий опыт железнодорожных командировок на 6-х артиллерийских курсах оказался небольшим. Впервые курсантский орудийный расчет был востребован бронесилами 31 января 1921 г. Более месяца 15 курсантов во главе с командиром взвода Захаровым в составе экипажа бронепоезда держали под контролем линию Ершов – Дергачи – Уральск. Следующий приказ о боевой командиров-

²⁹⁴ См.: Там же. Д. 323. Л. 68, 69.

²⁹⁵ См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 11.

²⁹⁶ Там же. Д. 323. Л. 73.

²⁹⁷ См.: Там же. Л. 98.

ке был получен от командующего округом 25 марта. 12 курсантов (старший – курсант Чумаков) были отправлены в Покровск, где поступили в распоряжение командира 149-й стрелковой бригады. Все следующие сутки курсанты занимались оборудованием бронеплощадки для 76-миллиметрового орудия. Сформированная бронелетучка, состоявшая из бронепаровоза, бронеплощадки, двух контрольных платформ и нескольких вагонов, ночью 27 марта выступила в поход. Кроме железнодорожников и артиллеристов, экипаж состоял из 80 курсантов Покровской пулеметной школы младшего комсостава во главе со своим начальником Дудолодовым²⁹⁸. Бронелетучка в течение месяца курсировала по Уральской и Астраханской линиям Рязано-Уральской железной дороги, и ее действия могут служить наглядным примером «борьбы с бандитизмом по-советски». Вот лишь несколько коротких эпизодов.

31 марта бронелетучка получила задание двигаться в Ершов для сопровождения оттуда эшелона с хлебом. Первое столкновение с повстанцами случилось при подходе к станции Нахой. Артиллерийским и пулеметным огнем внезапная атака была отбита. «Бандиты», оставив убитых и раненых, рассеялись в разные стороны²⁹⁹. На участке между станцией Плес и разъездом Жулидово – новый бой, в результате которого в отряде оказалось двое убитых и четыре раненых. Не задерживаясь, бронелетучка проследовала дальше, обстреляв по пути артиллерийским огнем село Морцы, куда «бандиты» скрылись. Потери противника были оценены в 100 человек³⁰⁰.

В Ершове новый приказ – отправиться в Красный Кут. На обратной дороге решили разобраться с крестьянами села Морцы, подозреваемыми в нападении на бронелетучку и разграблении на станции Плес семенного хлеба. Десант курсантов выгрузился у железной дороги, прибыл в деревню и сразу взял заложников из местного населения. Командир бронелетучки Дудолодов собрал крестьянский сход и потребовал немедленной выдачи бандитов, оружия и возврата награбленного хлеба. Однако сельские жители были настроены очень решительно и, видя малочисленность карательного отряда, решили с ним покончить. Такой поворот событий входил в план действий команды бронелетучки. Получив условный сигнал, артиллеристы открыли по деревне и толпе крестьян орудийный огонь. Порядок был быстро восстановлен. С крестьян взяли подписку, «что проходящие поезда не будут ограбляться и

²⁹⁸ См.: *Межевников С. В.* Саратовские артиллерийские курсы командного состава РККА: Альбом с воспоминаниями и фотографиями. Машинописный текст / Архив военно-исторического музея Регионального учебного центра Ракетных войск и артиллерии ВС РФ (Саратов). С. 13–14.

²⁹⁹ См.: Там же. С. 14.

³⁰⁰ См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 83. Л. 144.

железнодорожная линия и провода будут в целости»³⁰¹. Чтобы данное слово не нарушалось, с собой прихватили взятых ранее заложников³⁰².

К Красному Куту бронелетучка подошла в 7 часов утра 1 апреля. И вовремя – в округе шел бой с повстанцами. Оказав помощь гарнизону, в 17 часов команда Дудолодова отправилась «для восстановления связи и поддержки курсантов»³⁰³ на станцию Фриденфельд. Поздно вечером вместе с отрядом Шувалова вернулась назад в Красный Кут. И опять сразу в бой: повстанцы «силою 400 пехоты и 400 кавалерии, вооруженные винтовками и самодельными пиками»³⁰⁴, пытались в очередной раз завладеть селом. Подоспевшие курсанты разогнали противника, «причем было взято в плен 60 бандитов, [захвачено] 35 винтовок и 18 лошадей, повстанцев убито 48 и ранено 30 человек»³⁰⁵. Не задерживаясь, сразу после боя, бронелетучка отправилась на станцию Урбах, где «неизвестно кем было разграблено 30 мешков пшеницы»³⁰⁶. А уже к вечеру следующего дня оказалась у сожженного моста на перегоне Урбах – Нахой, прикрывая работу вспомогательного поезда по восстановлению пути³⁰⁷.

В последующем район действий бронелетучки ограничился станциями Уральской линии. 8 апреля она прикрывала у Демьяса наступление отряда Еремеева на деревню Натальино³⁰⁸. Через день на 269-й версте была обстреляна из пулеметов и вступила в бой с полусотней «бандитов, которые под артиллерийским огнем рассеялись»³⁰⁹. Разобранный повстанцами путь вызвал длительную задержку. За это время крестьяне успели разграбить хлебные склады на станции Озинки. Прибыв туда вечером 13 апреля, Дудолодов немедленно выслал конный дозор в сторону Семиглавого Мара. Выясняя состояние железнодорожного пути, пятеро разведчиков на отметке 228-й версты попали в засаду³¹⁰. Один курсант оказался в плену, «остальные, переправившись через речку, возвратились полузамерзшими»³¹¹. Утром к командиру бронелетучки явился представитель «банды» с предложением сдаться, угрожая разобраным путем и скорой атакой. Экипаж спасла вовремя подошедшая красная часть³¹².

³⁰¹ ЭФ ГАСО. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 83. Л. 144.

³⁰² См.: Межевников С. В. Указ. соч. С. 14.

³⁰³ ЭФ ГАСО. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 83. Л. 144.

³⁰⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 320. Л. 11.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ ЭФ ГАСО. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 83. Л. 144.

³⁰⁷ См.: Там же.

³⁰⁸ См.: Там же. Л. 184.

³⁰⁹ Там же. Л. 177.

³¹⁰ См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 83. Л. 190.

³¹¹ Межевников С. В. Указ. соч. С. 14–15.

³¹² См.: Там же. С. 15.

25 апреля, через месяц боевой работы, на смену бронелетучке с экипажем из саратовских и покровских курсантов прибыли два бронепоезда. Через три дня курсанты-артиллеристы с полученной от командира 149-й бригады благодарностью «за отличное выполнение боевых приказов и смелые действия в боях»³¹³ возвратились к нормальной учебе.

Среди отличившихся в подавлении повстанческого движения частей значился и отряд Шувалова. Задержавшись некоторое время в Красном Куте, курсанты-пехотинцы 6 апреля были переброшены для боевых действий в немецких колониях в районе железнодорожного перегона Урбах – Нахой. В этот же день под прикрытием бронепоезда № 112 они с боем вошли в село Вайценфельд. Повстанцы отступили к селу Визендендорф. Отряд «вследствие исхода патрон» не решился их преследовать и, прихватив 60 заложников, вернулся на станцию Нахой³¹⁴. 7 апреля снова «делали наступление на село Вайценфельд, где была банда, которую выбили... забрали 700 пудов сахара и несколько сот пудов рыбы»³¹⁵. Но закрепиться в колонии и вывезти всю добычу в очередной раз не удалось. Приближавшиеся сумерки, открытая враждебность населения и наличие по соседству «банды» вынудили курсантский отряд покинуть село, взяв из трофеев только сахар. Последующие события в области немцев Поволжья произошли уже без курсантов. 8 апреля Шуваловский отряд срочно был отозван в Саратов для пополнения сводного курсантского батальона, отправленного навстречу «банде» Попова под Баланду³¹⁶.

Заключительным этапом борьбы с «бандитизмом» в Поволжье следует считать весну 1922 г. Он совпал со временем страшного голода, обрушившегося на Саратовскую землю. На фоне этой беды повстанческое движение, сошедшее было на местный, уездный уровень, получило новый импульс – в заволжских степях появился со своей «рейдовой бандой» Серов. Побывавший в свое время командиром полка в «армии» Сапожкова, он давно вел самостоятельные боевые действия и теперь со своей поредевшей «дивизией» (около 350 сабель)³¹⁷ сумел прорваться сквозь кольцо блокады в Туркестане. Банда давно потеряла всякую политическую окраску и занималась «элементарным грабежом населения, поскольку в условиях голода на добровольную помощь крестьян рассчитывать не приходилось»³¹⁸. В свою очередь, некоторые сельские жители, не надеясь на заботу государства, пошли за «атаманом», чтобы

³¹³ Межевников С.В. Указ. соч. С. 15.

³¹⁴ См.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. д. 323. Л. 112.

³¹⁵ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 97.

³¹⁶ См.: Там же; РГВА. Ф. 62. Оп. 1. д. 517. Л. 368.

³¹⁷ См.: Бычков Ю. И. В степях под Перелюбом. Саратов, 1995. С. 350.

³¹⁸ Гончаров А. В., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 80.

любим способом добыть пропитание себе и своим семьям. Так, за короткое время к Серову примкнуло до 2,5 тыс. повстанцев. Долгий рейд по Саратовскому Поволжью банде не удался. В боях с 3 по 7 апреля повстанцы потерпели жестокое поражение и были рассеяны в громадном четырехугольнике Пугачев – Новоузенск – Лбищенск – Уральск³¹⁹.

Направленному 25 марта в Пугачевский уезд экспедиционному батальону 20-й Саратовской пехотной школы³²⁰ так и не пришлось поучаствовать в боевых действиях. Курсантское подразделение рассматривалось как одно из многих воинских формирований, выставленное на возможном пути движения банды. Но короткий двухнедельный поход даром не пропал. Он дал возможность проверить в сложных условиях боевые качества и силу духа будущих командиров РККА.

Весенняя распутица, бездорожье, перебои с питанием подрывали физические силы. Чтобы их сохранить, курсанты отказались от проселочных дорог. Передвигались по вздувшемуся льду реки Иргиз. Прошли села, знакомые названиями из похода годичной давности, – Порубежка, Журавлиха, Гусиха. Курсантам нового набора эти места запомнились другим – страшными бедствиями голодного населения³²¹. Период борьбы с «бандитизмом» заканчивался. Социальная драма приняла другие формы.

³¹⁹ См.: Бычков Ю. И. Указ. соч. С. 281.

³²⁰ До мая 1921 г. – 34-е Саратовские пехотные командные курсы.

³²¹ См.: Звезда курсанта. 1924. 2 июля. № 6. С. 25.

С. В. Маркушина

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПРОМЫШЛЕННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЛОЕВ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ в XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В последнее десятилетие у нас в стране много пишут и говорят о предпринимательстве, о необходимости усвоения его исторического опыта, важности возрождения ценных дореволюционных традиций. Выпускается огромное число биографических справочников о наиболее известных представителях торгово-промышленного мира России¹. Появились и обобщающие научные труды о специфике формирования буржуазии в России, социальном составе предпринимательства, особенностях его культурного и психологического облика².

В данной статье сделана попытка проследить процесс формирования и развития промышленного предпринимательства в Саратовской губернии в XIX – начале XX в.

Предпринимательские слои Саратовской губернии начали складываться еще в первой половине XIX в. В это время в деловую жизнь России оказались вовлечены не только представители старого гильдейского купечества, но и мелкие провинциальные купцы, мещане губернских и уездных городов, крестьяне, в том числе и крепостные. Обострение конкуренции в сфере торговли во время экономического подъема в первой половине XIX в. вызвало у них интерес к промыш-

¹ 1000 лет русского предпринимательства (из истории купеческих родов). М., 1995; Барышников М. И. История делового мира России. М., 1994; Барыкин М. Н. Деловой мир России. СПб., 1998; Русский торгово-промышленный мир. М., 1993.

² Орлов Д. И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Брянцев М. В. Русское купечество: социально-культурный аспект формирования предпринимательства в России в XVIII – начале XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Боханов А. И. Крупная буржуазия России конец XIX – 1917 год. М., 1991; Суценок В. А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX – XX вв.): Общее и особенное в исторической судьбе. Ростов н/Д, 2001; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997; Российское предпринимательство XVI–XX вв. М., 2000. Т. 1, 2.

ленной деятельности. Даже дворяне в условиях бурного развития товарно-денежных отношений, несмотря на их в целом антипредпринимательские настроения, все больше стремились увеличить свои доходы от имения, открывая перерабатывающие производства. В 1850-е гг. они владели более 600 мельницами в уездах губернии³. Однако в продажу помещичья мука почти не поступала, а мельницы обслуживали нужды имения в продуктах питания и сырья для винокуренного производства, на них осуществлялся платный размол крестьянского зерна. Крупные же мельницы уже в этот период помещики предпочитали сдавать в аренду купцам. Кроме того, помещикам принадлежало 2/3 промышленных заведений, расположенных в сельской местности⁴. В основном это были крупные винокуренные заводы и суконные фабрики с ежегодной суммой производства от 10 до 50 тыс. рублей. Именно они давали до 90 % суммы промышленного производства уездов и около половины аналогичной суммы губернии⁵.

На втором месте в ряду промышленников стояли крепостные крестьяне, проявлявшие большую активность в промышленном предпринимательстве. Им принадлежало более 20 % предприятий в уездах. Однако обороты их были невелики – от 50 до 1000 рублей в год, поэтому в общей сумме производства губернии доля крестьянских предприятий составляла менее одного процента. Более 8 % промышленных заведений вне городов принадлежало немцам-колонистам. Они содержали довольно крупные по тогдашним меркам предприятия с суммой производства от 3 до 40 тыс. рублей в Сарепте и колониях Камышинского уезда. Именно колонисты начали развивать маслособойное (из подсолнечника), горчичное, табачное и сарпиночное производства. Они же принесли в губернию усовершенствованные голландские ветряные мельницы, с механическим просеиванием муки. К середине XIX в. все реки и родники в пределах колоний были усеяны водяными мельницами, снабжавшими своей мукой волжский район от Рыбинска до Астрахани. Вскоре колонисты начали арендовать у помещиков и строить собственные мельницы вне колоний, в первую очередь в Саратовском уезде. Первая паровая мельница в губернии также была построена колонистом⁶.

³ Труды губернских комитетов по устройству быта помещичьих крестьян. М., 1859. Т. 4: Саратовская губерния. Прил. С. 3.

⁴ До 1883 г. мельницы (кроме паровых) не входили в число фабрично-заводских предприятий.

⁵ Здесь и далее подсчет на 1852–1853 гг. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1167–1171, 1177–1185.

⁶ Мельница Зейферта в Саратове, построенная в конце 1850-х гг.

Городские сословия – купцы и мещане – в сельской местности развивали в основном мукомольное производство и добились уже значительных высот. Среди крупных купеческих мельниц выделялась водяная мельница в Николаевском уезде Самарской губернии принадлежавшая вольскому купцу Курсакову. Одиннадцать из двадцати ее поставов перемалывали зерно на крупу высших сортов. Предприятие приносило хозяину до 30 тыс. рублей серебром годового дохода. Немногим отставали от нее расположенные в этом же уезде мельницы купцов Сапожниковых и Волковойнова⁷. В Правобережье, кроме крупных водяных мельниц Саратовского уезда, выделялись купеческие мельницы в Вольском и Хвалынском уездах, наиболее крупная из которых принадлежала вольскому купцу Плигину⁸. В других видах промышленного предпринимательства они не были столь активны, и в уездах им принадлежало лишь чуть более 5 % промышленных предприятий (в основном кожевенные и салотопенные заводы).

В городах состав владельцев был иной. Подавляющая часть предприятий там принадлежала купцам (30,5 %) и мещанам (65,9 %). Обороты первых в среднем составляли 10 тыс. рублей, вторых – не более 2 тыс. Были в городах и заведения, принадлежавшие крестьянам (13 %). Но только один из них был вольноотпущенником, остальные оставались крепостными. Они владели мелкими заведениями с годовыми оборотами не более 100 рублей.

Особенностью России было активное участие женщин в торговле и промышленности. Накануне реформы в Саратовской губернии минимум 14 промышленных заведений принадлежали женщинам-дворянкам, купчихам, мещанкам⁹.

Таким образом, накануне реформы предприниматели Саратовской губернии представляли собой широкое сословное разнообразие, которое дополнялось наличием различных национальных и конфессиональных групп: русские, чуваша, мордва-православные, единоверцы, старообрядцы; немцы-колонисты-протестанты (в основном лютеране), татары-мусульмане. Мозаичность социальной структуры промышленников отражалась на сферах приложения их труда и капитала. Так, татарская и мордовская буржуазия специализировалась в основном на обработке животных продуктов. Немцы-колонисты наряду с мукомольем занимали первые места в переработке табака, горчицы, выработке сарпинки и кожевенном производстве. Старообрядцы предпочитали традиционные перерабатывающие производства, сторонясь виноку-

⁷ Булычев М. В. Развитие перерабатывающей промышленности Саратовской губернии в первой половине XIX века // Четыре века. Саратов, 1991. С. 57.

⁸ Фабрики и заводы всей России. Киев, 1913. С. 275.

⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1167–1171, 1179–1181, 1184, 1185.

ренного, водочного и табачного. Русские-православные, как наиболее массовая группа населения, присутствовали во всех отраслях промышленного производства.

Кроме того, этноконфессиональная и сословная принадлежность предпринимателей накладывала отпечаток на методы их руководства предприятиями, взаимоотношения с рабочими, отношение ко всему новому и способности к модернизации. Интересно, что наиболее устойчивое накопление капиталов и расширение производства демонстрировали не дворяне, имевшие все правовые и имущественные привилегии, не старое православное купечество, предпочитавшее традиционную сферу деятельности – торговлю, а старообрядцы, немцы-колонисты и некоторые татарские семьи, происходившие из зажиточных государственных крестьян. Данное обстоятельство, впрочем, было вполне логично для России этого периода, в которой предпринимательство развивалось не благодаря, а вопреки господствовавшим в стране условиям¹⁰. Идеалом светской жизни оставались «расточительность и эlegantность ничегонеделания, которые оценивались обществом гораздо выше, нежели заработок денег честным промышленным трудом»¹¹. В духовной сфере это подкреплялось традиционным православным взглядом на труд как средство минимального удовлетворения жизненных потребностей и осуждением накопления богатства. Кроме того, в области правовых отношений буржуазия не занимала того ведущего места, какое подобные слои имели на Западе.

Однако данное состояние не было какой-то особенностью России, а лишь свидетельствовало о значительном отставании ее от стран Запада. Россия второй половины XIX в. в этом вопросе соответствовала средневековой Европе до буржуазных революций¹².

Подобное положение привело к тому, что представители именно этих ограниченных в политических правах группы предпринимателей – старообрядцы, немцы-колонисты, татары – вынуждены были заполнить те ниши экономической жизни, которые были малопривлекательны для других, и в первую очередь предпринимательство в торгово-промышленной области.

Реформа 1861 г. и новое в промышленное законодательство (Положение «О пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863 г.), юридически предоставившее лицам всех сословий равные возможности в этой сфере, значительно изменили состав промышленников губернии.

¹⁰ *Брянцев М. В.* Указ. соч. С. 148.

¹¹ Протоколы заседаний первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью Спб., 1872. С. 19.

¹² *Мионов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2003. Т. 2. С. 91–295.

С одной стороны, лишенное даровых работников и ряда монополий (на недра, производство спирта и сахара) дворянство, несмотря на значительные средства, полученные ими в результате выкупных операций, по большей части не смогло приспособиться к новым условиям. 1860–1870-е гг. в Саратовской губернии характеризовались массовым закрытием дворянских предприятий.

С другой стороны, в производство вливались сотни новых предпринимателей из крестьян. Они сформировали довольно устойчивый и многочисленный пласт мелких сельских предпринимателей, занявший свою нишу в промышленном производстве и отличавшийся от городских промышленников длительным сохранением патриархальных отношений и слабой модернизацией производства.

В это же время идет становление экономической элиты губернии, обеспечившей относительно быстрое развитие губернии в XIX – начале XX в.¹³ Она состояла в основном из перечисленных выше категорий успешных предпринимателей дореформенного периода. Во второй половине XIX в. многие из богатейших промышленников Саратовской губернии были выходцами из немецких колоний (Шмидты, Борели, Зейферты, Рейнеке, Бендеры, Штафы и др.), старообрядческих территорий – Вольского, Хвалынского уездов Саратовской и Николаевского уезда Самарской губернии (Меркульевы, Мельниковы, Сапожниковы, Залогины и др.), а также татарской буржуазии (Асеевы, Казеевы, Дебердеевы). Большая часть крупного промышленного производства губернии в это время сосредоточивается в руках не более двадцати купеческих семей. В 1870–1880-е гг. основываются крупнейшие торгово-промышленные фирмы, которые будут существовать вплоть до 1918 г.

Тогда же складывается новый тип фирм, представлявших собой настоящие агропромышленные комплексы. Довольно рано осознав выгоды переработки собственного сырья, предприниматели из купцов весь пореформенный период активно скупали земли разорявшихся дворян, и уже к 1877 г. им принадлежало более 20 % всех частновладельческих земель Саратовской губернии и значительные территории в Николаевском уезде Самарской губернии¹⁴. В конце века купеческие семьи Борелей, Зейфертов, Кокуевых, Брюхановых, Плигиных и др. владели крупнейшими латифундиями¹⁵, в которых, кроме производства зерна, активно развивалась

¹³ Политика и культура в Российской провинции. М.; СПб., 2001. С. 99–100.

¹⁴ Орлов Д. И. Указ. соч. С. 142; Боханов А. Н. Указ. соч. С. 162–163.

¹⁵ Потомственному почетному гражданину П. И. Кокуеву принадлежало 7 тыс. десятин в Вольском уезде, А. А. Брюханову – 5 тыс. десятин в Хвалынском уезде, Д. Б. Зейферту – 19 тыс. десятин, купеческому семейству Борель – 27 тыс. десятин (Вся Россия. СПб., 1895. С. 527–528, 771; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 70).

его переработка. Во всех перечисленных выше имениях были крупные мельницы, а имение потомственного почетного гражданина Н. П. Кокуева в Вольском уезде названо в справочнике «Вся Россия» за 1895 г. в ряду немногих хозяйств губернии, «выдающихся своей технической переработкой сельхозпродукции»¹⁶. Как землевладельцы, купцы наряду с дворянами воспользовались законом, поощрявшим винокурение из собственного сырья¹⁷. Им принадлежало как минимум четыре из двадцати существовавших в конце XIX в. в губернии сельских винокурен¹⁸.

Этап индустриализации, в который вступила Россия в конце XIX в., внес значительные изменения не только в техническое состояние и организацию производственного процесса промышленных предприятий, но во многом отразился на социальном статусе и менталитете их владельцев.

Реформа промыслового обложения 1898 г., наконец, отделила приобретение сословных купеческих прав от покупки промыслового свидетельства¹⁹. С этого времени членство в гильдии из автоматического кооптирования превратилось в дело осознанного выбора. Что привело к некоторому сокращению предпринимателей купцов и увеличению представителей других сословий. Если в 1893 г. в промышленности губернии было 264 гильдейских предприятия, то в начале XX в. – купеческими числились лишь 83 частновладельческих предприятий. Купцы также являлись учредителями около 50 торговых домов и различных товариществ²⁰. Это были в основном представители старых купеческих фамилий. И в начале века мы видим в числе выбравших купеческие свидетельства К. К. Рейнеке, А. В. Чирихину, А. И. Шумилина, В. В. Богословского и др. Даже после смерти отцов (Э. И. Бореля, К. А. Штафа, С. И. Степашина) их сыновья продолжали выбирать купеческие свидетельства²¹. Однако это более было тради-

¹⁶ Вся Россия. Спб., 1895. С.-х. отд. С. 527.

¹⁷ ПСЗ III. Т. 10. Отд. 1. № 6888.

¹⁸ Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности. Спб., 1905. С. 506.

¹⁹ До 1898 г. владельцы предприятий с числом рабочих более 16 человек должны были ежегодно приобретать кроме промысловых свидетельств и гильдейские билеты. Поэтому все более или менее крупные промышленные предприятия были гильдейскими, т. е. купеческими. Купеческие свидетельства выбирали и учредители товариществ и торговых домов (см.: Орлов Д. И. Указ. соч. С. 53).

²⁰ Статистический обзор Саратовской губернии за 1893 год. Саратов, 1894. С. 16; Вся Россия. Спб., 1895. С. 2037–2076. Цифры по сословной принадлежности промышленников губернии в начале XX в. подсчитаны по: Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Спб., 1905. С. 20–21, 52, 74, 115–116, 156–157, 216–217, 285–287, 340–341, 401–404, 434–435, 507–508, 545.

²¹ ГАСО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 22. Л. 128–192.

цией, уважением к чести семьи, чем потребностью осознания общности интересов гильдейского купечества.

Другое дело – приобретение купеческих свидетельств еврейскими предпринимателями. Для них принадлежность к купеческому сословию давала возможность проживать и иметь предприятия вне черты оседлости. Наиболее крупной из принадлежавших этой национальности в губернии предприятий была саратовская табачная фабрика З. Я. Левковича.

Те же, кто недавно вошел в мир предпринимательства, предпочитали оставаться в прежних сословиях. Даже владельцы крупнейших фирм и торговых домов нередко оставались в сословии мещан, крестьян и поселян-собственников (бывшие колонисты). Так, в начале XX в. поселянам принадлежало 22 раздаточные конторы с числом рабочих на каждой свыше 100 человек, а мещанам и крестьянам – 11 заведений с числом рабочих 50–100 человек и четыре заведения с числом рабочих более 100 человек. Часто эти категории предпринимателей вообще не указывали своего сословия. Кроме того, многие из купцов к концу XIX в. носили более высокие звания – почетных граждан, коммерции советников. Представителям этой группы предпринимателей принадлежало в начале XX в. девять довольно крупных промышленных предприятий²².

В 1880-е и особенно в 1890-е гг. наблюдается некоторое возрождение дворянского предпринимательства. Выросшее в новых условиях молодое поколение помещиков предпринимает усилия по возрождению своих имений на новых капиталистических основах. Затяжной агрономический кризис, вызвавший снижение цен на зерно, подвиг их к более активной переработке выращиваемой сельскохозяйственной продукции²³. Наиболее крупные из имевшихся в каждом имении мельницы теперь начинают работать на рынок. Кроме этого, помещики начинают активно культивировать и перерабатывать подсолнечник. В конце XIX в. только в Вольском уезде работали маслобойные заводы в имениях графа Орлова-Денисова, Уварова, экономии княгини Ливен. Однако это были небольшие предприятия с числом рабочих не более 20 человек и годовой выработкой 7–12 тыс. пудов масла. В то время как, скажем, завод коммерции советника П. И. Кокуева в том же уезде производил при 34 рабочих до 30 тыс. пудов масла²⁴. После введения значительных

²² Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Спб., 1905. С. 52–507.

²³ Всеподданнейший отчет Саратовского губернатора за 1895 год. Саратов, 1896. С. 10.

²⁴ ВФ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 16. Свидетельство № 76, 98. Д. 52. Свидетельство № 413.

льгот в налогообложении сельского винокурения в 1890 г. расширяются старые и появляются новые производства. Самый большой винокуренный завод губернии принадлежал князю Л. Д. Вяземскому в селе Аркадак Балашовского уезда. На нем ежегодно производили до 140 тыс. ведер спирта. Крупные заводы (50–70 тыс. ведер) находились в имениях княгини М. Н. Оболенской, О. В. Васильчиковой, С. С. Иконникова²⁵.

Кроме переработки растительного сельскохозяйственного сырья, дворянское предпринимательство зафиксировано в стекольном, кирпичном, металло- и лесобработывающем производствах. В крупных имениях и экономиях в конце века существовали механические мастерские, обслуживавшие нужды имения и выполнявшие заказы местного населения. Некоторые из них достигали значительных оборотов. Это чугунолитейные и механические заводы в селе Терса экономии княгини Ливен (в 1884–1889 гг. существовал как судостроительный) и М. А. Устинова в селе Беково Сердобского уезда. Однако эти начинания не держались долго. Уже в 1903 г. Нессельроде сдал свой стекольный завод в аренду, а потом окончательно продал. Подобный же завод Волконского не фиксировался уже через три года после открытия. Механический завод в экономии Ливен просуществовал всего несколько лет, а потом (после ухода главного механика) превратился в мастерские по обслуживанию экономии.

Таким образом, большинство из 54 дворянских предприятий губернии представляли собой мелкие и средние заведения с числом рабочих менее 50 человек и годовым производством до 15–20 тыс. рублей. Некоторые из них фактически не отвечали важнейшим признакам фабрично-заводского предприятия и были включены в их число лишь с учетом того, что годовое производство их составляло около 2000 рублей. Только на пятой части дворянских промышленных заведений число рабочих превышало 50 человек. И лишь четыре предприятия с числом рабочих более 100 человек и годовым производством около 50 тыс. рублей могли называться по-настоящему крупными. Таким образом, дворянское предпринимательство Саратовской губернии вполне укладывалось в общероссийские рамки предпринимательства, характерного для этого сословия, при котором большую их часть составляли те же помещики, не порвавшие связи с сельским хозяйством, но экономические интересы которых в той или иной степени все больше перемещались во внеземледельческие сферы²⁶.

²⁵ Вся Россия. Спб., 1895. С. 2938–2976; Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности. Спб., 1905. С. 506–507.

²⁶ В 1900 г. по России 71 % предприятий, принадлежавших потомственным дворянам, перерабатывали сельскохозяйственную продукцию, 17 % – минеральное сырье (см.: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 год. М., 1979. С. 110).

Усилившееся расслоение крестьянства в 1880–90-е гг. привело, с одной стороны, к появлению малоземельных крестьянских хозяйств и повышению роли мелких кустарных неземледельческих промыслов, служивших пополнению скудного крестьянского бюджета. С другой стороны, реальностью становились крепкие крестьянские хозяйства, имевшие значительные земельные владения, наемных работников и налаженную переработку своей продукции. Так, в Вольском уезде в конце XIX – начале XX в. поднялись хозяйства крестьян Н. В. Сенотова, И. П. Галанина, Н. Л. Сергеева. Их водяные и паровые мельницы перерабатывали в 1910 г. от 200 до 500 тыс. пудов зерна²⁷.

Весьма активны были крестьяне в обработке животного сырья. Им принадлежали многочисленные кожевенные и овчинные предприятия в Кузнецком, Царицынском, Саратовском и других уездах губернии. Практически в каждом уезде были крестьянские кирпичные, поташные и известковые заведения, а также более 3 тыс. ветряных и мелких водяных мельниц.

В конце XIX – начале XX в. деловой промышленный мир стал активно пополняться новыми людьми, теми, кто ранее не имел отношения к предпринимательству или лишь выполнял обязанности служащих. В первую очередь, это относится к инженерам, юристам и другим лицам «интеллигентных профессий». Порой в широкую предпринимательскую деятельность вторгался человек без связей и капиталов, но зарекомендовавший себя или специалистом высокой квалификации, или хорошим организатором²⁸. Так, инженеры Эппель и Штучков арендовали, а потом выкупили уже упоминавшийся стекольный завод Нессельроде, значительно расширив и модернизировав производство. Инженер-механик А. А. Минклеит фактически был совладельцем чугунолитейного и судостроительного завода К. Э. Гильдебрандта в Вольске (хотя по документам владельцем завода числился только купец Гильдебрандт)²⁹. Агроном-управляющий имения княгини Ливен В. В. Вормс, купив у вольского купца Глуховцева пивоваренный завод, за несколько лет превратил его в крупное технически совершенное предприятие³⁰. А инженеры братья Максимовы, построив в 1881 г. первый паровой лесопильный завод в Царицыне, в начале XX в. контролировали до 40 % лесопереработки губернии.

²⁷ Вся Россия. Спб., 1912. С. 2020.

²⁸ Бовыкин М. Н. Указ. соч. С. 11.

²⁹ Маркушина С. В. Вольские торговцы и промышленники из немцев // Немцы в Саратовском Поволжье: Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5. Саратов, 1997. С. 32–34.

³⁰ Соломонов В. А. «Я никогда не стремился к наградам и званиям» // Культура русских немцев в Поволжском регионе. Вып. 1. Саратов, 1983. С. 124; Маркушина С. В. Вольские торговцы... С. 33.

ществственное влияние на модернизационный процесс промышленности Саратовской губернии оказал иностранный капитал, активно яввшийся в ее экономику с начала 1880-х гг. как в акционерной цынский металлургический и Волжский сталелитейный заводы), частновладельческой (металлообрабатывающий завод Б. Гантке, горный завод американского подданного А. Бари в Саратове французских инженеров Гардиен и Валлос в Царицыне) форме³¹.

Иностранные предприниматели приносили с собой из передовых капиталистических стран не только технику и технологию промышленного производства, но и деловые навыки, связи с западноевропейскими промышленными группами, опыт руководства крупными предприятиями. В этом отношении крайне интересен пример американского подданного А. Бари. Уже в начале 1890-х гг. на его заводе в Царицыне «каждый служащий, даже простой рабочий являлся участником прибыли конторы. Ежегодно перед большими праздниками все получали прибыль пропорционально жалованию, причем размер дивиденда вдвое-втрое превышал размер месячного жалования», что, по утверждению современников, значительно повышало их заинтересованность в производстве³².

Под влиянием успехов иностранного капитала местная буржуазия начала вкладывать денежные средства в новые перспективные отрасли, в первую очередь в цементное производство.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. произошло значительное расширение социальной базы промышленников-предпринимателей.

Другой особенностью периода начала индустриализации стала значительное повышение образовательного и культурного уровня промышленников. Если родоначальники династий промышленников (не дворянского происхождения) имели в лучшем случае начальное или домашнее образование, то в конце XIX в. они стали давать своим детям не только среднее (в коммерческих и технических училищах, классических гимназиях), но и высшее образование (в основном экономическое, техническое или юридическое) в России и за границей³³. Так что молодое поколение заводчиков промышленных городов губернии (Саратова, Вольска, Царицына) прекрасно разбиралось в экономических и технических вопросах своих производств, владело информацией о конъюнктуре рынка. Даже вольские старообрядцы Плигины и Мельниковы обратились с необходимостью перемен, разрешив своим детям свет-

³¹ Саратовский листок. 1893. № 90; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгодонья. М., 1969. С. 100.

³² Саратовский листок. 1893. № 5, 90; Саратовский дневник. 1894. № 164.

³³ *Семенов В. Н., Семенов Н. Н.* Саратов купеческий. Саратов, 1995. С. 18–60.

ский образ жизни, знание иностранных языков и учебу в столицах³⁴. Имевшие большие семьи промышленники старались, чтобы экономисты, техники и юристы были из своих – сыновей или иных близких родственников.

Крупные торговцы и промышленники являлись попечителями многих учебных заведений губернии³⁵. Купеческие и коммерческие собрания, биржевые комитеты открывали коммерческие школы и училища³⁶. Известны и крупные личные пожертвования. Так, исключительно стараниями вольских купцов М. Ф. Плигина и А. Г. Мельникова (первый передал городу здания, второй – 10 тыс. рублей) в Вольске в 1916 г. было открыто ремесленное училище³⁷.

В непосредственной связи с повышением образовательного уровня предпринимателей находилась и еще одна наиболее значимая черта данного периода – существенная нивелировка представителей крупной буржуазии. Отходят на задний план их различия по национальной, конфессиональной и сословной принадлежности. Вперед выдвигается объединяющее классовое начало – принадлежность к торгово-промышленному классу российского общества. Купеческие и мещанские собрания, составлявшиеся по сословному признаку, рассматривали в основном дела о благотворительности – назначения стипендий и пенсий, единовременных пособий вдовам и сиротам. Общие же экономические и конкретные коммерческие проблемы решались в бессословных организациях – биржевых комитетах, коммерческих собраниях, технических и экономических обществах. Анкета, предпринятая Русским техническим обществом в начале XX в., выяснила тот факт, что «из 62 организаций (буржуазии) лишь 2 были организованы по сословному признаку. Все же остальные 97 % организаций – по экономическому». Из чего общество с очевидностью заключает, что «существующие в России организации торгово-промышленных людей совершенно сбросили с себя сословную оболочку и являются организациями чисто классовыми»³⁸. Саратовские предприниматели также активно участвовали в различных отраслевых объединениях и съездах. Они принимали участие в исследованиях по формированию рынка сбыта, ценообразованию и другим вопросам.

³⁴ Ходорковская Л., Клинич А. Путь режиссера А. И. Канина. М., 1962. С. 225.

³⁵ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1774; ВФ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1989, 2125, 2106; Ф. 7. Оп. 1. Д. 2, 7, 13.

³⁶ ГАСО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 23, 28, 32; ф. 572. Оп. 2. Д. 3, 68, 118.

³⁷ Перечень вопросов на заседании Вольской городской думы от 03.08.1911. Вольск, 1911. С. 23; То же от 06.02.1904. Вольск, 1904. С. 16–17.

³⁸ Берлин П. А. Указ. соч. С. 222.

Уже с 1880-х гг. саратовские мукомолы активно участвовали в работе всероссийского съезда мукомолов, а впоследствии и в созданном местном отделении мукомолов Нижнего Поволжья³⁹.

Основными представительными учреждениями торгово-промышленной буржуазии были местные биржевые комитеты, открытые в Саратове и Балакове. Являясь ввиду недостаточной развитости политических буржуазных партий первичными объединениями буржуазии, они обсуждали проблемы, выходящие за рамки коммерческой деятельности (в том числе рабочий вопрос) и касавшиеся всего класса буржуазии. С 1906 г., после созыва I Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и организации постоянного органа – совета съездов, волжане принимали участие в организации и деятельности его отраслевых объединений судовладельцев, суконных фабрикантов, мукомолов. Во время и после первой русской революции в Поволжье были созданы отделения буржуазных партий, что является подтверждением того факта, что формирование класса буржуазии вступило в завершающую стадию⁴⁰.

Таким образом, формирование промышленной буржуазии Саратовской губернии проходило на протяжении всего рассматриваемого периода и имело как общероссийские, так и местные черты, связанные с многонациональным характером населения. Начало становления промышленного предпринимательства губернии пришлось на первую половину XIX в., причем наиболее активно оно шло в 1840–50-х гг. К 1870–80-м гг. из наиболее удачливых предпринимателей (часто это выходцы из колоний, саратовских и вольских старообрядцев и татарской буржуазии) формируется экономическая элита губернии. На рубеже XIX–XX вв. в промышленном предпринимательстве Саратовской губернии при сохранении сословности налицо были и значительные модернизационные изменения. Они проявились, в частности, в повышении образовательного и профессионального уровня владельцев предприятий, некоторой нивелировке представителей крупной городской буржуазии. Главная же особенность времени состояла в том, что промышленники-предприниматели все более осознавали себя определенной социальной

³⁹ Журавлев Ч. А. Данные по изучению мукомольного дела и сбыта русской муки на Европейских рынках // Материалы для второго съезда российских мукомолов. Самара, 1893. С. 11; Клейн Н. Л. Буржуазия в условиях формирования российского империализма // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX вв.: Межвуз. сб. Куйбышев, 1986. С. 96–98; Максимов Е. К. Торговый дом «Э. И. Борель» в Саратове // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5. Саратов, 1997. С. 30.

⁴⁰ Клейн Н. Л. Буржуазия в условиях формирования российского империализма... С. 96–98.

группой, обладающей значительной силой в российской экономике. Свои интересы и взгляды они выражали через биржевые комитеты, региональные отраслевые объединения и всероссийские съезды промышленников.

БЮДЖЕТ САРАТОВА в 1871–1892 гг.

История городского самоуправления в России 70–80-х гг. XIX в. не избалована пристальным вниманием исследователей. Из общих работ по данной теме привлекает внимание монография В. А. Нардовой⁴¹, в которой автор анализирует подготовку городской реформы 1870 г., особенности проведения выборов по новому городскому положению, юридический статус и социальное происхождение городских голов, взаимоотношения городских дум с коронной властью и некоторые другие элементы правительственной политики в отношении органов городского общественного управления. К сожалению, в этой работе не рассматривается практическая деятельность городских органов и проблемы, связанные с формированием их бюджетов. Поскольку хозяйственные функции городской думы и управы являлись основными в их деятельности, состояние городских финансов служит объективным показателем эффективности работы этих органов. Поэтому требуется пристальное изучение финансового положения и финансовой деятельности городского самоуправления. В последнее время стали появляться специальные исследования, посвященные органам общественного управления отдельных российских городов или регионов, в которых большое внимание уделяется положению городских финансов⁴².

Деятельность городских органов Саратова пока также не являлась предметом углубленного исследования, а динамика их бюджета совершенно не изучалась. Коллективный труд «Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894)» описывает реформу городских органов в Саратове в 1871 г. и кратко указывает пределы их ведения. В нем также отмечено преобладание в думе представителей купечества, упомянуты некоторые выдающиеся городские головы и рассмотрены главные отличия Городового положения 1892 г. от предыдущего⁴³. Из

⁴¹ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.

⁴² Алисов Д. А. Городская реформа 1870 года в Западной Сибири (на примере губернских центров) // Проблемы культуры городов России. Омск, 1997. С. 40–42; Писарькова Л. Ф. Московская городская дума, 1863–1917. М., 1998; Анкаримова Е. Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; Еремичева Л. А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: структура, функции, основные направления деятельности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001; Заманова Г. Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; Черняк Э. В. Городское самоуправление Казани (1870–1892 гг.). Казань, 2003.

⁴³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 2. С. 185–186.

специальных исследований, посвященных саратовскому общественному управлению, автору этой работы известна лишь небольшая статья Е. Н. Ардабацкого⁴⁴, в которой анализируются основные принципы Городового положения 1870 г. и описываются обстоятельства его введения в Саратове.

В качестве главного источника по данной теме привлечены официальные финансовые отчеты Саратовской городской управы – органа, ответственного за составление и выполнение сметы доходов и расходов города (бюджета). Эти отчеты дошли до нас в опубликованном виде, а часть из них отложилась в фонде управы Государственного архива Саратовской области⁴⁵. Кроме того, в фонде канцелярии губернатора ГАСО находятся ведомости о доходах и расходах городов Саратовской губернии за 1874–1875 и 1877–1878 гг., составленные городскими управами для представления начальнику губернии и в хозяйственный департамент МВД⁴⁶. Данные подобного рода содержатся также в ежегодных всеподданнейших отчетах губернаторов, которые можно найти не только в фонде канцелярии губернатора, но и, например, в личном фонде М. Н. Галкина-Враского⁴⁷. К сожалению, пока не удалось обнаружить отчеты управы за 1871–1873 и 1888 гг., хотя некоторые сведения о выполнении бюджетов этих лет были получены из других источников.

Следует особо уточнить, что под доходами отдельно взятого года автором подразумеваются все суммы, реально поступившие в городской бюджет в данном году наличными деньгами, включая погашения недоимок прошлых и поступления в счет будущих лет. Аналогично и расходами городского бюджета будут считаться средства, действительно затраченные на различные нужды в течение отчетного года наличными, в том числе сметные и сверхсметные ассигнования, а также расходы по бюджетам прошлых и будущих лет. В качестве хронологических рамок приняты 1871 г., когда в Саратове приступили к работе городские органы нового образца, и 1892 г., в котором была осуществлена следующая реформа городского общественного управления. Все цифры в статье приведены в рублях.

До введения Городового положения 16 июня 1870 г. доходы и расходы Саратова определялись высочайше утвержденным положением от 16 марта 1839 г. (подобные индивидуальные положения существовали для большинства крупных городов России, поэтому значение реформы

⁴⁴ Ардабацкий Е. Н. Введение саратовского городского самоуправления по Городовому положению 1870 года // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11 С. 93–106.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346, 596, 640.

⁴⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2419, 2816.

⁴⁷ Там же. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 35, 42, 44–47.

1870 г. состояло в частности в унификации норм регулирующих состояние городских финансов). Положение 1839 г. устанавливало основные статьи доходов, среди которых главными были сборы с отдаваемых в «оброчное содержание» городских имуществ (в первую очередь, земля), с частных имуществ обывателей (в размере одного процента с оценочной суммы, вычислившейся исходя из доходности имущества), с «записки в городскую обывательскую книгу» и с промышленных заведений. Далее фиксировались обязательные для города статьи расходов: уплата городских займов, отпуск сумм на благотворительные и учебные заведения, содержание городского управления, «ремонтные издержки вообще по устройству города и поддержанию городских доходов и зданий» и др. Городская дума была обязана ежегодно составлять смету доходов и расходов на следующий год и предоставлять ее на утверждение губернатора. Только после утверждения начальником губернии смета приводилась в действие. Важно подчеркнуть, что положение 1839 г. несло в себе несколько существенных ограничений, препятствовавших развитию городского бюджета. Так, город не мог использовать для текущих нужд излишки доходов, которые оставались после выполнения расходной сметы, а был обязан помещать их в Приказ общественного призрения в качестве запасного капитала. Эти суммы могли расходоваться на городские потребности только с высочайшего разрешения по представлению губернатора. Кроме того, при составлении годовой сметы в нее не могли вноситься новые статьи (как в доходную, так и в расходную часть) без предварительного разрешения начальства⁴⁸.

Реформа 1870 г. значительно расширила самостоятельность городских дум и управ в формировании бюджета. Новое положение в главе о городских сметах и отчетности гласило, что «городская управа составляет ежегодно смету (ропись) предстоящим городским доходам и расходам, которая рассматривается и утверждается думою, и, затем, в течение двух недель по утверждении, доставляется губернатору и объявляется во всеобщее сведение». Таким образом, глава губернии уже не мог влиять на городской бюджет на стадии его создания. Его роль заключалась лишь в наблюдении: «1) чтобы не устанавливались сборы, законом недозволенные, дозволенные же не назначались свыше разрешенных законом размеров; 2) чтобы не допускалось неуравнительности в обложении сборами предметов, казне или уделу принадлежащих, в сравнении с частными и 3) чтобы назначаемы были необходимые суммы на удовлетворение потребностей, законом обязательно на городские средства отнесенных». *Post factum* губернатор мог обжаловать противозаконные, на его взгляд, решения городского управления, в том числе финансового характера, в

⁴⁸ Высочайше утвержденное положение о доходах и расходах г. Саратова // ПСЗ. Собр. 2. Т. 14. Отд. 1. 1839 г. Спб., 1840. № 12128. С. 231–249.

двух инстанциях. Первой было губернское по городским делам присутствие (в Саратове оно было создано 25 августа 1870 г.), а второй и высшей – Правительствующий сенат. Об отчетности говорилось, что «городская управа составляет ежегодно отчет о движении городских сумм, который, по поверке и окончательном утверждении его городскою думою, препровождается к губернатору для сведения и объявляется порядком, в статье 68 указанным. Отчетность городского общественного управления не подлежит ревизии общих контрольных учреждений»⁴⁹.

Как видим, городскому управлению была предоставлена относительная свобода (в рамках общеимперского законодательства) в строительстве своего бюджета. Правда, внутренняя структура росписи во многом определялась списком тех расходов, которые по городовому положению в обязательном порядке относились на городские средства. Сюда входили: содержание городского общественного управления, общественных зданий и памятников; выплаты по городским займам; «производство разным учреждениям, установлениям и ведомствам пособий на содержание учебных, благотворительных и иных общепольных заведений»; «производство государственному казначейству пособий, занесенных в государственную роспись»; «издержки по отправлению воинского постоя и других воинских потребностей, а также по отоплению и освещению тюрем и содержанию смотрителей»; содержание городской полиции и подчиненной ей пожарной команды, а также общественных пожарных команд; содержание улиц, площадей, дорог, бечевников, мостов, тротуаров, переправ, бульваров, садов, каналов, водопроводов, сточных труб, прудов, канав, протоков и гатей, а также городское освещение; «отвод мест для своза нечистот и для зарытия палого скота». Существенным отличием новых бюджетных правил от дореформенных было то, что за удовлетворением указанных выше потребностей городские средства могли употребляться «по усмотрению городской думы, на всякие вообще предметы, относящиеся к пользам города и его обывателей и законам непротивные»⁵⁰.

Что же представлял собой бюджет саратовского городского управления накануне реформы? В 1870 г. в городские доходы поступило 181 251 рубль, а расходы выразились в сумме 153 206 рублей, причем недоимок по разным статьям за различными лицами числилось 420 309 рублей – более чем двухгодичный доход города⁵¹. Возникновение крупной суммы недоимок официальные источники мотивировали следую-

⁴⁹ Городовое положение // ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. 1870 г. Спб., 1874. № 48498. С. 821–839.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Свод статистических сведений о губернии (за 1870 и отчасти 1871 год, по отчетным данным 1870 года) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1871. С. 15.

щим образом. Принадлежавшие городу земли (более 80 тыс. десятин) были широко разбросаны по всему Саратовскому уезду. Мещанское население Саратова, занимавшееся земледелием на участках этой земли, часто подолгу проживало вдали от города. Поскольку расстояние было не столь велико, чтобы возникала необходимость в получении специальных документов на выезд из города, городские власти были не способны контролировать перемещения налогоплательщиков. Горожане пользовались этим, чтобы скрываться как от выплаты недоимок, так и от рекрутской повинности⁵².

Что касается объема бюджета дореформенного саратовского самоуправления, то для города, население которого в 1870 г. превышало 85 тыс. человек, цифры муниципальных доходов и расходов были достаточно низкими. Причины этого крылись главным образом в упоминавшихся выше законодательных ограничениях, сужавших полномочия городского общественного управления и препятствовавших росту бюджета. Реформа 1870 г. устранила большую часть этих барьеров.

Происшедшие в результате реформы принципиальные изменения в состоянии городских финансов отметил в своем всеподданнейшем отчете за 1871 г. саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский. Он сообщал коронной власти, что «благие последствия сего нового узаконения... особенно обнаружались на значительном усилении городских доходов, которые в течение отчетного года увеличились на 150 т. р., при чем городское управление привело в порядок и известность свои имущества и огромные земельные богатства, пожалованные городу блаженной памяти императором Петром Великим, в течение полутора столетий подвергавшиеся непростительной со стороны городского управления растрате – собственно по недостаточно заботливому ведению сего хозяйства». Губернатор указывал, что «еще накануне введения в Саратове нового Городового положения, доходы этого города не превышали 181.251 руб., между тем как к 1872 году городское общественное управление могло уже располагать для своих нужд цифрой доходов, превышающею 373 т. руб.». «Такое громадное увеличение доходов, – продолжал он, – в течение менее года происшедшее без обременения обывателей новыми налогами, представляет редкое явление в истории городского хозяйства не только Саратова, но и других более производительных городов империи». Тем не менее Галкин-Враский не терял чувства реальности и отмечал, с другой стороны, что «как ни значительно и ныне последовавшее уже увеличение доходов города, оно далеко не может удовлетворить всем возникающим требованиям и в том числе в высшей степени настоя-

⁵² Свод статистических сведений... С. 15–16.

тельным – как, между прочим, по усилению полицейского надзора и улучшению пожарной части в городе»⁵³.

После того, как 4 января 1871 г. начала свою деятельность Саратовская городская дума нового образца, из ее членов была избрана комиссия для рассмотрения росписи доходов и расходов на 1871 г.⁵⁴. Эта роспись была подготовлена еще старым городским управлением и после утверждения ее губернатором была передана комиссии для «соответственного, в чем будет следовать, дополнения и изменения оной». Комиссия, руководствуясь новыми законодательными нормами, предположила поступление доходов в размере 291 797 рублей, а расходы запланировала в сумме 260 278 рублей⁵⁵. Окончательный же вариант росписи, утвержденный думой, свел доходы и расходы города к одинаковым цифрам – 403 309 рублей для каждой части. Правда, выполнение бюджета не достигло запланированных показателей: всех доходов поступило 373 254 рубля, а израсходовано было 351 014 рублей⁵⁶.

Таблица 1

**Бюджет саратовского городского общественного управления
в 1871–1881 гг.**⁵⁷

Годы	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит	Годы	Доходы	Рас- ходы	Излишек или дефицит
1871	373 254	351 014	+22 240	1882	639 290	603 988	+35 302
1872	374 454	374 237	+217	1883	583 294	565 064	+18 230
1873	390 878	390 628	+250	1884	624 355	657 485	-33 130
1874	453 166	436 548	+16 618	1885	722 673	701 258	+21 415
1875	509 597	504 140	+5 457	1886	690 292	687 880	+2 412

⁵³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2141. Л. 28–29, 84.

⁵⁴ Ардабацкий Е. Н. Указ. соч. С. 102–103.

⁵⁵ Доклад комиссии по рассмотрению росписи доходов и расходов г. Саратова на 1871 год. Саратов, 1872. С. 1–2, 44.

⁵⁶ Дело о ревизии годового отчета городской управы за 1871 г. // ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об. – 2. (Галкин-Враский в своем отчете указал несколько иные цифры выполнения бюджета: доходы – 373 363 рубля, расходы – 374 454. См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2141. Л. 84.)

⁵⁷ Отчеты Саратовской городской управы за 1880–1885, 1887 и 1889–1892 гг. Саратов, 1882–1888, 1890 и 1892–1893; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2195. Л. 19 об. – 20; Д. 2419. Л. 18 об. – 21, 156 об. – 159; Д. 2816. Л. 16 а–16 г, 82 об.–85; Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об. – 2; д. 346. Л. 13–38, 59–86; Д. 640. Л. 33–102; Ф. 421. Оп. 1. Д. 282. Л. 30.

Годы	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит	Годы	Доходы	Расходы	Излишек или дефицит
1876	541 161	562 31 ⁵⁸	-21 156	1887	707 713	714 811	-7 098
1877	535 792	636 588	-100 796	1888	735 889	728 306	+7 583
1878	957 620	886 399	+71 221	1889	732 122	743 419	-11 297
1879	614 820	648 715	-33 895	1890	745 700	741 941	+3 759
1880	596 454	595 301	+1 153	1891	681 977	684 942	-2 965
1881	551 287	550 642	+645	1892	787 939	770 863	+17 076

За 1871–1892 гг. бюджет Саратова увеличился более чем на 400 тыс. рублей; доходная часть – на 111 %, расходная – почти на 120 % (см. табл. 1). Попробуем сопоставить эту динамику с ростом самого города. Если в 1870 г. число жителей Саратова составляло 85 220 человек, то к 1 января 1892 г. оно увеличилось до 126 274, или на 48,2 %. Число всех городских зданий за тот же период возросло с 13 269 до 16 666 (на 25,6 %), а количество предприятий – с 98 до 138 (на 40,8 %)⁵⁹.

Небезынтересно сравнить абсолютные цифры доходов и расходов с аналогичными показателями других губернских центров Поволжья, близких Саратову не только географически, но и по социально-экономической структуре. Так, например, доходы городского общественного управления Самары в 1889 г. составляли 478 517 рублей, а расходы – 466 787 рублей⁶⁰ (саратовский бюджет превысил эти показатели еще в середине 1870-х гг.). Правда, Самара в тот период существенно уступала Саратову как по количеству населения, так и по количеству земли, принадлежащей городу. В то же время Астрахань, которая уступала Саратову по числу жителей вдвое, а по городской территории и того больше, обладала не менее объемным бюджетом. В 1881 г. городских доходов здесь поступило 614 223 рубля, а расходов было произведено 566 614 рублей⁶¹. Это объясняется тем, что Астрахань была крупнейшим центром внутрисаратовской и международной торговли, и городское самоуправление получало большие средства в виде налогов и сборов, связанных с торгово-промышленной деятельностью, тогда как в Сара-

⁵⁸ Отчет Саратовской городской управы по расходу городских сумм за 1876 г. (Саратов, 1879) указывает цифру 703 154 рубля. Это связано с тем, что в него были включены и оборотные расходы города. В данных для губернатора приводились только реальные затраты.

⁵⁹ Свод статистических сведений... Ведомости А, Б, Г и № 2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год. Саратов, 1892. Ведомости № 2, 3б, 3в, 12.

⁶⁰ Приложение к всеподданнейшему отчету самарского губернатора за 1889 год. Самара, 1890. С. 14.

⁶¹ Город Астрахань и его окрестности. Астрахань, 1882. С. 5, 8.

тове, как мы увидим в дальнейшем, этот источник доходов был развит относительно слабо.

Общая динамика бюджета требует некоторых пояснений. Бурный рост доходов и расходов в первые годы существования городских органов нового образца сменился более медленным развитием, и с середины 1870-х до середины 1880-х гг. муниципальные финансы переживали период стагнации. Выделяется лишь 1878 г., когда произошел «взрыв» бюджета. Его причины связаны с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. В апреле 1877 г., накануне обнародования манифеста о начале войны, городской голова А. И. Недошивин устроил частное совещание гласных думы, где обсуждались размеры ассигнования на нужды войны из городских средств. На следующий день дума утвердила расход 100 тыс. рублей, предназначенных для открытия и содержания в Саратове помещений для раненых и больных воинов. Количество кроватей – 400 – составляло половину комплекта определенного для всей губернии. Этот расход и вызвал необычайно крупный бюджетный дефицит 1877 г. В период войны (до февраля 1878 г.) в город было доставлено 1 446 человек, преимущественно больных, и, кроме того, 1 616 пленных солдат и офицеров турецкой армии. Турки размещались в снятых городским управлением домах, кормились и лечились за счет думы, что также требовало значительных средств⁶².

В 1878 г. управа была вынуждена компенсировать возникший дефицит и привлекать для этого дополнительные средства (скорее всего за счет займов), в результате чего бюджет резко «разбух».

Особенностью городского бюджета было привлечение так называемых «оборотных сумм» на лето. По отчету за 1879 г., их размер составил 17 тыс. рублей и указан источник их поступления – ссуда Государственного банка. Примечание поясняет причины возникновения такой статьи: «По недостатку поступления в летние месяцы городских доходов и невозможности вследствие сего удовлетворить все текущие потребности города, городской голова... чтобы неостановить неотложные расходы, распорядился создать кратковременное позаимствование 17.000 руб. в отделении Государственного банка, которому деньги эти возвращены в ноябре месяце»⁶³. Действительно, Саратов, как типичный доиндустриальный город того времени, был тесно связан экономически с сельским хозяйством. Поэтому поступление городских доходов было наиболее проблематично летом, когда новый урожай еще только начинал реализовываться. В связи с этим управа была вынуждена изыскивать средства на текущие потребности и делать кратковременные займы на летние

⁶² Хованский Н. Ф. Саратов и война 1877–1878 гг. // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 47; ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 47. Л. 6 об. – 7.

⁶³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 36 об. – 37, 84 об. – 85.

месяцы. Если в 1870-х гг. к этому приему прибегали в исключительных случаях, то с середины 1880-х это стало правилом, из-за чего произошло существенное увеличение объема городского бюджета.

Обращает на себя внимание резкое снижение доходов в 1891 г., которое без сомнения было вызвано неурожаем, поразившим многие губернии России, и Саратовскую в том числе. Неурожай ударил не только по тем доходам, которые Саратов получал от сдачи своих земель под сельскохозяйственные угодья, но опосредованно нанес ущерб и сборам с торговли и промыслов⁶⁴. Однако в следующем году, когда ситуация начала выправляться, налогоплательщики были вынуждены компенсировать накопившиеся недоимки городу, в результате чего бюджет вновь наполнился.

Рассмотрим структуру доходов Саратова в указанный период.

Таблица 2

Структура доходов городского бюджета в 1871 г.

Раздел	Сумма	Доля, %
С городских имуществ и оброчных статей	95 537	25,6
Оценочный сбор	20 922	5,6
Сборы с промышленников	22 416	6
Налоги косвенные	62 191	16,7
Доходы вспомогательные	1 193	0,3
Чрезвычайные сметные доходы	140 904	37,8
Доходы сверхсметные и по разным предметам	13 340	3,6
Невыясненные	16 751	4,4
ИТОГО:	373 254	100

К сожалению, официальный отчет управы за 1871 г. пока обнаружить не удалось, а источник, которым приходится пользоваться в данном вопросе⁶⁵, вторичен и поэтому недостаточно точен и ясен. Например, в нем «потеряны» доходы на общую сумму 16 751 рубль, внесенные в табл. 2 под названием «невыясненные». Нет градации косвенных налогов, сборов с промышленников, чрезвычайных сметных и сверхсметных доходов. Все это делает невозможным доскональный анализ данной части бюджета. Тем не менее обращает на себя внимание преобладание прямых и косвенных налогов над доходами «с городских

⁶⁴ Приложение к всеподданнейшему отчету саратовского губернатора за 1891 г. Саратов, б. г. С. 1–4, 9–11.

⁶⁵ Доклад членов комиссии по рассмотрению годового отчета городской управы за 1871 г. // ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 – 3 об.

имуществ и оброчных статей», получаемыми, в основном, от сдачи в аренду городской территории под сельскохозяйственные угодья, торговые и промышленные заведения. Большую часть чрезвычайных сметных доходов составляли недоимки прошлых лет. Видимо, новое городское управление нашло способ заставить налогоплательщиков погасить хотя бы часть своих старых долгов. Однако стоит помнить, что в 1871 г. бюджет нового муниципалитета только начал формироваться. Только к концу 1870-х гг. он приобрел более или менее устоявшиеся черты. Отчет управы за 1892 г. рисует нам городские доходы в следующем виде (табл. 3).

Таблица 3

Структура доходов городского бюджета в 1892 г.

Раздел	Сумма	Доля, %
Доходы с городских имуществ	470 716	59,7
Налоги	122 975	15,6
Штрафы и пени	2 474	0,3
Доходы имеющие специальное назначение	17 650	2,2
Проценты с городских капиталов	800	0,1
Пособия Государственного казначейства	103 819	13,1
Разные доходы	11 589	1,4
Выплаченные городу долги и недоимки	49 364	6,2
Прочие	8 352	1,4
ИТОГО:	787 939	100

Лидирующее положение среди всех источников доходов заняли поступления от принадлежавших городу имуществ. Если взглянуть на их абсолютную динамику в рассматриваемый период (табл. 4), то можно заключить, что эта статья была наиболее надежной опорой бюджета. В нее входила арендная плата за городские земли, сдаваемые горожанам и крестьянскому населению Саратовского уезда под сельскохозяйственные угодья (пашни, покосы, сады, огороды). В черте города эти сборы взимались также с участков, на которых размещались заводы, мельницы, лавки и другие хозяйственные и торговые заведения, а еще с каменоломен, рыбных ловель, паровых пристаней и т. п. В 1880-е гг. доля всех этих поступлений в городской бюджет колебалась в среднем от 40 до 50 %.

Таблица 4

Доходы с городских имуществ⁶⁶

Годы	Сумма	Доля во всех доходах, %	Годы	Сумма	Доля во всех доходах, %
1871	95 537	25,6	1882	309 686	48,4
1872	н.д.	н.д.	1883	315 086	54
1873	н.д.	н.д.	1884	327 504	52,5
1874	168 641	37,2	1885	293 651	40,6
1875	234 858	46,1	1886	312 200	35,9
1876	н.д.	н.д.	1887	374 077	51,6
1877	219 739	41	1888	н.д.	н.д.
1878	248 026	25,9	1889	378 536	51,7
1879	279 581	45,5	1890	340 180	45,6
1880	226 106	37,9	1891	272 951	40
1881	258 622	46,9	1892	470 716	59,7

Вторую по значению группу городских доходов составляли налоги (табл. 5). Закон предоставлял городской думе право устанавливать налоги нескольких видов. Основными из них были оценочный сбор (с недвижимости), с документов на право производства торговли и промыслов, с трактирных заведений и постоянных дворов. Дополнительно могли вводиться налоги с извозного и перевозного промыслов, с лошадей и экипажей частных лиц и с собак. В городской доход также поступали сборы с нотариального засвидетельствования частно-правовых актов, с клеймения мер и весов, с аукционных продаж, с привозимых в город и увозимых из него товаров и другие разновидности косвенных налогов. Налоги, не предусмотренные городским положением, могли вводиться только высшей властью по ходатайству городской думы⁶⁷.

Кроме трех основных видов налогов, на протяжении описываемого периода в Саратове действовал лишь сбор с извозного промысла, введенный еще в 1839 г. и приносивший городу незначительные средства. В табл. 5 представлена динамика всех налогов в сумме и трех наиболее

⁶⁶ Отчеты Саратовской городской управы за 1880–1885, 1887 и 1889–1892 гг. Саратов, 1882–1888, 1890 и 1892–1893; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2419. Л. 18 об. – 19, 156 об. – 157; Д. 2816. Л. 166–16в, 82 об. – 83; Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 2; Д. 346. Л. 13–38; Д. 640. Л. 33–62.

⁶⁷ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. 1870 г. Спб., 1874. № 48498. С. 821–839.

значительных источников налоговых поступлений. В 1880–1892 гг. налоги и сборы приносили бюджету в среднем 20 % всех доходов.

Таблица 5

Налоговые поступления бюджета г. Саратова в 1871–1892 гг.⁶⁸

Годы	Оценочный сбор	Акциз с трактирных заведений	Сборы с патентов на производство и продажу спиртного	Сумма всех налогов	Доля всех налогов в доходах, %
1871	20 922	н.д.	н.д.	105 529	28,3
1872	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1873	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1874	41 641	н.д.	н.д.	136 984	30,2
1875	12 164	н.д.	н.д.	106 071	20,8
1876	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1877	26 691	н.д.	н.д.	160 070	29,9
1878	32 168	н.д.	н.д.	171 863	17,9
1879	29 845	84 252	15 302	174 566	28,4
1880	30 260	64 340	12 150	145 047	24,3
1881	34 935	43 662	5 743	125 006	22,7
1882	42 419	37 498	13 209	132 534	20,7
1883	30 988	44 470	16 183	132 822	22,8
1884	40 042	33 369	18 729	137 618	22
1885	35 761	34 510	15 355	131 366	18,2
1886	40 735	45 360	15 990	146 153	16,8
1887	36 522	46 310	16 735	144 057	19,9
1888	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1889	37 695	48 855	13 272	147 139	20,1
1890	39 136	46 455	12 464	139 937	18,8
1891	34 990	42 867	10 654	128 081	18,8
1892	40 161	34 267	11 088	122 975	15,6

Из всех налогов особое внимание привлекает оценочный сбор. Ему подлежали все недвижимые имущества, находящиеся в черте города, за исключением: «1) императорских дворцов и принадлежащих к ним имуществ; 2) казенных зданий в тех частях их, которые заняты правительственными учреждениями; 3) принадлежащих благотворительным и учебным заведениям, а также ученым обществам и установлениям, зданий, в тех частях их, где помешаются самые заведения, общества

⁶⁸ Отчеты Саратовской городской управы за 1880–1885, 1887 и 1889–1892 гг. Саратов, 1882–1888, 1890 и 1892–1893; ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–3; Д. 346. Л. 13–38; Д. 640. Л. 33–62; ф. 1. Оп. 1. Д. 2419. Л. 18 об. – 19, 156 об. – 157; Д. 2816. Л. 166–16в, 82 об. – 83.

или установления; 4) принадлежащих духовным ведомствам (как христианских, так и нехристианских исповеданий) имуществ, не приносящих дохода; 5) земель, отошедших под железные дороги при самом их устройстве, а также зданий и сооружений, на землях сих возведенных, и долженствующих, по истечении определенного срока, поступить, вместе с дорогою, в собственность казны и 6) тех имуществ, которые, по малоценности их, городская дума признает справедливым освободить от сбора». Размер оценочного сбора определялся думой в процентах: с чистого дохода от недвижимых имуществ, определенного городским общественным управлением посредством оценки, или же, при невозможности определить доход, – с их стоимости, но он не мог превышать 10 % чистого дохода с имуществ или 1 % стоимости⁶⁹.

В Саратове в 1871–1874 гг. размер оценочного сбора составлял предел законной нормы – 1 %. Но затем дума и управа, видимо, сочли такую ставку слишком высокой, и в 1875 г. этот налог собирался по 1/4 % с оценочной суммы, что, естественно, привело к почти четырехкратному падению доходов по этой статье. Отцы города быстро поняли свою ошибку, и в 1877 г. норма составляла уже 0,5 %, правда на этом уровне она «застыла» до 1900 г. На первый взгляд вызывает удивление тот факт, что городские власти не стремились извлечь максимум из такого важного источника доходов. Однако вероятнее всего, члены муниципалитета просто защищали в данной ситуации свои личные интересы, поскольку многие из них сами были владельцами недвижимости. В 1883 г. саратовский губернатор А. А. Зубов констатировал, что «избиратели из владельцев недвижимой собственности пользуются избирательными правами на основе конечных взносов в городскую кассу, ревниво оберегая себя от всякого возвышения оценочного сбора»⁷⁰.

Кроме двух основных источников денежных средств, рассмотренных выше, своим объемом выделялся раздел «пособия государственного казначейства», что, по сути, было компенсацией правительством большей части тех расходов, которые нес Саратов на общегосударственные потребности, главным образом за расквартирование войск. В графу «доходы, имеющие специальное назначение», входили плата за лечение в городской больнице и тому подобные поступления.

⁶⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. 1870 г. Спб., 1874. № 48498. С. 821–839. Характерно, что Положение 16 марта 1839 г. гласило: «С оценки взимается ежегодно один процент», устанавливая, таким образом, единую норму обложения, которую городское управление не могло ни уменьшить, ни повысить. Городовое положение 1870 г. регламентировало лишь высшую границу оценочного сбора.

⁷⁰ *Воронезцев А. В.* Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 37.

Необходимо отметить, что структура доходов саратовского бюджета принципиально отличалась от аналогичной структуры крупнейших городов Российской империи. Прежде всего, это касается ориентированности на получение большей части доходов от городских имуществ и относительно малого удельного веса налоговых поступлений. В 1880-х гг. Санкт-Петербург, Москва и Одесса получали только от оценочного сбора в среднем 34, 36 и 26 % всех доходов соответственно, тогда как Саратов в этот же период от всех налогов имел лишь 20 % доходного бюджета. И, напротив, в это же десятилетие от собственных недвижимых имуществ Петербург получал в среднем 10,7 % доходов, Москва – 7,5 %, Одесса – 16,9 %, Саратов – 46,5 %⁷¹.

Выше уже упоминалось, что сведения о бюджете 1871 г. получены не из прямого источника и поэтому не отличаются ясностью. Тем не менее на их основе можно составить общее представление о структуре городских расходов в это время (табл. 6).

Таблица 6

Структура расходов городского бюджета в 1871 г.

Раздел	Сумма	Доля, %
Содержание общественного управления	116 691	33,2
Содержание городских имуществ и наем помещений	29 245	8,3
Наружное благоустройство города	34 740	9,8
Издержки по военной части	56 966	16,2
Содержание городских учебных и благотворительных заведений	10 454	2,9
Расходы мелочные	4 762	1,3
Расходы единовременные	94 145	26,8
Невыясненные	9 506	1,5
ИТОГО:	351 014	100

Из текста источника удалось понять, что в разделе «издержки по военной части» учтены расходы «преимущественно на наем казарменных и других воинских помещений и частью на ремонтное, отопление и освещение городских зданий, занимаемых губернским Батальоном и Абхазским полком», а в единовременные расходы входили «усиление средств полицейского управления», «устройство мостовых», «устройство дамбы через Глебов овраг», «ремонт Казанского училища и водо-

⁷¹ Финансы крупнейших русских городов. М., 1894. С. 13, 55. (Цифры по Саратову – подсчет автора. – М. З.)

проводов» и др.⁷². Бросается в глаза абсолютное преобладание расходов на содержание самого общественного управления над остальными. К началу 1890-х гг. градация расходов стала более четкой (табл. 7).

Таблица 7

Структура расходов городского бюджета в 1892 г.

Раздел	Сумма	Доля, %
Содержание общественного управления	87 990	11,4
Расходы по учреждениям МВД	52 132	6,7
Содержание пожарной части	53 692	6,9
На благоустройство города	62 412	8,1
Содержание учреждений министерства юстиции	16 064	2,1
Учебно-воспитательная часть	105 363	13,6
Содержание городской больницы	32 700	4,2
Выдача пенсий и пособий служащим по городскому общественному управлению	4 901	0,6
Налоги и повинности с городских имуществ	51 326	6,6
Издержки по отправлению воинской повинности	142 588	18,5
Прочие расходы	161 695	21,3
ИТОГО:	770 863	100

При анализе динамики расходной части бюджета приходится преодолевать проблемы, связанные с разнородностью используемых источников. Как отмечалось выше, данные за 1874–1875 и 1877–1878 гг. заимствованы из ведомостей о доходах и расходах городов Саратовской губернии, составленных городскими управами для губернатора. Градация расходных статей в этих ведомостях несколько разнится с градацией в отчетах управы, поэтому в некоторых случаях приходилось производить подсчеты. Цифры 1871 г. вообще трудно соотнести с данными за другие годы, а подробные сведения за 1872–1873 гг. вообще пока обнаружить не удалось.

В табл. 8 продемонстрирована динамика основных расходных статей саратовского бюджета в 1874–1892 гг. В графу «содержание общественного управления» внесены все затраты на личный состав управы, канцелярские и хозяйственные расходы, а также содержание различных служащих городского хозяйства (землемеров, смотрителей и т. д.). «Содержание полиции» также подразумевает все виды расходов от жалования до найма помещения для городского полицейского управления. В 1891–1892 гг. ассигнования на содержание полиции проходили по

⁷² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 3 об. – 8 об.

статье «содержание учреждений МВД», куда кроме них вносились также расходы на содержание городского по воинской повинности присутствия и др. Но львиную долю средств поглощала часть статьи, значащаяся как «пособие государственному казначейству на содержание городского полицейского управления». Наряду с ведомственной пожарной частью, подчиненной городской полиции, в Саратове в 1875 и 1877 гг. существовала общественная пожарная команда, также, впрочем, содержавшаяся на городские средства. Вообще расходы российских городов на полицию и пожарную команду относились в тот период к числу обязательных, причем размер их не зависел от городского управления, так как содержание полиции и пожарной команды определялось особыми документами для каждого города. В графе «наружное благоустройство» для 1874–1875 и 1877–1878 гг. суммированы ассигнования на устройство и содержание мостовых, на освещение города, ремонт городских зданий, очистку площадей, улиц общественных туалетов и дымовых труб и др. Расходы на «учебно-воспитательную часть» подразумевали финансирование начальных и средних учебных заведений города, пособия городской библиотеке и т. д. «Благотворительная часть» включала в себя содержание городской больницы, нескольких богаделен и ночлежных домов, а также пособия бедным ученикам городских школ и средних учебных заведений.

Таблица 8

Основные расходы саратовского городского общественного управления в 1874–1892 гг.

Годы	Содержание общественного управления	Содержание полиции	Содержание пожарной части	Наружное благоустройство	Учебно-воспитательная часть	Благотворительная часть
1874	67 687	35 865	40 027	71 749	35 077	1 800
1875	70 754	40 201	41 371	86 641	29 320	3 300
1876 ⁷³	63 828	49 921	42 912	122 571	64 773	15 174
1877	78 697	46 277	40 287	135 663	57 886	82 033
1878	65 825	42 359	36 163	188 934	72 333	37 204
1879 ⁷⁴	81 083	59 668	48 903	126 055	86 911	39 232
1880	73 512	57 988	52 129	46 869	89 903	25 632
1881	69 292	64 193	50 860	44 322	106 115	24 135

⁷³ Отчет Саратовской городской управы по расходу городских сумм за 1876 г. С. 2–198.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 59–86.

Окончание табл. 8

Годы	Содержание общественного управления	Содержание полиции	Содержание пожарной части	Наружное благоустройство	Учебно-воспитательная часть	Благотворительная часть
1882	72 904	53 979	51 537	75 802	85 710	22 421
1883	72 490	53 673	50 912	62 906	84 231	22 110
1884	78 724	52 753	53 153	98 131	80 499	24 656
1885	80 917	51 016	51 609	78 103	86 989	25 899
1886 ⁷⁵	74 876	33 858	51 976	93 040	93 712	27 570
1887	87 219	27 359	51 621	137 011	97 859	29 527
1888 ⁷⁶	н.д.	н.д.	48 836	98 988	95 695	31 311
1889	73 763	36 000	49 561	103 223	100 380	29 940
1890	75 812	38 726	54 938	89 593	100 189	29 729
1891	74 147	27 978	52 437	49 354	97 930	32 470
1892	87 990	52 132	53 692	62 412	105 363	32 700

Существенную часть бюджетных ассигнований поглощали сверхсметные или чрезвычайные расходы. Некоторые из них представляют интерес. Так, в 1882–1887 гг. по этому разделу городом было затрачено на постройку и оборудование здания Радищевского музея в общей сложности 106 082 рубля. В дальнейшем город регулярно отпускал средства на содержание музея уже по разделу сметных расходов «учебно-воспитательная часть».

В указанный период городские финансы испытывали разного рода трудности, которые мешали интенсивному развитию бюджета. В 1870-е гг. к таким трудностям относился недостаток опыта у членов управы и думы в ведении финансовых дел и оформлении их соответствующей документацией. Немаловажной проблемой также была склонность некоторых должностных лиц города к использованию служебного положения в личных интересах, что вело к серьезным злоупотреблениям. Известный городской деятель И. Я. Славин приводит в своих мемуарах характерный эпизод. В конце 1870-х гг. сборами с арендованной на базарных площадях городской земли заведовал член управы В. И. Богомоллов. Он лично взимал плату с торговцев, зачастую самостоятельно устанавливая ее размер и принимая крутые меры против неплательщиков. После того, как базарное хозяйство в 1879 г. возглавил сам Славин, выяснилось, что Богомоллов из собираемых им сумм представлял в кассу управы не более половины, присваивая себе остальное. Причем вел двойную бухгалтерию, чтобы скрыть от всех свои действия. Славин, узнав об этом, сообщил открывшиеся обстоятельства городскому голове А. И. Недошивину, однако тот, по каким-то своим причинам, не дал за-

⁷⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 640. Л. 63–102.

⁷⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4822. Л. 90, 233, 296 – 297 об.

конного хода этому делу. Тем не менее последовавшая вскоре сенатская ревизия вскрыла махинации Богомолова, и в 1881 г. судом присяжных он был признан виновным и приговорен к ссылке⁷⁷.

Другую проблему представляла принятая на себя городским управлением гарантия по доходности Тамбово-Саратовской железной дороги. Это обязательство было принято еще дореформенной думой в период строительства дороги совместно с губернским земством. Доля собственно городского бюджета составляла около 75 тыс. рублей в год⁷⁸. Сумма выплаты регулярно вносилась в городскую смету, но на деле не тратилось ни копейки, в результате чего к 1884 г. долг по гарантии вырос до 813 368 рублей, причем в отчетах управы причина невыплаты никак не объясняется⁷⁹. В 1884 г. губернские власти получили из Санкт-Петербурга «распоряжение о принятии решительных мер к принудительному административному взысканию с города недоимки железнодорожной гарантии». Члены управы и думы оказались в полной растерянности, так как найти в одночасье сумму, превышающую годовой бюджет, было просто невозможно. Помощь городу оказал саратовский губернатор А. А. Зубов, который лучше, чем столичные чиновники, представлял сложность финансового положения муниципалитета. «По счастью», в это время случился оползень Соколовой горы, и Зубов представил его перед коронной администрацией серьезным общественным бедствием – катастрофой, «подобной Геркулануму и Помпее, и указал, что бедствие повлекло за собою для города непредвиденные и значительные затраты и что взыскивать при настоящем положении с него недоимку было бы крайне затруднительно, жестоко и нецелесообразно»⁸⁰. Компромисс был найден: городские власти в качестве уплаты большей части долга передали государству билет 4-процентного непрерывного дохода, составлявший запасный капитал муниципалитета, а по большому счету являвшийся «мертвым грузом» для городского бюджета, остальная часть долга была просто списана⁸¹. Железная дорога перешла в собственность государства, однако в 1885–1891 гг. из городского бюджета ассигновывались по 51 тыс. рублей в год на «уплату ренты по облигациям Тамбово-Саратовской железной дороги», что, видимо, было одним из условий соглашения между городом и правительством.

Эти и тому подобные проблемы тормозили рост саратовского бюджета, мешали концентрировать финансовые ресурсы, необходимые для осуществления важнейших мероприятий в сфере городского бла-

⁷⁷ Славин И. Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 5–6. С. 160–162.

⁷⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2141. Л. 28–30.

⁷⁹ Отчет Саратовской городской управы за 1884 г. Саратов, 1888. С. 230–231.

⁸⁰ Славин И. Я. Указ. соч. С. 89–91.

⁸¹ Отчет Саратовской городской управы за 1884 г. С. 231–233.

гоустройства. Поэтому некоторые значимые для города сооружения создавались не за счет муниципальных средств, а путем разрешения концессий частным лицам. Так, с 1872 г. устройством городского водопровода занималось товарищество «Рахманинов и компания», впоследствии передавшая свои права Английскому обществу саратовского водопровода. Английская компания и соорудила водопровод, торжественно открытый в 1875 г.⁸². В собственность города он был выкуплен лишь в 1898 г. Конно-железная дорога, движение по которой началось в 1888 г., также была построена по концессионному договору с Л. П. Блюммером. Проект создания городской канализации не вышел в указанный период за рамки обсуждения из-за отсутствия источников финансирования. Видимо, по той же причине не состоялась организация электрического освещения города⁸³.

Таким образом, благоприятные последствия реформы 1870 г., сделавшей город более самостоятельным в финансовом отношении, сказались в первые годы после нее. В дальнейшем развитие городского бюджета происходило более медленными темпами. Причины заторможенности этого процесса разнообразны по характеру. К объективным относится, в частности, относительно низкий уровень экономики, товарно-денежных отношений и благосостояния жителей Саратова в этот период. На него указывает малый удельный вес налоговых поступлений в городской бюджет. Из субъективных причин бросается в глаза несоответствие деятелей городского общественного управления тем требованиям, которые предъявляли новые условия городской жизни. Речь идет о недостатке у них профессиональных знаний и навыков, необходимых для эффективного управления городскими финансами. Это затрудняло поиск новых и увеличение традиционных источников доходов и порождало отдельные административные проблемы. Результатом всех этих обстоятельств была невозможность осуществить некоторые важные проекты благоустройства Саратова и увеличить объем финансирования социальных городских объектов (образования, здравоохранения, благотворительности).

⁸² Об организации водопровода в Саратове и о взаимоотношениях по его поводу между городским самоуправлением и Английским обществом см.: *Славин И. Я. Указ. соч.* № 11–12. С. 131–134.

⁸³ *Славин И. Я. Указ. соч.* № 5–6. С. 98–99.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

XX век в истории России был отмечен грандиозными изменениями, кардинально преобразившими облик страны. Коснулись они всех сфер жизни общества, напрямую сказавшись на демографической ситуации: неоднократно менялся вектор миграционных процессов, темпы естественного прироста населения. Страна в первой половине столетия пережила три демографические катастрофы, завершение первой из которых приходится на первые годы Советской власти, период наиболее бурных трансформаций социума. Их изучение, и особенно на местном материале, позволяет нам не только лучше понять современную ситуацию в РФ, найти пути и средства для изменения направленности демографических процессов в стране в лучшую сторону, но и оценить наиболее вероятное изменение этих процессов в будущем, разработать демографические прогнозы.

В начале 20-х гг. XX в. в Саратовской губернии, как и во всей стране, налицо была демографическая катастрофа, отправной точкой которой исследователи считают 1914 г. Действительно, если в 1911–1913 гг. естественный прирост населения губернии составлял 5,0 ‰ (промилле⁸⁴), то в 1920–1922 гг. он выразился в цифре 8,6 ‰⁸⁵. В чем причина такого положения вещей? Ответ на этот вопрос кроется в анализе ситуации, сложившейся в регионе к концу гражданской войны и в период введения нэпа.

Как и вся страна, Саратовская губерния к концу 1920 г. оказалась во власти всеобъемлющего кризиса «военного коммунизма». Глубина и острота его в крае была значительней, чем в других местностях, поскольку губерния в годы войны являлась житницей страны, кормившей в грозные 1918–1919 гг. потребляющие центры, столицы и армию хлебом. Это осложнило не только социально-экономическое положение региона, но и демографическую ситуацию в нем. Действительно, в 1920 г. смертность здесь превысила рождаемость на 24 483 человека, причем среди умерших преобладали мужчины (14 250 человек), а женщины составляли лишь 10 233 человека. В определенной мере в последнем случае сказалась гибель мужского населения в ходе развернувшегося в губернии крестьянского повстанческого движения⁸⁶.

⁸⁴ Промилле (от латинского pro mille – за тысячу) – тысячная часть числа, обозначаемая знаком «‰».

⁸⁵ См.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924. С. 42.

⁸⁶ См.: Н. А. Движение населения Саратовской губернии (1920–1925 гг.) // Административная жизнь. 1925. № 18–19. С. 3.

Если же попытаться провести сравнение влияния кризисных явлений в городах и сельских местностях региона на естественное движение населения, то мы получим следующую картину (табл. 1)⁸⁷.

Таблица 1

**Естественное движение населения губернии
по городам и уездам
в 1915–1921 гг., на тыс. жителей**

Годы	Рождаемость		Смертность		Прирост	
	город	уезд	город	уезд	город	уезд
1915	33,21	36,50	32,66	27,90	+0,55	+8,60
1916	27,18	26,70	28,20	22,72	-1,02	+4,07
1917	19,15	18,72	23,27	16,43	-4,12	+2,29
1919	27,14	36,35	55,48	30,37	-28,34	+6,08
1920	32,66	31,77	56,84	37,40	-24,18	-5,63
1921	32,94	33,36	62,01	29,85	-29,07	+3,51

Видно, что уже с 1916 г. условия жизни в городах были менее благоприятные, чем в деревнях (см. табл. 1). Главную роль в появлении отрицательных показателей естественного движения населения сыграло нежелание сельского населения везти свои продукты в город. С переходом же власти в руки большевиков и началом гражданской войны негативные тенденции в демографических процессах стали еще более выраженными. Объясняется это преимущественно проводимой в годы гражданской войны продовольственной политикой с системой заградительных отрядов, препятствующих бесперебойному притоку продуктов в города из сельских районов. В тяжелое положение города ставило и запрещение частной торговли, что весьма сильно стесняло мероприятия по распределению продуктов, которых едва хватало и самим крестьянам для удовлетворения личных потребностей. Следовательно, хотя положение в уездах было и лучше, чем в городах, но не намного: рождаемость в сельских местностях едва компенсировала смертность, т. е. крестьянство, так же как и горожане, стояло на грани вымирания⁸⁸.

Характеризуя демографическую ситуацию этого времени, необходимо отметить и процесс миграции рабочего класса, главной социальной опоры новой власти, из городов в сельскую местность, а также за преде-

⁸⁷ Мальков А. А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Саратов, 1926. С. 22.

⁸⁸ Там же. С. 26–27.

лы губернии⁸⁹. По данным статистики, только в одном городе Саратове среднее число рабочих в 1920 г., по сравнению с 1913 г., сократилось на 50 429 человек (или на 21 %) ⁹⁰. Во многом именно это явление, наряду, конечно, с другими проявлениями кризиса (экономическими, политическими), вынудило руководство страны принять решение о смене курса экономической политики, другими словами, о введении нэпа. Этот акт, наряду с затуханием гражданской войны, способствовал некоторому понижению смертности в 1921 г. (с 109 101 человека в 1920 г. до 69 305 в 1921 г.) ⁹¹. Однако этот позитивный процесс не получил дальнейшего развития. Истории было угодно распорядиться по-другому. Саратовская губерния, как и все Поволжье, оказалась во власти голода 1921–1922 гг., который свел на нет все преимущества нэпа по сравнению с политикой «военного коммунизма».

Поэтому в развитии демографических процессов в регионе не произошло позитивных изменений. По-прежнему смертность превалировала над рождаемостью: по сравнению с 1913 г., в 1922 г. в уездах она выросла на 128 % ⁹², а в городах – на 322 % ⁹³. При сопоставлении этих данных видно, что в отличие от деревни, где, при всей трагичности ситуации, у крестьян было больше возможностей найти пропитание, в городах ситуация была значительно тяжелее. Осложняло ее и появление в городах губернии огромного количества ищущих спасения от голода беженцев (к апрелю 1922 г. в Саратове скопилось до 20 тыс. беженцев ⁹⁴). Их пребывание в городах поглощало и так незначительные продоволь-

⁸⁹ См.: Отчет экономического совещания при Балашовском уисполкоме. Июль – сентябрь 1921 г. Балашов, б. г. С. 23; На новом пути: 1-й сборник отчетов уездного экономического совещания о деятельности местных отделов Вольского уисполкома в связи с новой экономической политикой. Вольск, 1921. С. 11; Отчет Саратовского губернского исполнительного комитета солдатских, рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9-го созыва 10-му губернскому съезду советов за октябрь 1920 – июнь 1921 г. Саратов, 1921. С. 283; Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период гражданской войны. Саратов, 2000. С. 149.

⁹⁰ Материалы по статистике г. Саратова. Саратов, 1921. Вып. 1. С. 4.

⁹¹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 40.

⁹² Однако здесь следует оговорить тот факт, что нельзя полностью полагаться на данные этого источника, поскольку во время голода во многих волостях Новоузенского, Дергачевского и Петровского уездов регистрация актов гражданского состояния была неудовлетворительна: все умершие от голода и подобранные на базарах в отделе не регистрировались, а отправлялись прямо на кладбище. Поэтому можно предполагать, что реальные цифры смертности намного выше (см.: Гуменюк А. А. Политические и социально-экономические аспекты перехода нэпу в Саратовской губернии (1921–1923) // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 179).

⁹³ См.: Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 66.

⁹⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 139.

ственные ресурсы, усиливая этим только недовольство рабочего класса. К тому же беженцы являлись источником быстрого распространения эпидемий (холера, тиф), из-за которых в Саратове начиная с середины 1921 г. смертность намного стала превышать рождаемость⁹⁵. Вообще 1922 г. явился кульминационным по числу потерь населения. Его убыль в этом году достигла огромной цифры 16,63 %, т. е. отрицательный прирост достиг величины обычного положительного прироста мирного времени⁹⁶.

В условиях неурожая 1920 г. и голода 1921–1922 гг. резко активизировались миграционные процессы. Судя по архивным данным, передвижения населения приобрели стихийный характер, угрожая уничтожить все на своем пути: посевы, огороды, бахчи⁹⁷. Действительно, из-за безысходного положения целые села оставляли свои родные места, стремясь выехать в более благоприятные по урожаю местности. По неполным данным, из Хвалынского уезда выселилось около 50 тыс. человек, из Дергачевского – около 40 тыс. человек⁹⁸. Основными направлениями миграции являлись главным образом южные регионы страны: Украина, Кавказ, Кубань. Однако переселение далеко не для всех было спасением от голодной смерти, поскольку вышеуказанные регионы страны не в силах были вместить всех желающих, и многие семьи возвращались обратно⁹⁹.

В этих условиях ни о каком введении нэпа не могло быть и речи. Первостепенной задачей для местного руководства стала борьба с голодом, оказание экономической помощи крестьянству¹⁰⁰. Только с появлением с весны 1922 г. первых успехов на этом поприще вектор демографических процессов в регионе стал меняться в лучшую сторону. Массы беженцев от голода теперь устремились на прежние места жительства, желая как можно быстрее засеять свои поля. Действительно, в 1922–1923 хозяйственном году вернулось 550 тыс. человек беженцев¹⁰¹.

⁹⁵ Саратовские известия. 1921. 23 сент. С. 3.

⁹⁶ Мальков А. А. Указ. соч. С. 17.

⁹⁷ ЦДНКСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 10. Л. 78.

⁹⁸ См.: Там же. Д. 43. Л. 69. Д. 51. Л. 27. Д. 54. Л. 35. Д. 324. Л. 52. Д. 815. Л. 26; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Саратов, 1922. С. 67; Черная година. 1922. № 1. С. 28.

⁹⁹ См.: Гуменюк А. А. Социально-экономические процессы в Саратовской губернии в период перехода к нэпу (1921–1923) // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы: Материалы IX межрегион. науч. краевед. чтений. Саратов, 2000. С. 51.

¹⁰⁰ Более подробно об этом см.: Гуменюк А. А. Саратовская деревня начала 1920-х гг. в свете проблем современной модернизации аграрного сектора страны // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 259.

¹⁰¹ См.: ЦДНКСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 23. Л. 17; ГАСО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 912. Л. 59 об.

Поэтому уже в 1922 г. начался рост посевных площадей (на 3 %), в 1923 г. он достиг 15 %¹⁰².

Все это способствовало изменению в позитивную сторону условий жизни саратовской деревни. Крестьянство понемногу стало оправляться от последствий голода, а это, в свою очередь, не могло не отразиться на естественном движении населения. Изменение к лучшему социально-бытовых и экономических условий, которые до сих пор служили тормозом к деторождению, явилось основанием к проявлению копившейся с 1914 г. потенциальной биоэнергии населения. Сознательное ограничение, а иногда и полный отказ от деторождения встретились с прямо противоположным психологическим моментом сельского населения – боязнью упустить возрастное время иметь детей¹⁰³. Поэтому в 1923 г. картина естественного движения сельского населения резко изменилась (рождаемость превысила смертность на 54 553 человека)¹⁰⁴, положив начало дальнейшему улучшению демографической ситуации в деревнях губернии (в 1924 г. рождаемость превысила смертность уже на 67 753 человека¹⁰⁵).

На изменение в лучшую сторону демографической ситуации в городах губернии была нацелена деятельность таких структур, как губернская комиссия помощи голодающим (губкомпомгол), Американская администрация помощи (АРА), рабочий кооператив (губрабкооп)¹⁰⁶, Саратовский подотдел Международной рабочей помощи при III Коминтерне¹⁰⁷, комиссии по улучшению быта рабочих (в частности, ими создавались коммунальные огороды при предприятиях), саратовские комсомольские организации (они использовали различные формы работы по изысканию продовольствия: субботники, открытие столовых общественного питания, поездки в другие регионы, в частности,

¹⁰² См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 948, Л. 5, 9. Д. 950. Л. 3. Ф. 466. Оп. 1. Д. 57. Л. 1а; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 23. Л. 84. Д. 32. Л. 69. Д. 147. Л. 191; Коммунистический путь. 1923. № 9. С. 88; Саратовский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 13-й. Стенографический отчет. 4–10 янв. 1923. Саратов, 1923. Ч. 1. С. 50; Отчет Саратовского губернского экономического совещания в период времени с 1 октября 1922 по 1 апреля 1923 г. Саратов, 1923. С. 16.

¹⁰³ Мальков А. А. Указ. соч. С. 44.

¹⁰⁴ Н. А. Движение населения Саратовской губернии (1920–1925). С. 4.

¹⁰⁵ Статистический сборник. Саратов, 1925. С. 26.

¹⁰⁶ Этот кооператив выступил инициатором организации заготовительных экспедиций в Полтавскую, Орловскую, Курскую, Черниговскую, Ярославскую губернии, а также в Ташкент, Москву, Минск, Витебск (см.: Саратовские известия. 1922. 13 янв. С. 1. 24 авг. С. 2; Черная Година. 1922. № 2. С. 22).

¹⁰⁷ Его усилиями во времена самого страшного голода 1922 г. поддерживалось продпайками 500 фабричных рабочих (см.: ГАСО. Ф. 466. Д. 1036. Л. 178).

на Украину)¹⁰⁸ и других организаций. Одновременно с поступлением в города продовольствия извне осуществлялась отправка из губернии беженцев и различного рода переселенцев на их историческую родину или в более «сытые» регионы. Только за период с 1 августа по 1 декабря 1921 г. из губернии мигрировало и эмигрировало 56–57 тыс. человек, среди которых были не только жители республики Советов, но и выходцы из Польши, Прибалтики, военнопленные Австро-Венгрии и Турции¹⁰⁹. А за первые 7 месяцев 1922 г. из одного только города Саратова было эвакуировано 2052 беженца, в результате к 1 октября 1922 г. в Саратове числилось уже всего 603 беженца, а к 1 января 1923 г. в беженских домах проживал лишь 261 человек¹¹⁰. Число эвакуированных из Саратова беженцев могло быть и большим, однако этому мешали низкие темпы работы губернского отдела эвакуации: из 200 человек беженцев, прибывавших в Саратов за один день, эвакуировать удавалось только 50¹¹¹. Тем не менее уровень жизни жителей губернии повысился, что видно на примере Саратова. Действительно, если в самые тяжелые осенние месяцы 1921 г. рацион питания саратовцев составлял 1991 калорию (в сентябре), то в феврале 1923 г. – уже 2794 калории¹¹².

Изменение в лучшую сторону ситуации с питанием создало благоприятную обстановку для качественных изменений в естественном движении населения. В 1923 г. демографические процессы в городском социуме региона приобретают позитивный оттенок: в Саратове рождаемость превысила смертность на 2186 человек¹¹³, а о движении населения в уездных городах можно судить по следующим данным (табл. 2)¹¹⁴.

¹⁰⁸ Головченко В. И. Деятельность комсомольских организаций Поволжья по преодолению голода и его последствий в 1921–1922 гг. (На материалах Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. С. 74, 87; Филатов Н. Н. Деятельность государственных органов, партийных и комсомольских организаций по улучшению условий труда, быта и образования рабочей молодежи в 1921–1925 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991. С. 121–123.

¹⁰⁹ См.: Саратовский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 11-й. Саратов, 1921. С. 40; Гуменюк А. А. Политические и социально-экономические аспекты... С. 179–180.

¹¹⁰ См.: Мальков А. В. Беженское движение в связи с голодом в Саратовской губернии // Саратовский вестник здравоохранения. 1922. № 10. С. 33–34; ГАСО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 912. Л. 61 об.

¹¹¹ Васильев С. Н. Влияние голода на деревню Саратовского края // Краеведы и краеведение Поволжья... С. 266.

¹¹² Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 119.

¹¹³ Н. А. Движение населения Саратовской губернии (1920–1925). С. 4.

¹¹⁴ Мальков А. А. Указ. соч. С. 46.

**Рождаемость в некоторых городах Саратовской губернии
в 1922 и 1923 гг., на тыс. жителей**

Годы	Хвалынский	Вольск	Балашов	Камышин
1922	12,4	14,23	18,42	19,4
1923	34,8	39,98	31,33	32,97

По мнению А. А. Малькова, увеличение рождаемости в 1923 г. было тем больше, чем она была ниже в предшествующие тяжелые годы. Города с низкими коэффициентами дали увеличение в два-три раза. Еще большее выравнивание коэффициентов произошло в отношении смертности. Города, имевшие в 1922 г. огромную смертность – свыше 100 на тысячу (в частности, Хвалынский, Кузнецк, Петровск, Камышин), снизили ее до пределов 20–28 на тысячу¹¹⁵. В целом же, по данным статистики во всех городах губернии в 1924 г. рождаемость уже превышала смертность на 3001 человека¹¹⁶. Вероятно, определенную положительную роль в улучшении демографической ситуации в регионе сыграла помощь, оказываемая губернским отделом труда семьям беженцев с детьми, в виде дополнительных пособий¹¹⁷, что, несомненно, является отражением общей социальной политики советского государства.

Улучшение продовольственного положения городов способствовало не только изменению в лучшую сторону естественного движения населения, но и существенному притоку населения в города. По сведениям Всероссийской городской переписи населения за 1923 г., только лишь число бывших жителей Саратова, занимавшихся в 1920–1922 гг. сельским хозяйством, сократилось с 8320 человек в 1920 г. до 7803 в 1923 г.¹¹⁸. Количество же рабочих на промышленных предприятиях, напротив, возросло. Так, уже июньский 1922 г. пленум Саратовского губкома РКП(б) отмечал, что «в связи с новой экономической политикой замечается, что прежде деклассированный рабочий класс теперь опять начинает собираться...»¹¹⁹ Действительно, численность занятых в промышленности рабочих стала постепенно увеличиваться: если на 1 октября 1922 г. на всех предприятиях ГСНХ состояло 5840 рабочих и служащих, то через полгода (на 1 августа 1923 г.) это число возросло до 7976, т. е. на 2136 человек, или на 36,6 %¹²⁰. К 1 июля 1924 г. на ценовых

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Статистический сборник. Саратов, 1925. С. 26.

¹¹⁷ В июле 1923 г. на кормление ребенка было выделено 117 пособий на общую сумму 10 874 рубля; на уход за ребенком – 27 пособий на сумму 9124 рубля (см.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 257. Л. 3).

¹¹⁸ Население городов Саратовской губернии в 1923 году. Саратов, 1924. С. 28–29.

¹¹⁹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 91.

¹²⁰ Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 8 (33). С. 22.

промышленных предприятиях было занято уже 12 393 рабочих¹²¹. В последующие годы эта тенденция продолжает набирать обороты. Если в 1923 г. в Саратове проживало 186 508 человек, то в 1926 г. – уже 215 276 человек. Однако уровень 1913 г. (217 тыс.) был превзойден только лишь к концу 1930-х гг. Так, например, в 1939 г. население Саратова составляло уже 372 тыс. человек, что было связано с притоком населения в конце 1920-х – 1930-е гг. в связи с процессом индустриализации¹²².

Положительные изменения демографической ситуации в сельском и городском социуме Саратовской губернии были важным доказательством утверждения новой экономической политики в регионе, подчеркивая важность демографических процессов как фактора, определяющего перспективы экономической и социальной политики любого государства. Однако эти позитивные моменты в развитии демографических процессов в губернии не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг. Если в 1913 г. в губернии проживало 3 290 710 человек, то в 1923 г. только лишь 2 744 122 человека (по другим данным 2 882 тыс. человек). Эти потери населения были, прежде всего, потерями мужского населения: в 1923 г. женщин в губернии насчитывалось 1 475 342, а мужчин – всего 1 268 680¹²³. Эти деформации полового состава населения имели долгосрочные негативные последствия. Они определяли демографическую ситуацию в СССР на протяжении долгих десятилетий.

¹²¹ Статистический сборник. Саратов, 1925. С. 113.

¹²² См.: Население городов Саратовской губернии в 1923 году. С. 6; *Кавунов П. А.* Города Саратовской области. Саратов, 1963. С. 32; *Хуторная О. И.* Из истории переписи населения в Саратовской губернии. 1897–2002 гг. (по материалам фондов Саратовского областного музея краеведения) // Краеведы и краеведение Поволжья... С. 67–68.

¹²³ См.: История Саратовского края: Учеб. пособ. для сред. и старш. классов школ всех типов / Под ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 199; ЦДНИ-СО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 257. Л. 173; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 2; ГАСО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

**ПРИМЕР, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ
(ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.)**

Решение проблемы доступности начального образования, как общего, так и специального, для широких масс населения Саратовской губернии началось уже в первой половине XIX в. Одним из самых известных фактов этого ряда является открытие в Саратове в 1840 г. Анной Рылеевой на собственные средства при Крестовоздвиженском женском монастыре первой школы для девочек – дочерей монастырских служащих и городских жителей¹. Примерно в эти же годы были открыты школы для крестьянских детей Аткарского уезда в имениях кн. Кочубея, Гурьева, гр. Шувалова и в селе Кологривовке². Свидетельства о столь отдаленных временах, к сожалению, редки и достаточно неопределенны. Вот что пишет Н. Ф. Хованский об одной из крупнейших экономий гр. Воронцова-Дашкова (Саратовский уезд): «Один управляющий имением, говорят, был заботлив о крепостных; он, между прочим, основал школу, в которой обучались фельдшерскому искусству, ветеринарному, слесарному, столярному и сапожному делу»³.

Более интенсивный процесс развития народного образования в Саратове и губернии начался после реформ Александра II, в условиях демократизации общества, активизации деятельности органов местного самоуправления и поощрения частной инициативы. Благодаря совместным усилиям органов самоуправления, общественных организаций, частных лиц уже в начале XX в. появилась основа для введения в губернии общедоступного начального образования.

Заботились об учебных заведениях, прежде всего, их попечители – выборные лица от местного общества. Некоторые из них полностью содержали подопечные школы: например, в Саратовском уезде купец Д. Е. Шевырев – земскую школу села Адоевщина, священники Прелатов и Лебедев – школы грамоты в селах Широкое и Мещановка⁴. Не-

¹ Юрьев В. История Саратовского Крестовоздвиженского женского монастыря. Саратов, 1902. С. 60–62.

² Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Б. г. С. 60.

³ Там же. С. 71.

⁴ Доклад Саратовскому очередному уездному земскому собранию сессии 1895 г. по народному образованию. Саратов, 1895. . Т. III. С. 114, 132.

сколько школ Вольского уезда: Короваевская, Новосильцевская, Кишинская, Лопастейская, Барнуковская – содержались исключительно на частные пожертвования⁵. Титулярный советник А. М. Масленников построил школу в селе Хмелевка Саратовского уезда, прекрасно ее оборудовал и выделял ежегодно на различные нужды по 100 рублей⁶. Был он также попечителем 4-го Саратовского мужского начального училища и помогал ему материально. Активно работал А. М. Масленников в попечительных советах торговой школы и Александровского ремесленного училища⁷. Жена А. М. Масленникова, Людмила Львовна, была попечительницей 6-го Саратовского женского начального училища и также помогала ему материально⁸.

Некоторые сельские школы благодаря заботе попечителей были в числе лучших в губернии. Таковыми были церковно-приходская школа села Нееловка (попечитель – академик Шахматов Алексей Александрович) и две земские школы села Идолга (попечитель – священник Лебедев Василий Павлович). В школах села Идолга на высоком уровне были организованы занятия в ремесленном отделении. Здесь же проводилось обучение пению и гимнастике. И все это – благодаря усилиям попечителя школы⁹. Первой идолгской школе оказал значительную помощь еще в 1870 г. инженер И. М. Григорьев, пожертвовав 3 тыс. рублей¹⁰.

Одной из самых острых проблем начальной школы была нехватка помещений, их непригодность для занятий, плохое состояние зданий. И дворяне, и купцы оказывали в решении этой проблемы помощь самого различного характера, например строили на свои средства новые школьные здания. В начале XX в. в селе Колено Аткарского уезда землевладелец И. П. Шмидт построил здание для министерской школы¹¹. Балашовский купец Макаров пожертвовал более 5 тыс. рублей на постройку нового здания для начальной школы в селе Турки¹², а купец Красулин – 10 тыс. рублей на постройку школы в Саратове¹³. В 1881 г. фрейлина императрицы В. В. Ланская пожертвовала 5 тыс. рублей на

⁵ Положение народного образования в Саратовской губернии. Вольский уезд. Саратов, 1894. С. 171.

⁶ Доклад... С. 136.

⁷ Отчет инспектора народных училищ П. П. Романовича о состоянии саратовских городских начальных училищ. Саратов, 1899. С. 20; Отчет о состоянии народного образования в Саратове. Вып. 1. Саратов, 1908. С. 104.

⁸ Отчет... С. 105.

⁹ Доклад... С. 128, 130.

¹⁰ Саратовская летопись // Саратовский край. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 85.

¹¹ Журналы комиссии по народному образованию. При Аткарской земской управе. Саратов, 1904. С. 18.

¹² Отчет Саратовского епархиального училищного совета. Саратов, 1890. С. 19.

¹³ Известия Саратовской городской думы. 1909, отд. VI. С. 281.

материальную поддержку саратовских школ. На эти средства в Саратове было обустроено как минимум две школы¹⁴.

Нередко школы размещались в домах, принадлежащих их попечителям. Школа грамоты села Полчаниновка Аткарского уезда была устроена в доме дворянина Александра Николаевича Минха, известного саратовского краеведа. Он же помог построить школу в деревне Федоровка¹⁵. Шиханская школа в Вольском уезде располагалась в доме графа Орлова-Денисова¹⁶.

Одним из самых ярких примеров благотворительности в сфере начального образования в губернии стала деятельность шести представителей рода Ермолаевых, дворян Петровского уезда. Так, А. В. Ермолаева пожертвовала средства на постройку Хуторо-Петровского начального училища, а Надежда Сергеевна Ермолаева оставила по духовному завещанию 9 тыс. рублей Спасско-Александровской школе¹⁷. Самым активным общественным деятелем в семье был Николай Сергеевич Ермолаев. Среди его крупнейших пожертвований – 7 тыс. рублей, выделенные на содержание земской школы в селе Ключи. Н. С. Ермолаев неоднократно избирался членом уездного училищного совета, был его председателем, попечителем шести сельских школ¹⁸.

Помогали благотворители школам и в обеспечении различным оборудованием. Земской школе села Пристанное попечительница С. И. Чеснокова подарила «волшебный фонарь»¹⁹. Попечительница 2-го Саратовского женского училища подарила школе рояль²⁰. Известный общественный деятель Василий Дмитриевич Вакуров передал саратовским городским начальным училищам большую электрическую машину для проведения опытов²¹.

Нередко частные лица из своих средств оплачивали труд преподавателей. Например, учителю церковно-приходской Мало-Сергиевской школы Балашовского уезда князь Прозоровский-Голицын выплачивал ежегодно по 300 рублей²². Землевладелица Балашова платила двум учителям церковно-приходской Чибирлейской школе Кузнецкого уезда 250 рублей в год²³.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Доклад... С. 132.

¹⁶ Положение... Вольский уезд. С. XV.

¹⁷ Положение народного образования в Саратовской губернии. Вып. II. Петровский уезд. Саратов, 1897. С. 106–108, 224.

¹⁸ Положение... Вып. II. С. 30, 38, 48, 52, 63, 78, 96, 107, 200, 218, 238, 249, 270.

¹⁹ Доклад... С. 134.

²⁰ Саратовская копеечка. 1912. 15 дек.

²¹ Протоколы заседаний Саратовской городской думы. Саратов, 1893. С. 963.

²² Отчет Саратовского епархиального... Саратов, 1890. С. 20.

²³ Там же. С. 55.

Для успешного освоения школьной программы учащимся начальных школ не хватало самого необходимого: тетрадей, карандашей, учебников, книг для чтения. И эти проблемы помогали решать частные лица. Землевладельцы Петровского уезда князь А. А. Васильчиков и княгиня В. В. Голицына ежегодно покупали книги для земских школ сел Березовка и Князевка²⁴. С. А. Панчулидзе выписывал книги для Старо-Бурасской школы²⁵. Попечитель 3-го Вольского городского мужского училища Алтухов обеспечивал учеников из бедных семей учебниками²⁶.

В программу начальной школы в рассматриваемый период входило обучение чтению, письму, счету, изучение Закона Божьего, в некоторых школах вводились дополнительные предметы. Эти занятия нередко организовывались на частные средства. Так, в расходах на преподавание в Безводнинской школе Петровского уезда столярного ремесла приняли участие и частные лица, обеспечив помещение для ремесленного класса и квартиру для мастера, ведущего этот курс²⁷. Известный ученый, профессор Григорий Николаевич Минх способствовал развитию при земской школе села Новые Бурасы ремесленного и сельскохозяйственного обучения. Он же оказывал значительную материальную помощь школе, участвовал в возведении нового школьного здания²⁸. Переpletная мастерская церковно-приходской школы села Рящино Сердобского уезда содержалась на средства ее попечителя штаб-ротмистра Стефана Михайловича Козловского. В его доме размещалась и школа²⁹.

В деле введения в губернии общедоступного начального образования большую роль играли пожертвования на приобретение одежды и обуви для беднейших учеников. Например, в июне 1911 г. Саратовская городская училищная комиссия заказала изготовление 250 штук пальто и 4 тыс. пар сапог для раздачи ученикам городских школ³⁰. В октябре 1912 г. Саратовская городская управа обеспечила более 500 школьников из беднейших семей зимней одеждой и обувью³¹. В 1916 г. бывший саратовский городской голова Александр Николаевич Елифанов передал городу 500 рублей на приобретение одежды для учащихся городских начальных училищ³².

²⁴ Положение... Вып. II. Петровский уезд. С. 11, 19, 190, 226.

²⁵ Доклад... С. 114.

²⁶ Положение... Вольский уезд. С. 230.

²⁷ Доклады 30-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию. Саратов, 1896. Т. V. С. 62.

²⁸ Доклад... С. 114.

²⁹ Отчет... Саратов, 1890. С. 83, 84.

³⁰ Саратовская копеечка. 1911. 11 июня.

³¹ Саратовская копеечка. 1912. 11 сент.

³² Известия Саратовской городской думы. 1916. Отд. V. С. 44.

Важным видом помощи учащимся начальных школ было обеспечение нуждающихся питанием, особенно в неурожайные годы, а также отдыхом в летнее время. В феврале 1912 г. попечители Саратовской Серафимовской школы открыли бесплатную столовую для 30 беднейших учеников школы³³. Учитель Илиодор Никитич Алявдин пожертвовал по завещанию часть своего капитала на организацию летних колоний для детей из бедных семей³⁴.

Помощь учащимся из бедных семей оказывалась также в форме денежных пособий. Примеров этого немало. Например, в начале XX в. в Балашовском, Петровском, Хвалынском уездных земствах в различных низших ремесленных учебных заведениях платили стипендии от 30 до 85 рублей в год³⁵. Саратовский купец Петр Григорьевич Бестужев в 1902 г. внес в городскую управу 450 рублей для оказания помощи учащимся городских школ³⁶. В 1890 г. купеческая вдова Дарья Семеновна Поздеева передала 160 рублей в распоряжение попечителя 5-го Саратовского мужского начального училища на нужды учащихся³⁷.

Как видно из приведенных фактов, помощь начальной школе и учащимся в ней была самой разнообразной. Суммы, выделяемые благотворителями и попечителями школ, были также различны: от десятков до тысяч рублей. Чтобы получить некоторое представление об общем размахе благотворительности в сфере народного образования в конце XIX – начале XX в., приведем показатели расходов на содержание церковно-приходских школ и школ грамоты Саратовской епархии за четыре года конца XIX в. Они составили около 210 тыс. рублей. До 20 % всей суммы поступило от попечителей школ и частных лиц³⁸. Факты, приведенные в этом кратком сообщении, могут стать примером для подражания современных предпринимателей, ищущим общественной активности и достойного приложения своим капиталам.

³³ Саратовская копеечка. 1912. 5 февр.

³⁴ Известия Саратовской городской думы. 1909, отд. VI. С. 79.

³⁵ Обзор постановлений уездных земских собраний 34-й сессии // Саратовская земская неделя. 1902. № 1. С. 53; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству. Спб., 1912. Вып. 12. Ч. 2. С. 184.

³⁶ Известия Саратовской городской думы. Саратов, 1909. Отд. V. С. 212.

³⁷ Протоколы городской думы. Саратов, 1890. С. 2.

³⁸ Отчет... Саратов, 1890. С. 126; Отчет Саратовского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ. Саратов, 1897. С. 29–32; Казанский Н. Начальное образование в Саратовской губернии. М., 1896. С. 62; Отчет Саратовского епархиального училищного совета о школах церковно-приходских и грамоты. Саратов, 1898. С. 38.

ИЗ ИСТОРИИ СТРЕЛКОВО-ОХОТНИЧЬЕГО СПОРТА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

С древности важное место в производственной деятельности людей занимала охота. Постепенно она превратилась в любительское занятие, из которого со временем вырос новый вид спорта. Различают охотничий спорт (охота на пернатую дичь и по зверю), стрелково-охотничий спорт (спортивную стрельбу из гладкоствольного спортивно-охотничьего оружия по летящим мишеням) и стрелковый (пулевой) спорт (стрельба пуль в мишень из нарезного оружия)³⁹.

Первым по времени возникновения местным охотничьим обществом России было Московское (позднее имени Александра II) общество охоты, открытое в 1862 г. Первым центральным обществом охоты стало Императорское общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, учрежденное в 1872 г. Позднее по стране стали возникать его отделы: в Воронеже (1882), Вологде (1883), Чите, Варшаве, Киеве (1888) и т. д. Всего до 90-х гг. XIX в. в России было открыто 33 охотничьих общества, в том числе семь отделов Императорского общества⁴⁰.

Они ставили перед собой задачи: ведение правильной охоты, размножение и охранение дичи, улучшение пород собак, упражнение в стрельбе, подготовка молодых людей к военной службе и т. д.

В Саратовской губернии начало стрелково-охотничьему спорту было положено неофициальными кружками, т. е. не имевшими утвержденного устава. Самым первым объединением такого рода на территории губернии, очевидно, было стрелковое общество в Екатериненштадте, основанное еще в 1819 г.⁴¹

В Саратове попытка создания первой охотничьей организации относится к 1876 г. Тогда, благодаря энергии М. П. и А. П. Мелитевых, возникло общество ружейной охоты с гончими (по другой версии, Саратовский кружок ружейной охоты с гончими)⁴², которое просуществовало (как минимум) до 1881 г.⁴³

³⁹ См.: Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту: В 3 т. М., 1963. Т. 3. С. 115.

⁴⁰ См.: Список охотничьих обществ (По сведениям Департамента земледелия к 1 января 1908 года). Спб., 1908. С. 5.

⁴¹ См.: Саратовский листок. 1914. 6 июня.

⁴² См.: Дмитриев В. Воззвание к саратовским охотникам // Приволжский вестник охоты. 1892. № 16. С. 248; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4288. Л. 2.

⁴³ См.: Гусев С., Хованский Н. Саратовец: Указатель и путеводитель по Саратову. Саратов, 1881. С. 20.

Вторая попытка была предпринята в 1885 г., когда был составлен «Проект устава Саратовского кружка охоты с гончими». Однако она, очевидно, завершилась безрезультатно. Во всяком случае, в письме саратовского губернатора в Саратовскую уездную земскую управу от 24 декабря 1886 г. прямо говорится: «...в настоящее время никакого правильно организованного «Саратовского кружка» не существует», и «что если в 1876 и 1885 г. и были... любители охоты, проектировавшие образование названного кружка с выработкою определенного устава, то ныне фактическая связь между ними порвана... при чем самый устав «Саратовского кружка охоты» не был ни утверждаем, ни рассматриваем надлежащей властью»⁴⁴.

Саратовская общественность неоднократно ставила вопрос о необходимости организации в Саратове общества охоты⁴⁵, однако только 10 июля 1895 г. действительный статский советник М. А. Попов, дворянин В. А. Дмитриев, агроном А. Н. Попов и другие лица (всего 41 человек) подали прошение об утверждении устава Саратовского общества охоты⁴⁶.

5 декабря 1898 г. он был утвержден, а в 1899 г. общество открыло свои действия⁴⁷. Штаб-квартира общества располагалась в доме уездной земской управы (угол ул. Аничковой [ныне Рабочей] и Александровской [ныне Горького])⁴⁸.

Для проведения охот общество арендовало земли саратовской казачьей станицы, поймы в Курдюмо-Чардымском займище, села Генеральского Новоузенского уезда, слободы Покровской, села Сининьки Саратовского уезда, села Сосновка Камышинского уезда, села Шумейка, Зеленый остров, в Узморской волости Новоузенского уезда⁴⁹.

Помимо организации охот саратовское общество периодически проводило свои выставки. Например, с 5 по 9 мая 1910 г. в помещениях выставки губернского земства на углу улиц Александровской и Аничковской проводилась третья по счету выставка общества. Запись для участия в

⁴⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4288. Л. 12.

⁴⁵ См.: *Горизонтов И.* Об организации Саратовского кружка охотников (Письмо в редакцию) // Приволжский вестник охоты. 1891. № 23. С. 255–256; *Аристов М.* На старую тему // Там же. № 24–25. С. 282–283; *Дмитриев В.* Указ. соч. С. 248.

⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7506. Л. 1 – 1 об.

⁴⁷ См.: Там же. Д. 8071. Л. 9; Список охотничьих обществ... С. 26; *Весь Саратов на 1900 год: Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книжка.* Саратов, 1900. С. 484.

⁴⁸ См.: *Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год.* Саратов, 1900; *Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год.* Саратов, 1901; *Адрес-календарь Саратовской губернии на 1903 год.* Саратов, 1902.

⁴⁹ См.: *Отчет саратовского общества охоты за 1909 год.* Саратов, 1910. С. 5–6.

ней производилась в выставочном комитете, а также в магазине И. И. Онезорге и лечебнице для животных В. П. Крюкова. За пять дней до открытия запись экспонатов прекратилась, чтобы подготовить каталог выставки.

На выставке были представлены: «охотничьи, сторожевые и комнатные собаки, кошки, кролики; лошади: рысистые, верховые, упряжные и тяжеловозы; ловчие, певчие и декоративные птицы; куры всех пород, утки и голуби; ружья и другие принадлежности охоты, рыболовства и остальных родов спорта; охотничье платье и обувь; экипажи и седла; автомобили, велосипеды и лодки; чучела птиц и зверей и проч.». В качестве наград для всех отделов выставки были предназначены медали и 30 ценных призов от имени общества⁵⁰.

Кроме того, обществом проводились соревнования по стрельбе. До устройства стенда они проходили в окрестностях Саратова. Например, 7 мая 1901 г. призовая стрельба по тарелочкам проходила вблизи Лысой горы. Тогда первый приз получил С. Д. Медведев, сделавший из десяти выстрелов только два промаха⁵¹. А с 1912 г. они стали проходить на стрелковом стенде, который располагался за товарной станцией (ныне Саратов-2)⁵². Например, 6 мая 1912 г. состоялось соревнование по стрельбе по тарелочкам на призы. Спортсмен, разбивший половину тарелочек из 20 пущенных, за них не платил. Первый приз получал разбивший 16 тарелочек, второй – 15, третий – 14, четвертый – 12⁵³.

Численность общества неуклонно росла: в 1899 г. в нем было 112 человек, в 1900 г. – 135⁵⁴, на 1 января 1910 г. – 112, 1911 г. – 138, 1912 г. – 225, 1913 г. – 242 человека⁵⁵.

Однако только этим объединением охотников в Саратове дело не ограничилось. 11 января 1910 г. здесь открылся Саратовский отдел Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Его бессменным председателем стал устроитель охотничьих выставок В. М. Беклемишев, а штаб-кварти-

⁵⁰ См.: Сафронов Ю. Пора, пора – рога трубят! // Саратовские вести. 2002. 17 окт.

⁵¹ См.: Саратовский листок. 1901. 7 мая.

⁵² См.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1912 год. Саратов, 1912. С. 138; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год. Саратов, 1914. С. 1-07; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 год. Саратов, 1916. С. 120.

⁵³ См.: Саратовский вестник. 1912. 5 мая.

⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8071. Л. 6, 4 об.

⁵⁵ См.: Отчет саратовского общества охоты за 1909 год. С. 1; Отчет саратовского общества охоты за 1910 год. Саратов, 1911. С. 1; Отчет саратовского общества охоты за 1911 год. Саратов, 1912. С. 1; Отчет саратовского общества охоты за 1912 год. Саратов, 1913. С. 1.

рой – собственный дом председателя на Гимназической (ныне Некрасова) улице, дом 34⁵⁶.

Районом деятельности отдела были Саратовская, Самарская и Астраханская губернии. Предметом длительных споров между саратовскими обществом и отделом стали охотничьи угодья, поэтому для устранения нездоровой конкуренции они неоднократно проводили совещания с целью согласования своих действий⁵⁷.

Отдел проводил охоты как по своей инициативе, так и по заявкам крестьянских обществ. Так, 30 августа 1914 г. по просьбе крестьян села Курдюм отдел произвел охоту с гончими на волков, в ходе которой было убито пять хищников, из них один старый⁵⁸. А всего за 1912 и 1913 г. было убито восемь волков, 17 лисиц и 48 зайцев⁵⁹.

25 апреля 1911 г. отдел принял решение о строительстве стрелкового стенда, но более года ушло на переговоры с городской думой об отводе места под строительство. И только в середине 1912 г. он получил в аренду сроком на шесть лет 4 десятины земли между кирпичными заводами А. Б. Шумилина (находился на современной ул. Садовой) и П. Пирогова (на ул. Симбирской)⁶⁰. Стенд, представлявший собой красивый вместительный дом в три этажа с надворными постройками, был открыт 2 декабря 1912 г. Он находился вблизи города, «не вдалеке от трамвая» и с одной стороны прилегал к возвышенности, служившей естественным валом.

Первые стрельбы здесь прошли в самый день открытия стенда. Тогда были разыграны два золотых жетона с надписями «Приз открытия стенда Саратовского отдела Императорского общества правильной охоты». Первый взял И. П. Никитин, второй – Б. В. Срезневский⁶¹.

А 14–16 февраля 1914 г. здесь же состоялся чемпионат по стрельбе по птицам (25 птиц с 27 метров). Чтобы стать победителем нужно было убить не менее 21 птицы. Победитель получал 100 рублей и золотой жетон, занявший второе место – 75 рублей, третье – 50 рублей, остальные участники – жетоны в память о чемпионате⁶².

⁵⁶ См.: Саратовский листок. 1910. 18 февр.; Весь город Саратов: Адрес-календарь-указатель на 1911 год. Саратов, 1911. С. 218; Весь Саратов: Адрес-календарь-указатель. Саратов, 1912. С. 114; Весь Саратов: Адрес-календарь-указатель на 1913 год. Саратов, 1913. С. 107; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год. С. 107; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 год. С. 120; Весь Саратов: Справочник-календарь на 1916 год. Саратов, 1916. С. 132; ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

⁵⁷ См.: ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 2. Л. 36, 43; д. 3. Л. 11 – 11 об., 23 и др.

⁵⁸ См.: Саратовский листок. 1914. 2 сент.

⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 2. Л. 48 об.

⁶⁰ См.: Саратовский вестник. 1912. 17 июля.

⁶¹ См.: ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶² См.: Там же. Д. 3. Л. 1.

Если при начале деятельности «ввиду кратковременного существования Отдела...» лекций и т. п. мероприятий для населения не проводилось⁶³, то с началом Первой мировой войны он обратился в совет директоров средних учебных заведений Саратова с предложением организовать «в старших классах... практическую стрельбу между учениками последних»⁶⁴.

Вопреки утверждению Г. П. Липина, что отдел состоял «из узкого круга высшего офицерства и дворянства»⁶⁵, он конкурировал по численности с обществом охоты: так, на 1 января 1913 г. в нем было 94 члена, а уже к 28 ноября того же года – 172⁶⁶. Были желающие вступить в него и в уездах. Так, 25 июня 1913 г. Саратовский отдел обратился в Императорское общество с просьбой «о разрешении открытия в г. Царицыне просимого подотдела», но получил отказ, поскольку «учреждение подотделов... действующим уставом... не предусмотрено»⁶⁷.

Оружие и снаряжение саратовские охотники могли приобрести на ул. Немецкой (ныне пр. Кирова) в оружейном магазине И. И. Онезорге, предлагавшем бельгийские, германские, английские и отечественные (тульские) охотничьи ружья. Магазин располагал и мастерской для починки ружей и револьверов. На Александровской улице находился магазин К. Г. Трейбал, который предлагал «в большом выборе центральные двустволки лучших заводов с ручательством за верный бой, а также бердан и шомпольные двух- и одностволки» и старался привлечь покупателей продажей там же пороха, «револьверов всех систем», гарантируя качество товаров и соблазняя «ценами вне конкуренции»⁶⁸.

Первой официально зарегистрированной охотничьей организацией Саратовской губернии стало Сердобское общество охоты. 16 декабря 1875 г. сердобские землевладельцы обратились к саратовскому губернатору с просьбой «составить правильное общество охоты» с приложением устава. Согласно ему, это было охотничье общество для состоятельных людей («действительные члены вносят в кассу... по 100 рублей, а члены-любители по 10 рублей ежегодно»⁶⁹).

5 июля 1880 г. департамент полиции сообщил об утверждении устава⁷⁰, и в том же году общество уже фигурировало среди действу-

⁶³ ГАСО. Ф. 533. Оп. 1. Д. 2. Л. 48 об.

⁶⁴ Там же. Д. 3. Л. 1.

⁶⁵ Липин Г. П. Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968. С. 18.

⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; д. 2. Л. 48.

⁶⁷ Там же. Д. 2. Л. 8; д. 3. л. 10 – 10 об.

⁶⁸ См.: Сафронов Ю. Указ. соч.

⁶⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. д. 2519. Л. 1 – 1 об., 4–5.

⁷⁰ См.: Там же. Л. 14.

ющих⁷¹. Однако оно просуществовало недолго и не оставило о себе памяти. Во всяком случае 15 ноября 1896 г. сердобский исправник доносил саратовскому губернатору, «что «Сердобское общество охоты» в настоящее время не существует и когда прекратило оно свою деятельность никто из местных жителей и старожилов-охотников не знает»⁷². «Список охотничьих обществ...» позволяет уточнить, что это произошло до 1884 г.⁷³

Повторное прошение об утверждении устава Сердобского общества любителей правильной охоты было подано только 17 марта 1913 г.⁷⁴. Уже 26 марта он был утвержден и внесен в реестр обществ Саратовской губернии⁷⁵. Свои действия эта стрелково-охотничья организация открыла 24 июля 1913 г., ее первым председателем был избран М. А. Капитонов⁷⁶.

Вторым зарегистрированным обществом-долгожителем стало Царицынское общество любителей правильной охоты. Его устав был утвержден 3 февраля 1888 г., 19 марта того же года оно открыло свои действия⁷⁷ и к 1896 г. насчитывало в своих рядах 38 членов⁷⁸.

Первоначально это было охотничье общество, но в апреле 1904 г. оно направило ходатайство о предоставлении «ему права учредить охотничий клуб, устроить тир для упражнения в стрельбе с выдачей призов и расширить деятельность общества рыболовным спортом...»⁷⁹ Однако длительная переписка закончилась безрезультатно⁸⁰.

Вторичная попытка преобразовать охотничье общество в стрелково-охотничье была предпринята 22 ноября 1913 г.⁸¹. Начавшаяся война привела к волоките, пока 28 апреля 1917 г. саратовское губернское присутствие не объявило, что «на изменение устава названного общества разрешения не требуется»⁸².

17 января 1889 г. пятеро мещан посада Дубовка, в свою очередь, представили прошение об учреждении охотничьего общества⁸³. Несмотря на

⁷¹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3103. Л. 2.

⁷² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5610. Л. 65.

⁷³ См.: Список охотничьих обществ... С. 42.

⁷⁴ См.: ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 322. Л. 1.

⁷⁵ См.: Там же. Л. 16 – 16 об.

⁷⁶ См.: Там же. Л. 21.

⁷⁷ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6725. Л. 1 – 1 об.; Список охотничьих обществ... С. 26; Устав Царицынского общества любителей правильной охоты. Царицын, 1908. С. 1.

⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5610. Л. 47 – 47 об.

⁷⁹ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8754. Л. 1.

⁸⁰ См.: Там же. Л. 2-2 об., 3 об., 6, 9, 10 – 10 об.

⁸¹ См.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 355. Л. 1.

⁸² Там же. Л. 13 – 13 об., 60, 61, 63.

⁸³ См.: Там же. Д. 6822. Л. 1.

поддержку местного полицмейстера после длительной переписки 2 июля 1890 г. управляющий министерством государственных имуществ дал отрицательный ответ, «т. к. учредителями... состоят местные мещане, которые и без утверждения особого устава могут достигать намеченной оным (обществом. – В. Т.) цели истребления хищных зверей и птиц»⁸⁴.

10 января 1900 г. жители Вольска титулярный советник В. В. Сервианов, городской врач А. Н. Богданов и учитель городской школы М. С. Вознесенский направили прошение саратовскому губернатору с просьбой об утверждении устава нового общества⁸⁵. Через год (18 декабря) устав Волжского общества охоты был утвержден министром земледелия и государственных имуществ⁸⁶. По своему характеру это было спортивно-охотничья организация, в которую допускались «лица обою пола всех сословий», за исключением несовершеннолетних, учащихся, находящихся на воинской службе нижних чинов и юнкеров, охотников-профессионалов и ранее судимых⁸⁷.

Свои действия Волжское общество охоты открыло 22 марта 1901 г.⁸⁸, а уже в 1907 г. в его рядах насчитывалось 50 членов. Очевидно, такому притоку спортсменов способствовал невысокий (3 рубля в год) членский взнос⁸⁹. В 1909 г. оно еще значилось среди действовавших, а уже в конце 1912 г. местный репортер констатировал, что «в настоящее... время от этого общества осталось одно воспоминание»⁹⁰.

Вслед за ним 22 января 1903 г. было учреждено Николаевское общество охоты в Николаевске Самарской губернии⁹¹ (ныне Пугачев Саратовской области), но пока в моем распоряжении нет сведений о его деятельности.

Вслед за этим 1 мая 1908 г. семь камышинцев во главе с дворянином М. Х. Готовицким обратились к саратовскому губернатору за разрешением «образовать в городе Камышине охотничий клуб, который, кроме своей прямой цели, поощрял бы развитие всевозможных видов спорта...»⁹²

Согласно уставу, это были гребля на лодках, фигурное катание на коньках, игры на бильярде, в кегли, шахматы, шашки и карты⁹³. 12 мая

⁸⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6822. Л. 125 – 125 об.

⁸⁵ См.: Там же. Д. 8041. Л. 1 – 1 об.

⁸⁶ См.: Там же. Л. 7; Список охотничьих обществ... С. 26.

⁸⁷ См.: Устав Волжского общества охоты // ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8041. Л. 17 – 17 об.

⁸⁸ См.: Там же. Л. 26.

⁸⁹ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7408. Л. 6 или 23 об.

⁹⁰ См.: Там же. Ф. 2. оп. 1. Д. 10132. Л. 16 об.; Вольская жизнь. 1912. 11 дек.

⁹¹ См.: Список охотничьих обществ... С. 25.

⁹² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9776. Л. 1. Список учредителей см.: Л. 60 – 60 об.

⁹³ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9776. Л. 9.

того же года устав Камышинского охотничьего клуба был утвержден, а 14 мая он открыл свои действия⁹⁴.

А вот жителей слободы Еланской Аткарского уезда постигла неудача. 29 октября 1911 г. они направили прошение об учреждении у себя клуба, аналогичного камышенскому⁹⁵, но на этот раз саратовское губернское по делам об обществах присутствие 18 ноября постановило в регистрации отказать, отмечая наряду с многочисленными неточностями и нарушениями в уставе, что «сама организация имеет совершенно неопределенный вид и характер...»⁹⁶

Последним дореволюционным стрелково-охотничьим обществом Саратовской губернии стало Петровское общество охоты. 9 февраля 1917 г. петровский исправник направил саратовскому губернатору его устав, а 23 марта общество было внесено в реестр⁹⁷.

Таким образом, стрелково-охотничий спорт получил довольно широкое распространение в Саратовской губернии. Его дальнейшему развитию здесь помешали события гражданской войны.

⁹⁴ См.: Там же. Л. 7, 13.

⁹⁵ См.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 191. Л. 1, 2.

⁹⁶ Там же. Л. 9; См. также: *Липин Г. П.* Указ. соч. С. 20.

⁹⁷ См.: Там же. Д. 878. Л. 1, 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁹⁸

Председатели и товарищи председателя правления Саратовского общества охоты

- 1899 г. – не установлены.
1900 г. – М. П. Мелитев, С. П. Корбутовский.
1901 г. – М. П. Мелитев.
1902 г. – М. П. Мелитев, П. М. Попов.
1903 г. – М. П. Мелитев, П. М. Попов.
1904 г. – Н. В. Масловский, А. М. Кудинов.
1905 г. – не установлены.
1906 г. – Н. В. Масловский, А. М. Кудинов.
1907 г. – А. М. Лаптев, В. С. Каренский.
1908 г. – не установлены.
1909 г. – не установлены.
1910 г. – А. М. Лаптев.
1911 г. – А. М. Лаптев.
1912 г. – А. М. Лаптев, А. В. Лерхе.
1913 г. – А. М. Лаптев, А. В. Лерхе.
1914 г. – А. М. Лаптев, А. В. Вормс.
1915 г. – не установлены.
1916 г. – М. Р. Балашов, Н. С. Аносов.
1917 г. – не установлены.

⁹⁸ Составлено по материалам: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8071. Л. 11; Адрес-календарь ... на 1900 год. С. 217; Весь Саратов на 1900 год. С. 484; Адрес-календарь... на 1902 год. С. 179; Адрес-календарь... на 1903 год. С. 192.; Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 год. Саратов, 1904. С. 153; Справочная книжка и адрес-календарь г. Саратова на 1906 год. Саратов, 1906. С. 129; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год. Саратов, 1907. С. 130; Отчет саратовского общества охоты за 1909 год. С. 5; Отчет саратовского общества охоты за 1910 год. С. 6; Отчет саратовского общества охоты за 1911 год. С. 8; Памятная книжка Саратовской губернии на 1912 год. С. 138; Отчет саратовского общества охоты за 1912 год. С. 8; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год. С. 107; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 год. С. 120.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПА**

Несмотря на экономические сложности, для первых лет Советской власти характерен определенный рост количества культурных и просветительных учреждений в стране. Этому способствовал пробудившийся энтузиазм масс в деле культурного строительства, а также политика нового государства в данной области. Государственное финансирование в условиях хозяйственной разрухи рассматривалось как наиболее действенное средство обеспечения и ускорения культурной работы. К концу 1920-х гг. сеть различных культурно-просветительных учреждений в Советской России, финансируемых из государственного бюджета, насчитывала почти 33 тыс.⁹⁹. Но увеличение их численности происходило не за счет строительства новых зданий, массового выпуска необходимого оборудования, а на активном использовании всего того, что осталось от дореволюционной России. Хотя на локальном уровне имели место случаи, когда, как отмечалось в докладе А. В. Луначарского «О ликвидации неграмотности», «...крестьяне по собственной инициативе... строят специальные здания для... ликпунктов»¹⁰⁰.

Вместе с тем стихийный рост периода «военного коммунизма» породил множество учреждений «скороспелок»: либо бесперспективных в новых условиях, либо существующих лишь на бумаге. Этим, скорее всего, и объясняется различие в цифровых показателях культурно-просветительных учреждений, зафиксированных в разных источниках. На X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.) по поводу такого рода достижений послереволюционного периода указывалось, что вновь появившиеся учреждения «не могли быть материально обеспечены и прочно закреплены, ибо жажда знаний со стороны трудящихся масс и размах работы превосходили ресурсы, подорванные длительной и изнурительной войной»¹⁰¹. Seriously осложнил ситуацию голод 1921 г., когда, по признанию руководства Наркомпроса, «армия работников просвещения в самом прямом смысле этого слова раздетая и босая буквально умирала с голода и, вынуждаемая голодом, поддерживала свое

⁹⁹ Массовое просвещение в СССР к 15-летию Октября. М.; Л., 1932. Ч. 1. С. 15.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 190. Л. 87.

¹⁰¹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях: Сб. док. М., 1939. С. 269.

существование... собиранием милостыни (зарегистрировано почти во всех губерниях), проституцией и т. д.»¹⁰².

Главное отличие нэпа от периода гражданской войны и «военного коммунизма», наложившее отпечаток на пропагандистскую и просветительскую работу, – экономические методы регулирования народного хозяйства. Восстановление экономики потребовало стабильной денежной системы, поэтому правительство вынуждено было сбалансировать бюджет за счет сокращения расходов, в том числе и на народное образование. Размышляя на тему народного образования, А. В. Луначарский в докладе «О положении народного просвещения в РСФСР» говорил о том, что материальная база народного просвещения «подверглась наибольшему ущербу в 1922 г., что вызвало стремительное сокращение сети учреждений»¹⁰³. В 1922 г. доля средств, выделяемых на народное образование в бюджете, была сокращена с 10 % (в 1920 г.) до 2–3 %¹⁰⁴. В действительности же уменьшение размеров материального обеспечения культурно-просветительных учреждений оказалось еще большим, поскольку отменялся ранее действовавший принцип бесплатного снабжения системы просвещения.

Крайне тяжелое материальное положение в стране вследствие гражданской войны, страшного голода 1921 г. привели к тому, что советское правительство было вынуждено осуществлять достаточно прагматичный подход к существовавшим социальным проблемам. С введением новой экономической политики происходит изменение форм и источников финансирования системы просвещения. В сложившейся ситуации государство перекладывает финансовое обеспечение учреждений народного образования на местные источники финансирования, сократив до минимума государственные дотации. Эта новая политика государства в отношении культурно-просветительных учреждений нашла свое отражение в принятом Совнаркомом РСФСР постановлении от 15 сентября 1921 г. «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений»¹⁰⁵.

Согласно данному постановлению, во-первых, все культурно-просветительные учреждения снимались с государственного снабжения и переводились на местное финансирование, и, во-вторых, местные органы власти обязывались покрывать все хозяйственные расходы находящихся в их ведении школ за счет специального налога с обывателя

¹⁰² Народный комиссариат по просвещению, к IX Всероссийскому съезду Советов. М., 1921. С. 9.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 217. Л. 24.

¹⁰⁴ Королев Ф. Ф., Корнейчук Т. П., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики. М., 1967. С. 47.

¹⁰⁵ СУ. 1921. № 64. С. 482.

(эта практика в дальнейшем получила название «самообложение»). Из чего следовало, что советские граждане через систему налогообложения стали активно привлекаться к финансированию местной школьной сети. В. И. Ленин в сентябре 1923 г. по этому поводу отмечал, что «...привлечение местного населения, в особенности крестьян к участию в содержании школ... абсолютно правильное, безусловно спешно необходимое»¹⁰⁶. 15 ноября 1921 г. ЦК РКП(б) также утверждал необходимость в материальной поддержке системы просвещения со стороны населения страны¹⁰⁷. «Самообложение» распространялось на мелких собственников города и деревни: ремесленников-кустарей, предпринимателей, крестьянство и т. д. Обычная сумма платежа равнялась 10 % государственного налога на каждый вид производимой продукции. Как отмечал впоследствии Наркомпрос, «декрет появился как нельзя более кстати, т. к. искания выхода на местах сплошь и рядом принимали самые уродливые и ненормальные формы. Не говоря уже о кустарно и неорганизованно проводимых «самообложениях» в сельской местности, сами отделы народного образования передавали учреждения в частные руки, устанавливали плату за обучение, вводили налоговое обложение родителей»¹⁰⁸.

В отличие от большинства регионов страны в полном объеме постановление Совнаркома от 15 сентября 1921 г. стало реализовываться в Саратовской губернии со значительной задержкой, что объясняется крайним обнищанием местного населения вследствие катастрофического неурожая 1921 г. В частности, решение о введении здесь платного обучения принимается только 26 января 1923 г. на пленуме Саратовского губернского исполкома. В резолюции пленума первым пунктом записано буквально следующее: «ввести платность за обучение в школах 1-й и 2-й ступени в городах и селениях городского типа на основе решения X Всероссийского съезда Советов»¹⁰⁹. Однако впервые в Саратовской губернии было высказано предложение о платности обучения на заседании коллегии Аткарского уездного политпросвета 13 сентября 1922 г.: «...школа взрослых должна быть платной... она должна делиться на 3 категории: 1. за членов профсоюза платит профсоюз; 2. беднейшее крестьянство и рабочие не платят; 3. лица, состоявшие членами профсоюза (видимо раньше. – К. Н.) подлежат оплате»¹¹⁰. Из данного документа следует, что на местах всячески стремились сократить число лиц, непосредственно плативших за свое обучение.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 180.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 3. Д. 51. Л. 82.

¹⁰⁸ Народный комиссариат по просвещению... М., 1921. С. 11.

¹⁰⁹ ЦДНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 4. Л. 138.

Руководящими принципами жизни платных школ, согласно приказу Саратовского губернского отдела народного образования от 6 октября 1922 г. № 296, являлось следующее: «Школы живут твердо по сметам, утвержденным Губоно, расходы сверх средств сметы, произведены быть не могут, сумма платы поступает в школу по квитанции... суммы хранятся на текущем счету школы в Губфинотделе и расходуются по правилу пункта № 1 (пункт № 1 – «школы живут твердо по сметам». – *К. Н.*)»¹¹¹. В связи с этим в школах вводились отчетные книги, более того, школы ежемесячно отчитывались перед губоно о приходе и расходе средств. И, ко всему прочему, заведующий губоно лично контролировал эту отчетность¹¹². Сопоставляя дату принятия приказа о принципах жизни платных школ (6 октября 1922 г.) и дату введения платности за обучение на территории Саратовской губернии (26 января 1923 г.), можно сделать вывод о том, что этот вопрос обсуждался довольно продолжительное время (почти 3,5 месяца). Видимо, для местных органов власти принятие данного решения было не простым.

Согласно принятым решениям, с государственного финансирования были сняты школы, библиотеки, народные дома, пункты ликвидации неграмотности, избы-читальни и т. д. Номинально все они переводились на местное обеспечение. За счет местных средств должны были покрываться расходы хозяйственные и канцелярские: на содержание служебно-технического (за исключением учебно-педагогического) персонала, на профессионально-техническое образование, на социальное воспитание (интернаты, школы I и II ступени), а также затраты на текущий ремонт, расходы по оборудованию инвентарем. В 1922 г. Совнарком РСФСР возложил на волостные исполкомы заботу «об обеспечении школ и иных просветительных учреждений пригодными помещениями, о поддержании их в исправном состоянии, о постройке новых зданий»¹¹³, для чего волисполкомы могли привлекать граждан в порядке повинности или самообложения, а для обеспечения топливом школ и других просветительных учреждений в сельских местностях Совнарком устанавливал так называемую топливную повинность местного населения¹¹⁴. Затраты на приобретение учебно-показательных приборов и учебных пособий покрывались за счет общегосударственных средств¹¹⁵.

Первоначальные подсчеты, проведенные при подготовке декрета, позволяли надеяться на весьма значительное сбережение средств, которое должно было дать сокращение управленческого аппарата си-

¹¹¹ ГАСО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

¹¹² Там же. Л. 13.

¹¹³ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5.

¹¹⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5.

¹¹⁵ *Субботина К. И.* Народное образование и бюджет. М., 1965. С. 29–30.

стемы просвещения, закрытие мелких и не оправдавших себя клубов, изб-читален, библиотек и т. д. На практике введение нового положения привело к резкому сокращению количества учреждений культуры. Местные бюджеты находились в стадии становления и местные органы не располагали средствами для финансирования работы клубов, библиотек, изб-читален.

В Саратовской губернии положение усугублялось разразившимся голодом и эпидемией холеры. Именно поэтому сокращение культпросветучреждений носило более масштабный характер¹¹⁶. В условиях экономической нестабильности, еще не сформировавшихся губернских и уездных бюджетов материальная поддержка пунктов ликбеза, школ грамоты, библиотек существенно сократилась. Согласно отчету заведующего губоно Зайцева на пленуме Саратовского губкома РКП(б), «за семь лет войны и революции – с 1914 по 1922 год, вся материальная база народного образования была разрушена. Обслуживающий аппарат или распылен, или частично ушел... В результате мы имеем: в 14 г. в городе было 78 школ и 78 зданий, в 20 г. – 70 школ и только 39 зданий, в 21 году – 90 школ и 59 зданий...»¹¹⁷

К 1922 г. в Саратове и губернии народное образование было «дезорганизовано в связи с несоответствием потребностей и ресурсов, имеющих в наличии. На местах школы бездействовали из-за отсутствия топлива, ремонта, учителей, учебных пособий»¹¹⁸. Местный бюджет не мог обеспечить полноценное функционирование учреждений народного образования. В результате число действующих школ ликбеза резко сократилось и заметно ухудшилось снабжение учебной литературой и письменными принадлежностями. За 1922 г. сокращено по Саратову – 31 школа I ступени, 7 школ II ступени; по губернии – 367 школ I ступени и 12 школ II ступени¹¹⁹. В докладе Саратовского губисполкома «О состоянии народного образования в губернии в условиях голода» говорится о том, что «...учебные заведения обеспечены учебными пособиями весьма плохо, в школах низшего типа приходится приблизительно один учебник на 5 и более учащихся»¹²⁰.

1921/22 учебный год в Саратовской губернии был просто катастрофическим, он «развертывался и прошел в обстановке и под активным знаком следующих факторов: голод, жесткий государственный бюджет, отсутствие местных средств, недостаточное внимание партийных и со-

¹¹⁶ См., напр.: ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 787. Л. 100; Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 18; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 817. Л. 19; д. 837. Л. 3 об. и др.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 787. Л. 102.

¹¹⁸ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 153.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 787. Л. 100.

¹²⁰ Там же. Л. 101 об.

ветских органов и пассивность масс работников просвещения»¹²¹, – так достаточно жестко «отчитывался» губоно перед пленумом Саратовского губкома партии.

Состояние культуры и просвещения стало темой для обсуждения на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г.¹²². Согласно постановлениям съезда, для стабилизации материального положения Наркомпрос и его органы на местах получили право на создание производственных предприятий, пошивочных и ремонтных мастерских с целью эксплуатации их силами учащихся и с помощью артелей, кооперативов на договорных началах¹²³. Таким образом, «путем расширения прав хозяйственной инициативы»¹²⁴ учреждения культуры начинают втягиваться в финансовую деятельность. Кроме того, как отмечал заведующий Саратовским губоно Л. В. Ганжинский на II сессии губисполкома, «...все школы должны быть наделены сельскохозяйственными участками, для чего... землеотделами должны быть отпущены на льготных условиях семена и сельскохозяйственный инвентарь»¹²⁵. Документально его предложение было оформлено на пленуме Саратовского губисполкома 26 января 1923 г. На пленуме было принято следующее решение: «Отвести сельским учебным заведениям ОНО подходящие земельные участки для целей учебно-воспитательных и их материального укрепления»¹²⁶.

Но вышеупомянутая «договорная» система с артелями и кооперативами не решала, да и не могла полностью решить проблему стабилизации материального положения культпросветучреждений. Едва «ставшие на ноги», эти предприятия совсем не желали отдавать часть прибыли на содержание учреждений Наркомпроса, а те, что «твердо стояли на ногах», не торопились оказывать материальную помощь. Для того чтобы юридически закрепить вовлечения потребкооперативных организаций в культпросветработу, Саратовский губполитпросвет утверждает «Положение об отчислении потребкооперации на усиление культурно-просветительной работы». Основные тезисы положения заключались в следующем: «...потребкооперативные организации всех видов и ступеней производят обязательные отчисления в размере 1 % от своих оборотов (отпущенных товаров)... перечисление сумм Кооперативными организациями в фонд Народного Просвещения произво-

¹²¹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 153.

¹²² X Всероссийский съезд Советов: Бюллетень. М., 1923. № 3. С. 6.

¹²³ См., напр.: ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5; ГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

¹²⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5.

¹²⁵ ГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

¹²⁶ ЦДНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

дится по четвертям (поквартально. – К. Н.) отчетного года»¹²⁷. Но этих отчислений было также не достаточно, например, в Петровском уезде из 91 работавшего ликпункта только два находились на содержании кооперативных организаций¹²⁸.

Многие культурно-просветительные учреждения были переведены на хозрасчет. В клубах и народных домах повсеместно практиковалась постановка платных спектаклей, проведение танцевальных вечеров. Декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР был также установлен местный налог с публичных зрелищ и увеселений¹²⁹. Саратовский губернский Дом крестьянина содержался за счет доходов «от эксплуатации предприятий Дома крестьянина: общежитий, меблированных комнат, чайных-столовых, торговых помещений, складов и магазинов»¹³⁰.

Для закрепления за фабрично-заводскими предприятиями школ и других просветительных учреждений с 1924 г. в состав коллегии Саратовского политпросвета вводятся представители «крупных фабрично-заводских ячеек (завод имени Ленина, Трамвайный парк, Железнодорожные – мастерские)»¹³¹. С этого момента вышеназванные предприятия, согласно постановлению Совнаркома РСФСР, «принимают на себя заботу об обеспечении... просветительных учреждений помещениями, отоплением, освещением, а также продовольственным снабжением работников просвещения»¹³². Так, например, открытые в 1923 г. воскресные школы для взрослых содержались за счет «предприятия, которое дало основной кадр учащихся»¹³³.

Несмотря на предпринимаемые меры, положение оставалось сложным. Местные органы чаще всего не располагали крупными средствами для финансирования работы школ, клубов, библиотек, отсутствовал у них и опыт изыскания таких ресурсов. Заместитель председателя Главполитпросвета В. Н. Мещеряков вынужден был признать: «Органическое отращивание у «политпросветчиков» к вопросам, связанным с бюджетом, деньгами и т. п. неприятными делами, – является вреднейшим последствием пережитого периода военного коммунизма, когда все занимались высокими материями, но не умели хозяйствовать»¹³⁴.

Необходимо было найти средство для ликвидации негативных последствий хозрасчета, создать общественную систему финансирования

¹²⁷ ГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 21. Л. 132.

¹²⁸ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 737. Л. 71 об.

¹²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 62. Л. 8 об.; ЦДНИСО. Ф. 6107. Оп. 1, д. 38. Л. 8.

¹³⁰ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 369. Л. 13.

¹³¹ Там же. Оп. 3. Д. 838. Л. 7.

¹³² Там же. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5.

¹³³ ГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 53. Л. 33.

¹³⁴ Коммунистическое просвещение. 1923. № 3. С. 40.

культурного строительства. На Всероссийском съезде губоно в феврале 1922 г. А. В. Луначарский призвал общественные организации помочь укреплению материальной базы культурных преобразований. Он упорно настаивал на последовательном воплощении в жизнь идеи налогового обложения населения для «удовлетворения культурных нужд»¹³⁵. Однако введение самообложения в сельской местности было совсем не однозначно воспринято крестьянством. Затруднения были вызваны тем, что нэп разбудил хозяйственную инициативу крестьянства, создал возможность поправить материальное положение. Происходила переориентировка, переключение его на главные жизненные интересы. Именно в этот момент ему было предложено взять на себя расходы по содержанию учреждений культуры. Многие зависело и от особенностей регионов.

В условиях постоянного если не голода, то недоедания трудно было ожидать добровольного и беспроблемного установления самообложения. Использование же административных мер воздействия лишь усиливало недовольство и нарушало изначально заложенный в самообложении принцип добровольности. В подтверждение в 1924 г. выходит постановление ЦИК и Совнаркома СССР, в котором указывалось, что самообложение не обязательно для лиц, не принимавших участие в собрании, где решался вопрос о введении самообложения, или же проголосовавших против. На практике это постановление, как и многие другие, практически повсеместно нарушалось.

Сокращение государственных ассигнований на культурно-просветительные учреждения, перевод их на хозрасчет повлекли за собой необходимость расширения источников финансирования за счет использования членских взносов, проведения субботников и воскресников, устройства платных зрелищных мероприятий: спектаклей, вечеров, концертов и др.¹³⁶. Поиски новых источников финансирования «заставляли» местные органы власти проявлять чудеса выдумки. Так, в Саратове по инициативе губоно были проведены кампании «Помощь школе» (январь 1922 г.)¹³⁷. Результаты кампании вылились в следующие показатели: «поступило пожертвований – 469.000 руб., поступило отчислений: единовременных – 9.689.604 руб., постоянных ежемесячно – 9.013.776 руб., от концертов, спектаклей и сборов во время их – 10.941.700 руб. Поступило продуктами: муки – 32 п. 12 фунтов, макарон – 34 фунта, леса – 4 бруса, гвоздей – 50 пудов, письменных

¹³⁵ См.: Луначарский А. В. Выступление на Всероссийском съезде зав. губоно, февраль, 1922 г. // Народное просвещение. 1922. № 9. С. 12; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 5.

¹³⁶ ЦДНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.

¹³⁷ Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 11.

принадлежностей – 284 предмета»¹³⁸. Кроме того, было произведено десять скамеек и исправлено несколько печей (данные только по одному району Саратова)¹³⁹.

В культурно-просветительных учреждениях, переданных по декрету от 15 сентября 1921 г. на содержание предприятий и их союзов, ремонт, доставка топлива и обеспечение канцелярскими принадлежностями осуществлялись этими предприятиями. Именно это обстоятельство позволяло каким-то образом выживать культпросветучреждениям в городе. Тогда как такого рода учреждения в деревне буквально задыхались от отсутствия средств. Вот что говорил в своем отчете заведующий Саратовским уездным политпросветом Курчатов в январе 1924 г.: «Катастрофическое материальное положение УПП (уездного политпросвета. – К. Н.), полное отсутствие средств на хозяйственные нужды, малочисленность штата работников и неподготовленность имеющихся, вот ненормальности, которые не дали возможности наладить работу в 1923 г. и в наступившем 1924 году»¹⁴⁰.

В 1925–26 гг. износ учреждений системы просвещения превышал вложения. Ситуация меняется лишь с 1926–27 гг. С этого времени происходит систематическое увеличение основных фондов, что отражало рост вложений в строительство и ремонт помещений, в которых находились школы, вузы, библиотеки, клубы, детские дома, пункты ликбеза и т. д.

В целом, начало новой экономической политики и связанный с этим переход на местное финансирование как проявление общей тенденции к децентрализации и самостоятельности отдельных регионов повлекли за собой резкий количественный спад в культурном строительстве. То, что случилось с «третьим фронтом» в 1921–22 гг., должно было произойти, так как размах преобразований не соответствовал возможностям государства – ни материальные, ни кадровые ресурсы, имеющиеся в наличии, не могли реализовать намеченные планы. Исчезли многие учреждения, не имеющие под собой никакой материальной базы, так называемые «скороспелки». Перевод экономики страны на хозрасчет и самофинансирование привел к тому, что устояли и выжили в это непростое время те политизированные звенья и структуры, которые поддерживались партией и государством, и те, кто был экономически независим.

Разруха, голод, повсеместная неустроенность, царившие в стране, лишали государство возможности оказать реальную помощь в сохранении культурных учреждений за счет государственного бюджета. Привлечение общественных средств, наряду с государственными, было

¹³⁸ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1373. Л. 11 об.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 3. Д. 817. Л. 18 об.

осуществлено не с целью экономии последних, а с целью увеличения материальной базы культурного строительства.

В целом, в результате предпринятых мер удалось спасти сеть культурно-просветительных учреждений от окончательного разрушения. С 1924–25 гг. в Саратовской губернии, так же как и в целом в стране, начинается процесс стабилизации работы учреждений культуры, в том числе и культурно-просветительных.

Но тем не менее вывести обеспечение культурно-просветительных учреждений на должный уровень и добиться поставленных задач так и не удалось в силу как объективных, так и субъективных причин. И одной из таких причин оставалось банальное отсутствие денег: «в 1926/27 гг. бюджет Саратовского Губернского политпросвета составлял 496.398 руб.: на ликвидацию неграмотности – 135.632 руб., на библиотеки и избы-читальни – 249.493 руб., на школы взрослых – 79.116 руб., на клубы – 32.157 руб. При таком бюджете Губполитпросвет ряд важнейших мероприятий выполнить не сможет. Необходима категорическая постановка вопроса об увеличении бюджета в советских и партийных органах»¹⁴¹. Эта выдержка из отчета Саратовского губернского политпросвета говорит сама за себя.

¹⁴¹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 737. Л. 91.

**А. Г. ХИНЧУК – УЧЕНЫЙ АГРОНОМ,
УЧЕНИЦА И СОРАТНИЦА Н. И. ВАВИЛОВА**

Аделаида Григорьевна Хинчук родилась 7 января 1897 г.¹⁴² (по ст. стилю) в Курске в семье зубного врача Г. И. Хинчука. Как и две другие ее сестры, Анна и Любовь, она получила прекрасное воспитание и образование: начальное – в Германии, куда семья выехала в 1905 г., спасаясь от еврейских погромов, а среднее и высшее – в Саратове, где она обосновалась с 1907 г.¹⁴³.

Сохранились детские фотографии сестер Хинчук курского периода жизни и фото А. Г. Хинчук – гимназистки, обучавшейся в двух саратовских гимназиях: 4-й женской М. И. Островской-Горенбург и Мариинской¹⁴⁴. По окончании Мариинской гимназии в 1913 г. ею были сданы экзамены за семь классов женской и дополнительно, экстерном, за восемь классов мужской гимназии.

В 1914 г. А. Г. Хинчук стала студенткой саратовских Высших сельскохозяйственных курсов, основанных годом раньше. Годы ее учебы на курсах совпали с происшедшим в стране Октябрьским переворотом. В 1918 г. курсы были преобразованы в Саратовский сельскохозяйственный институт, но из-за разрухи и безденежья институт до 1923 г. входил в состав Саратовского университета как агрономический факультет.

Со студенческой фотографии А. Г. Хинчук¹⁴⁵ на нас смотрит невысокая худенькая, миловидная черноглазая и черноволосая девушка. А. Г. Хинчук окончила вуз лишь в 1921 г. по причине свободного посещения занятий в это время и длительных перерывов из-за болезни.

А. Г. Хинчук посчастливилось учиться у Н. И. Вавилова, который в 1917–1921 гг. жил в Саратове и преподавал сначала на курсах, позже на агрофаке СГУ, а впоследствии и работать вместе с ним.

Учебу в вузе она совмещала с работой. В летнее время трудилась практиканткой на Камышинском опытном поле (1916) и на Саратовской сельскохозяйственной опытной станции (1918–1920) в отделе при-

¹⁴² Метрическое свидетельство А. Г. Хинчук от 08.10.1897, подписанное Харьковским раввином, кандидатом прав А. Сахниным, и. о. Курского раввина // НА СОМК 60327/40.

¹⁴³ Фото. Семья Хинчук. 1907 г. г. Саратов // НА СОМК 60327/6.

¹⁴⁴ Фото. А. Г. Хинчук, выпускница Саратовской Мариинской женской гимназии. 1913 г. // НА СОМК 60327/8.

¹⁴⁵ Фото. А. Г. Хинчук, студентка саратовских Высших сельскохозяйственных курсов. 1916 г. // НА СОМК 60327/16.

кладной ботаники и в селекционном отделе. На известной саратовской фотографии «На поле селекционного отдела»¹⁴⁶ 1918 г., где Н. И. Вавилов сидит за столом со своим учителем Д. Н. Прянишниковым, профессором «Тимирязевки», на переднем плане рядом с В. Р. Заленским, тогдашним директором Саратовской опытной станции, запечатлена А. Г. Хинчук. В 1920 г. короткое время она работала инструктором по ботанике при мастерской наглядных учебных пособий Аткарского райпотребсоюза в селе Лисичкино.

В удостоверении¹⁴⁷ А. Г. Хинчук об окончании СГУ указано, что ею была выполнена дипломная работа на тему: «Опыт междувидового скрещивания у пшениц «*Triticum dicoccum* Schr. var. *rusnugum* Al. x *Triticum vulgare* Vill. var. *lutescens* Al.». Научным руководителем дипломной работы был Н. И. Вавилов. Проводя под Саратовом свои исследования по сортоизучению, иммунитету растений и генетике, он привлекал к участию в них студентов-дипломников.

По-видимому, Н. И. Вавилов обратил внимание на А. Г. Хинчук, самостоятельную, трудолюбивую и настойчивую в достижении поставленных целей студентку, и в дальнейшем способствовал ее научному росту.

По воспоминаниям А. Г. Хинчук¹⁴⁸, она, как и другие дипломники Н. И. Вавилова, проводила свои полевые исследования в Гуселках и на учебной ферме или опытном поле СГУ, расположенном на хуторе Оппокове (район нынешнего поселка Юбилейный).

Ей зачастую приходилось вместе с руководителем буквально на коленях ползать по полянкам, «определяя на глаз и на ощупь степень опушенности гибридов». В 1918 г. Н. И. Вавилов спас ее «от тифа», выхлопав с учебной фермы молока, а в 1921 г. помог в срок завершить дипломную работу, предоставив возможность работать по вечерам в лаборатории агрофака. В это время свет в городе по вечерам отключали, горели только «коптилки», но кабинет Н. И. Вавилова и лаборатория перед кабинетом (именуемая студентами в шутку «предвавильником») с разрешения исполкома горсовета были освещены электричеством.

В 1920 г. А. Г. Хинчук была участницей двух всероссийских съездов: в июне в Саратове (III съезд по селекции и семеноводству) и в сентябре в Воронеже (I съезд по прикладной ботанике).

¹⁴⁶ Фото. На поле селекционного отдела. 1918 г. // НА СОМК НВСП 42748.

¹⁴⁷ Удостоверение от 14.05.1921 № 2173 А. Г. Хинчук об окончании агрофака СГУ по растениеводственному отделению; подписано деканом агрофака В. П. Бушинским и заверено 29.01.1926 ректором сельскохозяйственного института Б. Х. Медведевым // НА СОМК 60327/43.

¹⁴⁸ Рядом с Н. И. Вавиловым. М., 1963. С. 62–66.

Сохранились входной билет № 36¹⁴⁹ А. Г. Хинчук, участницы Саратовского селекционного съезда, от 4 июня 1920 г., подписанный Н. И. Вавиловым, председателем оргбюро по созыву съезда, и ее командировочное удостоверение¹⁵⁰ в Воронеж от 17 сентября 1920 г. Известно, что на этих съездах Н. И. Вавилов выступил с докладом об открытом им законе гомологических рядов в наследственной изменчивости.

В декабре 1920 г. А. Г. Хинчук как практикантка селекционного отдела была командирована Н. И. Вавиловым¹⁵¹ на курсы повышения квалификации по опытному делу в Москву, в Петровскую сельскохозяйственную академию (ныне Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева).

В мае 1921 г., уже после окончания вуза, по решению совета агрономического факультета¹⁵² она вновь была направлена в «Петровку» и обучалась на научно-исследовательских курсах по селекции у профессора С. И. Жегалова¹⁵³. Сохранилось прошение¹⁵⁴ А. Г. Хинчук «В Совет Петровской сельскохозяйственной академии» с припиской С. И. Жегалова: «Работы А. Г. Хинчук мне известны, зачисление на исследовательские курсы считаю желательным». Имеется справка¹⁵⁵, что А. Г. Хинчук действительно окончила эти курсы, заверенная ректором академии профессором В. Р. Вильямсом.

Далее, в 1922–1925 гг., она жила в Москве и, как отмечено в ее трудовом списке¹⁵⁶, работала не по специальности («частный лаборант» у Р. Г. Фридлиндера, владельца завода лаков и красок, инструктор-лабо-

¹⁴⁹ Входной билет от 04.06.1920 № 36 А. Г. Хинчук на право участия в работах селекционного съезда в Саратове // НА СОМК 60327/32.

¹⁵⁰ Командировочное удостоверение от 17.09.1920 № 3763 А. Г. Хинчук в Воронеж на I Всероссийский съезд по прикладной ботанике, подписано деканом агрофака СГУ В. П. Бушинским // НА СОМК 60704/14.

¹⁵¹ Командировочное удостоверение от 01.12.1920 № 201 А. Г. Хинчук в Москву, подписано Н. И. Вавиловым // НА СОМК 60327/42.

¹⁵² Командировочное удостоверение (копия) от 13.05.1921 А. Г. Хинчук, выпускницы агрофака СГУ на научно-исследовательские курсы // НА СОМК 60327/30.

¹⁵³ С. И. Жегалов (1881–1927) – заведующий кафедрой генетики и селекции ТСХА, с 1922 г. заведующий Московской селекционной станцией.

¹⁵⁴ Прощение (копия) от 20.02.1921 «В Совет Петровской с/х академии от студентки агрофака Саратовского университета А. Г. Хинчук» // НА СОМК 60327/31.

¹⁵⁵ Справка от 15.05.1924 № 5861 А. Г. Хинчук, что она с апреля 1921 г. по май 1922 г. состояла слушательницей научно-исследовательских курсов по циклу селекции сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева // НА СОМК 60704/12.

¹⁵⁶ Трудовой список (копия) А. Г. Хинчук. 1932 г. // НА СОМК 60327/44.

рант Московского отделения производственно-промышленного комбината Дагестанского наркомзема).

И только с 1 января 1926 г. она была принята лаборантом в отдел прикладной ботаники Ленинградского государственного института опытной агрономии (ГИОА). В связи с созданием в 1924 г. на базе указанного отдела Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур – ВИПБиНК (переименован в 1930 г. во Всесоюзный институт растениеводства), она являлась его научным сотрудником. Директором был Н. И. Вавилов.

В ВИРе А. Г. Хинчук непрерывно работала 12 лет до апреля 1938 г.: сначала в отделе генетики под непосредственным руководством Н. И. Вавилова, затем в отделе гербария культурной флоры под руководством П. М. Жуковского¹⁵⁷ и, наконец, в отделе кормовых культур под руководством Е. Н. Синской¹⁵⁸.

1930-е, годы работы А. Г. Хинчук в ВИРе, были для нее весьма плодотворными. Работы в области генетики, географии и систематики сельскохозяйственных растений, агроэкологии и селекции, выполненные ею в это время, получили высокую оценку и признание отечественных и зарубежных ученых и не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

В 1927–1929 гг. А. Г. Хинчук сделала научное открытие. В работе «К генетике *Triticum Timopheevi* Zhuk.»¹⁵⁹ (1929) она установила генетическую обособленность этого вида пшеницы.

М. М. Якубцинер, заведующий отделом зерновых ВИРа, в отзыве о работе А. Г. Хинчук отметил, что этот факт позднее «нашел блестящее подтверждение... в труде японца Kihaga» и что «нет сколько-нибудь существенной работы по генетике или систематике пшениц, где бы ни цитировалась работа А. Хинчук по генетике *T. Timopheevi*»¹⁶⁰.

¹⁵⁷ П. М. Жуковский (1888–1975) – крупный ученый и общественный деятель, академик ВАСХНИЛ; в 1925–1934 гг. сотрудник ВИР, в 1934–1951 гг. профессор ТСХА, в 1951–1960 гг. директор ВИР; член Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова, первый лауреат премии им. Н. И. Вавилова.

¹⁵⁸ Е. Н. Синская (1889–1965) – доктор биологических и сельскохозяйственных наук. Старейший работник ВИР, в 1931–1936 гг. заведующая лабораторией экологии культурных растений и отделом кормовых культур, в 1936–1940 гг. научный руководитель Майкопской опытной станции, в 1942–1948 гг. заместитель директора и заведующая отделом ВНИИ масличных культур, в 1945–1965 гг. заведующая отделами кормовых и систематики гербария культурных растений ВИР.

¹⁵⁹ Оттиск работы А. Г. Хинчук «К генетике *Triticum Timopheevi* Zhuk.». Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XX. Ленинград. 1929 г. // НА СОМК 60327/50.

¹⁶⁰ Отзывы М. М. Якубцинера о работе А. Г. Хинчук «К генетике *Triticum Timopheevi* Zhuk.». 1936 и 1946 г. // НА СОМК 60327/36 и НА СОМК 60327/37.

Большое практическое значение этой работы А. Г. Хинчук отметил и К. А. Фляксбергер¹⁶¹, старейший работник ВИРа, исследователь мирового генофонда пшениц и первый знаток пшениц России. По его мнению, автор уже «является готовым самостоятельным научным работником, заслуживающим степени кандидата». «*Triticum Timopheevi Zhuk.*» является единственным видом среди пшениц, исключительно устойчивым против грибных заболеваний», – пишет он, – но «использование его при скрещивании с другими пшеницами, как показала работа А. Г. Хинчук, вызывает большие трудности». Вследствие этого от исследователя потребовалось знание «сложных методов работы и применение отдаленных межвидовых скрещиваний».

Работая в отделе кормовых, А. Г. Хинчук провела большую научно-исследовательскую и экспериментальную работу по изучению эспарцета (*Opobrychis L.*), ценного кормового растения на южных опытных станциях ВИРа (Кубанской и Майкопской). Она неоднократно в одиночку выезжала в экспедиции в горные районы Армении, Грузии и Азербайджана. В сохранившихся документах¹⁶², удостоверяющих ее личность, выписанных Майкопской опытно-селекционной станцией ВИРа и Шовгеневским исполкомом Адыгейской автономной области Северо-Кавказского края, предлагается оказывать ей всемерную помощь и содействие в проведении экспедиций по обследованию диких кормовых трав, сбору их семян, в найме рабочих и проводников, «предоставлении без промедления за плату лошадей и перевозочных средств». При обследовании Белореченского района Краснодарского края А. Г. Хинчук заразилась малярией. С тех пор приступы этой болезни мучили ее до конца жизни.

В результате многолетних научных исследований А. Г. Хинчук был установлен новый вид дикого переднеазиатского эспарцета «*Opobrychis antiasiatica Khintschuk*». На Кубанской опытной станции ВИРа ею в соавторстве выведен новый сорт культурного эспарцета «Северокавказский двукосный» (разновидность закавказского эспарцета)¹⁶³. В 1936–1937 гг. ею была написана большая монография «Эспарцет и его культура» и защищена кандидатская диссертация по этой теме¹⁶⁴.

¹⁶¹ Отзыв К. А. Фляксбергера о работе А. Г. Хинчук «К генетике *Triticum Timopheevi Zhuk.*» // НА СОМК 60327/35.

¹⁶² Удостоверение от 18.07.1932 А. Г. Хинчук // НА СОМК 61939; документ «Всем с/советам и правлениям колхозов» от 09.07.1932 // НА СОМК 61940.

¹⁶³ Авторское свидетельство от 06.03.1952 № 738 А. Г. Хинчук на новый сорт эспарцета «Северокавказский двукосный» (в соавт.). Выдано Госкомиссией по сортоиспытанию зерновых, масличных культур и трав при Министерстве сельского хозяйства Союза ССР // НА СОМК 60327/49.

¹⁶⁴ Диплом от 11.03.1946 А. Г. Хинчук, кандидата сельскохозяйственных наук // НА СОМК 60327/48.

В своем отзыве¹⁶⁵ Е. Н. Синская отмечает грамотность А. Г. Хинчук как научного исследователя, оригинальность ее работы, использование по культуре эспарцета данных всей мировой литературы, благодаря знанию нескольких языков (французский, немецкий, отчасти английский и латинский). Отмечается также преданность работе и практичность исследователя. По инициативе А. Г. Хинчук и согласно ее указаниям наркомземы Армении, Азербайджана и Грузии организовали сортовые заповедники и семеноводство закавказского эспарцета.

Статьи А. Г. Хинчук об эспарцете были напечатаны в журналах «Социалистическое растениеводство» (1935) и «Колхозное опытничество» (1937), в сборниках ВИРа «Руководство по апробации сельскохозяйственных культур» (Т. 2. 1936 и Т. 4. 1938) и др. изданиях. Всего ею было написано и опубликовано 12 научных работ.

В архиве А. Г. Хинчук были обнаружены открытка от немецкого агронома Б. Диллингена¹⁶⁶ с благодарностью за присланный ею труд по генетике «Т. Timorheevi Zhuk.» и письмо от австралийского ученого Г. Венхольца¹⁶⁷, доктора растениеводства, с просьбой прислать работы по эспарцету и «образцы лучших его сортов (армянские формы) с хорошими фуражными свойствами и улучшенным формированием отавы».

В 1930 г. А. Г. Хинчук становится членом секции научных работников (СНР)¹⁶⁸ ВАРНИТСО¹⁶⁹ по рекомендации П. М. Жуковского¹⁷⁰, заведующего гербарием и секцией хлопководства ВИРа, где она в то время работала. На рекомендации, копия которой поступила в музей, имеется приписка: «Присоединяюсь к мнению профессора Жуковского. Н. Вавилов». Несколько последующих лет А. Г. Хинчук активно занималась

¹⁶⁵ Отзыв от 20.05.1946 Е. Н. Синской о работе А. Г. Хинчук, бывшего сотрудника отдела кормовых ВИР // НА СОМК 60327/38.

¹⁶⁶ Открытка из Берлина от немецкого агронома Б. Диллингена (на немецком языке). 19.02.1931 // НА СОМК 61938.

¹⁶⁷ Письмо (на английском языке) от Г. Венхольца, доктора растениеводства из управления сельского хозяйства Сиднея (Австралия). 20.11.1935 // НА СОМК 70964/8.

¹⁶⁸ Учетная карточка № 17583 А. Г. Хинчук, члена секции СНР // НА СОМК 60704/6.

¹⁶⁹ ВАРНИТСО – Всесоюзная добровольная общественная организация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР, существовавшая в 1928–1939 гг. Ее задачи – активное участие в изучении и разработке планов хозяйственного и культурного строительства, подготовке научных кадров, организации научно-исследовательской работы, чтении лекций и докладов учеными на предприятиях, поддержании связей с научно-техническими обществами в СССР и за границей.

¹⁷⁰ Рекомендация (копия) профессора П. М. Жуковского. 1930 г. // НА СОМК 60327/13.

общественной деятельностью. В 1930–1931 гг. избиралась секретарем приемочно-конфликтной комиссии коллектива ВАРНИТСО всех научно-исследовательских институтов, действовавших в системе ВАСХНИЛ, членом сельскохозяйственного сектора областного бюро ВАРНИТСО, в 1933–1934 гг. – членом бюро СНР ВИРа.

В эти же годы А. Г. Хинчук вместе с Н. И. Вавиловым была участницей крупных научных форумов: в 1928 г. – III Всесоюзного съезда ботаников¹⁷¹, в 1935 г. – I Всесоюзного совещания по селекции и семеноводству кормовых культур. В 1932 г. она получила приглашение¹⁷² из США для участия в работе VI Международного генетического конгресса (вице-президентом которого был Н. И. Вавилов), но, судя по записи в анкете¹⁷³, ею собственноручно заполненной и подписанной 25 июля 1935 г., на конгресс не ездила. Пункт № 18 анкеты гласит: «в сознательном возрасте за границей не была».

В 1937 г. А. Г. Хинчук была утверждена квалификационной комиссией ВАСХНИЛ в должности старшего научного сотрудника по специальности «генетика и селекция сельскохозяйственных растений»¹⁷⁴.

В 1938 г. А. Г. Хинчук уволилась из ВИРа и переехала в Саратов к отцу по причине болезни и последовавшей за ней смерти матери. Это официальная причина переезда, но, скорее всего, не единственная.

По воспоминаниям Е. Н. Синской¹⁷⁵, вторая половина 1930-х гг. в ВИРе была очень напряженной. Это были годы ожесточенной борьбы двух направлений, двух школ – Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко – в отечественной биологии. Обострились «диалектические распри», участились комиссии, аресты научных сотрудников института.

Некоторой иллюстрацией сложных политических процессов, проходивших в институте в эти годы, может служить инструкция производственного сектора местного комитета ВИРа «Всем производсовещаниям всех отделов и групп ВИРа»¹⁷⁶, хранившаяся в архиве А. Г. Хинчук с 1932 г. Инструкция адресована ей как бригадиру группы учета отдела кормовых. В инструкции отмечается слабая читаемость научными сотрудниками института специальной и марксистско-ленинской литературы и предлагается ряд мер «по решительной и непримиримой борьбе

¹⁷¹ Членский билет № 622 А. Г. Хинчук на III Всесоюзный съезд ботаников. Ленинград. 8–15 января 1928 г. // НА СОМК 60704/15.

¹⁷² Приглашение научного совета VI Международного конгресса по генетике, г. Итака (штат Нью-Йорк, США) (на английском языке). 24–31 августа 1932 г. // НА СОМК 60327/34.

¹⁷³ Анкета А. Г. Хинчук (ксерокопия). 1935 г. // НА СОМК НВСП 35710.

¹⁷⁴ Аттестат А. Г. Хинчук, старшего научного сотрудника // НА СОМК 60327/47.

¹⁷⁵ Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев, 1991. С. 147.

¹⁷⁶ Инструкция месткома ВИР. 1932 г. // НА СОМК НВСП 42749.

с подобным порядком вещей». Обращаясь к общественно-производственному активу и бригадирам производсовещаний в первую очередь, местком призывал их «покончить с примиренческим попустительством в деле овладения наукой в выполнении четких указаний вождя Партии». «Перефразируя известное положение тов. Сталина», – говорится в инструкции, – «мы должны сказать, что «научный работник, прячущийся от литературы за «объективные трудности», «загруженность» от 10 до 5 часов – анекдот, а не научный работник». «В целях изжития подобного недопустимого положения в корне противоречащего указаниям XVII Партконференции и ЦК ВКП(б) и тов. Сталина об овладении наукой и техникой» и «поднятия вопроса читаемости литературы на принципиально-политическую высоту во всех уголках института» предлагается организовать с 1 января 1932 г. учет читаемости графически на миллиметровой бумаге «и на базе этого учета развернуть соцсовершенствование и ударничество в области освоения литературы».

В декабре 1936 г. состоялась знаменитая 4-я сессия ВАСХНИЛ, на которой противоборство двух направлений в биологии достигло апогея. Как выяснилось, в работе сессии принимала участие и А. Г. Хинчук.

Пригласительный билет¹⁷⁷, имеющийся в ее архиве, свидетельствует, что сессия была посвящена итогам экспериментальных работ по выведению новых сортов культурных растений и новых пород сельскохозяйственных животных. С докладами выступали видные отечественные и иностранные ученые: профессор Г. Г. Меллер¹⁷⁸, академики А. С. Серебровский, Н. И. Вавилов, Т. Д. Лысенко, научные работники, селекционеры, оригинаторы. А. Г. Хинчук не выступала, но в числе других научных работников была готова выступить с докладом «Новое в селекции эспарцета». Тема сообщения обозначена в списке ее печатных трудов¹⁷⁹, причем в скобках имеется уточнение, что это тезисы ее «доклада на сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 г., утвержденные дирекцией ВИР».

Известно, что после сессии усилились гонения на генетиков. Формальные или классические генетики официальной пропагандой презрительно именовались «менделистами-морганистами» или «космополитами» и нередко подвергались аресту как враги народа. Сам Н. И. Вавилов еще в 1935 г. был смещен с поста президента ВАСХНИЛ, а в 1938 г. этот пост занял Т. Д. Лысенко. Обстановка в ВИРе усугу-

¹⁷⁷ Пригласительный билет на заседание 4-й сессии ВАСХНИЛ. 1936 г. // НА СОМК 61942.

¹⁷⁸ Г. Г. Меллер (1890–1967) – известный американский генетик, лауреат Нобелевской премии. В 1933–1937 гг. по приглашению Н. И. Вавилова работал в Институте генетики АН СССР и заведовал отделом мутаций и проблем гена.

¹⁷⁹ Список печатных и оформленных для печати работ А. Г. Хинчук от 16.06.1946 // НА СОМК 61943.

билась после ареста Н. И. Вавилова в 1940 г. Многие «вировцы», ученики и последователи Н. И. Вавилова, либо сами ушли из института, либо были уволены, а некоторые – арестованы. Отдел кормовых, объявленный приказом директора на начало 1939 г.¹⁸⁰ лучшим по институту, был практически разгромлен. Если бы А. Г. Хинчук сама не ушла из ВИРа накануне этих событий, то ее наверняка ожидала бы печальная участь коллег.

Окончательный разгром генетики как науки произошел уже после Великой Отечественной войны на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. В архиве А. Г. Хинчук сохранилась маленькая брошюра В. Гюго «Гаврош»¹⁸¹, иллюстрированная ее племянником Д. Дубинским, известным в 1940–1950-е гг. художником, книжным графником. На обложке брошюры имеется сделанная карандашом дарственная надпись автора: «Дорогой тете Аде, ученому-агроному, надеюсь не морганисту. 31.12.48 г.». Автограф художника написан в духе времени, но за шуточной формой скрывается очень серьезное содержание.

В Саратове А. Г. Хинчук короткое время работала на кафедре генетики и исторического дарвинизма биологического факультета СГУ в должности исполняющей обязанности доцента¹⁸². С 1 февраля 1939 г. в возрасте 42 лет по состоянию здоровья она была вынуждена уйти на пенсию по инвалидности. После дополнительных хлопот с 26 июля 1946 г. А. Г. Хинчук получила статус персонального пенсионера местного значения¹⁸³.

Судя по переписке с Н. Р. Ивановым, Ф. Х. Бахтеевым, Е. Н. Синской, В. В. Суворовым, П. Л. Лубенцом, А. И. Мордвинкиной, Н. Г. Хорошайловым, М. А. Шебалиной, контактов с ВИРОм А. Г. Хинчук не порывала до самой своей смерти и пользовалась у коллег заслуженным уважением и авторитетом.

Не только служебные, но и теплые дружеские отношения связывали А. Г. Хинчук и Е. Н. Синскую. В письмах Е. Н. Синская обсуждает с ней актуальные вопросы организации сортоиспытания, семеноводства и районирования люцерны и эспарцета в Краснодарском крае и на Северном Кавказе. Вместе с тем проявляет за-

¹⁸⁰ Письмо от 08.01.1939 А. Г. Хинчук от В. В. Суворова, заместителя заведующего отделом кормовых ВИР // НА СОМК 70964/5.

¹⁸¹ Брошюра В. Гюго «Гаврош» // НА СОМК 60704/17.

¹⁸² Удостоверение личности А. Г. Хинчук, и. о. доцента по кафедре генетики и исторического дарвинизма, выданное 02.10.1938 // НА СОМК 60327/46.

¹⁸³ Пенсионная книжка № 330 А. Г. Хинчук, персонального пенсионера местного значения // НА СОМК 60327/45.

боту о ее здоровье, отмечает «жуткие условия» и вредный климат на станции Отрада Кубанская, советует с разрешения врачей в следующем 1937 г. поехать в горы Закавказья¹⁸⁴. Обращается к Хинчук «Дорогая Аделаида Григорьевна!». В 1946 г. присылает в Саратов прекрасный отзыв о ее работе в ВИРе, необходимый для оформления А. Г. Хинчук персональной пенсии. Не без рекомендации Е. Н. Синской А. Г. Хинчук приняла участие в подготовке к изданию «Культурной флоры СССР», написав главу об эспарцете. К сожалению, выпуск с характеристикой этой кормовой культуры не издан до сих пор. В архиве А. Г. Хинчук сохранилось и приглашение¹⁸⁵ на празднование 70-летнего юбилея Е. Н. Синской в 1959 г. Однако в книге «Воспоминания о Н. И. Вавилове» Е. Н. Синская, характеризуя всех сотрудников отдела кормовых, об А. Г. Хинчук почему-то умалчивает.

Письма 1946–1947 гг. от Н. Г. Хорошайлова и П. П. Лубенца, сотрудников отдела кормовых, рассказывают о возрождении научно-исследовательской и опытно-исследовательской деятельности, семеноводства в ВИРе и его подразделений в послевоенное время, о трудностях в работе отдела кормовых в связи с недостатком квалифицированных кадров. П. П. Лубенец в письме от 15 декабря 1947 г. по этому поводу сетует: «В отделе кормовых людей много, но больше хохота и шепота, чем работы». В конце письма он обращается к А. Г. Хинчук с такими трогательными словами: «За Вами культура болеет, плачет и просится, чтобы Вы ее приласкали. Как бы было хорошо, если бы Вы снова вернулись в стены ВИРа. Дружба и совместная работа оставили у меня незабываемый, светлый и милый праздник в моей жизни. Надеюсь на Ваше возвращение»¹⁸⁶.

До последних дней А. Г. Хинчук сохранила верность и преданность Н. И. Вавилову, «своему великому учителю и наставнику». Она написала о нем прекрасные воспоминания, опубликованные в сборнике «Рядом с Н. И. Вавиловым» (1963).

В Саратове вместе с профессором Н. А. Тюмяковым, другом и соратником Н. И. Вавилова, С. С. Хохловым, ученым-генетиком из СГУ, и др. принимала активное участие в пропаганде научного наследия ученого, поиске места его захоронения.

¹⁸⁴ Письма от Е. Н. Синской. 1936 г. // НА СОМК 70964/13 и 1938 г. // НА СОМК 71038.

¹⁸⁵ Приглашение А. Г. Хинчук на празднование 70-летия Е. Н. Синской. 1959 г. // НА СОМК 70964/2.

¹⁸⁶ Письмо от П. П. Лубенца 15.12.1947 // НА СОМК 70964/11.

Об этом мы узнаем из писем Ф. Х. Бахтеева¹⁸⁷, А. И. Мордвинкиной¹⁸⁸, Н. Р. Иванова¹⁸⁹, которые в 1960–1970-е гг. постоянно сообщали А. Г. Хинчук обо всем, что делалось в стране по увековечиванию имени и памяти Н. И. Вавилова.

В конце 1962 г. Ф. Х. Бахтеев извещает А. Г. Хинчук о научной сессии в большом зале Географического общества, о заседаниях научных обществ и других мероприятиях, прошедших в прибалтийских республиках, в Молдавии, Узбекистане, в Новосибирске и Краснодаре в связи с празднованием 75-летия Н. И. Вавилова¹⁹⁰. Он выражает благодарность А. Г. Хинчук за ее деятельность в Саратове и добавляет: «Буду Вам очень признателен за новые сведения о Н. И. и о Ваших хлопотах по установлению последнего пристанища Н. И.». Ф. Х. Бахтеев в этом же году был в Саратове, где с С. С. Хохловым и Ю. Н. Вавиловым искал могилу Н. И. Вавилова на саратовском Воскресенском кладбище.

В январе 1968 г. А. И. Мордвинкина¹⁹¹ делится с А. Г. Хинчук впечатлениями о праздновании 80-летнего юбилея Н. И. Вавилова, о прошедших в Москве и Ленинграде научных конференциях, сообщает, что в работе ленинградской приняли участие иностранные ученые из Швеции, Германии, Болгарии, Югославии. В своих выступлениях они оценили Н. И. Вавилова «как интернационального ученого, чье влияние сказывается на всех». Информировывает также о состоявшемся в Москве заседании, организованном историками, археологами и этнографами, на котором была высказана мысль, «что новейшие открытия археологов подтверждают теорию Н. И. Вавилова о центрах происхождения, а именно среднеазиатский очаг». В конце письма с печалью констатирует факт: «Омоложение ВИРа как будто продолжается, в скором времени перейдут на пенсию еще человек 5–6». «Сейчас молодые (сравнитель-

¹⁸⁷ Ф. Х. Бахтеев (1905–1982) – растениевод, ботаник, селекционер, специалист по ячменям, в 1934 г. закончил аспирантуру ВИР у Н. И. Вавилова, до 1940 г. работал в ВИРе, был участником последней экспедиции Н. И. Вавилова, после его ареста был уволен из института; доктор биологических наук, профессор, лауреат премии АН СССР им. Н. И. Вавилова, член Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова.

¹⁸⁸ А. И. Мордвинкина (1893–1982) – ботаник, агроном, селекционер; ученица Н. И. Вавилова «саратовской» школы, с 1921 г. сотрудник отдела прикладной ботаники ГИОА, позже ВИР, специалист по овсам.

¹⁸⁹ Н. Р. Иванов (1903–1978) – старейший работник ВИР (с 1924 г.), в 1945–1971 гг. заведующий отделом зерновых бобовых культур, специалист по фасоли и др. бобовым, доктор сельскохозяйственных наук, профессор. В годы блокады был ответственным за хранение семян зернобобовых мировой коллекции ВИР; с 1966 г. первый ученый секретарь Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова, лауреат премии АН СССР им. Н. И. Вавилова.

¹⁹⁰ Письмо от Ф. Х. Бахтеева. 20.12.1962 // НА СОМК 70964/10.

¹⁹¹ Письмо от А. И. Мордвинкиной. 17.01.1968 // НА СОМК 70964/9.

но) ученые поехали в экспедиции в Австралию, Судан, еще куда-то, но все это не то, что и как было раньше. В ВИРе Н. И. близок не многим».

В конце сентября 1969 г. Н. Р. Иванов как ученый секретарь Комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н. И. Вавилова АН СССР в письме¹⁹² А. Г. Хинчук выражает удовлетворение и радость по поводу переименования в Саратове улицы Михайловской в улицу имени Н. И. Вавилова. «Мы всегда очень радуемся, если что-либо делается для увековечивания памяти Николая Ивановича», – пишет он. Сообщает также, что продолжает работать в ВИРе и что к 100-летию Н. И. Вавилова собирается «писать историю его творческой жизни страниц на 800–900», беспокоится о сохранности для истории ценного архива Н. А. Тюмякова.

В 1971 г. в письме¹⁹³, написанном после смерти А. Г. Хинчук, Н. Р. Иванов выражает глубокое соболезнование ее близким: «сорока-пятилетнее знакомство наше на базе работ института растениеводства и его опытных станций сблизило нас, у нас были общие интересы вокруг учения Николая Ивановича Вавилова. Мы виделись в Саратове при открытии памятника (Н. И. Вавилову), а Шебалина Мария Александровна, Мордвинкина Александра Ивановна и моя жена Клавдия Васильевна посетили дом Аделаиды Григорьевны...»

Узнав о кончине А. Г. Хинчук, откликнулся и профессор В. В. Суворов: «Аделаида Григорьевна действительно всегда была моим другом. Хороший человек, чудесный товарищ»¹⁹⁴.

В своих письмах от 22 июля 1972 г. и 12 апреля 1973 г.¹⁹⁵ П. П. Лубенец, заведующий отделом кормовых культур ВИРа, благодарит сестру А. Г. Хинчук Анну Григорьевну за присланные в ВИР монографию А. Г. Хинчук и рисунки по эспарцету, сообщает, что эти материалы будут «лучшей памятью для молодых сотрудников об Аделаиде Григорьевне».

Умерла А. Г. Хинчук 26 ноября 1971 г., практически через год после открытия памятника Н. И. Вавилову на Воскресенском кладбище г. Саратова, состоявшегося 25 сентября 1970 г. «Вавиловскую» коллекцию нашего музея пополнили приглашение А. Г. Хинчук от оргкомитета СХИ на открытие памятника¹⁹⁶, фотография¹⁹⁷, ранее отсутствовавшая

¹⁹² Письмо от Н. Р. Иванова. 28.09.1969 // НА СОМК 70964/3.

¹⁹³ Письмо от Н. Р. Иванова племяннице А. Г. Хинчук. 1971 г. // НА СОМК 70964/6.

¹⁹⁴ Письмо от В. В. Суворова. 05.12.1971 // НА СОМК НВСП 42826.

¹⁹⁵ Письма от П. П. Лубенца 22.07.1972 // НА СОМК НВСП и 12.04.1973 // НА СОМК 70964/14.

¹⁹⁶ Приглашение А. Г. Хинчук от оргкомитета СХИ на открытие памятника Н. И. Вавилову на Воскресенском кладбище г. Саратова. 25.09.1970 // НА СОМК НВСП 42751.

¹⁹⁷ Фото. А. Г. Хинчук во время открытия памятника Н. И. Вавилову. 25.09.1970 // НА СОМК 60327/13.

в коллекции СОМК, где среди участников этого события запечатлена сама А. Г. Хинчук.

В фонды Саратовского областного музея краеведения поступили также научные труды и некоторые личные вещи А. Г. Хинчук: изящная театральная сумочка из перламутровых чешуек, веер, шляпки из соломки и туфельки, в которых она, по свидетельству родственников, будучи студенткой агрофака Высших сельскохозяйственных курсов, танцевала на балах в Саратовской консерватории.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Основой социальной политики Советского государства по отношению к подрастающему поколению в годы Великой Отечественной войны оставалось обеспечение всеобщего обучения – начального в сельской местности и семилетнего в городе. Однако чрезвычайная обстановка военного времени существенным образом затруднила решение этой задачи. На работе школ отрицательным образом сказывались уменьшение их финансирования, сокращение учебных площадей, нехватка педагогических кадров и снижение их квалификации, ухудшение материального достатка населения. Серьезной проблемой, особенно в начале войны, стал отсев учащихся из школ, что увеличивало контингент детей, находящихся в безнадзорном состоянии.

Надо сказать, что отсутствие полного охвата детей школьного возраста обучением и отсев из школ – явление, характерное не только для военного времени, как в основном принято было считать. В последний предвоенный учебный год по Саратовской области было выявлено 2309 детей 8–15-летнего возраста, не учившихся в школе, в том числе по Саратову – 121 ребенок (общее число учащихся около 349 тыс.)¹⁹⁸. Главной причиной непосещения детьми школ, наряду с упущениями родителей и их асоциальным поведением, и тогда являлось тяжелое материальное положение в семье.

С началом войны отсев учащихся из школ приобрел катастрофические размеры. Зимой первого военного года он составил по Саратовской области 88 тыс. человек; в следующем году превысил 60 тыс. – примерно 1/4 контингента обучающихся¹⁹⁹. Больше всего отсев имел место в сельской местности и в районах бывшей республики немцев Поволжья. Причины отсева были разные. После ухода в армию отцов и удлинения рабочего дня на производстве, где работали матери, многие школьницы брали на себя заботу о домашнем хозяйстве и уход за малолетними братьями и сестрами. Часть учащихся оставила учебу из-за отсутствия одежды и обуви. По данным обследования областного отдела народного образования 30 районов области, в третьей четверти 1941/42 учебного года 54 % детей не ходили в школу из-за отсутствия одежды и обуви, 18 % – из-за домашних работ²⁰⁰. Кроме того, некоторые подростки сами ушли на про-

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2727. Л. 27.

¹⁹⁹ ГАСО. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 65. Л. 38.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2894. Л. 6.

изводство: одни – движимые патристическими чувствами работать ради общего дела победы, а другие – просто необходимостью материально помочь семье. Одной из причин отсева было низкое качество преподавания в школах в связи с уходом на фронт многих учителей.

Местные органы власти и органы народного образования не смогли сразу разобраться в ситуации и принять нужных мер к существенному сокращению отсева учащихся из школ. Только в феврале 1942 г. Саратовский обком ВКП(б) специально поставил вопрос о работе школ области в условиях войны. На совещание были приглашены партийные и советские работники, руководители органов народного образования области, районов и городов. Отметив низкую успеваемость (75,8 %) и продолжающийся отсев учащихся, обком ВКП(б) потребовал от городских и районных партийных, советских и комсомольских органов усилить руководство школами и решительно перестроить всю работу органов народного образования. Было указано, что важнейшей задачей в работе школ на протяжении военных лет является борьба за всеобщее, за сохранение контингента учащихся²⁰¹. Однако в значительной мере эти указания обкома вплоть до конца первого военного учебного года оставались декларацией. Серьезных организационно-материальных мер местные структуры власти и управления не смогли предпринять, чтобы переломить ситуацию со всеобщим.

Разумеется, большой отсев учащихся не составлял особенность, присущую только Саратовской области, но его масштабы здесь были одними из самых значительных по России²⁰². Поэтому не случайно, что положением дел со школьным обучением в Саратовской области в конце 1941/42 учебного года был обеспокоен республиканский Наркомат просвещения. В область была направлена бригада Наркомпроса РСФСР, которая провела обследование работы областного отдела народного образования. 24 июня 1942 г. последовал соответствующий приказ наркома Потемкина, где деятельность саратовских органов народного образования была признана неудовлетворительной, а заведующий облоно В. И. Воейков освобожден от занимаемой должности. В целом приказ был резким по тону и в ряде случаев содержал неоправданные обвинения в адрес руководства саратовского облоно. В частности, ему в вину ставилось «разбазаривание школьных зданий»²⁰³. Действительно, число школ сократилось с 2747 в 1940 г. до 2260 в 1942 г. Но школьные здания в Саратове и других городах области осенью 1941 г. передавались эвакуи-

²⁰¹ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3676. Л. 30.

²⁰² Большим отсев учащихся был только в Куйбышевской области – 134 тыс. человек, в Ярославской – 105 тыс., в Горьковской 100 тыс. (ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 3172. Л. 98).

²⁰³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2793. Л. 119.

ированным предприятиям и учреждениям, воинским частям по решению областных властей и мнение органов образования при этом практически не учитывалось. Вместе с тем приказ сыграл стимулирующую роль: только после этого были предприняты серьезные шаги по борьбе за сохранение контингента учащихся общеобразовательных школ.

Летом 1942 г. силами учителей, работников районо, депутатов низовых Советов был проведен повсеместный учет детей, подлежащих обучению в школе. В сентябре 1942 г. в Саратове по этому вопросу было организовано совещание заведующих рай(гор)оно. Трижды за период с июля по ноябрь проблему обсуждал облисполком, по одному-три раза – райсоветы. В ноябре 1942 г. новый первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б) П. Т. Комаров разослал письма райкомам по вопросам всеобуча. Инспекторы облоно в первом полугодии проверили 23 района; с отчетами в облоно вызывались 10 заведующих районо и 11 директоров школ²⁰⁴. Проведенные мероприятия позволили возвратить в школу в начале нового учебного года более 25 тыс. детей²⁰⁵.

Однако более 23 тыс. детей от 8- до 15-летнего возраста в Саратовской области в это время продолжали находиться вне школы. В самом конце 1942 г. власти пошли на достаточно суровые административные меры. 30 декабря облисполком вынес решение № 1063 38/7045 «Об обеспечении всеобуча». Этим решением родители, опекуны и граждане, имеющие на своем попечении или иждивении детей, а также должностные лица учреждений и организаций, на попечении которых находились дети, обязывались посылать в школы всех детей, достигших восьмилетнего возраста, не допуская пропусков ими без уважительных причин учебных занятий и оставления школы до окончания в городах и рабочих поселках семи классов и в сельской местности – четырех классов начальной школы. За отказ посылать детей в школу или допущение без уважительных причин пропуска занятий на указанных лиц налагались административные взыскания. В городах они выражались в виде наложения штрафа до 100 рублей (среднемесячная зарплата по городу составляла около 300 рублей) или привлечения к исправительно-трудовым работам на срок до одного месяца. В сельской местности размер штрафа мог составлять 10 рублей, а срок исправительно-трудовых работ – до 15 дней²⁰⁶. Конечно, в части использования для наказания в целях обеспечения всеобуча детей принудительного труда с позиций сегодняшнего дня выглядит вопиющим административным произволом, но в создавшихся в начале войны условиях эту меру можно считать не только вынужденной, но и оправданной и действенной. Нужно

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2694. Л. 2.

²⁰⁵ Там же. Л. 5.

²⁰⁶ Там же. Д. 2793. Л. 87.

было думать и о будущем страны, чтобы вступающая в жизнь молодежь имела приемлемое образование. Необходимо было также не допустить, чтобы десятки тысяч детей находились без надзора со стороны общественных институтов, важнейшим из которых являлась школа.

Вопрос о всеобщем вскоре, в конце января 1943 г., был вынесен на обсуждение VII сессии областного Совета. На сессии отмечалось, что целый ряд районов (Баландинский, Перелюбский, Питерский и Хвалынский), города Саратов и Энгельс были близки к завершению всеобщего обучения. Вместе с тем, отмечала сессия, общий охват обучением детей школьного возраста составлял по области только 92 %. Сессия потребовала от местных Советов и педагогических коллективов в течение 15 дней провести переучет детей школьного возраста и вовлечь их в учебу не позднее 20 февраля 1943 г.; освободить подростков до 15-летнего возраста от хозяйственных работ в колхозах; открыть при школах интернаты; добиться, чтобы детей из отдаленных населенных пунктов подвозили к школе²⁰⁷.

Во исполнение принятого постановления исполком облсовета в рабочем порядке заслушал отчеты председателей ряда райисполкомов. В свою очередь, райисполкомы и исполкомы сельских Советов стали больше внимания уделять школе. Разумеется, некоторые требования VII сессии облсовета в сложных военных условиях так и остались на бумаге, особенно в части освобождения несовершеннолетних подростков от работ в колхозах и подвоза сельских ребят в школы, но относительно учета детей школьного возраста здесь дело в 1943 и 1944 гг. было уже поставлено на должную высоту.

Не в последнюю очередь на организации контроля за контингентом учащихся сказалось введение в действие летом 1943 г. специальной инструкции Наркомпроса «Об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 включительно и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении». Согласно инструкции, организация учета детей и подростков, подлежащих обучению, возлагалась на местные органы советской власти. Территория всех городов и сельских районов до 1 августа 1943 г. должна была поделена на школьные участки по числу имеющихся школ. В городах в целях единовременного учета школьников управляющим и комендантам домов вменялось в обязанность составлять списки всех проживающих в домах детей и направлять эти списки директорам школ, следить за прибытием новых детей. Директор школы должен был осуществлять повседневный контроль за посещением детьми учебных занятий, выяснять причины непосещений и принимать меры к немедленному возвращению учащихся

²⁰⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1066. Л. 20.

в школу. Проведенный во время летних каникул 1943 г. учителями и депутатами тщательным образом учет детей способствовал тому, что в новом учебном году в школы Саратовской области явилось учащихся больше, чем предусматривалось планом. Сократился почти в три раза в ходе 1943/44 учебного года и отсев учащихся, составив 26 тыс. человек²⁰⁸. В значительной мере он был вызван эвакуацией родителей, уходом на производство и в учебные заведения системы трудовых резервов, хотя продолжал действовать и фактор материальной необеспеченности детей²⁰⁹. Положительным образом сказалась организация при некоторых сельских школах интернатов для детей из малонаселенных деревень. В 1942 г. по области был создан 31 школьный интернат на 3449 детей, в 1943 г. число интернатов увеличилось до 117²¹⁰.

Важное значение в осуществлении в период Великой Отечественной войны всеобщего обучения детей в городах и селах имело материально-финансовое обеспечение школ. Уже с осени 1941 г. многие школьные здания оказались занятыми госпиталями, различными военными учреждениями. Большинство городских школ перешло на трехсменную работу, а восемь саратовских школ (из 78) занимались в четыре смены. Лишь с начала 1943 г. постепенно школьные помещения освобождались или школам предоставлялись другие здания. До начала 1943/44 учебного года в Саратове были освобождены для школ 68 зданий, ранее занятых для других целей. При участии учителей и учащихся старших классов по сути дела впервые за время войны был произведен столь масштабный ремонт школ. Текущий ремонт был осуществлен в 2086 школах, а капитальный ремонт – в 28 школах²¹¹.

С началом войны значительно ухудшилось снабжение школ топливом. Особенно тяжелая ситуация сложилась в зимние месяцы 1942 г. К 1943 г. положение несколько выправилось, но и тогда школы обеспечивались дровами и углем только на 80 % от потребности. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Дурасовском, Балаковском и Красноярском районах²¹².

Крайне ограниченной оказалась обеспеченность школ учебниками и письменными принадлежностями. Как правило, школьники пользовались подержанными учебниками. Так, к 1943/44 учебному году шко-

²⁰⁸ ГАСО. Ф. Р. 1738. Оп. 2. Д. 1066. Л. 4.

²⁰⁹ В 1943/44 учебном году 15,8 тыс. учащихся выбыли в связи с переездом родителей, 3,7 тыс. – в ремесленные училища и школы ФЗО, 3,7 тыс. – по материальной необеспеченности, 1,8 тыс. в связи с болезнью и смертью (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2991. Л. 3).

²¹⁰ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 738. Л. 117; Д. 965. Л. 2.

²¹¹ ЦДНИСО. Ф. 4158. Оп. 8. Д. 20. Л. 4.

²¹² Там же.

лы Саратовской области закупили 1136 тыс. подержанных учебников и лишь 197 тыс. (т. е. 20 %) новых. Наиболее сложным являлось обеспечение учебниками старшеклассников и учащихся нерусских школ. К тому же многие учебники школы получали не в начале, а в середине года²¹³. Большим дефицитом были школьные тетради, особенно в сельской местности, где в основном использовали вместо них для письма старые газеты. Постоянно ощущался недостаток в ручках, чернилах, карандашах, линейках. Конечно, руководители местных органов народного образования старались как-то поправить здесь положение, но этих мер было явно недостаточно по причине общей нехватки средств в условиях войны.

Немало трудностей властям доставляло обеспечение ребят обувью и одеждой. Многие дети из-за отсутствия вещей не посещали занятия. Только в 1943 г. по 45 учтенным районам области в порядке помощи нуждающимся детям централизованным путем было отремонтировано 26 тыс. пар обуви, выдано 4600 предметов теплой одежды²¹⁴. Кроме того, население области безвозмездно передало в школы 2,5 тыс. метров ткани, 12 тыс. пар обуви и 22,5 тыс. различных вещей²¹⁵.

В первую очередь одежда и обувь бесплатно выделялись детям из семей военнослужащих, которых в Саратовской области насчитывалось около 300 тыс. В данном случае усиливался не только социальный характер этой меры (дети, оставшиеся без отцов, в большей степени были склонны к беспризорничеству), но и придавалось вполне определенное политическое значение: власть показывала особую заботу о близких людей, которые защищали Родину. Помимо государственной помощи для семей фронтовиков организовывался сбор пожертвований среди населения. О том, что здесь саратовцы числились среди передовиков, свидетельствует телеграмма Сталина, присланная в декабре 1944 г. на имя первого секретаря обкома ВКП(б) Комарова и председателя облисполкома Кузьмина, которая гласила: «Передайте трудящимся Саратовской области, собравшим два миллиона сто восемьдесят тысяч сто девяносто рублей деньгами, продовольственные продукты и вещи в фонд помощи семьям фронтовиков мой братский привет и благодарность Красной Армии»²¹⁶.

В отдельную категорию включались дети из многодетных семей и семей погибших воинов. Их матерям, кроме того, выплачивали пособия. Всего за годы войны в Саратовской области государственное пособие по

²¹³ ЦДНИСО. Ф. 4158. Оп. 8. Д. 20. Л. 5.

²¹⁴ Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 159.

²¹⁵ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1196. Л. 5.

²¹⁶ Там же. Д. 1424. Л. 130.

многодетности получили 3346 многодетных матерей. Многодетным и одиноким матерям было выплачено пособий на сумму почти 3,5 млн рублей, в том числе одиноким матерям в порядке единовременной помощи в размере более 1,6 млн рублей²¹⁷. Вместе с тем организацию помощи семьям фронтовиков и многодетным матерям в годы войны не следует идеализировать. Об этом свидетельствуют факты «бездушно-бюрократического отношения, даже издевательства в этом деле», приводившиеся на XII сессии облсовета в марте 1945 г. В частности, указывалось, что в Вольске письмо жены фронтовика Гусева, имевшей шесть малолетних детей, об оказании ей материальной помощи ходило в горисполкоме восемь месяцев по «канцелярским дебрям»²¹⁸.

Как важное условие обеспечения всеобуча и сохранения подрастающего поколения рассматривалась в годы войны проблема организации питания в школах. Власть была вынуждена пойти на это, поскольку государственное нормированное снабжение, покупки семьями продуктов на базарах в городах и доходы колхозников от общественного и личного подсобного хозяйств не давали подавляющей части детей и подростков минимально необходимого количества калорий.

Наркомторг СССР предписал всем торгующим организациям прежде всего обеспечивать детские продуктовые карточки, бронировать для детей такие важные продукты, как манная крупа и рис, детям до 12 лет отпускалось молоко. В школах всех городов и поселках были введены завтраки. Дополнительно школьникам отпускалось по 50 грамм хлеба и 10 грамм сахара в день. Для детей, особо нуждавшихся в усиленном и диетическом питании, в городах были организованы специальные столовые. В Саратове уже в 1942 г. к ним были прикреплено 2 тыс. школьников, а в 1944 г. 6 тыс. ребят питались в таких столовых. Горячие завтраки даже в неурожайный 1943 г. выдавались в большинстве сельских школ.

В середине войны советское правительство в целях повышения роли школы в воспитании подрастающего поколения предприняло ряд реорганизаций в ее внутренней жизни. Все они вытекали из общего контекста усиления в военный период централизации и контроля государства за населением. С позиций сегодняшнего дня некоторые из этих мер безусловно не могут быть оценены однозначно, поскольку они не только способствовали повышению качества обучения, но и сковывали личность учащегося и ограничивали школьную демократию.

Постановлением СНК СССР от 16 июня 1943 г. в 72 городах страны вводилось раздельное обучение мальчиков и девочек²¹⁹. Вообще говоря,

²¹⁷ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3325. Л. 62.

²¹⁸ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1424. Л. 130.

²¹⁹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства по народному образованию. 1917–1947. М., 1947. С. 205–209.

раздельное обучение противоречило взятому сразу после революции большевиками курсу на создание единой трудовой школы. Однако в военных условиях оно могло найти несколько оправданий. Прежде всего, требовался дифференцированный подход к мальчикам и девочкам при проведении занятий по военной подготовке. Кроме того, данную реформу нельзя отрывать и от целого ряда мероприятий того времени (введение в армии погонов, присвоение командно-начальствующему составу общего звания «офицер», учреждение ряда новых орденов и т. д.). В результате перехода на раздельное обучение в последний год войны в Саратове, например, из 28 средних школ 7 являлись мужскими, 18 женскими. Остальные оставались смешанными. В конце войны на раздельное обучение перешли и другие города области²²⁰.

В августе 1943 г. повсеместно вводился для школьников ученический билет и правила поведения учащихся. Вопрос о введении «Правил для учащихся» вскоре стал предметом внимания со стороны партийных, советских органов и органов народного образования Саратовской области. В Саратове, например, перед началом нового учебного года горком ВКП(б) созвал специальное совещание директоров школ, на котором были заслушаны планы работы школ по внедрению правил и перестройке деятельности школ в соответствии с их требованиями. 25 августа 1943 г. вопрос о введении «Правил для учащихся» был повесткой для учительского совещания, проводившегося в Саратове. Позднее были созданы такого же рода районные совещания для учителей²²¹.

В 1944 г., как декларировалось, в целях четкой и точной оценки успеваемости и поведения учащихся, повышения требовательности к качеству знаний вводилась вместо словесной цифровая пятибалльная система оценки знаний и поведения учащихся школ²²². Впервые также вводилась обязательная сдача выпускных экзаменов учащимися, оканчивающими начальную и семилетнюю школу, а для учащихся, оканчивающих среднюю школу, – сдача экзаменов на аттестат зрелости. Учащиеся средних школ, показавшие при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи и имеющие отличное поведение, впервые награждались золотыми и серебряными медалями²²³.

В целях большего надзора за малолетними детьми СНК СССР 1 декабря 1943 г. распорядился ввести с 1 сентября 1944 г. обучение детей с семилетнего возраста. В результате число учащихся общеобразователь-

²²⁰ Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 162.

²²¹ ЦДНИСО. Ф. 30. Оп. 16. Д. 51. Л. 41–42.

²²² Народное образование в СССР. Общеобразовательные школы. Сб. док. 1917–1973. М., 1974. С. 173.

²²³ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства по народному образованию. 1917–1947. С. 218.

ных школ страны увеличивалось до 2 млн человек²²⁴. В Саратовской области количество учащихся в связи с этим возрастало с 230 тыс. до 268 тыс., а по первым классам – с 43 до 64 тыс., т. е. в полтора раза²²⁵. Все это значительно увеличивало объем работы по всеобучу, повышало его значение. Не случайно, что на X сессии облсовета 13–14 июля 1944 г. вопрос о подготовке школ к новому учебному году был основным.

К концу войны в Саратовской области проблема охвата максимально возможного числа детей школьного возраста всеобучем была в основном решена. Уменьшился или вовсе прекратился отсев детей из школ. Так, в 1944/45 учебном году в школах Саратова из 50 593 учащихся отсеялось, в основном по болезни, 348 детей, зато вернулись в школу 1430 учащихся²²⁶. И такая тенденция была характерна для области в целом. Вместе с тем не произошло серьезных сдвигов в повышении успеваемости учащихся, хотя это можно отчасти отнести и к существовавшим тогда достаточно высоким требованиям со стороны учителей. Отмена в 1943 г. практики социалистического соревнования освобождала учителей от погони за процентами успеваемости. В результате мы наблюдаем в годы войны большое количество второгодников и перекламеновок. Так, например, в Саратове в 1945 г. из 27 426 учащихся было переведено и окончило школу 20 672, оставлено на второй год 3819 человек и на осень 2819 школьников, не получили аттестата из 616 десятиклассников 93 человека²²⁷. По сельской местности показатели второгодничества были еще выше.

Для многих подростков война оказалась непреодолимым препятствием для получения сравнимого со своими сверстниками образования по причине ухода на производство. Чтобы в какой-то мере решить эту проблему государство пошло на беспрецедентный шаг: подросткам, занятым на предприятиях, предоставлялась возможность продолжения образования без отрыва от производства. Согласно постановлению СНК СССР от 15 июля 1943 г., для них в городах и рабочих поселках создавалась сеть специальных общеобразовательных школ рабочей и сельской молодежи. Таким образом закладывались основы широко распространенной уже в послевоенное время системы вечернего (сменного) образования. В начале 1945 г. в Саратовской области имелось 38 школ рабочей молодежи с контингентом обучающихся более 3,5 тыс. че-

²²⁴ КПСС во главе культурной революции в СССР: Сб. док. и материалов. М., 1972. С. 192.

²²⁵ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3668. Л. 285.

²²⁶ Там же. Ф. 30. Оп. 16. Д. 53. Л. 51.

²²⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3124. Л. 45. Успеваемость в 1941/42 учебном году составляла 80,2 %, в 1942/43 – 84,7 %, 1943/44 – 88,6 %, в 1944/45 – 75 % (Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 163).

ловек и 35 школ сельской молодежи, в которых учились 716 юношей и девушек²²⁸.

Важным средством воспитательного влияния школы на учащихся, а вместе с тем и способом занять их свободное время, отвлечь от улицы являлась внеклассная и прежде всего кружковая работа, которая в силу сокращения школьных помещений и перехода на двух-трехсменное, а иногда и четырехсменное обучение (восемь саратовских школ) в первый период войны естественно ослабла. Во второй половине она вновь активизировалась. Почти во всех школах имелись литературные, исторические, географические и другие кружки. Но самое большое место во внеклассной работе занимала художественная самодеятельность, объединявшая в 1943 г. почти 90 тыс. учащихся; хоровые и музыкальные кружки. Школьные художественные коллективы были частыми гостями на предприятиях и особенно в госпиталях. За годы войны они дали в воинских частях и госпиталях 1700 концертов²²⁹.

Большую роль в организации досуга учащихся и развитии их таланта сыграли внешкольные учреждения – саратовский, балашовский, энгельский, вольский и красноармейский Дома пионеров. В 1943/44 учебном году в них, например, функционировало 92 кружка, объединявших свыше 4 тыс. детей. В домах пионеров действовало 10 военно-физкультурных кружков, 5 кройки и шитья, 11 хоровых и 21 хореографических и драматических кружков. В марте 1943 г. в Саратове была восстановлена школа юных натуралистов²³⁰. Однако в документах постоянно отмечалось, что технические кружки и кружки юннатов не получили должного распространения.

В годы войны, хотя и в меньших масштабах, продолжали функционировать пионерские лагеря, что тоже в какой-то мере решало проблему надзора за подростками в период летних каникул, а вместе с тем это являлось одним каналом материальной помощи семьям. Только за лето 1944 г. отдохнули в пионерских лагерях до 20 тыс. детей фронтовиков. В одном Балашовском районе в это лето в пионерские лагеря было направлено 756 школьников, причем из этого количества бесплатных путевок было выдано 320²³¹.

Среди разнообразных форм внеклассной работы важное место занимало тимуровское движение. Тимуровцы шефствовали над инвалидами войны, помогали многодетным матерям – женам фронтовиков, заботились о раненых воинах и имели множество других поручений.

²²⁸ ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28. Л. 23.

²²⁹ ЦДНИСО. Ф. 4158. Оп. 8. Д. 20. Л. 1.

²³⁰ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1196. Л. 83.

²³¹ Там же. Д. 1424. Л. 129; Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Док. 1941–1945 гг. Саратов, 1968. С. 173.

Очень активно, например, действовала тимуровская команда Саратовской средней школы № 3, насчитывавшая до 30 человек, самому старшему из которых едва минуло 14 лет. Эта команда шефствовала над одним из санитарных поездов, сформировавшихся в Саратове, и 20 семьями фронтовиков. Только дров тимуровцы раскололи свыше 20 кубометров. В начале февраля 1944 г. в саратовском Дворце пионеров состоялся слет тимуровских команд города. Лучшие из них – команды 3-й, 9-й и 13-й средних школ были награждены грамотами обкома комсомола²³².

Но если тимуровское движение носило добровольный и в основном самостоятельный характер, то массовое привлечение подростков к участию в сельскохозяйственных кампаниях рассматривалось государством как способ восполнения недостатка рабочих рук в деревне и в конечном итоге – решения продовольственной проблемы. Не случайно, что из-за этого занятия в средних и старших классах во время войны не начинались раньше 1 октября. Более того, 13 апреля 1942 г. СНК СССР установил обязательный минимум трудодней для детей колхозников 12–15 лет (60 трудодней в год по Саратовской области). Это означало, что сельские ребята в обязательном порядке под руководством учителей должны были работать на полях и в период летних каникул. То есть они в большей степени, чем городские дети, оказывались под контролем взрослых. В других условиях (и в другом государстве) такой способ занятия «досуга» подростков вряд ли мог быть реализован.

Уже в первую военную страду в уборке урожая на полях области участвовало почти 200 тыс. школьников. В апреле 1942 г. из Саратовского облоно в Наркомпрос РСФСР ушла следующая телеграмма: «Обучается сельскому хозяйству 37 593 человек, в том числе трактористов 9633, комбайнеров 4261, шоферов 136, массовым профессиям 23 563. Из них учащихся 7 классов 18 332»²³³. В аналогичной телеграмме за 9 июля 1942 г. уже говорилось: «По данным сорока районов учащихся, работающих на полях, 41 551. Из них трактористами 691, на ремонте комбайнов 291, работающих учителей 3202»²³⁴. И так было до конца войны. Только осенью 1943 г. школьниками было выработано 198 777 трудодней. А всего, согласно отчету обкома комсомола, школьники выработали в военные годы 23 млн трудодней²³⁵.

Политика всеобщего обучения в общеобразовательных школах в годы Великой Отечественной войны дополнялась мобилизацией подростков в учебные заведения так называемой системы трудовых ре-

²³² Коммунист (Саратов). 1955, 11 и 13 февр.

²³³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2793. Л. 110.

²³⁴ Там же. Л. 103.

²³⁵ ЦДНИСО. Ф. 4158. Оп. 1. Д. 517. Л. 134.

зервов. Отток рабочих кадров в армию и быстрый рост трудоемкого военного производства потребовали значительного расширения сети ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). Таким образом, решалась важнейшая общегосударственная задача обеспечения бесперебойного функционирования военно-хозяйственного комплекса, а вместе с этим и проблема социализации значительной части подростков, оказавшихся вне школы. Кроме того, учащиеся в этих учебных заведениях находились на полном государственном обеспечении, могли получать за выполняемую на предприятиях работу заработную плату, что в некоторой степени в условиях войны способствовало улучшению материального положения многих городских и сельских семей.

Система учебных заведений трудовых резервов в Саратовской области стала складываться буквально накануне войны. Первый набор в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО, тогда их насчитывалось 24, был проведен в ноябре 1940 г. В общей сложности на добровольной основе было принято 5430 человек (вместе с АССР НП)²³⁶. Уже в сентябре 1941 г. из набранного контингента было досрочно выпущено 1200 человек, обученных рабочим специальностям. Развитие системы трудовых резервов в военный период, в первую очередь, определялось необходимостью налаживания оперативной подготовки учащихся для тех отраслей, которые в тот момент представляли особую важность и испытывали острый недостаток в рабочих кадрах. Так, например, для флагмана саратовской военной промышленности – авиационного завода – кадры готовили сразу три учебных заведения трудовых резервов – ремесленное училище № 1 и ФЗО № 11 и 13²³⁷. Свои училища и ФЗО имели и все другие крупные саратовские предприятия.

Кроме того, ремесленные училища и школы ФЗО Саратовской области способствовали решению такой важной проблемы в годы войны, как социальная адаптация массы эвакуированной из западных районов страны молодежи. Уже в летние месяцы 1941 г. в Поволжье начали прибывать эшелоны с эвакуированными учащимися учебных заведений трудовых резервов. Всего к концу года сюда было направлено около 17 тыс. учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО, более 3 тыс. из них размещалось в Саратовской области²³⁸. В дальнейшем эвакуированные подростки, помещенные в интернаты и детские дома, а также прибывшие вместе с родителями, были одним из важных источников комплектования указанных учебных заведений.

²³⁶ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 792. Л. 54.

²³⁷ Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 101.

²³⁸ Котляр Э. С. Государственные резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 24.

Стремительный рост ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения наблюдается в начале войны. На 1 января 1942 г. в Саратовской области их насчитывалось уже 40 единиц. В ремесленных училищах обучалось 10 700 юношей и девушек, в железнодорожных училищах – 2041, в школах ФЗО – 7 тыс. человек²³⁹. Таким образом, за год контингент учащихся вырос в три раза. В последующем в области прибавилось только шесть подобных учебных заведений, а количество учащихся по мере насыщения новым рабочим пополнением предприятий стало постепенно сокращаться. На начало 1945 г. здесь обучалось 13 905 человек, из них 9216 человек в самом Саратове²⁴⁰.

Во время войны изменилась и система набора учащихся: добровольчество было дополнено мобилизационным принципом, или системой оргнабора юношей и девушек в городах и сельской местности. Для этой цели при городских и районных Советах формировались призывные комиссии. Ввиду особой значимости подобного рода кампаний работа комиссий находилась на постоянном контроле партийных органов и нередко включалась в повестку заседаний территориальных парткомов.

Военная обстановка вызвала и другие изменения в деятельности учебных заведений трудовых резервов. В ремесленных и железнодорожных училищах сроки обучения были уменьшены с двух лет до одного года, а школах ФЗО – с шести до двух-трех месяцев. Для учащихся устанавливался восьмичасовой рабочий день и сверхурочные работы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1942 г. на период военного времени разрешалось принимать в школы ФЗО юношей и девушек не с 16-летнего возраста, как это было ранее, а с 15-летнего возраста²⁴¹. На местах, чтобы выполнить разрядки по оргнабору нередко шли на то, что отправляли в ремесленные училища и школы ФЗО 14-летних физически крепких подростков.

Как известно, в 1941–1945 гг. в народном хозяйстве выросла доля женского труда, а во многих отраслях производства среди работников женщины вообще стали численно преобладать. Эта тенденция проявилась и в составе учащихся учебных заведений системы трудовых резервов. Так, в 1944/45 учебном году в ремесленных и железнодорожных училищах Саратовской области обучалось 2950 юношей и 2618 девушек²⁴².

²³⁹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 792. Л. 57.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28. Л. 23.

²⁴¹ См.: Беймель А. З. Из истории профессиональной подготовки учащихся трудовых резервов Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Поволжский край. Вып. 9. Саратов, 1985. С. 99.

²⁴² ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3485. Л. 124.

Резкое увеличение контингента учебных заведений трудовых резервов привело к тому, что местные власти не справлялись с обеспечением учащихся питанием, обмундированием, учебными помещениями, общежитиями, инструментом и т. п. Кроме того, руководители предприятий часто рассматривали учащихся в качестве дополнительной дешевой рабочей силы для выполнения производственных программ, что отрицательным образом сказывалось на здоровье подростков и качестве их профессиональной подготовки. Тяжелые условия прохождения обучения вызывали протест со стороны значительного числа учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО, выразившийся главным образом в самовольном уходе из учебных заведений. Учащиеся нередко совершали уголовные преступления и административные правонарушения. Только в январе 1942 г. по Саратову из ремесленных училищ сбежали 533 учащихся, 32 человека были осуждены²⁴³.

В этой связи Главное управление трудовых резервов было вынуждено даже 22 июля 1942 г. издать приказ № 367 «Об упорядочении производственного обучения учащихся ремесленных и железнодорожных училищах». Приказом запрещалось направлять учащихся для прохождения производственной практики на мелкие предприятия. Не допускалось использование подростков на подсобных и других работах, не соответствующих специальности. Производственные заказы следовало подбирать в строгом соответствии с программами производственного обучения. Не менее 50 % учащихся должны были проходить производственное обучение в мастерских ремесленных и железнодорожных училищ. В училищах восстанавливался семичасовой рабочий день, причем один час отводился на теоретические занятия²⁴⁴. В какой-то мере этот приказ способствовал упорядочению режима работы учебных заведений трудовых резервов. Усилиями местных органов власти и руководства предприятий к концу войны удалось улучшить материальное положение ремесленных училищ и школ ФЗО.

Несмотря на все трудности, учебные заведения системы трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны выполнили ставившиеся перед ними задачи. Всего по стране они подготовили около 2,5 млн рабочих. Училища и школы Саратова и области дали заводам и фабрикам 49 тыс. обученных работников²⁴⁵. Как отмечает Д. П. Ванчинов, нельзя назвать ни одного крупного местного завода, на котором как минимум треть рабочего коллектива не обновилась за счет школ ФЗО и ремесленных училищ²⁴⁶.

²⁴³ Там же. Д. 2615. Л. 20.

²⁴⁴ Беймель А. З. Указ. соч. С. 101.

²⁴⁵ Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 63.

²⁴⁶ Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 100.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны проблема всеобуча рассматривалась как серьезнейшая государственная задача огромного политико-хозяйственного и оборонного значения. Война со всей очевидностью показала, что в прямой зависимости от всеобуча находятся воспитание детей, подготовка кадров для народного хозяйства, пополнение рядов армии и, наконец, будущее страны.

И. И. Шульга

**УКРАИНЦЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(XVIII – НАЧАЛО XX в.)**

Украинцы – одна из наибольших наций Европы и мира и вторая по численности среди славянской подгруппы. Ареал расселения украинцев за пределами основного этнического массива хорошо известен, только в Российской Федерации их проживает 2 млн 943 тыс. человек¹. Но до последнего времени история возникновения украинских поселений в России не получила должного освещения в научной литературе.

В историю Саратовского края украинцы вписали яркую и значимую страницу. По последней переписи 2002 г., они занимают третье место по численности в области и насчитывают 67 257 человек². В то же время в местной печати встречаются указания на проживание в Саратовской области более 100 тыс. украинцев³.

В Саратовском Поволжье украинцы появились на рубеже XVII–XVIII столетий. Как правило, это были украинские казаки, искавшие лучшую долю на бескрайних просторах Нижней Волги. Их селения были небольшие, всего несколько дворов, в труднодоступных местах. Часто украинские селения становились убежищем для так называемых в то время «воровских казаков», ходивших на Волгу «за зипунами».

Начало «планового» переселения украинцев в Саратовское Поволжье было положено в период царствования Петра I. По свидетельству Георгия Конинского, «в числе российских войск участвовавших в персидском походе Петра I находилось 12 000 малороссийских казаков»⁴. На обратном пути казаки были направлены на службу и строительство

¹ См.: <http://perepis2002.ru/index.html?id=39> – сайт «Всероссийская перепись населения 2002 года».

² См.: http://perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_03.xls – сайт «Всероссийская перепись населения 2002 года».

³ См.: *Сергеева О.* Терпимость, взаимопонимание, сотрудничество // Саратовские вести. 2004. № 136. С. 2.

⁴ *Георгий Конинский – Архиепископ Белорусский.* История руссов или Малой России. М., 1846. С. 227.

Царицынской оборонительной линии. Наряду с этим, как утверждал саратовский историк-краевед А. Гераклитов, во время пребывания Петра I в Царицыне, к царю обратился украинец Яков Житков с проектом о расселении своих соплеменников близ Царицына. «Петр так заинтересовался Житковым, что приказал ему следовать с собой в Астрахань, где и имел с ним по поводу переселения подробный разговор. Результатом этих разговоров стал указ из астраханской губернской канцелярии, разрешавший Житкову селить малороссию в указанных им местах, что и сам Петр подтвердил в третий раз на возвратном пути из Персии, будучи в Царицыне в 1722 году»⁵.

Спустя некоторое время стало ясно, что властные попытки поселить вдоль Царицынской защитной линии украинских казаков оказались неудачными. Казаки всякими правдами и неправдами старались вернуться в Украину. Для царского правительства стало ясно, что насильственное переселение украинцев в Нижнее Поволжье невозможно. В то же время идея Якова Житкова оказалась более удачной. Необходимо отметить, что Российское государство уже имело опыт реализации подобных проектов, яркий пример тому – заселение Слободской Украины с помощью «осадчих». Анализируя действия Житкова, можно утверждать, что он и являлся одним из первых украинских «осадчих» в Саратовском крае. Спустя некоторое время примеру Житкова последовали и другие «осадчие», к сожалению, нам известны лишь некоторые их имена: Иван Попов и Яков Иванов. Благодаря их усилиям и стараниям вдоль берегов рек Иловля, Дубовка и Печуга стали возникать первые постоянные украинские поселения.

В начале 1730-х гг. колонизационный поток крестьян из Слободской Украины в Саратовское Поволжье усилился. Одной из причин усиления миграционного потока, как отмечал известный исследователь истории Слободской Украины Д. И. Багалий, являлось усиление крепостничества и дворянского произвола на Слобожанщине. Автор писал: «...во времена правления царицы Анны от непомерных повинностей слобожане тысячами уходили на Дон и далее куда глаза глядят»⁶. Жизнь украинцев на великороссийских землях была значительно легче, чем жизнь русских крестьян. Сенатским указом от 20 июня 1732 г. и указом от 16 ноября 1748 г. украинцы были освобождены от податей, им также разрешалось жить «на тех же основаниях, что и в Малороссии и в Слободских полках»⁷. Но за разрешение поселиться на новых местах переселенцы обязаны были нести сторожевую службу на приграничных

⁵ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. С. 325.

⁶ Багалий Д. І. Історія Слобідської України. Харків, 1990. С. 73.

⁷ ПСЗ. № 9550.

землях. В 1733 г. из поселенных в Поволжье украинцев и русских было образовано Волжское казачье войско с административным центром в слободе Дубовка. В Дубовке была отдельная улица Хохлацкая, из названия которой становится ясно кто на ней жил.

Характерной особенностью украинцев, как отмечал один из местных этнографов, было то, что «Поселенцы – малороссы при своих поисках удобства места жития преимущественно выбирали такие равнины, на которых протекали бы реки. Текучая (проточная. – *И. Ш.*) свежая вода необходимое условие хохлацких (украинских. – *И. Ш.*) поселений, встретить которые на стоячей прудовой или озерной воде также трудно как трудно увидеть не беленую хату в любой малорусской слободе»⁸. Места расселения украинских переселенцев подтверждают данное наблюдение, и остается лишь отметить, что первые украинские поселения возникли вдоль берегов рек Иловля, Бердия, Терса, Шелкан.

1740-е гг. можно условно считать началом экономического освоения украинцами Саратовского Поволжья. В 1742 г. белгородский купец Морозов на реке Медведице при устье реки Терсы основал «железодельный завод». Для обеспечения своего предприятия рабочей силой Морозов купил рабочих в количестве 206 человек, из которых 120 были украинцами. Правда, работать на «железодельном заводе» им пришлось недолго. По законам того времени украинцы еще не были включены в общероссийскую систему крепостного права, и через некоторое время предприимчивый купец вынужден был рабочих-украинцев отправить к прежнему месту жительства⁹.

В начале 1740-х гг. российское государство стало ощущать острую необходимость в пищевой соли. История соляных бунтов в России была не забыта. Решить эту проблему можно было благодаря открытию новых соляных промыслов. Одним из таких соледобывающих центров в России стал промысел на озере Эльтон. В январе 1747 г. Правительствующий Сенат издал указ, на основании которого здесь были начаты соляные разработки. В одном из пунктов этого указа говорилось: «...печатными указами вызвать поставщиков, которые бы взялись возить с озера соль и ставить в казну»¹⁰. На основании печатных приглашений на работу по перевозке соли одними из первых в Саратовское Поволжье

⁸ *Горизонтов И.* Слобода Самойловка. Три острова тож (Балашов. уезда) (этнографический очерк) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Отд. III. С. 30.

⁹ См.: *Подъяпольская Е. П.* О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Саратов, 1927. Т. 2. С. 170, 172.

¹⁰ *Мишин Г. А.* Были города Покровска: Краеведческие очерки. Саратов, 2001. С. 13.

со своими семьями и волами пришли чумаки из будущих Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний.

Чумачество для украинцев было привычным делом. Ежегодно рано по весне вереница воловьих фур с Украины направлялась к Эльтонскому озеру. После выхода указа об основании эльтонского соляного промысла количество чумаков в Саратовском Поволжье неуклонно росло.

Возле соляных магазинов¹¹, которые были построены на противоположных берегах Волги от Саратова и Дмитриевска, а также вдоль соляных трактов стали возникать чумацкие поселения. В сенатском указе от 15 марта 1754 г. указывалось: «Всем тем малороссиянам, кои там обретаются, и к возке соли обзаводились волами и всяким припасами, как при Саратове, так и при Дмитриевску, на луговой, а не на горной стороне *быть* (курсив. – *И. Ш.*), и скот свой пасти, лес незаповеданный рубить на починку их телег позволить»¹².

На противоположном от Саратова берегу Волги быстро росла слобода, населенная украинскими чумаками. Вскоре в ней была построена церковь Покрова Богородицы, и слобода стала называться Покровской. К 1762 г. ее население выросло до 3 тыс. человек¹³. Кроме Покровской слободы чумаки стали проживать и в других селениях Саратовского края: Узморье, Пестровка, Порубежка, Николаевская, Котово, Владимировка, Рахинка, Самойловка¹⁴. К концу 1760-х гг. вдоль дорог от Эльтона до Саратова и Камышина и далее по дорогам к Воронежу и Тамбову возникло более 100 украинских хуторов и слобод¹⁵.

Из года в год вывоз соли увеличивался: например, в 1747 г. за одну поездку в августе – сентябре чумаками было доставлено 13 275 пудов соли, в 1751 г. в магазины было вывезено 3 253 759 пудов соли, а в конце 1850-х гг. ежегодный вывоз соли из озера составлял 6,5 млн пудов. Эльтонский соляной промысел приобрел всероссийское значение. Он давал 2/3 добываемой соли в государстве. В 60–70-е гг. XIX в. эльтонской солью снабжались шестнадцать губерний России¹⁶.

Необходимо отметить, что уже через десятилетие после основания соляного промысла на озере Эльтон украинские чумаки постепенно вытеснили других крестьян великороссийских губерний, промышленявших извозом соли, и, по сути, стали монополистами в транспортировке эль-

¹¹ Соляные магазины – склады для хранения соли.

¹² ПСЗ. № 10197.

¹³ См.: Борисов С. В., Демченко Т. И. Город Энгельс: Историко-краеведческий очерк-путеводитель. Саратов, 1982. С. 11.

¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 115.

¹⁵ См.: Максимов Е. К., Тофталушин В. П., Булычев М. В. Саратовский край. Саратов, 1991. Ч. I. С. 42.

¹⁶ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. С. 91.

тонской соли в луговые магазины. Монополия эльтонских чумаков сохранялась на протяжении всей соляной операции. Например, в 1805 г. чумаками было доставлено 92 % всей добытой эльтонской соли¹⁷.

Число чумаков во второй половине XVIII в. постоянно увеличивалось. В 1762 г. по данным третьей ревизии в Саратовской губернии насчитывалось 3428 украинцев-чумаков. Четвертая ревизия (1782) показала, что за прошедшие 20 лет количество чумаков возросло до 9674 человек.

В первой половине XVIII в. немалый поток переселенцев-украинцев в Саратовскую землю поступал в ходе «вольной» колонизации. Уходя от «панского» произвола, усиливавшегося на Украине, крестьяне надеялись обрести свободу на волжских берегах. Но не всегда эти надежды сбывались. Яркий пример тому – история слободы Красный Яр. А. Н. Минх о слободе Красный Яр писал: «По преданию, крестьяне стали селиться здесь еще при Петре I, они вышли из Полтавской и Харьковской губерний. В то время здесь были степь да лес, пахали тогда, кто, где и сколько хотел. Впоследствии было объявлено, что земля, занятая крестьянами принадлежит Нарышкину и что они должны или уйти, или же платить ему по 3 копейки «с дыма». Все остались, но оброк постоянно увеличивался и со временем крестьяне были совершенно закрепощены»¹⁸. Долгое время краснойрцы боролись за свою свободу, но обрели ее только по счастливой случайности. К началу 1800-х гг. государство решило увеличить добычу эльтонской соли. Решить эту проблему не представляло сложности, но при одном условии – необходимо было увеличить число казенных солевозчиков. Местному исправнику был сделан запрос, нет ли где подходящих возчиков. И последний, зная привычку украинцев к чумачеству, обратился в к краснойрскому голове и советовал крестьянам, если они желают избавиться от крепостничества, сделаться солевозчиками. Чтобы быть уверенным в способности украинцев из Красного Яра возить в необходимом количестве соль, исправник велел к назначенному сроку представить 500 пар волов с фурами и произвел осмотр. Крестьяне справились с этим заданием, после этого казна решила выкупить у Нарышкиных два села, Красный Яр и Песчанку, заселенные украинцами в количестве 1801 души мужского пола и возложить на них вывоз 1 млн пудов соли¹⁹.

В ходе «вольной» колонизации крестьянами из Слободской Украины в первой половине XVIII в. были образованы слободы: Ба-

¹⁷ Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 119–120.

¹⁸ Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 532.

¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

ланда, Хохловка, Рудня, Ильмень, Песчанка, Коростино, Моисеево, Бородачи и др.

Украинские поселения быстро росли, что, в свою очередь, поставило вопрос о дальнейшем расселении украинцев. Через некоторое время украинские слободы, образованные в первой половине XVIII вв., стали центрами расселения украинцев на Саратовской земле. Например, выходцами из слободы Рудня были образованы другие слободы и села Терсинка, Баранниково, Тарапатино, Козловка, Лемешкино, Бородаевка; из слободы Красный Яр – Добринский, Недоступов, Моисеев, Серпокрылово, Дорошево, Неткачево, Крячков, Верещагин; из Котово – Лобинец; из Баланды – Сергино²⁰.

Годы правления Екатерины II стали временем небывалого расширения дворянской власти над крестьянами и щедрого пожалования помещикам земли. Раздача земель в южной части Саратовского наместничества привели к усилению процесса колонизации этого края. 3 мая и 10 июля 1785 г. царицей было дано указание о раздаче дворянам пустующих казенных земель для заселения и развития хлебопашества²¹. Законы генерального межевания поощряли захват земель дворянами. Помещики как принуждением, так и различного рода уговорами крестьян осваивали свои «дачи». В этот период, оказавшись на помещичьих землях, немалая часть украинских крестьян Саратовского Поволжья попадают в крепостную зависимость. Например, после основания в середине 1740-х гг. слободы Хохловка (Бекетовка) выяснилось, что земля принадлежит генералу Бекетову. Чтобы остаться на обжитых местах, по договоренности украинские крестьяне согласились работать на генерала один месяц в году. Спустя некоторое время условия договора изменились и не в лучшую для крестьян сторону. Другой пример: Екатерина II за доблестную службу, пожаловала генералу Дмитрию Савельеву слободу Александровка (Илюшевка) Царицынского уезда вместе с крестьянами.

По указам Екатерины II в Саратовском Поволжье было поселено более 20 тыс. душ мужского пола украинцев. Вследствие активного дворянского освоения южной части Саратовской губернии образовались обширные дворянские вотчины, заселенные украинцами. Среди таких помещиков с большим количеством земель и крестьян-украинцев были: Нарышкины и Четвертинские (слободы Рудня, Лемешкино, Воронино, села Козловка, Ильмень, Подкуйково, Тарапатино, Баранниково, Бородаевка, Разливка, Терсинка, Осички, Егоровка); Шереме-

²⁰ См.: Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1898–1902. Вып. 1. С. 67, 88, 117; Вып. 2. С. 238, 241, 490, 545; Вып. 3. С. 564, 581, 640, 667, 669, 935, 997, 1010, 1023.

²¹ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья... С. 105.

твеы (слобода Баланда, село Новые Выселки), Кочубеи (села Рыбушка, Золотая Гора, Малая Рибка, Сергеевка); Воронцовы (слободы Малая Семеновка, Дмитровка, Романовка, Михайловка); Персидские (села Давьяловка, Каменный Брод, часть слободы Ольховка); Скибиневские (села Александровка, Дмитровка, Большая Воробцовка) и др. В период между третьей и четвертой ревизиями около 15 тыс. украинцев были закрепощены и оказались «подданными» помещиков²².

Годы правления Екатерины II были периодом активного заселения и экономического освоения окраин Российской империи, эти процессы не обошли стороной и Нижнее Поволжье. На основании указов на территории Саратовского Поволжья стали возникать немецкие колонии, поселения возвращавшихся в Россию раскольников. Определенная роль в колонизаторской политике Екатерины II была отведена и украинцам. 10 декабря 1763 г. императрица подписала поступивший из Сената доклад о переселении украинцев в Саратовское Поволжье и предоставлении им земли и льгот. 24 декабря 1753 г. Сенат издал указ «Об отводе в Саратове для поселяющихся малороссиян земель; о платеже им определенного с них сбора; о даче им льготы; о непринимании на поселение из слободских полков казаков и о присылании в сенат третьих ведомостей о прибыли и убыли тех малороссиян», упорядочивающий порядок переселения украинцев в Саратовское Поволжье. В указе отмечалось, что: «...для довольства поселившихся и впредь селиться желающих малороссиян определить из свободных земель потребное количество»²³. Далее в указе рассматривался порядок предоставления льгот переселенцам. От уплаты налогов освобождались только вновь прибывшие украинцы, всем остальным ранее поселившимся льгота не предоставлялась. Также следует обратить внимание и на следующее разъяснение указа: «...чтобы только из Малороссии и из находящихся на Великороссийских землях черкасских слобод приходящим селиться позволять, а из слободских полков казаков их родственников и подпомощников не принимать»²⁴. Таким образом, переселение украинцев в Саратовское Поволжье из Слободской Украины было запрещено.

Другой немаловажной стороной экономического освоения украинцами Нижнего Поволжья являлось хлебопашество. И здесь необходимо отметить, что украинские крестьяне, как и крестьяне других национальностей: русские, немцы-колонисты и др., внесли свою лепту в освоение залежных земель Саратовского края. В 1830-х гг. правительство стало активно осваивать степи Заволжья. Основным контингентом переселенцев были государственные крестьяне. Государство наделяло

²² См.: Очерки истории Саратовского Поволжья... С. 130.

²³ ПСЗ. № 12000.

²⁴ ПСЗ. № 12000.

переселенцев 15 десятинами земли и предоставляло льготы – освобождение от налогов и рекрутской повинности сроком на три года. С 1831 г. переселенцам стала также оказываться и денежная помощь в размере от 50 до 100 рублей в зависимости от наличия на местах строительного материала из древесины.

В результате освоения Саратовского Заволжья к середине XIX в. было переселено приблизительно 45 тыс. человек, которые преимущественно расселялись в Новоузенском уезде вдоль рек Волги и Еруслана. Большая часть переселенцев были выходцами из Полтавской, Харьковской, Черниговской и Воронежской губерний, о чем дополнительно свидетельствуют топонимы украинских поселений, основанных в это время: Большая и Малая Черниговка, Валуйки, Старая и Новая Полтавка, Харьковка, Дергачи. Вследствие колонизационного потока, в Заволжье украинцами также были основаны поселения Перелюб, Августовка, Ждановка, Семеновка и др.

Живя в тесном контакте с другими национальностями Саратовского края (русскими, немцами, татарами, мордвой и др.), украинцы старались сохранить свою культуру и обычаи своих отцов и дедов. Обследовавший в середине XIX в. Саратовскую губернию офицер Генерального штаба характеризовал украинцев следующим образом: «Малороссияне... живут хорошо, деревни их обширны, дома, или хаты, чисты и просторны, а жители сохранили свои национальные нравы и обычаи. Язык, жилища, одежда, пища, набожность, все без изменения переходит из рода в род»²⁵.

О религиозности саратовских украинцев необходимо сказать особо. Как отмечал священник Покровской слободы А. Л. Любенский в середине XIX в.: «...жители слободы – все православного вероисповедания. Не было примера, чтобы кто-нибудь из православия перешел в какую-либо секту или ересь. Все украинцы весьма набожны и ревностны в исполнении церковных обязанностей. По воскресеньям и в праздничные дни все церкви полны народом; мужчины стоят на правой стороне, а женщины – на левой. Каждый год все постятся по одному разу, а некоторые старики по 4 раза»²⁶. «Украинцы украшают иконами свои дома, а также много жертвуют на церковь, поэтому стены церковей почти все покрыты иконами. Дети малороссиян знают наизусть главные молитвы и Символ Веры, о взрослых и говорить нечего: почти все взрослые могут читать книги и есть довольно сведущие в Законе Божьем»²⁷.

²⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Саратовская губерния. Т. V. Ч. 4. СПб., 1852. С. 67, 68.

²⁶ См.: Слобода Покровская // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 23 июля.

²⁷ См.: Слобода Покровская // Самарские епархиальные ведомости. 1870. № 1.

Прибыв на новое место жительства, украинцы сначала строили землянки и уже по мере укрепления своих хозяйств возводили капитальные жилища. Саратовские украинцы преимущественно строили свои дома из дерева, что, в первую очередь, было обусловлено климатическими условиями. Однако украинцы не отказывались и от своих традиционных жилищ – мазанок. Следует сказать, что мазанки строили не только украинцы, но и русские крестьяне, но безусловными лидерами все же оставались украинцы. При возведении крыш украинцы также не изменяли своим традициям, к началу XX в. почти все крыши украинских строений были соломенными.

К середине XIX в. колонизационный поток в Саратовскую губернию с Украины уменьшился. С этого времени увеличение численности украинцев в губернии шло за счет естественного прироста населения.

После освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. с помощью Крестьянского поземельного банка украинские крестьяне в губерниях Нижнего Поволжья стали покупать участки земли и образовывать новые поселения. По результатам Первой всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г., на территории Саратовской губернии проживало 149 291 украинцев, что составляло 6,21 % от всего населения губернии. Расселение украинского населения по уездам Саратовской губернии представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Численность украинцев
в отдельных уездах Саратовской губернии
по результатам переписи населения 1897 г.²⁸**

Наименование уезда	Численность украинцев	
	количество, чел.	% от общего числа населения в уезде
Саратовский	7 209	2,98
Аткарский	38 912	13,43
Балашовский	41 117	13,19
Камышинский	46 156	15,01
Царицынский	12 716	7,88

В ходе проведения столыпинской реформы миллионы крестьян уходили на новые места жительства. В том числе в этот период с Украины в Саратовскую губернию переселилось 27 тыс. украинцев.

²⁸ Составлено автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (Саратовская губерния).

Крестьяне почти всех украинских губерний были в числе переселенцев в Саратовское Поволжье. Таким образом, на Саратовской земле появились поселения, топонимы которых генетически принадлежат выходцам из Украины и говорят сами за себя: поселки Новая Полтавка, Дергачевка, Киево-Николаевка, Черниговка, Киево-Полтавский, Ново-Киевка, Таврический, Малороссийский, хутора Украинский, Чорноморский, Большой Верхнеднепровский, Сумы, Екатеринославский, Малороссов. Рассматривая ареал расселения переселенцев в Саратовской губернии, легко заметить, что украинцы расселялись в уездах и волостях, где подавляющую часть населения составляли русские, и только 20 % от общего количества переселенцев были поселены в местах компактного проживания украинцев²⁹. Всего в Саратовской губернии к началу XX в. украинцами было образовано более 200 новых сел и хуторов.

В конце XIX – начале XX в. большая часть украинского населения проживала в южной и юго-западной части Саратовской губернии. В отдельных уездах украинцы составляли большинство населения, о чем убедительно свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Соотношение украинского и русского населения отдельных уездов и волостей Саратовской губернии в начале XX в.

Название волости	Национальный состав населения, %			
	украинцы	русские	смешанное (русско-украинское)	другие
Балашовский уезд				
Аркадакская	31	54	15	н.д.
Красовская	77	23	н.д.	н.д.
Мало-Семеновская	41	59	н.д.	н.д.
Романовская	100	н.д.	н.д.	н.д.
Самойловская	100	н.д.	н.д.	н.д.
Терновская	30	70	н.д.	н.д.
Тростянская	54	46	н.д.	н.д.
Аткарский уезд				
Александровская	30	70	н.д.	н.д.

²⁹ Подсчитано автором по: Списки населенных мест Саратовской губернии. Саратов 1912. Камышинский уезд. С. 38, 39; Там же. Царицынский уезд. С. 16, 17; Там же. Аткарский уезд. С. 60–70; Там же. Саратовский уезд. С. 56–59; Там же. Хвалынский уезд. С. 36, Там же. Сердобский уезд. С. 63–65, 67, 69; Там же. Петровский уезд. С. 56–61; Там же. Балашовский уезд. С. 2, 16, 20, 22, 24, 28, 38, 40, 42, 46, 50, 52, 70, 72–77.

Окончание табл. 2

Название волости	Национальный состав населения, %			
	украинцы	русские	смешанное (русско-украинское)	другие
Колокольниковская	34	38	н.д.	28
Саратовский уезд				
Рыбушанская	92	н.д.	н.д.	8
Сокурская	52	н.д.	48	н.д.
Камышинский уезд				
Красноярская	40	27	33	н.д.
Лемешкинская	91	8	н.д.	1
Нижне-Добринская	33	67	н.д.	н.д.
Руднянская	58	7	35	н.д.
Саломатинская	н.д.	11	89	н.д.
Тарасовская	н.д.	62	37	1
Царицынский уезд				
Ивановская	100	н.д.	н.д.	н.д.
Ольховская	46	54	н.д.	н.д.
Ерзовская	н.д.	н.д.	100	н.д.
Одрадинская	20	67	6,6	6,4
Романовская	24	76	н.д.	н.д.

Таким образом, украинские переселенцы сыграли заметную роль в процессе колонизации и экономического развития Саратовской губернии. Мы можем с большой степенью уверенности утверждать, что первоначальное заселение украинцами Саратовского края осуществлялось по той же схеме, что и заселение Слободской Украины – через «осадчих». Дальнейшее заселение Саратовского Поволжья шло в ходе «вольной» колонизации и планового переселения украинских крестьян под присмотром Российского государства. Переселившись на берега Волги, украинцы образовали компактные этнические массивы. Несмотря на происходящие ассимиляционные процессы, у саратовских украинцев еще сохраняется относительно устойчивое этническое сознание.

ТАБОР СОВРЕМЕННЫХ ЦЫГАН-КОТЛЯР В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В многонациональной Саратовской области рядом с другими народами проживают и цыгане. Проблема изучения этого самобытного народа при ближайшем рассмотрении оказывается довольно сложной. Существует несколько десятков этнических групп цыган, различающихся целым рядом этнокультурных особенностей.

Внутри крупных этнических групп выделяются группы региональные, состоящие, в свою очередь, из родовых объединений. Вопрос о неоднородности цыган как этноса до настоящего времени довольно слабо изучен. Первую и единственную попытку систематизировать сведения об этнических и региональных группах в виде таблиц и показать эти группы в развитии предприняли авторы книги «История цыган. Новый взгляд» – наиболее фундаментального на сей день исследования о цыганах³⁰. При этом сами авторы отмечают, что реальная картина выглядит сложнее, нежели это удастся представить в таблицах, так как процессы дробления одних групп и ассимиляции других идут в среде цыган постоянно³¹.

Исходя из того, сколь сложен и слабо освещен в литературе вопрос об этнических группах цыган и их этнокультурных особенностях, нам представляется интересным посвятить работу близкому рассмотрению одной из таких групп. Речь пойдет о молдавских кэлдэрахах (котлярах)³², немногочисленная общность которых проживает в настоящее время в Саратовской области. Нам предоставилась возможность неоднократно посещать табор и общаться с его обитателями. Рассказы самих котляр и непосредственные наблюдения автора послужили материалом для написания данной работы.

Заметим, что в Саратове и области проживают представители различных этнических групп цыган. При достаточной наблюдательности

³⁰ Деметер Н. Г., Бессонов Н. В., Кутенков В. К. История цыган. Новый взгляд. Воронеж, 2000.

³¹ Там же. С. 83, 86.

³² Кэлдэрахи как этническая группа сформировались в XIX в. на территории Румынии, название группы происходит от румынского слова *căldărar* – котельщик, так как основным занятием ее представителей являлось изготовление и лужение котлов. Региональная группа молдавских кэлдэрахов была локализована на территории Молдавии. Проникновение кэлдэрахов в Россию произошло во II половине XIX в. Здесь по отношению к ним более употребим этноним «котляры» (см.: Деметер Н. Г. и др. Указ соч. С. 83, 95–96). В дальнейшем мы будем употреблять именно этот этноним.

можно заметить, что они различаются между собой по таким внешним признакам, как покрой и манера ношения одежды, прическа, способ, которым завязана косынка на голове женщины. Так, женщин-котлярок от представительниц других групп отличает характерный внешний вид: волосы, заплетенные в две косы и закрученные жгутом на висках, косынка, сдвинутая на лоб и завязанная узлом на затылке, длинная, до щиколоток, юбка в мелкую складку и такой же длины в такую же складку передник³³.

Любопытно, что в паспортах советского образца в графе «национальность» у многих цыган-котляр стояла запись «грек» либо «бессараб». Однако этот факт не имеет для них особенного значения. Сами котляры четко идентифицируют себя как цыгане, называясь словом «рома» и употребляя по отношению ко всем нецыганам собирательное название «гаджо». Родным языком для них является цыганский, русский же играет вспомогательную роль и его знания ограничиваются пределами, необходимыми для общения с «гаджо» на бытовом уровне. О своей национальности по паспорту они вспоминают лишь тогда, когда приходится иметь дело с какими-либо документами. В этой связи при переписях населения многие цыгане-котляры могут учитываться как греки и бессарабы.

Живут цыгане обычно табором. Что же представляет собой современный табор? По определению коллектива авторов вышеупомянутого исследования «История цыган...», табор – это объединение нескольких цыганских семей³⁴. Но здесь необходимо добавить одну существенную деталь. По понятиям современных котляр, табор существует лишь тогда, когда цыгане владеют юридически закрепленным за ними земельным участком и проживают на этом участке в собственных домах. Про семьи, живущие на съемных квартирах, здесь говорят, что они живут «не в таборе», даже если число таких семей будет превышать число тех, что живут на территории участка.

В настоящее время для того, чтобы создать табор, несколько семей цыган-котляр, объединив денежные средства, покупают земельный участок, на котором выстраивают собственные дома. Старший по возрасту среди глав семей либо же глава семьи, внесшей наибольший денежный вклад при покупке участка, становится бароном. Однако какими-либо особыми привилегиями барон не пользуется. Его мнение играет решающую роль лишь в вопросах, связанных с покупкой либо продажей земельного участка, а также с подселением в табор новых цыган-

³³ Фрибус Т. Ю. Этнические особенности одежды котляр, владов и русских цыган // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: История и современность. Саратов, 2003. С. 254–255.

³⁴ Деметер Н. Г. и др. Указ. соч. С. 69.

ских семей. Подселение обычно происходит беспрепятственно, однако никто из глав тех семей, что подселились позднее (и соответственно не участвовали в покупке участка), не может стать бароном, сколь бы он ни был мудр и уважаем.

Для создания табора котляры обычно приобретают участок на окраине либо вблизи крупного города. Поскольку именно город является для этой этнической группы объектом промысла, табор должен располагаться от него на относительно небольшом расстоянии. Саратов был выбран в качестве места жительства и объекта заработка группой семей молдавских котляр в 1950-е гг. Эти семьи, носившие фамилию Христовы и Михай, поселились на окраине Заводского района города. В 1970-е гг. табор переместился на окраину Энгельса. Позднее, в середине 1980-х гг., цыганами был приобретен участок в Комсомольском поселке г. Саратова. Здесь было выстроено около 30 домов. Численность жителей табора в Комсомольском поселке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. составляла приблизительно 250 человек. Однако вследствие конфликта с местной преступной группировкой, после разбойного нападения на ряд цыганских домов все семьи в начале 1993 г. покинули полубившийся им и ставший родным для целого поколения молдавских котляр Саратов. В городе осталась лишь одна семья, где супругой цыгана стала русская. Все остальные котляры разъехались по разным регионам, где в аналогичных таборах близ крупных городов проживали их родственники. В частности, достоверно известно, что таборы молдавских котляр в 1993 г. существовали в Московской, Владимирской, Калужской, Самарской, Ростовской, Свердловской областях, Зеленодольском районе Республики Татарстан и др. Проживающие в различных районах России котляры всегда поддерживают между собой отношения и бывают в курсе проблем своих родственников в других таборах.

С лета 1996 г. началось постепенное возвращение котляр в Саратов. Первыми вернулись несколько семей из Владимирской области по причине чисто личного характера. За ними потянулись их родственники из других областей, которым Саратов по сравнению с другими местами казался более по душе. Вернувшиеся семьи снимали жилье в частном секторе Заводского района. Собственного земельного участка у них не было, а следовательно, по их понятиям, не было и табора.

В 1997 г. группе котлярских семей удалось купить участок в поселке Дубки Саратовского района. Однако сразу сюда переселиться смогли лишь несколько человек. Строительство домов требовало немалых материальных затрат. Не располагавшие для этого средствами семьи еще на протяжении одного-двух лет снимали жилье и, соответственно, жили вне табора.

Постепенно на протяжении 1997–1999 гг. на участке в поселке Дубки было выстроено семь цыганских домов. Так снова возник табор. Но по мнению самих котляров, на этот раз место для табора оказалось выбранным крайне неудачно. Причин для недовольства они называют несколько: неудобный для цыган график движения рейсового автобуса, удаленность табора от магазинов, отсутствие вблизи колонок с питьевой водой. Отметим, что водопроводом, равно как и газом, цыганские дома не снабжены, отапливаются они при помощи печи, с приобретением топлива также возникали проблемы.

Таким образом, обустройство на новом месте проходило для котляров с большим трудом. Были случаи, когда они бросали уже построенные дома и уходили на съемные квартиры. На протяжении 1999–2004 гг. несколько семей вовсе покинули Саратов, а в их пустующие дома заселились семьи вновь прибывшие. В настоящее время в дубковском таборе в семи домах проживают 13 семей, из них 11 носят фамилии Христовы и Михай и состоят между собой в родстве: главы семейств приходятся друг другу родными либо двоюродными братьями. Большинство жителей табора принадлежат к роду тошони, несколько меньшее число происходят из рода сапорони³⁵.

Почти все семьи здесь многодетные. В возрасте 36–38 лет родители обычно имеют шесть и более детей и становятся бабушками и дедушками, при этом нередко внуки оказываются по возрасту старше детей.

Для цыган наиболее характерна простая семья, состоящая из поколений родителей и детей. Средний возраст вступления в брак 15–17 лет, при этом браки почти никогда не регистрируются официально. Дочь, выйдя замуж, покидает семью родителей и становится членом семьи мужа. Сын, женившись, обычно некоторое время живет вместе с женой в доме родителей, но когда приходит время жениться следующему сыну, семья старшего старается обзавестись собственным жильем. Когда в одном доме, в силу обстоятельств, приходится проживать нескольким женатым братьям, семья каждого брата ведет отдельное хозяйство. Обычно семья младшего из сыновей остается жить с родителями, таким образом получается сложная семья, состоящая из трех поколений. В дубковском таборе сложных семей в настоящее время три.

Пожилые люди пользуются в таборе особым уважением. В их присутствии должны соблюдаться все правила этикета, диктуемого присущей данной этнической группе традициями. Так, например, молодые цыгане и цыганки не должны садиться за стол раньше пожилых, замужняя женщина не должна появляться перед людьми без косынки и пе-

³⁵ О делении региональных групп кэлдэраров на роды (вицы) см.: Деметер Н. Г. и др. Указ. соч. С. 83.

редника, особенно грубым нарушением норм поведения считается, если женщина заденет другого человека своей юбкой³⁶. Подобных правил, регламентирующих повседневную жизнь, внутрисемейные отношения и отношения между разными возрастными группами в таборе, у цыган множество, и их соблюдению придается весьма большое значение.

Родство у цыган считается по мужской линии. Именно мужчина является здесь не только продолжателем рода, но и носителем культурно-бытовых традиций, образа жизни, менталитета своего народа. В этой связи цыганская семья никогда не выдает замуж свою дочь за нецыгана. Для мужчины же женитьба на женщине иной национальности хоть и не приветствуется, но все же не возбраняется при условии, что жена будет жить в таборе и соблюдать все принятые здесь традиции и нормы поведения. Практика показывает, что среди женщин разных национальностей в брак с цыганами чаще всего вступают русские. Смешанный брак в таборе – явление хоть и не частое, но в принципе допустимое. Почти в каждом таборе можно встретить одну-две семьи, где жены русские. Эти женщины носят цыганскую одежду, в совершенстве владеют цыганским языком и ведут тот же образ жизни, что и все цыганки. Есть такая семья и в дубковском таборе.

В то же время браки между цыганами, принадлежащими к разным этническим группам, – явление крайне редкое. Представители разных групп относятся друг к другу с выраженной антипатией и избегают не только брачных связей, но и любых контактов. Связано это с внутренней иерархией у цыган, являющейся отголоском древней кастовой системы: этнические группы делятся на высшие и низшие, и отношение к группам «низшего» ранга здесь даже менее терпимое, чем к иной национальности. В дубковском таборе у одной из семей со стороны мужа были в роду цыгане-ловари, а со стороны жены так называемые крымские цыгане, однако подчеркиваем: подобные браки в среде котляр – большая редкость и встречаются намного реже, чем браки с «гаджо».

Ежедневно взрослая часть населения табора отправляется в город на заработки. Традиционным занятием котлярских женщин является гадание. «Работают» они так называемыми «бригадами» по 3–6 человек. Схема действий такова. Остановив прохожего, цыганка просит о небольшой услуге, например указать дорогу, угостить сигаретой, добавить недостающий на покупку продуктов рубль и т. п. В благодарность она предостерегает собеседника о якобы грозящей опасности и предлагает свою помощь в решении его проблемы. Как правило, если перед

³⁶ Женская юбка у котляр считается предметом нечистым, как они выражаются, «поганым», по этой причине ее держат отдельно от других вещей, стирают в отдельной воде и т. п. Задеть человека юбкой – означает «осквернить» его и тем самым нанести большое оскорбление.

гадалкой девушка или молодой человек – речь идет о любви и кознях завистливых соперников, если человек в возрасте – то о здоровье, семье и т. п. Упомянув недоброжелателей, которые из чувства зависти якобы навели на человека порчу, цыганка уверяет клиента в своей способности разрушить злые чары. Для выполнения магических действий она убеждает собеседника достать денежную купюру, которая после произнесения заклинаний исчезает «вместе с порчей, болезнями и всеми бедами». Вырученные таким способом деньги впоследствии делятся поровну между всеми членами «бригады». Отметим, что цыганки никогда не применяют по отношению к клиенту силу, их задача – убедить его отдать им деньги собственными руками. Если же прохожий дает цыганке деньги, но при этом отказывается от гадания, то эта сумма считается не заработком, а подарком, которым цыганка уже не обязана делиться с «бригадой».

Когда в городе промышляют одновременно представительницы разных этнических групп цыган, они обычно делят территорию таким образом, чтобы как можно меньше пересекаться друг с другом. Если в конце 1980-х – начале 1990-х гг. котлярки облюбовали для промысла Привокзальную площадь, то с 1996 г. они отдают предпочтение территории вокруг Сенного рынка и возле здания Главпочтамта. В 2002–2003 гг. гадание перестало приносить желаемые доходы, и жители дубковского табора перешли на нехарактерный, в принципе, для котляр вид заработка – попрошайничество в высотных домах. По квартирам стали ходить дети в возрасте 6–12 лет, взрослые же ждали их возле подъездов. По словам самих котляр, они считают попрошайничество делом недостойным и идут на это лишь в случае крайней нужды.

Мужчины-котляры занимаются главным образом посреднической деятельностью в торговле металлом. Обычно в городе, возле которого располагается табор, у них имеется определенный круг лиц либо организаций, с которыми заключаются сделки, однако удачно осуществить сделку бывает порой непросто и удается не всегда.

Подростки собирают на загородных свалках лом металлов и сдают в пункты приема. Постоянной же работы, приносящей стабильный заработок, никто из жителей табора в Дубках не имеет. Отчасти это связано с неграмотностью цыган. Никто из детей и молодежи в возрасте до 20 лет здесь никогда не посещал школу. Представители старшего поколения, чье детство пришлось на те годы, когда детей в обязательном порядке заставляли учиться, закончили по несколько классов, однако законченного среднего образования не имеет никто. Чтение и письмо дается цыганам с большим трудом, и, когда в этом возникает необходимость, они обычно просят окружающих помочь им что-либо прочесть или написать. При этом сами цыгане относятся к своей неграмотности

спокойно и не испытывают желания исправлять положение и отдавать своих детей в школы.

Для них представляется более важным передавать последующим поколениям свои исконные традиции, чтобы избежать ассимиляции и не стать «как гаджо». Выражение «он стал как гаджо» употребляется у цыган в негативном смысле по отношению к тем, кто перенял нечто чуждое их образу жизни.

Иногда веяния чуждой культуры порой хоть и с трудом, но все же проникают в таборный быт. Так, для цыган, в принципе, не характерно разведение домашнего скота и птицы и тем более занятие огородничеством. В этой связи котляры никогда не огораживают свои дома забором и не имеют хозяйственных построек. Но в последние годы отдельные семьи стали заводить кур, уток, гусей и поросят и предпринимать попытки «как русские» выращивать возле своих домов огородные растения. Животные и птицы обычно живут у своих хозяев недолго: их либо съедают в ближайший праздник, либо продают в связи с потребностью в деньгах, а нередко они, в особенности утята и гусята, погибают от отсутствия должного ухода. В 2004 г. только одной семье в дубковском таборе удалось вырастить нескольких гусей и двух свиней. С огородных же участков был собран весьма скудный урожай, отнюдь не вдохновивший хозяев продолжать заниматься огородничеством.

В связи с тем, сколь стойко цыгане берегут от разрушения своей традиционный уклад, на первый взгляд может вызвать недоверие тезис исследователей о том, что «в отношении религии цыгане всегда легко ассимилировались с окружающим населением и всегда исповедуют религию той страны, в которой живут»³⁷. Но необходимо констатировать факт: котляры, как и большинство проживающих на территории России цыган, считают себя православными христианами. При более близком знакомстве с их религиозными взглядами можно отметить следующие особенности:

Во-первых, сами цыгане лишь поверхностно представляют себе сущность той веры, которую они исповедуют, и их принадлежность к последней выражается лишь в соблюдении отдельных традиций и выполнении определенных ритуальных действий.

Во-вторых, отдельные религиозные традиции, перенятые у окружающего населения, в среде цыган консервируются и порой сохраняются дольше, чем у того народа, у которого они были заимствованы.

Так, принадлежность цыган-котляр к православию выражается в том, что они имеют в домах православные иконы, крестят своих детей в церкви, а умерших хоронят по православному обряду и отмечают

³⁷ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 215.

по православному календарю такие праздники, как Рождество, Пасха, Троица, Петров день.

Любопытно, что роль икон у цыган с успехом выполняет их репродуктивное изображение на открытках, настенных календарях, на страницах книг. К иконе, равно как и к ее репродукции, здесь относятся очень бережно: угол, в который ее помещают, обычно занавешивается, иногда украшается искусственными цветами. По существующему у котляр поверию, икону не полагается покупать, ее следует получить любым другим способом: получить в подарок, выпросить, найти изображение на страницах книги и т. п.

Самыми большими праздниками в году у котляр являются Рождество и Пасха. В эти дни полагается накрывать большие столы, и мужчины табора, собравшись вместе, обходят все дома с пожеланиями хозяевам здоровья и счастья. В каждом доме хозяйка должна пригласить гостей к столу и предложить угощение. Очевидно, данный обычай связан своим происхождением с бытованием у славянских народов обрядами колядования и волочебных обходов. Отметим, что на пасхальном столе у цыган обязательно присутствуют куличи и крашеные яйца.

Несколько скромнее у котляр празднуются Троица и Петров день. При этом на Троицу у них полагается украшать свои дома зелеными венками деревьев, а на Петров день на столе должны присутствовать плоды нового урожая: созревшие ягоды, фрукты и овощи. Эти традиции несомненно переняты цыганами у русских вместе с характерным для русской культуры сплавом язычества и православия.

Необходимо отметить, что при всем этом цыгане чрезвычайно суеверны. Предохраняя своих детей от сглаза и порчи, они надевают на них обережные амулеты, при этом самыми действенными амулетами считаются раковины морских моллюсков, а также черные бусины с небольшими белыми глазками.

Нередко обережный амулет висит на шее ребенка рядом с православным крестиком. В случае болезни ребенка его родители нередко обращаются к старухам-знахаркам (чаще всего – нецыганкам) с просьбой снять сглаз.

Оберегая свое жилище от нечистой силы, цыгане рисуют кресты над дверным проемом, на дверях, на оконных рамах и стенах домов с внутренней стороны. Боязнь водяных удерживает их от купания в водоемах. Особенно же велик их страх перед мертвыми. По представлениям котляр, мертвые в ночное время ходят по земле, и встреча с ними не сулит живым ничего хорошего. В дубковском таборе, как в любом другом, слагается множество рассказов о встречах с умершими родственниками, в которые все цыгане со страхом верят. Соблюдению обрядности и выполнению ритуальных действий, призванных уберечь жилище и се-

мью от потусторонних сил и привлечь в дом удачу, здесь придают очень большое значение.

Подводя итог, представляется важным подчеркнуть, что цыгане в современных условиях выживают как этническая общность и сохраняют свою национальную самобытность благодаря той стойкости, с которой они берегут свои культурно-бытовые традиции и присущую им систему ценностей. Жители табора в поселке Дубки, возможно, впоследствии неоднократно поменяют место жительства, однако думается, что им, несмотря на множество встречающихся на их пути трудностей, удастся сохранить все то, что отличает цыган от других народов и молдавских котляр от всех других групп цыган.

В. М. Захаров

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Ф. Ф. ЧЕКАЛИНА**

Характеризуя возросший в русском обществе во второй половине XIX столетия интерес к историческому прошлому провинциальной России, А. Н. Пыпин справедливо заметил, что этот процесс нашел свое отражение «и в трудах местных любителей и исследователей». «Многие из них, – подчеркивал ученый, – с большим успехом занимались собиранием этнографических данных, изучением местных экономических отношений, разработкой архивных материалов, и приобретали себе почетную известность в литературе о народном быте и старине»¹. К числу таких местных исследователей принадлежал мировой судья Кузнецкого уезда Федор Федорович Чекалин.

Ф. Ф. Чекалин родился в 1844 г. в селе Арчада Пензенского уезда. Отец его, крестьянин пензенского помещика Ниротворцева, закончил Московскую земледельческую школу и служил управляющим у своего барина.

«Детство Федор Федорович провел в с. Арчада, – сообщил в 1927 г. директору Кузнецкого краеведческого музея И. В. Клестову двоюродный брат краеведа П. А. Чекалин, – откуда был отдан учиться в Пензенскую гимназию. Затем отец его, Федор Николаевич, за несколько лет до освобождения откупился от помещика. Дальше Федор Федорович учился в Московском университете на юридическом факультете»². Позднее, заполняя формулярный список, Ф. Ф. Чекалин укажет, что происходит из цеховых Пензенской губернии³.

В 1866 г. он закончил университет и через три года поступил кандидатом на должность судебного следователя при Саратовской палате уголовного и гражданского суда, где исполнял обязанности товарища губернского прокурора и судебного следователя⁴.

В сентябре 1870 г. министерство юстиции переводит Чекалина исполняющим обязанности следователя второго участка Кузнецкого уез-

¹ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Спб., 1891. С. 310.

² Клестов И. В. Федор Федорович Чекалин (Первый кузнецкий краевед) // Весь Кузнецк. Кузнецк, 1927. С. 41.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4 об.

да⁵. Здесь краевед провел всю свою жизнь. После женитьбы на воспитаннице помещика Галицкого Чекалин стал владельцем небольшого имения Полянки. С октября 1871 г. он занимает должность секретаря Кузнецкого окружного суда, а в сентябре 1872 г. выбирается уездным земским собранием участковым мировым судьей⁶. В 1881 г. Чекалин был избран председателем Кузнецкого съезда мировых судей⁷.

Характеризуя личность Ф. Ф. Чекалина, И. В. Клестов на основе воспоминаний родственников и знакомых краеведа отмечал: «Жил он скромно, просто, человек он был добрый, отзывчивый. К помещикам относился недоброжелательно, помнил свои крепостные тяжелые годы и вообще годы народного гнета. Будучи мировым судьей, он всегда при разборе дел между помещиком и крестьянином был на стороне последнего. Недаром крестьяне села Полянки до сих пор сохранили о нем самые светлые воспоминания. Хозяйством управляла жена, а Федор Федорович интересовался наукой и краеведением»⁸.

Стремление к исследовательской деятельности способствовало участию Ф. Ф. Чекалина в различных научных и просветительских организациях. Он был членом общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете⁹, сотрудничал с Саратовским¹⁰, Пензенским¹¹ губстаткомитетами, являлся членом-основателем Саратовской ученой архивной комиссии¹².

Интерес к достопримечательностям Кузнецкого уезда, возникший у Ф. Ф. Чекалина в начале 70-х гг. XIX столетия¹³, базировался на распространенных среди провинциальной интеллигенции представлениях о том, что при изучении какой-либо местности в равной степени важны история и статистика. «Обе они занимают почти одним и тем же предметом и должны быть основаны на точных и положительных данных»¹⁴.

Поэтому исследовательская деятельность Ф. Ф. Чекалина начинается с изучения экономического развития Кузнецкого уезда и сбора

⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851. Л. 5 об.

⁶ Там же. Л. 6 об.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Клестов И. В. Указ. соч. С. 41.

⁹ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. V. Казань, 1884. С. 32.

¹⁰ Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстаткомитета в 1885 г. Саратов, 1886. С. 4–5.

¹¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 43 об.

¹² Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 39.

¹³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 851. Л. 11.

¹⁴ Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864. С. 62.

сведений о состоянии местного мануфактурного производства. Для этого им почти в течение десяти лет (70-е гг. XIX в.) проводился систематический сбор сведений. «Как местный землевладелец и мировой судья, – указывал Чекалин, – я мог приводимые сведения по уезду в своих ежедневных столкновениях с народом собрать от самих кустарей, лиц, живущих между ними, заводчиков и фабрикантов»¹⁵.

Исследователь констатирует, что к концу 70-х гг. XIX столетия на территории Кузнецкого уезда функционировало 1319 ремесленных предприятий. В их число входило 222 кузницы, 188 прядильно-веревочных мастерских, 156 маслобоек, 98 ветряных, 104 водяных мельниц, 108 мастерских по обработке кожи, 60 кирпичных заводов. Ф. Ф. Чекалин не включил в эти сведения данные о кустарях, не имевших специальных предприятий. «Между этими последними, – отмечал краевед, – первое место занимает поддерживаемое обилием лесов в уезде производство разных деревянных изделий, необходимых в крестьянском быту, каковы телеги, сани, колеса, разная посуда и утварь, берда, веретена и гребни, затем жжение углей, плотничный и лесопильный промысел»¹⁶.

Непосредственно в Кузнецке размещалось 354 кустарных предприятия. Краевед подчеркивал, что Кузнецк «по размерам и разнообразию кустарной его промышленности занимает первое место в числе уездных городов не одной лишь Саратовской, но многих других губерний»¹⁷. В городе насчитывалось 533 мастера, имевших 446 рабочих и 242 ученика. Среди мастеров преобладали кузнецы (180 чел.), изготовители веревок (165 чел.), валенок (105 чел.), рукавиц (130 чел.), решет и сит (86 чел.), гребней (60 чел.), сапожники и башмачники (120 чел.). Наибольшее количество рабочих было занято в кузнецах (154 чел.), в мастерских по изготовлению рукавиц (42 чел.), в плотницких артелях (52 чел.).

Характеризует Ф. Ф. Чекалин и материальное положение кустарей. «По отзыву людей, – говорит он, – близко знающих их быт (т. е. кустарей. – В. З.), положение их в массе весьма незавидное. Заработок в полтора-два рубля в неделю считается уже очень хорошим, нередко падает и ниже»¹⁸.

Обстоятельно рассматривает Ф. Ф. Чекалин и проблему рынка сбыта продукции кузнецких ремесленников. «Изделия свои, – пишет он, – ку-

¹⁵ Чекалин Ф. Ф. Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 197.

¹⁸ Там же. С. 200.

стари сбывают как летом, так и зимой, развозя их за 100 и за 200 и более верст по базарам и ярмаркам в степных уездах Саратовской губернии... а также привозя их в Баронск и Покровскую слободу, откуда изделия эти распространяются по Заволжью»¹⁹.

Большое место в процессе сбыта, с точки зрения Ф. Ф. Чекалина, занимал железнодорожный транспорт. Так, ежегодно из Кузнецка в Ростов, Воронеж, Харьков, Пензу, Сызрань, на Кавказ вывозилось по железной дороге 600 пудов обуви, производимой местными ремесленниками. В 1878 г. в Пензу из Кузнецка по железной дороге вывезли 1300 пудов глиняной посуды, в Сызрань, Ростов и Петербург – 50 тыс. пудов веревок и канатов.

Однако, по мнению краеведа, не расширявшиеся потребности рынка способствовали развитию кустарного промысла в Кузнецком уезде, а безземелье населения. «Кустарно-промышленный характер деятельности податного населения» Кузнецкого уезда, говорит Чекалин, определялся тем, что «на душу населения приходится пахотной и луговой земли вдвое менее, чем даже в уездах, составляющих северную, густонаселенную половину губернии»²⁰.

Характеризует Ф. Ф. Чекалин и более крупные промышленные предприятия. На конец 70-х гг. XIX столетия в Кузнецке существовало 66 кожевенных заводов, продукция которых продавалась «в области войска Донского (Луганская и Урюпинская ярмарки), в Воронеже, на Кавказе, в Харькове»²¹. В 1879 г. по железной дороге было вывезено 20 тыс. пудов их продукции.

Важное место в экономике Кузнецкого уезда занимали суконные фабрики, расположенные в селах Пенделке, Мордовском Камешкире, Верхозиме, Нижней Липовке, на хуторе Николаевском. Стоимость их ежегодной продукции составила 2 млн рублей.

Одновременно с изучением экономики региона Ф. Ф. Чекалин уже в 70-е гг. XIX в. собирал материал и об историческом прошлом Кузнецкого уезда. В первую очередь, его интересовали «остатки крепостей или «городков», сторожевых валов, или, по-местному, «маров»²².

Обнаружив к 1880 г. следы четырех укреплений, исследователь отнес их к Сызранско-Пензенской сторожевой черте, построенной в 80-х гг. XVII столетия для охраны юго-восточных территорий Москов-

¹⁹ Чекалин Ф. Ф. Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкого уезда. С. 202.

²⁰ Там же. С. 195.

²¹ Там же. С. 209.

²² Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 2. С. 352.

ского государства. (Эта точка зрения получила поддержку и в современной историко-краеведческой литературе²³.) «Городки и укрепления, – отмечал Чекалин, – сняты у нас на планы и кроме того, мы собрали небольшую коллекцию железных и медных вещей, найденных при раскопке городков, имеющих в недалеком будущем сгладиться и совершенно исчезнуть»²⁴. Позднее он сообщит в археологический институт, что обнаружил на территории уезда остатки пятнадцати городков подобного рода²⁵.

По мнению Ф. Ф. Чекалина, городки представляли собой небольшие укрепления для постепенного и временного размещения военных гарнизонов. «По обилию найденных вещей, – отмечал краевед, – относящихся не только к предметам обороны, но и к земледелию и домашней утвари, Речной городок близ Липовки был несомненно жилым городком»²⁶.

Укрепления эти, полагал Чекалин, «фактически потеряли свое значение во второй половине XVIII в. с покорением Крыма и со вступлением крымских и нагайских татар в подданство России»²⁷.

Сторожевые городки, по словам краеведа, располагались на сторожевой черте, которая проходила от села Неклюдовки на границе Петровского уезда в северо-западном направлении мимо сел Армиева и Нескафтыма и пересекала реку Суру ниже села Сучкина, а затем через Городищенский уезд и направлялась к Пензе. «О ее направлении, – говорил он, – свидетельствуют лишь остатки вала, проходящими со многими перерывами через обширные лиственные леса»²⁸.

Помимо остатков сторожевых укреплений Ф. Ф. Чекалин отмечает наличие в Кузнецком уезде курганов, называвшихся местным населением «марами». «С научной целью, – говорит он, – ни одного из них раскрыто пока не было, а в разрытых кладоискателями, которыми испорчено большинство курганов, находили чередующие слои углей, обожженные поленья, внизу кости и кое-какие вещи, но ничего из найденного не сохранилось»²⁹.

Фиксирует Ф. Ф. Чекалин и остатки раскольничьего скита, размещавшегося при впадении речки Каслей в реку Кададу.

Изучение укреплений, сооруженных для защиты местного населения от кочевников, побудило Ф. Ф. Чекалина рассмотреть вопрос

²³ См., напр.: Мясников Г. В. Город-крепость. Пенза, 1984. С. 130–131.

²⁴ Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда... С. 353.

²⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851.

²⁶ Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда... С. 357–358.

²⁷ Там же. С. 358.

²⁸ Там же. С. 359.

²⁹ Там же. С. 361–362.

о колонизации Кузнецкого уезда. Краевед полагал, что появление на территории Кузнецкого уезда стабильного населения относится к последнему десятилетию XVII в. Первопоселенцами становились мордва и татары, ранее проживавшие в Симбирском уезде. Активное заселение региона происходит во второй половине XVIII в. «значительными массами русских поселенцев из помещичьих и казенных крестьян из разных и часто отдаленных мест жительства»³⁰.

Участие в работе общества истории, археологии и этнографии Казанского университета и Пензенского губстаткомитета определили и занятия Ф. Ф. Чекалина прошлым Пензенского края.

По поручению Казанского общества Ф. Ф. Чекалин проанализировал подаренные в библиотеку общества две рукописи пензенского старожила Г. И. Мешкова. Первая рукопись представляла собой записи Мешкова по истории Пензы с момента образования наместничества до 1871 г. Вторая являлась «копией со старинной рукописи о первоначальных городах Пензы и других поселений»³¹. Г. И. Мешков и консультировавший его профессор Казанского университета Н. П. Загоскин полагали, что имеют дело с копией, составленной в 1666 г. «Строельной книги г. Пензы». Ф. Ф. Чекалин поставил это утверждение под сомнение. Он считал, что лишь первые 54 страницы содержат документы о первопоселенцах Пензы, а материалы на остальных 63 страницах рукописи говорили о возникновении других населенных пунктов и к Пензе отношения не имели. «Только документы первого порядка рукописи, – делал вывод Чекалин, – могут составлять «строельную книгу» города Пензы, хотя и в них, как и во всех остальных ее документах, ни имени воеводы Лачинова, ни времени составления их (т. е. документов. – В. З.) ни разу не упомянуто, и г. Мешков отнес их к 1666 году лишь совершенно гадательно»³².

Позицию Чекалина подверг критике выдающийся пензенский краевед В. Х. Хохряков. Он обратил внимание на то, что в рукописи не было первого листа, где и имелись сведения, отсутствие которых и вызвало сомнения Ф. Ф. Чекалина. «На основании ссылки во многих документах на строельные книги 1666 г. и на основании достоверных свидетельств полагаю, – утверждал В. Х. Хохряков, – что в утраченном месте было написано: 1) в котором году и что сделал воевода Елисей Лачинов по указу царя Алексея Михайловича и по грамоте из Приказа Большого Дворца; 2) что было на месте строимого города; 3) о пожаловании ца-

³⁰ Чекалин Ф. Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 2. С. 235.

³¹ Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1888. № 211.

³² Там же.

рем Алексеем Михайловичем чудотворных иконы Казанской Божьей Матери на заложение и благословение нового города и 4) опись дворов духовенства и Пензенских начальных людей»³³. Следует отметить, что Ф. Ф. Чекалин признал правоту оппонентов и согласился с тем, что рукопись Мешкова является копией со «Строельной книги г. Пензы».

Активное участие принял Ф. Ф. Чекалин в дискуссии о времени основания Пензы. В пензенской историко-краеведческой литературе XIX столетия были широко распространены предположения об основании Пензы задолго до времени, обозначенного в «Строельной книге». Так, священник И. П. Бурлуцкий, ссылаясь на свидетельства старожила И. М. Каргополова, утверждал, что возникновение Пензы связано с походом Ивана IV в 1552 г. на Казань. Иван IV, говорит И. П. Бурлуцкий, заблудился во время Казанского похода в густых лесах и в устье реки Пензы основал укрепленное поселение (Старо-Черкасская слобода) с церковью, которой на обратном пути прислал икону Всемилоственного Спаса³⁴. Утверждения Бурлуцкого вызвали у Чекалина существенные замечания. Во-первых, Чекалин поставил под сомнение факт пребывания Ивана IV на месте будущей Пензы. «Все сохранившиеся письменные памятники, — замечает он, — категорически свидетельствуют нам... что путь Ивана Грозного из Муром на Казань в 1552 году лежал севернее не только нынешнего города Пензы, но и Пензенской губернии»³⁵. Во-вторых, Ф. Ф. Чекалин отрицал и возможность того, что московские войска могли заблудиться в лесных массивах Пензенского края: «Город Пенза при самом его основании возник среди дикого поля ковыля»³⁶.

Критически отнесся Ф. Ф. Чекалин к версии священника Ф. П. Островцова о том, что строительство Пензы началось в 1636 г.³⁷. Симбирская сторожевая черта, аргументирует Чекалин свои возражения, была построена к 1654 г. и предпринять строительство города впереди укрепленной линии не могли³⁸. Исследователь после консультации в московском архиве министерства юстиции высказал предположение, что первое упоминание о Пензе в официальных документах относится к февралю 1666 г. К этому времени, полагал Чекалин, строительство города уже было завершено.

³³ Хохряков В. Х. Строельная книга г. Пензы // Сборник Пензенского губстаткомитета. Вып. 4. Пенза, 1899. С. 3.

³⁴ Бурлуцкий И. П. Предание об иконах в городе Пензе чтимых: Спасителя, что в Черкасской Воскресенской церкви и Казанской Божьей Матери в кафедральном соборе // ПГВ. 1881. № 54.

³⁵ Чекалин Ф. Ф. Был ли Иван Грозный в своем походе на Казань в пределах нынешней Пензенской губернии // ПГВ. 1892. № 82.

³⁶ Там же.

³⁷ Пензенские епархиальные ведомости. 1886. № 3.

³⁸ Чекалин Ф. Ф. Когда и кем был основан г. Пенза // ПГВ. 1892. № 52.

Вместе с тем Ф. Ф. Чекалин утверждал, что на месте современного города существовали другие поселения. «Произведя в 1885 и 1886 гг., – говорит он, – тщательные археологические изыскания по берегам Суры выше города Пензы, я нашел здесь сторожевой вал и целый ряд правильно чередующихся по реке на протяжении ста верст городищ»³⁹. Ф. Ф. Чекалин относил их ко второй половине XVI столетия. (В современной историко-краеведческой литературе многие находки археологов конца XIX в. датируются более ранним временем⁴⁰.) В этой связи Ф. Ф. Чекалин обращается к проблеме существования Старо-Черкасской слободы, о существовании которой он говорил еще анализируя «Строельную книгу г. Пензы». По его мнению, на месте основания Пензы уже существовало поселение, вошедшее затем в создаваемый город. Жители – украинские казаки, которых, по словам Чекалина, в XVI – начале XVIII вв. называли черкасами. «Это поселение, – говорит исследователь, – возникло не ранее 1651 г., в котором, по свидетельству всех малороссийских летописей, малороссийские казаки двинулись к переселению в Россию целыми массами и населили в ней множество слобод»⁴¹. Старо-Черкасская слобода, продолжает Ф. Ф. Чекалин, возникла в ходе этого процесса на месте более раннего поселения. В современной историко-краеведческой литературе признается существование данной слободы (Черкасский острог). Г. В. Мясников убедительно доказал, что «Черкасский острог, о котором так много спорили краеведы, был построен в апреле – мае 1663 года как опорный пункт, в котором размещались русские и иноземные офицеры, отряды служилых людей, принимавших участие в строительстве нового города и охране его окрестностей»⁴².

Одним из чекалинских аргументов, подтверждавших версию о том, что Старые Черкасы существовали значительно раньше основания Пензы, была запись в «Строельной книге г. Пензы», говорящая, что Юрию Котранскому было предписано передать «старых черкас» Елисею Лачинову в 1665 г. Котранского Ф. Ф. Чекалин называет последним атаманом казачьей слободы⁴³. Обстоятельная реконструкция биографии Ю. Котранского, предпринятая Г. В. Мясниковым, свидетельствует о другом. Ю. Е. Котранский, бывший ранее воеводой в Балахне, в конце марта – начале апреля 1663 г. получил царский указ приступить к основанию нового города. Первым мероприятием Котранского явилось

³⁹ Чекалин Ф. Ф. Когда и кем был основан г. Пенза...

⁴⁰ См., напр.: Гошуляк В. В. История Пензенского края. Пенза, 1996. С. 67.

⁴¹ Чекалин Ф. Ф. Первоначальное поселение на месте города Пензы // ПГВ. 1892 № 100.

⁴² Мясников Г. В. Город-крепость. Пенза. Саратов, 1984. С. 40–41.

⁴³ Пензенские губернские ведомости. 1888. № 211.

формирование сотни казаков-черкас, которые и основали Черкасский острог. В октябре 1663 г. Котранский был заменен Е. П. Лачиновым⁴⁴. Таким образом, ошибка Чекалина очевидна.

Вступив в декабре 1886 г. в числе первых членов в Саратовскую ученую архивную комиссию, Ф. Ф. Чекалин существенно расширил исследовательские интересы.

Одним из основных направлений научных поисков Ф. Ф. Чекалина в рамках Саратовской ученой архивной комиссии становится изучение прошлого Саратовского Поволжья до вхождения данной территории в состав Московского государства.

Используя материалы из сочинений ряда профессиональных историков (И. Е. Забелин, Ф. Мищенко) и свидетельства античных авторов, Ф. Ф. Чекалин полагал, что древнейшим населением Саратовского края были будины и гелоны, а южные окраины региона заселяли сарматы. В окрестностях Саратова, по мнению Чекалина, размещался легендарный древнегреческий город Гелон⁴⁵. Эта точка зрения была довольно широко распространена среди саратовских историков-краеведов второй половины 80–90-х гг. XIX столетия⁴⁶. Недостаточность аргументированности подобных выводов была справедливо отмечена С. И. Кедровым. Во-первых, Чекалин, говорил он, не рассмотрел большую часть исследований, относящихся к данной проблеме. Во-вторых, по мнению С. И. Кедрова, Чекалин не смог достаточно глубоко проанализировать тексты античных авторов. «Тщательный пересмотр, собрание и сопоставление известий классического мира о Волге, – подчеркивал С. И. Кедров, – равно писателей периода средневекового... есть дело новое и трудное, доселе ожидающее своего работника. До тех пор, пока этого не будет сделано, все рассуждения отрывочного характера о древнейших обитателях Поволжья едва ли будут иметь значение научной ценности»⁴⁷.

Более обстоятельны материалы Ф. Ф. Чекалина о буртасах, которые, как он полагал, зафиксированы в Саратовском Поволжье с VIII в. Собрав и проанализировав свидетельства арабских авторов, главным образом X в., Ф. Ф. Чекалин делает следующие выводы: буртасы занимали часть Поволжья, расположенную севернее хазар и южнее болгар, занимались земледелием и промысловой охотой, находились в зависимости от хазар. «Основываясь на единогласном свидетельстве восточ-

⁴⁴ Мясников Г. В. Указ. соч. С. 38–46.

⁴⁵ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 6–11.

⁴⁶ См., напр.: Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С. Укек // Труды СУАК. Т. III. Вып. II.

⁴⁷ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XI. Вып. 3. С. 303.

ных писателей различных эпох, – говорил исследователь на VIII археологическом съезде в Москве, – следует, несомненно заключить, что многочисленное племя буртасов, начиная уже с X в., резко отличалось от своих кочевых соседей оседло-земледельческим бытом... и что... до второй половины XI в., т. е. до нашествия половцев из Заволжья, оно занимало обширное пространство нынешних Саратовской (за исключением Царицынского уезда, входившего в состав Хазарии), Пензенской и частично Симбирской, Тамбовской, Воронежской губерний и область Войска Донского»⁴⁸. Теснимые половцами, буртасы переселились в более северные районы, где впоследствии частью обрусели, частью отатарились и стали с XIV в. известны под самоназванием «мещера». Ф. Ф. Чекалин подверг сомнению утверждения Н. М. Карамзина, видевшего в мещере предков мордовского племени мокши, и обратил внимание на свидетельство персидского историка начала XIV в. Рашид-Эддина, говорившего о нападении Батые на мокшу и буртасов. «После соприкосновения, – полагал Ф. Ф. Чекалин, – с мордвою на севере мещера сделалась известной нашим летописям по одному лишь впрочем названию, так как они постоянно смешивали ее с мордвою, чему могло способствовать не только совместное поселение, но и отсутствие резких различий в наружных чертах инородцев»⁴⁹.

Однако не все историки поддержали выводы Ф. Ф. Чекалина о буртасах-мещере. С. И. Кедров в рецензии на книгу Чекалина «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века» (Саратов, 1892) заметил, что мнение автора исследования требует «вообще больше доказательств, чем те, какие собрал автор»⁵⁰. П. Н. Милюков полагал, что выводы Чекалина о тождественности буртасов и мещеры мало убедительны. Сам Милюков видел в буртасах одно из обособившихся мордовских племен⁵¹. (Заметим, что большинство современных историков относит мещеру к обрусевшему чудскому племени, отличному от мери и мордвы⁵².)

С 40-х гг. XIII в. Саратовское Поволжье входит в состав Золотой Орды. Золотоордынский период местной истории, по мнению Ф. Ф. Чекалина, был эпохой процветания Нижнего Поволжья. «В этой пустыне, – говорит он, – возникло могущественное и сравнительно благоустроенное Золотоордынское или Кипчакское царство, которое, приняв вскоре ислам и войдя в сношение с арабами, насадило здесь мусуль-

⁴⁸ Чекалин Ф. Ф. Мещеры и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды VIII археологического съезда. М., 1897. Т. III. С. 70.

⁴⁹ Там же. С. 66.

⁵⁰ Известия общества археологии и этнографии при Казанском университете. Т. XI. Вып. 3. С. 304.

⁵¹ Труды VIII археологического съезда. М., 1897. Т. III. С. 114–115.

⁵² См.: Балакин Д. В. Мещерские села: Историография вопроса // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Пенза, 1989. С. 89–90.

манскую цивилизацию, построило города, в коих Сарай, например, мог соперничать по своей величине, богатству и ремесленному значению со многими древними городами Востока»⁵³.

Целый ряд находок кладов золотоордынских монет (в 1855 г. у слободы Елань Аткарского уезда и села Воскресенского Вольского уезда, в 1886 г. у сел Средняя Елюзань и Чедаевка Кузнецкого уезда, в 1887 г. близь села Низовка Нижнеломовского уезда) позволил Чекалину сделать вывод о том, «что наш край был населен в эпоху монгольского владычества более или менее повсеместно»⁵⁴.

Ф. Ф. Чекалин отмечал и присутствие в Золотой Орде Русской Православной Церкви. Основным местом обитания русских историк считал так называемый Червленый Яр, «местность между Доном и Хопром, составлявшей в XIV в. степную Украину Рязанского княжества, укрепленную городками («караулами») и населенную служилыми людьми»⁵⁵. Кроме того, функционировала русская колония в Новом Сарае, русские поселки на речных переправах по важнейшим путям.

В качестве источника для изучения степени заселенности Нижнего Поволжья в золотоордынскую эпоху Ф. Ф. Чекалин привлек западноевропейские средневековые карты Поволжья. Так, им были использованы карты, опубликованные в 1873 г. профессором Новороссийского университета Бруном. Одна из них составлена в 1367 г. венецианцами Франциском и Домиником Пицигани, вторая извлечена из анонимного каталонского атласа 1375 г., третью подготовил венецианский географ XV в. монах Фра-Мауро.

На карте братьев Пицигани значится от устья Камы до Астрахани на правом берегу Волги десять населенных пунктов, а также десять на левом берегу. Фонетическая близость некоторых древних названий с современными привела Чекалина к мысли «о том, что населенные пункты при русской колонизации Нижнего Поволжья в XVI и XVII веках нередко возникали на древних инородческих городищах и по именам рек сохранили за собой и старые названия»⁵⁶. На месте Саратова были обозначены два населенных пункта на правом и левом берегах. Правобережное поселением, по мнению Ф. Ф. Чекалина, был Увек, а левобережное соответствовало летнему стану Батья, который посетил Рубрук в 1253 году»⁵⁷.

⁵³ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. Т. II. Вып. I. С. 15.

⁵⁴ Там же. С. 22.

⁵⁵ Чекалин Ф. Ф. Саратовская епархия и ее значение в истории Саратовского края // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 105–106.

⁵⁶ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным. С. 18.

⁵⁷ Там же. С. 17–18.

Основываясь на данных карт, Ф. Ф. Чекалин поддержал утверждение Г. С. Саблукова о существовании двух Сараев, поочередно являвшихся столицами Золотой Орды⁵⁸. «Картографических указаний, – замечает исследователь, – вполне достаточно, чтобы прийти к убеждению, что уже в первой половине XIV века существовало два Сарая и следует отказаться от предложения г. Григорьева о том, что в Золотой Орде всегда существовал лишь один Сарай и что под именем Нового Сарая надо разуть лишь дворец, построенный в Сарае, около него в первой половине XIV века, когда появились монеты с его именем»⁵⁹.

В 1888 г. Ф. Ф. Чекалин вместе с группой членов СУАК посетил развалины городища, расположенного «в 2-х верстах к северу от посада Дубовки»⁶⁰. Обнаруженные находки позволили им предположить, что городище следует отнести к золотоордынскому периоду истории Нижнего Поволжья. Ф. Ф. Чекалин утверждал, что это упоминаемый арабскими авторами город Бельджамин. (Писавший в самую цветущую эпоху существования Золотой Орды (в 1321 г.) свою географию ученый араб, султан Абульфедда... говорит, что «река Итиль (Волга) протекает по близости Булгара, далее омывает стоящий на берегу ее городок Укек, откуда течет на юг мимо города Бельджамена»⁶¹.) На карте братьев Пицигани (1367), карте из каталонского атласа (1375), карте венецианского географа Фра-Мауро обозначены в районе Дубовки два золотоордынских города Берсиман и Джакуркам. Ф. Брун, публикуя карты, предположил, что именно обозначение Джакуркама (поселка ханских охотников-ястребятников) соответствует «развалинам ныне еще сохранившимся в 3-х верстах выше Дубовки»⁶². Однако Ф. Ф. Чекалин, основываясь на находках, сделанных во время экспедиции 1888 г., полагал, что это был Бельджамен. «Судя по значительной величине, укреплениям и благоустройству, а также по обилию и даже некоторой роскоши сделанных находок в обследованном нашей архивной комиссией городище, следует заключить, что оно из двух одинаково соответствующих ему по относительному положению на карте 1367 г. городов гораздо более подходит известному и торговому (с базаром) городу Берсиману или Бельджамену Абульфеды»⁶³.

⁵⁸ См.: Захаров В. М. Исследователь Золотой Орды // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1997. С. 141.

⁵⁹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным. С. 20.

⁶⁰ Чекалин Ф. Ф. Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге близ посада Дубовки? // Труды СУАК. Т. I. Вып. 4. С. 391.

⁶¹ Там же. С. 392.

⁶² Брун Ф. Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. С. 144.

⁶³ Чекалин Ф. Ф. Какому из древних городов принадлежит каменное городище... С. 394.

Изучение остатков Бельджамена побудило Ф. Ф. Чекалина составить план археологических раскопок золотоордынских памятников на территории Саратовского Поволжья. «Увекским и этим дубовским городищами, – подчеркивает он, – далеко не исчерпываются древности этого рода в нашей губернии: село Городище – том же берегу Волги, на 35 верст ниже Дубовки, село Пады – на Хопре в Балашовском уезде и некоторые другие поселения еще ждут пока археологических изысканий, чтоб в большей или меньшей степени вознаградить труд археолога»⁶⁴.

В конце XIV столетия начинается, по мнению Ф. Ф. Чекалина, постепенный распад Золотой Орды. Определяющим моментом этого процесса исследователь считал поход Тамерлана (1395), в результате которого «много татар из Золотой Орды ушло с Тамерланом в качестве пленных, а несравненно большая часть их переселилась в Византию и Россию, так что страна совсем обнищала и обезлюдилась, привалы и водопой были покинуты и проезд по этой пустыне сделался невозможным»⁶⁵. Ф. Ф. Чекалин обратил внимание на резкое сокращение находок золотоордынских монет более раннего периода.

К середине XV в. от Золотой Орды начинают обособляться отдельные самостоятельные княжества, что еще больше способствовало, по мнению исследователя, запустению Поволжского региона. «Нижнее Поволжье, – подчеркивает он, – уже во второй половине XV века представлялось в такой степени безлюдия и запустения, в каком оно не находилось и до нашествия монголов... и в каком состоянии продолжало оставаться до русской колонизации его во второй половине XVI века»⁶⁶.

Однако места обитания золотоордынского народа не были окончательно заброшены. Ф. Ф. Чекалин полагал, «что при русской колонизации Нижнего Поволжья в XVI и XVII вв. нередко русские города возникали на древних инородческих городищах и по именам рек... сохранили за собой и старые названия»⁶⁷. Рассуждая в этом направлении дальше, исследователь высказал предположение, что самые старые из городов нашего края – Царицын и Саратов – существовали в виде татарских крепостей, сохранили за собой татарские названия»⁶⁸. Этот вывод он основывал на так называемой летописи Шерефетдина Булгари,

⁶⁴ Чекалин Ф. Ф. Какому из древних городов принадлежит каменное городище... С. 391.

⁶⁵ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. С. 38.

⁶⁶ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 23.

⁶⁸ Чекалин Ф. Ф. Древние обитатели Саратовской губернии // Саратовская ученая архивная комиссия. Протокол VI общего собрания. Саратов, 1888. С. 9.

в которой говорится о существовании татарского города Сары-тау еще до 1504 г.

Рассмотрение проблемы времени и места основания Саратова, заселение Саратовского Поволжья после присоединения региона к Московскому государству становятся другим направлением исследовательских поисков Ф. Ф. Чекалина в период работы в Саратовской ученой архивной комиссии.

Следует отметить, что вопрос этот уже раньше интересовал саратовских историков-краеведов. Еще в 1848 г. А. Ф. Леопольдов утверждал, что Саратов основан в 1591–1592 гг. на левом берегу Волги в устье реки Саратовки⁶⁹. Н. И. Костомаров, подходивший к проблеме более осторожно, относил основание Саратова к периоду царствования Федора Ивановича, замечая: «В каком именно году подлинно неизвестно, потому что не отыскано еще грамоты о построении его»⁷⁰. Г. И. Перетяткович полагал, что Саратов был основан в 1591 г. на левом берегу Волги⁷¹. С мнением ученого профессора согласился и саратовский журналист-краевед Н. Ф. Хованский⁷². Особо повышенное внимание к проблеме стало складываться в конце 80-х гг. XIX в., когда возник вопрос о праздновании 300-летнего юбилея Саратова.

Выступая в 1890 г. на VIII археологическом съезде с докладом «Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег», Ф. Ф. Чекалин связывал возникновение древнейшего Сары-тау с местонахождением одного из становищ Батья, обнаруженного летом 1253 г. Рубруком. Чекалин предположил, что описание местности, сделанное Рубруком, вполне совпадает с местоположением современного Саратова. Кроме того, исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что в 1367 г. братья Пицигани, а в 1459 г. Фра-Мауро на своих картах отмечали поселение, находящееся на левом берегу Волги против Увека⁷³.

Существенные замечания в адрес подобных рассуждений сделал в начале 20-х гг. XX столетия профессор СГУ А. А. Гераклитов в курсе лекций «История Саратовского края», подвергший сомнению идею преемственности татарского Сары-тау и русского Саратова. А. А. Гера-

⁶⁹ Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 32.

⁷⁰ Костомаров Н. И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Русской державе до вступления на престол Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 г. Саратов, 1858. С. 2–3.

⁷¹ Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки истории края и его колонизации). М., 1877. С. 319–320.

⁷² Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884. С. 7.

⁷³ Чекалин Ф. Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег // Труды VIII археологического съезда в Москве. М., 1897. Т. III. С. 57–59.

клитов полагал, что если такое поселение и существовало, то к середине XV в. было покинуто обитателями, ибо путешествуя по Волге в 1476 г. Контарини и в 1579 г. Борро не упоминают о его существовании. Гераклитов обратил внимание на то, что обозначения населенных пунктов по Волге на картах братьев Пицигани и Фра-Мауро нанесены очень приблизительно, ибо их составители сами по Волге не путешествовали и пользовались непроверенными сведениями. Он также заметил, что летописные данные Шерифетдина Булгари не подтверждаются другими источниками⁷⁴.

Однако ряд современных исследователей вновь обратились к выводам Ф. Ф. Чекалина о том, что русскому Саратову предшествовало татарское поселение, утверждая: «Важным промежуточным звеном между золотоордынским Укеком и русским Саратовом явилось татарское поселение «Сары атав» («Сар-атау»), возникшее, очевидно, в середине XVI века»⁷⁵. Необходимо заметить, что данная точка зрения нуждается в более широком и глубоком изучении документальных и археологических источников.

Стремясь определить первоначальное местоположение Саратова, Ф. Ф. Чекалин привлек грамоту 1614 г., содержащую выговор самарского воеводы стрелецким головам, посланным в мае 1614 г. в Астрахань арестовать казачьего атамана Заруцкого и самовольно заезжавшим на так называемое Саратовское городище на поиски «поклажев», а затем вернувшимся в Саратов. Ф. Ф. Чекалин совершенно справедливо предположил, что Саратовское городище, где стрельцы занимались кладоискательством, располагалось на правом берегу Волги, а Саратов, в который они вернулись, находился на левом берегу. Это натолкнуло исследователя на весьма своеобразный вывод о том, что существовало два Саратова: один на правом берегу, а второй на левом. Путешественники XVII в. обнаружили только левый, так как волжский фарватер проходил вдоль левого берега, и правобережный город они, по мнению Чекалина, не смогли заметить⁷⁶. Считая, что правительство царя Федора Ивановича созданием русского города в первую очередь преследовало цель обезопасить юго-восточные границы Русского государства от нагайцев, Ф. Ф. Чекалин предположил, что левобережный Саратов являлся военной крепостью, а правобережный – поселением торговцев и ремесленников, которых Волга защищала от набегов кочевников Заволжья⁷⁷. Заметим, что гипотеза Чекалина основывается преимуще-

⁷⁴ Гераклитов А. А. История Саратовского края. Саратов, 1923. С. 57–59.

⁷⁵ Рашитов Ф. А., Сингатулин Р. А. От Укека до Саратова // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003. С. 51.

⁷⁶ Чекалин Ф. Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег. С. 59.

⁷⁷ Там же. С. 62.

ственно на логических рассуждениях, не подкрепляется источниками и поэтому представляется сомнительной.

Местом основания левобережного Саратова Ф. Ф. Чекалин считал устье реки Саратовки, где еще в 80-е гг. XIX в. сохранились следы русского военного укрепления. Временем основания русского Саратова исследователь произвольно называл период с 1582 по 1586 г., а название «Сары-тау» вслед за Леопольдовым переводил как «Желтая гора»⁷⁸.

Одновременно с Ф. Ф. Чекалиным проблемой времени основания Саратова занимался другой член СУАК С. С. Краснодубровский. В опубликованной в 1888 г. в «Саратовском листке» статье «Трехсотлетний юбилей Саратова» С. С. Краснодубровский, используя различные косвенные свидетельства, сделал вывод о том, что Саратов был основан в 1590 г.⁷⁹ С. И. Кедров, рецензируя книгу Чекалина «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в.», считал, что главным свидетельством о времени основания Саратова является надпись на одном из Евангелий конца XVI в., что основанием Саратова началось со 2 июля 1590 г. «Во всяком случае – подчеркивал Кедров, – прямое указание на 2 июля 90 г. достовернее всех косвенных соображений»⁸⁰. Эти исследования существенно дополнили выводы Ф. Ф. Чекалина.

Большое значение для развития Нижнего Поволжья, с точки зрения Ф. Ф. Чекалина, имел поход Тамерлана, приведший к почти полному запустению региона. Вновь процесс заселения начинается после вхождения волжских территорий в состав Московского государства. Длительный период во второй половине XVI – первой половине XVII вв. «русские неслужилые люди» являлись на Нижней Волге лишь в качестве временных посетителей – торговцев и рыболовов, а нередко и грабителей – Новгородских ушкуйников⁸¹. В начале XVII столетия ряд московских монастырей размещает рыболовецкие артели по среднему и нижнему течению Волги. По Хопру, Медведице и их притокам, отмечал Ф. Ф. Чекалин, с конца XVI столетия «население являлось... из соседней тамбовской украины, будучи привлекаемо... еще нетронутыми богатствами в области животного царства, лишь на так называемые промыслы или ухажан»⁸². Главной причиной, мешавшей закреплению в Саратовском Поволжье постоянного населения, Чекалин считал по-

⁷⁸ Чекалин Ф. Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег. С. 63.

⁷⁹ Саратовский листок. 1888. № 119.

⁸⁰ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XI. Вып. 3. С. 307.

⁸¹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. С. 43.

⁸² Там же. С. 72.

стоянные набеги кочевников. Серьезным потрясением для региона стало восстание Степана Разина, после чего Саратов был заново построен на правом берегу Волги на месте так называемого Саратовского посада (т. е. правобережного поселка торговцев и ремесленников, на существовании которого настаивал Чекалин).

Ситуация начинает меняться после проведения в 1881–1885 гг. Сызрано-пензенской сторожевой черты. «Из всех рассмотренных мною документов, – подчеркивал Ф. Ф. Чекалин, – по приобретению земель первоначальниками в нынешнем уезде Кузнецком и многих в уездах: Хвалынском, Вольском, Петровском и Сердобском ни один документ не восходит ранее 1682 года»⁸³. В целом, выводы Ф. Ф. Чекалина о заселении Саратовского края в XVI–XVII вв. разделяются и современными историками⁸⁴.

В 1894 г. Ф. Ф. Чекалин умер⁸⁵. Он принадлежал к числу видных краеведов 80-х – начала 90-х гг. XIX века. Начав с описания местных достопримечательностей, Ф. Ф. Чекалин сумел перейти к формулированию научных проблем и их разрешению с использованием широкого круга источников.

⁸³ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. С. 72.

⁸⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. I. Саратов, 1993. С. 54–61.

⁸⁵ Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов СУАК за 25 ее существования // Соколов В. П. 25-летие СУАК. Саратов, 1911. С. 43.

**НАСЛЕДИЕ С. А. ЩЕГЛОВА В КОНТЕКСТЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ
(ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИГРАФИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ)**

В последнее время изучение деятельности членов Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК, 1886–1920) все чаще привлекает внимание историков в совершенно различных аспектах. Они вполне осознают, что знание биографий и трудов предшественников дает новые импульсы в исследовательской работе. Об этом свидетельствует и появление специальных разработок по биографике. Подчеркивается, что глобальная задача этой исторической дисциплины – «раскрыть многообразие людей и сложность каждого из них»⁸⁶. Этот тезис в полной мере относится и к ученым регионального масштаба.

Недавно в Пензе была защищена диссертация о деятельности СУАК, в которой показано в том числе и значение фигуры С. А. Щеглова в контексте общей истории комиссии⁸⁷. Среди опубликованных работ, специально посвященных этому ученому, можно назвать лишь статью Е. И. Булушевой, изучившей достаточно подробно хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области⁸⁸ тетради Щеглова с выписками и наблюдениями исторического и этнографического характера. Исследовательницу интересовали записанные Щегловым произведения устной народной культуры Саратовского Поволжья, часть из которых была ею опубликована⁸⁹.

В настоящей статье хотелось бы сосредоточиться на характеристике тех материалов Щеглова, которые посвящены так или иначе церковной жизни в Саратовском крае XIX – начала XX в., т. е. периода, данные о котором краевед имел возможность собирать и в основном собирал. Важность и актуальность такого рода исследований объясняется тем, что в современной отечественной историографии многие историки

⁸⁶ Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2003. С. 20.

⁸⁷ Захарова Т. А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886–1920 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003.

⁸⁸ ГАСО. Ф. 407, Саратовская ученая архивная комиссия.

⁸⁹ Булушева Е. И. С. А. Щеглов – собиратель произведений устной народной культуры Саратовского Поволжья // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 470–480.

приступили к активному изучению истории отдельных епархий. При этом число исследований в рамках Саратовской епархии исчисляется единицами. Можно было бы назвать лишь две публикации по истории Саратовской епархии XIX в.: биографические очерки первых саратовских архиереев А. П. Новикова⁹⁰ и недавно появившийся труд вольского священника Михаила Воробьева⁹¹. В одной из работ автора данной статьи был затронут источниковедческий аспект изучения генеалогии приходского духовенства на конкретных материалах Госархива Саратовской области⁹², а практическое применение сделанные выводы нашли в вышедшей недавно монографии⁹³. Изучение наследия членов Саратовской ученой архивной комиссии безусловно будет способствовать дальнейшему изучению темы.

Сергей Александрович Щеглов (1861–1915) происходил из духовного сословия, был сыном дьякона. Когда родился будущий краевед, отец его служил при церкви села Лопуховка Аткарского уезда, а в 1866 г. был назначен дьяконом в Петровск, где стал служить при Петропавловском соборе. Ошибочно утверждение Е. И. Булушевой о том, что «его отца перевели в г. Петровск Саратовской губернии дьяконом Покровской церкви»⁹⁴. В своих воспоминаниях, посвященных петровскому периоду своей жизни, Щеглов действительно пишет о том, что его семья жила в доме близ Троицкой (Покровской) церкви. Но служил его отец при соборной церкви⁹⁵. Это уточнение важно для дальнейшего изложения материала.

Сам Щеглов учился в Петровском духовном училище (на этом его «официальное» образование завершилось, и наступила пора самообразования, длившаяся всю жизнь), а после окончания училища поступил на гражданскую службу. До 1895 г. Сергей Александрович служил помощником пристава 1-й части г. Царицына, а с августа 1896 г. – сотрудником страхового отдела Саратовской губернской земской управы. 1 марта 1897 г. Щеглов, находясь в чине титулярного советника (новых продвижений по службе в его жизни уже не было), стал действитель-

⁹⁰ Новиков А. П., Барзилов С. И. Святители Земли русской: Биографические очерки саратовских архиереев (1799–1832). Саратов, 2000.

⁹¹ Воробьев М., свящ. Православное краеведение: Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002.

⁹² Мраморнов А. И. Изучение генеалогии приходского духовенства саратовской епархии XIX – начала XX в.: основные источники и вопросы // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. С. 74–77.

⁹³ Он же. Жизненный путь священника Александра Петровича Мраморнова (1874–1941). К 130-летию со дня рождения. Саратов, 2004.

⁹⁴ Булушева Е. И. Указ. соч. С. 472.

⁹⁵ Щеглов С. А. Город Петровск. Отрывки из воспоминаний. Саратов, 1909. С. 3.

ным членом СУАК⁹⁶. Проживал он в Саратове на Железнодорожной улице в собственном доме⁹⁷. Интересен и такой факт из его личной жизни: Щеглов имел 11 детей (из них выжило 9)⁹⁸ – налицо сохранение традиций духовного сословия, семьи представителей которого в большинстве случаев были многодетными. Оставаясь мелким чиновником страховой компании, Щеглов получал небольшое жалование, во многом себе отказывал, чтобы содержать большое семейство, и даже, будучи награжденным орденом Станислава III степени, не нашел 15 рублей на его изготовление⁹⁹. При этом Щеглов отказывался просить помощи у коллег и покровителей ученой комиссии (хотя такая возможность не раз представлялась), и не из-за «прирожденной... гордости»¹⁰⁰, а потому что, напротив, был воспитан в духе смирения и кротости.

В источниках и литературе справедливо отмечались работоспособность и увлеченность Щеглова: он занимался и археологией, и этнографией, и историей¹⁰¹. Научные интересы краеведа были широкими, что вполне характерно для ученых той эпохи. Сохранившиеся тетради, рукописи, документы Щеглова в фонде СУАК в ГАСО – это лишь часть его творческого наследия, целиком до нас, видимо, не дошедшего.

Надо сказать, что в конце XIX – начале XX в. в Саратовской губернии и многие профессиональные историки, и просто любители старины стали интересоваться местной церковной историей. В центре их внимания чаще всего оказывалась история отдельных храмов городов, сел и деревень губернии. Редакцией журнала «Саратовские епархиальные ведомости» в конце 1890-х гг. были собраны краткие исторические и статистические сведения о всех церквях епархии, публиковавшиеся в специальных приложениях к журналу 1895–1897 гг.¹⁰². Другим центром изучения местной церковной истории стала СУАК, среди членов которой были и собственно духовные лица, и выходцы из духовенства (вы-

⁹⁶ *Миронов В. Г.* Щеглов Сергей Александрович: Материалы к биографии. Рукоп. // НА СОМК. Ед. хр. 1368. Л. 82; *Булушева Е. И.* Указ. соч. С. 475.

⁹⁷ Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. Саратов, 1910. С. 312.

⁹⁸ *Корнилова В. И.* С. А. Щеглов – саратовский краевед // НА СОМК Ед. хр. 1402. Л. 7.

⁹⁹ Там же. Л. 17–18.

¹⁰⁰ Там же. Л. 37.

¹⁰¹ Но работа была не только научной: в 1901 г., например, на плечи С. А. Щеглова, находившегося в должности помощника правителя дел СУАК, выпало приведение в порядок библиотеки и музея комиссии, а также упорядочение делопроизводства канцелярии и каталожных карточек (см. подробнее: 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 106).

¹⁰² Эти приложения были даже опубликованы отдельной книгой, хранящейся, в частности, в Российской национальной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

пускник Московской духовной академии и преподаватель Саратовской семинарии С. И. Кедров, выпускник Саратовской семинарии профессор А. А. Лебедев, известный вольский поэт и богослов А. А. Лунин, М. Е. Соколов, Н. С. Соколов, протоиерей В. Г. Еланский). К числу выходцев из духовного сословия, как уже было сказано выше, принадлежал и Сергей Александрович Щеглов. Оба эти центра изучения церковной истории вряд ли могут быть определены как некие научные, исследовательские школы. Церковно-историческая наука в Саратовской епархии проходила лишь стадию своего становления, фундаментальных трудов в этой области до революции не появилось. Не написано их и до сих пор.

Для исследования церковной истории Саратовского края огромный интерес представляет переписка С. А. Щеглова со знаменитым своими публикациями на церковно-исторические и богословские темы в «Саратовских епархиальных ведомостях», журналах «Современность», «Истина» вольским протоиереем В. Г. Еланским¹⁰³. Она содержится в скопированном рукою Щеглова или в перепечатанном на печатной машине виде в его тетрадях, хранящихся в ГАСО. Протоиерей Еланский присылал саратовскому краеведу данные о церквях Вольска и Вольского уезда, фотографии как внешнего вида храмов, так и внутреннего их убранства (иконостасов, алтарей и проч.). Эти фотографии приклеены на страницах тетрадей Щеглова (например, несколько фотографий Покровской церкви г. Вольска). Думается, что эта переписка и сопутствующая ей материалы требует отдельного исследования и, возможно, издания. В ней же представлены также ценнейшие некрополистические¹⁰⁴ сведения: В. Г. Еланский со своей дочерью Лидией описал единоверче-

¹⁰³ Хованский Н. Ф. Краткие биографии членов СУАК // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 12 (в части Н. Ф. Хованского).

¹⁰⁴ Автор настоящей статьи полагает, что изучение сохранившихся некрополей и описаний несохранившихся (что составляет предмет такой специальной исторической дисциплины как некрополистика) неразрывно связано с исследовательской работой в области истории Русской Православной Церкви и отдельных епархий. Особенно это актуально для периода XIX – начала XX в., когда и погребением, и функционированием кладбищ, а также их сохранением и описанием непосредственно занималась церковь в лице приходского духовенства (об этом неоднократно идет речь в совсем новом исследовании: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002). Сказанное в общем справедливо и для другой специальной исторической дисциплины – генеалогии (в тексте статьи имеется небольшой генеалогический сюжет, см. ниже), ведь именно священник регистрировал рождения, браки и смерти и обычно лучше всех в населенном пункте был осведомлен о том, что современный историк назовет генеалогическими данными. Если учесть все сказанное, то уже не покажется случайным, что именно ученый протоиерей занимался сбором некрополистическим сведений и их первичной научной обработкой.

ское кладбище Вольска, кладбище женского монастыря и ряд других некрополей¹⁰⁵. Некоторое время спустя, в начале 1917 г., протоиерей был награжден орденом св. Владимира IV степени, в том числе и за исследовательские заслуги¹⁰⁶.

Сведения, фиксируемые В. Г. Еланским, регулярно отсылались в Саратов по адресу СУАК и тщательно изучались и сохранялись Щегловым в его тетрадях. Характерен сам интерес краеведа к генеалогии и некрополистике, которые как раз в то время, т. е. в конце XIX – начале XX в. проходили новый этап в своем развитии – процесс становления в качестве специальных исторических дисциплин, каковыми они до этого не осознавались историками. В одной из страдных записей Щеглова можно прочесть: «Щеглов Емельян Иванович, однодворец дер. Ключевки Пятницкой волости Сердобского уезда. Он одного со мной роду и восстанавливает свои права на дворянское звание. Надо *попросить у него родословную* (курсив мой. – А. М.). Был он у меня 3 мая 1903 года»¹⁰⁷. Конечно, у краеведа не хватало времени на исследование собственного рода, но странно было бы, если в то время, когда в Москве читал свои знаменитые лекции по генеалогии Л. М. Савелов, а в Петербурге развернули кипучую деятельность члены Русского генеалогического общества, видный член ученой архивной комиссии в Саратове не проявлял бы никакого интереса к этой исторической дисциплине, пускай даже и в таком практическом плане, как это делал С. А. Щеглов!

Интересная переписка шла у Щеглова с саратовским епископом Алексием по поводу древней плащаницы, хранившейся в Вольске в единовременном храме, причт которой препятствовал изучению и фотографированию святыни. Изучение это было начато лишь после разрешения архиерея¹⁰⁸.

В своих тетрадях Щеглов составлял среди прочего и своеобразную «энциклопедию» населенных пунктов Саратовской губернии с краткими историческими и географическими сведения (сведения служили материалами для историко-географического словаря). Непременно указывались сведения и о храмах города или села. Вот одна из характерных записей: «Ключевка, волостное село Петр<овского> уезда. При местной церкви много старины: икон, складней, церковной утвари и т. д.»¹⁰⁹. В случае отсутствия сведений, Щеглов запрашивал их, о чем оставлял записи в своих тетрадях, подобные следующей: «Написал священнику села Зеленой Петровского у., отцу Краснову (Степану Яков-

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878е. Л. 55–59 и сл.

¹⁰⁶ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 323.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878а. Л. 216.

¹⁰⁸ Там же. Д. 878. Л. 70.

¹⁰⁹ Там же. Д. 878г. Л. 56.

левичу?) и Адриану Михайловичу Устинову. 16/VII 1913 г.»¹¹⁰. Действительно, кому было писать, как не священнику и помещику?..

В ряде в его тетрадах встречаются фотографии сельских храмов, как, например, в случае с селом Князевка Петровского уезда¹¹¹. Не случайно в приведенных примерах фигурирует Петровский уезд. Это была малая родина Щеглова, где жили многие его родственники и знакомые, и поэтому изучение его истории и настоящего привлекало его внимание в большей степени.

В своих тетрадах Щеглов делал заметки и о трудах других исследователей, так или иначе касавшихся истории Саратовской епархии. Он просматривал «Саратовские губернские ведомости», «Саратовские епархиальные ведомости» и выписывал названия наиболее интересных исследований, которые в них публиковались. Отслеживал он и выходящие в соседних губерниях, но имеющие интерес для исследователя Саратовской епархии, сочинения. Вот пример одной из его записей: «Не мешает познакомиться и с работой протоиерея И. Саввинского, особенно с первой частью: «Астраханская Епархия за 300 лет существования». Автор много рылся в Архиве Астраханской дух<овной> консистории, но, к сожалению, очень торопился печатать свою работу, и она вышла у него с немалыми дефектами. Но все-таки труд интересный»¹¹².

Однако Щеглов выступал не только как исследователь местной церковной истории, но и сам оставил интереснейший исторический источник – уже цитировавшиеся воспоминания о Петровске. Они дополняются некоторыми интересными сведениями, сохранившимися в «Материалах по истории Петровска» С. А. Щеглова¹¹³. Очень ценным представляется, например, следующее. В воспоминаниях о Петровске имена представителей городского духовенства, о которых вспоминал автор, были зашифрованы первыми буквами их имен. В «Материалах...» же представлен полный список священно-церковнослужителей, например состоявших в 1870-х гг. при Петропавловском соборе г. Петровска. Автор настоящей статьи, занимающийся историей церкви и духовенства Петровска, должен отметить, что иных подобных источников в распоряжении исследователя нет: ни одной клировой ведомости Петровского собора вплоть до начала XX в. в ГАСО не сохранилось. В связи с массовым уничтожением в годы Советской власти церковных

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 878г. Л. 56.

¹¹¹ Там же. Л. 65.

¹¹² Там же. Д. 878а. Л. 208. Стоит отметить, что труд И. Саввинского, ставший библиографической редкостью, был недавно переиздан репринтом в книге: Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования. Ростов н/Д, 2002. Т. 1.

¹¹³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 885.

архивов ныне резко возрастает интерес историка к альтернативным, неофициальным источникам.

В связи с этим особенно интересны воспоминания С. А. Щеглова о Петровске, так как дают исследователю материалы по генеалогии духовенства. Особо ценными, на мой взгляд, представляется следующий отрывок из воспоминаний: «Помню, – пишет С. А. Щеглов, – что за это время (т. е. за время учебы в духовном училище. – А. М.) я ходил не раз в дом священника П. И. М... и с чрезвычайным любопытством рассматривал у него движущуюся черепаху (искусственную). Мы жили так бедно, что в подобных случаях я, в казавшиеся мне хоромы священника, входил с трепетом и страхом, чуть дыша...»¹¹⁴ Речь в данном фрагменте воспоминаний идет о священнике Петровской соборной церкви Петре Ивановиче Мраморнове. Так как далее в сочинении Щеглова есть интереснейшие сведения и о других служителях этого храма, то приведем их список, содержащийся в «Материалах...»:

«При мне (т. е. когда Щеглов жил в Петровске, 1870-е гг. – А. М.), – замечает автор «Материалов...», – в Петровском Петропавловском соборе штат церковнослужителей составляли:

- 1) Протоиерей Симеон Михайлович Успенский
- 2) Священник Петр Иванович Мраморнов
- 3) Священник Геннадий Иванович Дроздов
- 4) Диакон Андрей Александрович Покровский
- 5) Диакон Александр Николаевич Щеглов
- 6) Псаломщик Славин
- 7) Псаломщик Степан Алексеевич Сперанский
- 8) Псаломщик Павел Иванович Мегарский
- 9) Псаломщик Нардов»¹¹⁵.

В воспоминаниях говорится лишь о некоторых из этих священно-церковнослужителей. Кроме этого, подробно описывается дом и хозяйство протоиерея Матвея Алонзова (занимавшего должность настоятеля главного петровского храма до С. М. Успенского). Хорошо запомнился Щеглову и заштатный пономарь Василий Иванович, по прозвищу «блинник» (о нем идет речь в воспоминаниях¹¹⁶). В «Материалах...» находим также интересный рассказ о псаломщике П. И. Мегарском и его жене¹¹⁷. Несомненный интерес для исследователя истории Петровского собора представляет «Песня звонаря Ивана»¹¹⁸ 1870-х гг., приводимая Щегловым в тех же «Материалах...»:

¹¹⁴ Щеглов С. А. Указ. соч. С. 6.

¹¹⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 885. Л. 27.

¹¹⁶ См.: Щеглов С. А. Указ. соч. С. 8.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 885. Л. 27–28.

¹¹⁸ См. подробнее о нем и его коллеге звонаре Самсоне: Щеглов С. А. Указ. соч. С. 30.

Как на крыше воробей
Сидел и чирикал;
Из окошек, из дверей
Парень девку кликал¹¹⁹.

Краткие сведения в воспоминаниях о Петровске приводятся о духовенстве других храмов Петровска. Что же касается других данных о соборной церкви, то Щеглов пишет о пожарах, которые случались здесь, о прочих историях и происшествиях, связанных с храмом.

Наряду с этим в воспоминаниях о Петровске отражена повседневная жизнь учеников духовного училища: их проделки, шутки, отдых и учебный процесс. Это позволяет говорить об оригинальности воспоминаний Щеглова не только в рамках изучения истории Саратовской епархии, но и русской церкви XIX в. в целом (в том числе быта духовных учебных заведений). Учитывая их небольшой объем, а также и тот факт, что и экземпляры «Трудов СУАК», и отдельная брошюра, в которых воспоминания были изданы, давно стали библиографической редкостью, можно считать возможным и необходимым их скорое переиздание с комментариями, соответствующими нынешнему уровню развития исторической науки.

Итак, все вышесказанное подтверждает, что С. А. Щеглов оставил интереснейшие материалы по истории Саратовской епархии и как историк-исследователь, и как этнограф-собирающий, и как мемуарист. Поэтому его творческое наследие имеет и историографическое, и источниковедческое значение. И хотя оно не очень велико, его содержание отражает основной процесс для церковно-исторической науки в саратовском регионе в то время – прохождение ею периода фиксации материалов, которые в будущем должны были обобщаться и исследоваться.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 885. Л. 37.

**САРАТОВСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ
И ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ
300-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ г. САРАТОВА**

Среди официальных торжеств наряду с устойчивыми, регулярными, календарными праздниками значительное место занимают праздники, которые отмечаются единожды. К числу таких праздников условно можно отнести юбилеи. Юбилеи – это особые торжества, подводящие некий итог, имеющие традицию празднования¹²⁰. В России этот тип праздников зародился относительно недавно, в XIX в. Именно тогда в нашей стране появилась традиция отмечать городские юбилеи. Первым городом в России, отметившим свой юбилей, был Санкт-Петербург. Свой 100-летний юбилей город праздновал в 1803 г. После Петербурга 100-летний юбилей своего города отметили жители Одессы. Причем если жители Санкт-Петербурга отпраздновали день закладки города, то Одесса отпраздновала день дарования ей имени и прав города¹²¹.

Практика этих городов показала, что местное общество с большим интересом относится к чествованию моментов, с которых началась его история. По примеру вышеназванных городов, жители Саратова, благодаря научно-исследовательской деятельности членов Саратовской ученой архивной комиссии, 9 мая 1891 г. впервые в своей истории отпраздновали 300-летний юбилей родного города.

Специальной литературы по данной теме не имеется. Исключением является лишь монография В. П. Соколова «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии» (1911)¹²². Данное исследование посвящено, главным образом, истории создания СУАК и ее деятельности за 25 лет ее существования. Работа написана на основе официальных данных: по опубликованным протоколам и отчетам СУАК и по опубликованным отчетам директоров Петербургского археологического института. «Лишь в сравнительно немногих местах, – замечает автор, – нам приходилось пользоваться личными воспоминаниями и собственными записями того, что иногда происходило на заседаниях, но что по некоторым соображениям не было внесено в протоколы того или иного собрания комиссии»¹²³.

¹²⁰ Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга. СПб., 2001. С. 116–117.

¹²¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. д. 799. Л. 2.

¹²² Соколов В. П. 25-летие СУАК. Саратов, 1911.

¹²³ Там же. Б. с.

Две главы в книге посвящены вопросам подготовки празднования 300-летнего юбилея Саратова. В указанных главах В. П. Соколовым рассмотрена деятельность СУАК, которая занималась вопросами подготовки юбилейных мероприятий в 1889–1891 гг. в общегородском масштабе. На основе привлеченного автором материала мы можем судить о взаимоотношениях комиссии с различными ведомствами и о всевозможных трудностях, с которыми она сталкивалась в процессе своей работы, а также о содержании выработанной программы торжественных мероприятий и о том, как проходил сам праздник. Историографическая ценность монографии В. П. Соколова неоспорима, поскольку она является единственной обобщающей работой по истории деятельности Саратовской ГУАК.

Данная статья подготовлена на основе материалов Государственного архива Саратовской области (ГАСО). В частности, использованы документы фондов канцелярии саратовского губернатора, Саратовской городской думы, Саратовской городской управы. Кроме того, к исследованию привлекались протоколы СУАК, опубликованные в трудах комиссии, а также материалы периодической печати.

На основании указанных источников и с привлечением труда В. П. Соколова можно восстановить как процесс подготовки празднования юбилея, так и подробности проведения праздника. Представляется также необходимым обратиться к вопросу о выяснении архивной комиссией даты основания Саратова и ее участия в организационных мероприятиях.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. Саратов по уровню экономического и культурного развития превосходил уездные города России, а по численности населения занимал третье место после обеих столиц. Современники по праву называли его столицей Поволжья¹²⁴. Однако, в отличие от Петербурга и Одессы, наш город не знал точной даты своего основания. В этой связи вопрос о времени основания Саратова вызывал ожесточенные дискуссии краеведов СУАК. Так, Ф. Ф. Чекалин полагал, что Саратов основан в период между 1582–1586 гг.¹²⁵ Свои доводы он обосновывал тем, что в записках путешественника Христофора Борро (1581), составившего описание Увека, нет свидетельств о Саратове. Отсутствуют сведения о постройке Саратова и в послании ногайского князя Уруса (1586) царю Федору Ивановичу¹²⁶.

¹²⁴ История Саратовского края: Учеб. пособ. для сред. и старш. классов школ всех типов / Под ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 142.

¹²⁵ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 45.

¹²⁶ Там же. С. 55.

С. С. Краснодубровский в статье «Год основания Саратова»¹²⁷ постарался доказать на основе анализа опубликованных документов, касающихся Поволжья в конце XVI в., что г. Саратов не мог быть основан раньше 1590 г. Подвергнув изучению наказ царя Федора Ивановича астраханским воеводам Пушкину и Сицкому, датированный 7099 (1591) г., он пришел к выводу, что Саратов был основан в 1590 г., а в 1591 г. он стал административным центром¹²⁸.

Позднее сделанный им вывод блестяще подтвердился документом – рукописным Евангелием конца XVI в. На полях Евангелия, вероятно рукой его владельца, священника Дениса Иванова сына, было написано: «Лета 7098 (т. е. 1590 г.) месяца июля во второй день на память положения пояса пречистой Богородицы, приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити»¹²⁹.

Эта заметка устранила все колебания, и архивная комиссия окончательно фиксировала 1590 г. как год основания Саратова. Позднее сведения об основании Саратова подтвердились документами из сборника, написанного в конце XVII в. старцем Тихоном Казанцем, и из разрядной книги XV–XVI вв.¹³⁰.

Следует отметить, что датой праздника была избрана не дата официального распоряжения о строительстве города, а время начала его «самостоятельной жизни». С. С. Краснодубровский по этому поводу писал: «Так как чествование юбилеев есть собственно чествование жизни в ее постепенном развитии, то и чествование юбилея Саратова должно совершиться не в мае 1890 года, когда 300 лет тому назад на месте его лежали только бревна, тес да лубье, привезенные из Казани, а в 1891 году, когда в нем затеплилась своя самостоятельная жизнь и когда он вошел в общию семью городов русских»¹³¹.

Подготовка к торжествам в память этой годовщины началась зимою 1889 г. 19 декабря 1889 г. председатель СУАК А. А. Тилло обратился в Саратовскую городскую думу с предложением отпраздновать приближающийся 300-летний юбилей Саратова¹³². Разделяя мнение архивной комиссии, городская дума на заседании 28 февраля 1890 г. избрала особую юбилейную комиссию в составе семи гласных думы (В. Н. Епифанова, В. Д. Вакурова, Г. С. Дыбова, Л. Г. Лебедева, М. А. Попова,

¹²⁷ Краснодубровский С. С. Год основания Саратова // Труды СУАК. 1890. Т. 2. Вып. II.

¹²⁸ Там же. С. 463–464.

¹²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4902. Л. 22.

¹³⁰ Подробнее см.: История Саратовского края. С. 34.

¹³¹ Краснодубровский С. С. Указ. соч. С. 464.

¹³² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 799. Л. 1 – 10б.

И. Т. Миловидова и М. И. Паули)¹³³. В помощь им из числа членов СУАК была образована особая подкомиссия (В. В. Безобразов, С. С. Краснодубровский, А. В. Песков, С. А. Харизоменов и А. И. Шахматов), которая должна была определить круг юбилейных мероприятий и согласовать их с городской думой¹³⁴.

Первое соединенное заседание городской юбилейной комиссии и архивной подкомиссии состоялось 14 марта 1890 г. На совещании была сформулирована программа юбилейного торжества. Участники заседания, желая, чтобы в юбилейном торжестве приняло участие городское население, посчитали возможным устроить празднование в первой половине мая 1891 г., совместив его с праздником в честь святителя Николая Чудотворца (9 мая), особенно почитаемого народом.

Разработанная программа праздничных мероприятий включала в себя: божественную литургию в новом кафедральном Александро-Невском соборе, торжественный молебен на Театральной площади с участием всего городского духовенства, церемониальное шествие учащихся городских школ, парад войск, торжественный акт в зале Дворянского собрания для почетных лиц и гостей города, торжественный обед, а также гулянье для народа на Московской площади и многое другое.

Согласно программе, празднование юбилея должно было начаться 9 мая 1891 г. божественной литургией, после которой на Театральной площади планировалось совершить молебен с провозглашением многолетия всему царствующему дому и вечной памяти основателю Саратова – царю Федору Ивановичу. В молебне должны были принять участие воспитанники местных начальных и приходских школ, а также учащиеся средних учебных заведений города. Помимо этого, было высказано пожелание об участии войск в параде при молебне. По окончании молебна решено было организовать церемониальное шествие учащихся городских школ по Никольской (ныне ул. Радищева. – *И. Г.*) и Московской улицам, мимо Дворянского собрания к зданию городской думы, где им предусматривалась раздача брошюр, повествующих о прошлом Саратова, и сладостей. Комментируя данное обстоятельство, заметим, что, очевидно, авторы программы, уделяя особое внимание учащейся молодежи, стремились придать торжествам характер образовательно-воспитательного мероприятия, «нацеленного» на будущее.

После завершения церемонии на Театральной площади в зале Дворянского собрания планировалось устроить торжественный акт в следующем порядке: акт открывался чтением молитвы, вслед за которой членами СУАК должны были быть зачитаны три лекции. Первая лек-

¹³³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4179. Л. 215–216.

¹³⁴ Протокол экстренного собрания СУАК 10 марта 1890 г. // Труды СУАК. 1891. Т. II. Вып. I. С. 14–15.

ция – «Древнейший период Саратовского Поволжья»; вторая – «Саратов со дня основания до учреждения Саратовской губернии» (т. е. наместничества в 1781 г.); третья – «Саратов с открытия губернии и до настоящего времени» (т. е. до мая 1891 г.). В перерывах между лекциями хором должны были исполняться старинные поволжские песни или специально сочиненные кантаты. Заканчиваться торжественный акт должен был пением народного гимна «Боже царя храни». После акта назначался обед по подписке для всех желающих.

В тот же день вечером, не позднее семи часов, в городских театрах, для учащихся местных учебных заведений города решено было устроить чтение с живыми картинками, с хоровым пением, музыкой и спектаклем, а для народа гулянье на городском бульваре и Московской площади с конкурсами, музыкой и песнями.

В память празднуемого события предполагалось изготовить металлические (бронзовые и золоченые) жетоны для раздачи их гласным членам СУАК и ближайшим участникам подготовки торжества. Для выполнения программы празднования по первоначальным подсчетам со стороны городского управления планировалось потратить 2700 рублей¹³⁵.

Что касается названных выше лекций, то СУАК было предоставлено право разработать специальные условия конкурса юбилейных лекций по истории Саратовского края, которые должны были быть зачитаны на торжественном акте. В обязанности сотрудников СУАК входило также рассмотрение сочинений, которые будут представлены на конкурс, и присуждение премий за них.

Оценивая программу юбилейных мероприятий, необходимо подчеркнуть, что она носила предварительный характер и поэтому позднее не раз дополнялась и уточнялась. Главным образом, она учитывала интересы малочисленной прослойки образованного саратовского населения. Все, что в ней было лучшего (лекции, спектакли), предназначалось для жителей более или менее интеллигентных. Для массы же простых граждан оставались лишь гулянья, которыми саратовский обыватель привык наслаждаться в пасхальную неделю, т. е. вполне традиционный народный праздник.

Данная программа была утверждена Саратовской городской думой 19 марта 1890 г., с небольшими дополнениями. В частности, дума постановила: рассмотрение сочинений, которые будут выдвинуты на конкурс, и назначение премий за них предоставить СУАК совместно с членами городской юбилейной комиссии¹³⁶. На деле это означало, что городское управление брало под свой непосредственный контроль со-

¹³⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4179. Л. 296 об. – 299.

¹³⁶ Там же. Л. 299 – 299 об.

держание лекций. Составление программы конкурса юбилейных лекций СУАК поручила своим членам: П. В. Болотинову, А. М. Добровольскому, С. С. Краснодубровскому, А. В. Пескову, И. Я. Славину, В. П. Соколову и С. А. Харизоменову¹³⁷. Обсудив предложение комиссии, они выработали проект.

Согласно проекту, первая лекция на тему «Древнейшая история Саратовского Поволжья до конца XVI в.» (т. е. до 1590 г.) должна была содержать сведения по географии, этнографии и истории Поволжья и быть составлена по источникам и новейшим исследованиям. Вторая лекция «История Саратова в связи с историей края до учреждения Саратовской губернии» должна была освещать политический, экономический и духовный рост города и края. При этом история города, в сравнении с историей края, должна была быть исследована более тщательно.

Третья лекция «История Саратова с учреждения Саратовской губернии до настоящего времени» (т. е. до мая 1891 г.) в своем содержании должна была иметь исторический очерк просвещения и экономического развития города. В виде приложения к ней желательно было присоединить статистические данные о числе жителей, домов, промышленных, торговых и образовательных заведений за столетний период истории Саратова. Каждая лекция должна была сопровождаться указаниями на материалы, по которым она составлена и на места хранения этих материалов. Срок подачи лекций ограничивался 1 февраля 1891 г.¹³⁸

СУАК, стараясь привлечь к участию в торжестве как можно больше людей, интересующихся историей местного края, опубликовала вышеизложенный проект конкурса юбилейных лекций в городских газетах и ожидала поступления лекций. Однако, «прождав, – как пишет В. П. Соколов, – более 5-ти месяцев и получив за это время только одну не совсем удачную (по мнению архивной комиссии) лекцию и учитывая краткость времени (около месяца) до празднования юбилея, Ученая архивная комиссия вынуждена была в конце марта 1891 г. обратиться с просьбой к своим членам взять на себя труд составить все три лекции»¹³⁹. Из проживавших в Саратове членов СУАК (более 40) на призыв комиссии откликнулись двое – С. С. Краснодубровский и В. П. Соколов. С. С. Краснодубровский взялся написать первую и третью лекции, В. П. Соколов – вторую¹⁴⁰.

Такой итог конкурса был очевиден с самого начала, так как требования к содержанию лекций, предъявляемые архивной комиссией, были

¹³⁷ Соколов В. П. Указ. соч. С. 77.

¹³⁸ Протокол общего собрания СУАК 31 мая 1890 г. // Труды СУАК. 1891. Т. I-II. Вып. 2. С. VIII-XI.

¹³⁹ Соколов В. П. Указ. соч. С. 78.

¹⁴⁰ Там же.

невыполнимы для рядовых жителей Саратова. В то время в Саратове было мало образованных людей, которые серьезно занимались изучением истории родного края. Стоит признать, что именно эти люди и являлись членами СУАК. Простые жители города, составлявшие большинство населения, если и проявляли интерес к местной истории, не имели доступа к источникам и литературе, и в силу своей необразованности не могли написать никаких лекций.

Тексты лекций С. С. Краснодубровского и В. П. Соколова не сохранились. Однако о содержании их мы можем судить на основании материалов газеты «Саратовский дневник». Первая лекция «Очерк истории Саратова от основания его до 3 февраля 1781 г.», написанная В. П. Соколовым, содержала описание событий исследуемого автором периода, а именно: нападение кочевников на Саратов, разбой на Волге, чинимые Стенькой Разиным, действия Пугачева в Саратовском округе, а также сведения о деятельности Петра Великого, которая способствовала процветанию Саратова. Лекция С. С. Краснодубровского «Очерк истории Саратова от 3 февраля 1781 г. до настоящего времени» (т. е. до мая 1891 г.) представляла собой исторический очерк развития в Саратове административных, сословных и земских учреждений города в период с 1781 по 1891 г.¹⁴¹ Комментируя данное обстоятельство, отмечу, что, ввиду отсутствия времени и недостатка информации, члены СУАК сумели подготовить к торжественному акту лишь две лекции, которые тем не менее имели огромный успех у слушателей.

Наряду с написанием лекций члены СУАК занимались подготовкой издания «Саратовского исторического сборника» в память 300-летнего юбилея Саратова. По инициативе А. Н. Пыпина намечалось переиздать все исторические сочинения, имевшие прямое или косвенное отношение к прошлому Саратовской губернии¹⁴². Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский составили специальную программу «Саратовского исторического сборника». Сборник, считали они, необходимо разделить на две части. Первая должна служить сводом материалов о Саратовском крае, а вторая – собранием научных статей о нем, составленных членами комиссии¹⁴³. Отсутствие денежных средств не позволило осуществить издание в полном объеме. В вышедшем в 1891 г. первом томе «Саратовского исторического сборника» были помещены лишь «Дневник происшествия» дьяка Г. И. Скопина, а также «Записки дневные о делах и вещах достопримечательных» его сына, священника Н. Г. Скопина¹⁴⁴. Произведения отца и сына Скопиных – проявление в местной историо-

¹⁴¹ Саратовский дневник. 1891. 7 апр.

¹⁴² Труды СУАК. 1888. Т. 1. Вып. 3. С. XXII.

¹⁴³ Соколов В. П. Указ. соч. С. 62–63.

¹⁴⁴ Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. 1.

графии летописной традиции. Оба этих источника содержат важные записи о событиях как общегосударственной, так и местной истории.

В целом, оценивая вклад СУАК в подготовку празднования 300-летнего юбилея Саратова, необходимо подчеркнуть, что именно ее члены точно установили дату основания Саратова, принимали активное участие в составлении программы праздника. Двое ее сотрудников были заняты разработкой вопросов по истории Саратова и составлением лекций к торжественному акту. В. П. Соколов, подводя итоги участия СУАК в праздновании 300-летнего юбилея г. Саратова, справедливо отмечал: «К этому торжественному событию Комиссия усиленно готовилась, собирая всевозможные архивные материалы, проливающие свет на прошлое Саратова и края и давшие содержание вышеуказанным лекциям. Пять лет назад (т. е. до 1886 г. – *И. Г.*) когда не было СУАК с ее историческим архивом, библиотекой и музеем, обзор прошлых судеб Саратова был практически невозможен, и если он теперь появился, то исключительно благодаря деятельности Ученой архивной комиссии»¹⁴⁵.

Отмечаемый саратовцами 300-летний юбилей города имел огромный общественный смысл и значение, который не прошел бесследно для общественного сознания. Это с полной очевидностью следует уже из того, что именно в день юбилея под влиянием прочитанных лекций в саратовском обществе «пробудилось сознание» о необходимости увенчать памятником величайшего исторического деятеля Петра I. Хотя в дальнейшем от этой идеи отказались, тем не менее факт говорит сам за себя и ясно свидетельствует нам о том, что благодаря инициативе СУАК и ее трудам саратовское общество начинало ценить свое прошлое и с почтением относиться к нему.

¹⁴⁵ Соколов В. П. Указ. соч. С. 83.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Период конца XIX – начала XX в. характеризуется в отечественной литературе как этап подъема российского краеведения¹⁴⁶. Общий, культурный и интеллектуальный фон дореволюционной России способствовал расцвету и такой отрасли гуманитарного знания, как археология. Археологическая деятельность на местах осуществлялась в различных организационных формах: через объединения любителей, приобретших вскоре статус научных обществ, губернские статистические комитеты и ученые архивные комиссии, создание местных музеев.

На современном этапе возникновение и деятельность научных обществ предлагается рассматривать в качестве особого социокультурного феномена, связанного с развитием этнического самосознания. Для высокоразвитых индустриальных обществ XIX–XX вв. характерно динамичное развитие интереса к комплексам исторической памяти, с которыми связывается историческое прошлое народов, их самоидентификация. Поиск глубоких корней и интерес к праистории Отечества стимулировали формирование научных обществ и их археологическую деятельность.

Нижнее Поволжье является юго-восточным рубежом европейской части страны и отличается наличием широкого спектра археологических культур, что непосредственным образом сказывалось на направленности деятельности обществ в данном регионе.

В указанный период археологическая деятельность в Саратовском Поволжье осуществлялась членами Саратовской ученой архивной комиссии – СУАК (1886–1920). Условно можно выделить следующие направления археологической деятельности комиссии: 1. Проведение археологических раскопок; 2. Осуществление археологических разведок («экскурсий»); 3. Составление археологической карты губернии; 4. Публикаторская деятельность; 5. Участие во всероссийских и областных археологических съездах; 6. Формирование археологического музея комиссии; 7. Охрана памятников археологии; 8. Педагогическая археология (чтение лекций по археологии края, привлечение к полевым исследованиям учащихся училищ и местного населения). В данной статье представлен материал по малоизученному вопросу археологического картографирования СУАК.

¹⁴⁶ Массон В. М. Российские регионы и региональная археология // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1997. С. 48, 49.

Историография вопроса не велика. Некоторые материалы, собранные суаковцами для составления археологической карты Саратовской губернии с территорией нынешней Волгоградской области, были опубликованы В. Г. Мироновым¹⁴⁷. Он же освещал проблемы археологического картографирования 80–90-х гг. уже XX в.¹⁴⁸.

Первая попытка систематизации памятников древности в Саратовском Поволжье связана с именем секретаря губернского статистического комитета Н. Я. Воскобойниковым. По согласованию с Императорским Московским археологическим обществом и распорядительным комитетом 3-го (Киевского) Всероссийского археологического съезда Центральный статистический комитет при МВД прислал в Саратовский губернский статистический комитет вопросник-анкету по учету выявленных в крае древностей и предметов древнерусского искусства. Анкета должна была быть распространена по всем уездам и волостям губернии, что и было сделано уже в феврале. После некоторых трудностей и повторных жестких запросов местных органов власти при поддержке губернатора М. Н. Галкина-Врасского и личных осмотров уездов Н. Я. Воскобойников смог собрать материал, который лег в основу его публикации. По 55 волостям 10 уездов им было учтено 17 городищ и свыше 650 курганов¹⁴⁹. Н. Я. Воскобойников фактически первым поставил задачу необходимости учета и систематизации памятников археологии в Саратовском Поволжье. Его труд впоследствии использовался как исходная база данных при составлении археологической карты.

Первая же попытка создать археологическую карту губернии связана уже с открывшейся 12 декабря 1886 г. Саратовской ученой архивной комиссией. В марте 1888 г. неперемный попечитель комиссии саратовский губернатор А. И. Косич сообщил, что при объезде губернии ему бросилось в глаза обилие «ископаемых вещей» в Саратове. И он предложил комиссии составить карту археологических находок Саратовской губернии, на которую наносить все открытия подобного рода¹⁵⁰. Для осуществления этой идеи губернатор предоставил в распоряжение

¹⁴⁷ *Миронов В. Г.* Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1995. Вып. 5. С. 103–106.

¹⁴⁸ *Миронов В. Г.* Археологическое картографирование Саратовского Поволжья // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения I–III чтений. Саратов, 1993. С. 72–75; *Он же.* Очерк истории исследований городищских поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 гг. (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 106–123.

¹⁴⁹ *Миронов В. Г.* Забытый краевед (Н. Я. Воскобойников) // Российский исторический журнал. Балашов, 1996. № 3. С. 22.

¹⁵⁰ Протокол общего собрания Саратовской губернской ученой архивной комиссии 20 марта 1888 года // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 1. С. 4.

комиссии экземпляр «трехверстной в дюйм карты Саратовской губернии, составленной Шредерсом, которая не была издана и являлась редкостью»¹⁵¹. С этого времени археологическое картографирование и систематизация памятников древности, наряду с мероприятиями по их охране, стала ведущим направлением деятельности саратовского научного общества.

Практически одновременно с этими событиями в июне 1888 г. Московское археологическое общество обратилось к губернаторам, главам местных епархий, земским управам, директорам народных училищ и архивным комиссиям с просьбой разослать подведомственным им учреждениям и лицам приложенные вопросные пункты относительно курганов, городищ, отдельных находок и т. д., а собрав, доставить в общество для обработки. Предлагалось составить археологические карты губерний¹⁵². Таким образом, Московское археологическое общество желало получить более полное и верное понятие о численности и распределении доисторических древностей России¹⁵³. Редкий случай, когда инициатива центрального и местного учреждений, независимо друг от друга, совпала в едином стремлении, направленном на развитие науки, поскольку было очевидно, что без проведения археологического картографирования и учета памятников древности планомерные работы по изучению древнейшей истории края и страны в целом весьма затруднительны. Именно это обстоятельство и было осознано в научных и даже политических кругах.

Работу по составлению всех карт, необходимых для комиссии, принял на себя член СУАК В. К. Воронков. Приемы для составления карты поручено было выработать особой подкомиссии, в состав которой вошли Н. А. Бундас, П. В. Болотников, М. В. Готовицкий, А. И. Шахматов и С. И. Кедров. Список вопросов, составленный Московским археологическим обществом, был разослан в количестве 1200 экземпляров¹⁵⁴. Вопросники рассылались помещикам, мировым судьям, судебным следователям, докторам, священникам, народным учителям, сельским старостам и пр. Подкомиссия предложила в уездных городах, если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых, и особенно приволжских, как-то в Вольске, Камышине и Царицыне, образовать

¹⁵¹ Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888–1889 г. Саратов, 1890. С. 14.

¹⁵² Предложение Императорского археологического общества о составлении и издании археологической карты // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1. С. XI–XIII.

¹⁵³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

¹⁵⁴ Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888–1889 гг. С. 16, 21.

отделения Саратовской архивной комиссии и просить членов этих отделений принять участие как вообще в работах комиссии, так, в частности, в оказании содействия в составлении археологической карты¹⁵⁵. От данной рекомендации пришлось отказаться исходя из финансовых соображений.

В копии отчета директора Петербургского археологического института о деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1888 г., хранящегося в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО), говорится, что на предложение Московского археологического общества, задумавшего составить археологическую карту, отозвались многие комиссии. Особую энергию в этом отношении выказала Саратовская ученая архивная комиссия, считавшая, что сама инициатива составления такой карты принадлежит ей¹⁵⁶. В январе 1890 г. состоялся VIII Археологический съезд в Москве, на котором были и представители от СУАК. По возвращении со съезда М. А. Готовицкий представил на заседании комиссии доклад, в котором охарактеризовал основные задачи археологии в Саратовском крае¹⁵⁷. Главный вывод, сделанный им по итогам съезда, полностью вписывался в русло деятельности комиссии – необходимо составить археологическую карту губернии. В данном контексте можно говорить, что саратовская региональная археология развивалась в одном русле с общероссийской наукой, ставила аналогичные задачи и пыталась их разрешить, исходя из своих возможностей, наиболее качественно. По сообщению М. А. Готовицкого, к съезду представили материал в готовом виде с подробными записками и нанесением на 10-верстную карту следующие губернии: Киевская, Харьковская, Казанская, Костромская, Вятская. Карта Московской губернии была сделана в 6-верстном масштабе. Ряд других губерний представили либо недоработанные карты, либо карты по отдельным уездам. В то же время из доклада М. А. Готовицкого не совсем ясно, какие губернии доставили варианты карт, отвечавшие требованиям Московского археологического общества, и кто их составлял.

Археологическое картографирование в соседних регионах, по имеющимся данным, также было связано с деятельностью ученых архивных комиссий. Хотя первая археологическая карта Нижегородской губернии была составлена еще в 1877 г. А. С. Гациским, впоследствии, находясь на посту председателя губернской архивной комиссии (дей-

¹⁵⁵ Доклад по составлению археологической карты губернии особой комиссии // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1. С. XXV.

¹⁵⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 5. Л. 8 об.

¹⁵⁷ Готовицкий М. А. Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на VIII Археологическом съезде // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. III. Вып. 1. С. 283.

ствовала с 1887 г.), он продолжил эту работу. С 1887 г. работа по составлению археологической карты губернии проводится Тверской комиссией (открыта в 1884 г.), которая была опубликована в 1903 г. под редакцией В. А. Плетнева и затем неоднократно корректировалась. В 1909 г. Костромская ГУАК (образована в 1885 г.) опубликовала археологическую карту, в пояснении к которой содержался перечень всех открытых и исследованных курганных комплексов за период с 1882 по 1903 г.¹⁵⁸ Открыв в 1895 г. архивную комиссию в Симбирске, В. Н. Поливанов и А. А. Леонтьев сразу же принялись за составление археологической карты, разослав на места вопросные листы¹⁵⁹. Известно, что Смоленская архивная комиссия, созданная в 1908 г., уже в следующем году отпечатала 3 тыс. экземпляров опросных листов и разослала их на места, но результаты этого исследования не известны¹⁶⁰. На основании приведенных выше немногочисленных данных можно сделать вывод, что массовую работу по картографированию и систематизации памятников археологии начали проводить именно ученые архивные комиссии, используя уже накопленную, но не всегда обширную источниковую базу. Основу составляли три вида источников: 1. Опросные листы Московского археологического общества; 2. Собственные полевые исследования членов комиссий; 3. Материалы по археологии, опубликованные предшественниками комиссий – губернскими статистическими комитетами, археологами-любителями и др.

Председатель СУАК князь Л. Л. Голицын отмечал в 1891 г., что сведения об археологических памятниках поступают в значительном количестве¹⁶¹. На основании сведений, собранных к этому времени, члены СУАК пришли к выводу, что курганы губернии распределены, главным образом, по большим рекам; особенно богаты ими побережья Волги, Хопра, Медведицы и их притоков: Чардыма, Курдюма, Терешки, Латрыка, Карамыша и др.¹⁶². По неясным причинам данные вопросных листов так и не были обработаны в полной мере. Судя по некоторым

¹⁵⁸ Солнцев Н. И. Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего Поволжья (По материалам Нижегородской и Тверской губернских ученых архивных комиссий). Автореф. дис. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1997. С. 19, 20.

¹⁵⁹ Библиография // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1896. № 5–6. С. 189; Там же. 1897. № 7–8. С. 271.

¹⁶⁰ Алексеев Л. В. Изучение древностей в дореформенной и межвоенной Смоленщине (1861–1941) // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3. С. 66.

¹⁶¹ Протокол заседания Саратовской ученой архивной комиссии 1 декабря 1891 года // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. IV. Вып. 1. С. 147.

¹⁶² Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1890/91 году. Саратов, 1893. С. 2.

отрывочным фразам в протоколах заседаний¹⁶³, этим занимался правитель дел С. С. Краснодубровский, но он так и не довел работу до конца, а после и вовсе покинул комиссию. В 1894 и 1895 гг. П. П. Романович предлагал вновь разослать вопросные пункты, и ему было поручено этим заняться¹⁶⁴, но ухудшавшееся материальное положение комиссии не позволило это сделать. Лишь через десять лет уже новое поколение саратовских «архивщиков» возобновило эту работу.

Чтобы продолжить сбор сведений для археологической карты губернии, в январе 1905 г. комиссия разослала 590 экземпляров вопросных листов на имя, главным образом, заведующих сельскими школами при особых отношениях и обращениях. Лишь от 67 были получены ответы. Решено было предпринять еще одну попытку на следующий год¹⁶⁵. Неудача объясняется тем, что вопросные листы были посланы прямо в школы, а не через посредство директора народных училищ и инспекторов и наблюдателей. Оставалось обратиться за содействием к губернатору, епархиальному архиерею, директору, инспекторам и наблюдателям над народными училищами, а также земским начальникам с тем, чтобы заполнение вопросных листов было сделано не одними учителями сельских школ, а еще и сельскими священниками и волостным правлением. Для этого требовалось более 3 тыс. вопросных листов, столько же письменных обращений и конвертов, в то время как у комиссии полностью отсутствовали средства¹⁶⁶. В начале 1907 г. СУАК находилась на грани прекращения своей деятельности. В кассе оставались копейки даже для печатания пригласительных повесток на собрания (нужная сумма собиралась в складчину между членами)¹⁶⁷. Уже не первый год как за комиссией значились долги. Сокращение финансирования непосредственным образом влияло на сокращение археологических изысканий комиссии. Комиссия выделяла минимальные средства на проведение археологических раскопок и разведок, некоторые члены совершали поездки за свой счет. Сократилось количество «экскурсий», пропускались археологические съезды, откладывалась работа по составлению карты.

¹⁶³ Протокол заседания Саратовской ученой архивной комиссии 7 апреля 1893 года // Труды СУАК. Саратов, 1894. Т. IV. Вып. 3. С. 249.

¹⁶⁴ Протокол заседания Саратовской ученой архивной комиссии 1 ноября 1894 года // Труды СУАК. Саратов, 1898. Вып. 21. С. 15, 16; Протокол заседания Саратовской ученой архивной комиссии 14 марта 1895 года // Там же. С. 22.

¹⁶⁵ Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1905 год // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 24. С. 135.

¹⁶⁶ Протоколы Саратовской ученой архивной комиссии. 71-е заседание 20 октября 1907 года // Там же. С. 108.

¹⁶⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 63. Л. 11 об.

Несмотря на финансовые трудности, в 1907–1908 гг. все же удалось разослать по уездам серию опросных листов, часть из которых хранится в фондах ГАСО. На лицевой стороне листа содержалось обращение комиссии: «Саратовская губерния почти по всей своей территории представляет очень много любопытного в археологическом и этнографическом отношении. За это говорят те немногие предметы древности, которые удалось получить Архивной комиссии. Площадь Саратовской губернии была заселена еще в доисторические времена, когда не знали употребления металлов и орудия человек выделывал из камня. ...Архивная комиссия обращается ко всем, кому дорого изучение прошлого родного края, откликнуться на призыв комиссии и способствовать ей в сем деле, доставляя сюда вышеперечисленные пожертвования, – для пополнения коллекции музея и письменных материалов...»¹⁶⁸ С помощью таких обращений комиссия просвещала население губернии, рассказывала о богатой истории края и призывала к сотрудничеству. На оборотной стороне содержался вопросник Московского археологического общества, в котором комиссия просила указать информацию об имеющихся в волости находках каменных, медных, бронзовых изделий, старинных монет, оружия, пещер, насыпных валов, городищ, курганов, каменных баб и изображений на камнях¹⁶⁹. Также прилагалось официальное обращение к волостному правлению, которые должны были опросить респондентов либо передать им вопросники: «Саратовская Ученая Архивная Комиссия, желая собрать возможные полные и верные сведения о численности и распределении доисторических древностей Саратовской губернии, считает своею неременной обязанностью заняться составлением и изданием археологической карты губернии с нанесением на нее всех имеющихся в губернии курганов, городищ, древних могильников, валов, засек, а также мест находок кладов, древних монет, каменных или медных изделий и т. п. Вполне осознавая, что для составления карты необходимо иметь самые подробные и полные сведения из первых рук, т. е. от местных старожилов и интеллигентных лиц, Архивная комиссия обращается к Волостному Правлению с покорнейшею просьбою об оказании содействия в доставлении этих сведений по прилагаемому опросному листу»¹⁷⁰.

На вопросы отвечали члены волостных правлений, учителя, инспектора и заведующие училищами, сельские управы, священники, крестьяне. Из 191 изученного нами вопросного листа¹⁷¹ более половины (104) содержали отрицательные ответы на все поставленные вопросы.

¹⁶⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 63. Д. 63. Л. 59 и др.

¹⁶⁹ Там же. Л. 59 об.

¹⁷⁰ Там же. Д. 125. Л. 8.

¹⁷¹ Там же. Д. 87, 111, 125, 128.

Остальные респонденты большей частью писали о нахождении в данной местности курганов. Очевидно, что многие респонденты не хотели утруждать себя и разузнавать у «стариков» о древностях либо не имели на то времени ввиду своих профессиональных обязанностей. Ярким примером этого служит ответ одного из волостных старшин Хвалынского уезда. Он писал, что у них в канцелярии волостного правления очень много дел и мало работников, поэтому нет возможности заниматься вопросником СУАК¹⁷². При получении отрицательного ответа комиссия посылала повторный вопросник, пыталась воздействовать на респондентов при помощи местных властей.

В ноябре 1908 г. правитель дел комиссии С. А. Щеглов отмечал, что поступило очень много сообщений о доисторических древностях. Общее собрание комиссии постановило предоставить на обработку материалы по Аткарскому уезду С. А. Щеглову, по Камышинскому – Б. В. Зайковскому, по Балашовскому – Ф. Л. Андреевичу и по Саратовскому – А. А. Кроткову. Общую сводку сведений по уездам для нанесения их на археологическую карту поручили Ф. Ф. Силину¹⁷³. В начале 1909 г. были получены карты от Кузнецкой, Царицынской и Хвалынской земских управ. Работу по составлению археологической карты Кузнецкого и Хвалынского уездов поручили А. А. Кроткову, а по Царицынскому – Ф. Ф. Силину¹⁷⁴. Вскоре работу по составлению археологической карты всей губернии взял на себя А. А. Кротков¹⁷⁵. Это можно объяснить тем, что довольно быстро его соратники (С. А. Щеглов, Б. В. Зайковский, П. Н. Шишкин, А. А. Гераклитов) «распознали в новом члене СУАК аккуратного человека, с неимоверной тщательностью и ответственностью подходящего к любому заданию»¹⁷⁶.

В этот период финансовые дела комиссии постепенно стабилизировались, возобновились поступления от земств и городов. Это обстоятельство позволило поставить вопрос о расширении района исследования СУАК. Б. В. Зайковский, прочитав на одном из собраний комиссии доклад о находках древнейших монет в пределах Заволжья, высказался за рассылку вопросных листов по археологии и в Новоузенский уезд. А. А. Гераклитов добавил, что Новоузенский уезд по тесной связи с прошлым Саратовского края следует включить в район деятельности ко-

¹⁷² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 87. Л. 105.

¹⁷³ Общее собрание 8 ноября 1908 года. № 89 // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 40.

¹⁷⁴ Частное собрание 1 февраля 1909 года // Там же. С. 54.

¹⁷⁵ Протоколы Саратовской ученой архивной комиссии. Заседание 13 мая 1910 года. № 123 // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26. С. 30.

¹⁷⁶ Кубанкин Д. А. Александр Августинович Кротков – археолог, краевед... // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 116.

миссии¹⁷⁷. К тому же Новоузенское земство давало пособие комиссии. Тут следует заметить, что СУАК еще в 1900 г. решила уведомить директора археологического института, что «район исследования СУАК кроме Саратовской обнимает еще Астраханскую и Пензенскую губернии, которые в политическом, церковном, географическом и бытовом отношении имеют много общего и сродного с Саратовской губернией»¹⁷⁸. Комиссия ставила задачу изучения всех районов, исторически связанных с Саратовской губернией. Кроме того, СУАК являлась крупнейшей архивной комиссией в Нижневолжском регионе. Расширение территории исследования являлось неперенным условием существования археологического научного общества. Суаковцы рассматривали историю Саратовского края в самом широком смысле – как историю всех районов, когда-либо входивших в состав губернии.

Работа по составлению археологической карты была закончена А. А. Кротковым в 1911-м, юбилейном 25-м году существования комиссии. Работой тут же заинтересовались ведущие археологи страны. По просьбе известного петербургского археолога А. А. Спицына (кстати, члена СУАК) ему для ознакомления была отослана карта и подготовленный к ней текст¹⁷⁹. В трудах комиссии была помещена статья А. А. Кроткова¹⁸⁰, где он вкратце знакомил читателей со сведениями, которые были собраны и помещены в тексте к археологической карте. Также была представлена сводная таблица этих памятников и указатель местных названий курганов, урочищ, городищ и др. Сам А. А. Кротков определил этот доклад как «краткое введение к своей археологической карте», а саму карту как «первую попытку «собрать воедино» все сведения о предметах древности, какие представилась возможность извлечь из рукописных материалов, хранящихся в Саратовской Архивной Комиссии и печатных источников, которые были доступны в Саратове»¹⁸¹. Огромную помощь А. А. Кроткову оказали его коллеги П. Н. Шишкин, разобравший материалы волостей по четырем уездам, и С. А. Щеглов, доставлявший выписки из печатных материалов. Из общего количества поселений губернии (2271) сообщения об имеющихся древностях пришли из 25,4 % мест (557). Самыми насыщенными оказались Камышинский, Балашовский и Аткарский уезды, которые содержали до 50 %

¹⁷⁷ Из протоколов собраний Саратовской ученой архивной комиссии. 4 ноября 1910 года // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 14.

¹⁷⁸ Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии. 13 февраля 1900 года // Труды СУАК. Аткарск, 1908. Вып. 22. С. 92, 93.

¹⁷⁹ Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1911 год // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. С. XXVIII.

¹⁸⁰ Кротков А. А. О памятниках старины в Саратовской губернии // Труды СУАК... Вып. 29. С. 157–176.

¹⁸¹ Там же. С. 157.

всех памятников губернии. Был подтвержден факт, что в меридианальном направлении памятники группируются преимущественно по четырем линиям – вдоль водных артерий Саратовской губернии: Хопра, Медведицы, Иловли и Волги с Терешкой. Всего в работе было учтено 225 курганных групп, куда вошла не одна их тысяча, около 400 раскопанных и одиночных курганов, 23 грунтовых могильника, 24 отдельные могилы, 59 городищ, 143 находки монет. А всего зарегистрировано 1422 находки древностей, но тут следует учитывать, что одна «находка» могла включать курганную группу из нескольких сотен курганов.

После составления карты встал серьезный вопрос о ее издании. Комиссия не обладала нужным количеством средств, чтобы выпустить карту отдельным изданием. Тогда возникла мысль опубликовать ее по частям (по уездам), и в 1913 г. был опубликована археологическая карта Кузнецкого уезда с описанием¹⁸². Таким образом, публикация карты растянулась бы на десять выпусков и была разбросана в разных номерах. Осознавая необходимость скорейшей публикации карты, правление комиссии обратилось к директору археологического института в Петрограде, который предложил напечатать карту в 23-м выпуске «Вестника археологии и истории»¹⁸³. Начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществить эти планы. Археологическая карта А. А. Кроткова стала первой и единственной до настоящего времени картой Саратовского края. Значение этого труда велико. Так, в 80–90-х гг. XX в. при составлении археологической карты Саратовской области сотрудники научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ не раз обращались к архивным фондам СУАК и карте А. А. Кроткова, которая является также источником для Пензенских и Волгоградских археологов, так как некоторые районы этих областей входили в состав Саратовской губернии.

В целом в археологическом картографировании Саратовского края можно выделить два этапа: 1. Суаковское картографирование 80-х гг. XIX в. – 10-х гг. XX в.; 2. Деятельность археологической лаборатории СГУ 80–90-х гг. XX в. Учет и систематизация памятников велись и в другие периоды (например, в зоне строительства Сталинградского водохранилища в 50-е гг. XX в.) Но цель полного картографирования края ставилась лишь на двух выделенных этапах. Безусловно, картографирование 80–90-х гг. XX в. осуществлялось используя принципиально иную методику, другую техническую базу и материальные сред-

¹⁸² Кротков А. А. Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 167–178.

¹⁸³ См.: Протокол заседания общего собрания членов комиссии № 166. 25 февраля 1914 года // Труды СУАК. 1914. Вып. 31. С. 250; Общий отчет о деятельности комиссии в 1914 году // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 173.

ства. При этом отечественные объединения конца XIX – начала XX в. и 70–90-х гг. XX в. имели одну принципиально общую черту – работы проводились в рамках исследовательской деятельности местных научных обществ, имевших целью всестороннее археологическое изучение края. В данном контексте можно с уверенностью сказать, что деятельность СУАК заложила основу археологического изучения нашего края и создала информационную базу для будущих поколений археологов.

Ю. В. Майорова, Н. В. Самохвалова

**САРАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
В ОТВЕТАХ НА НЕИЗВЕСТНУЮ АНКЕТУ**

В XVIII столетии Саратов стал приобретать все большее экономическое и политическое значение. Волга связывала Саратов со многими регионами России. Каждую навигацию сотни судов причаливали к саратовской пристани. Основными предметами торговли являлись рыба, соль и хлеб. Бойкая торговля Саратова с Астраханью, Казанью, Москвой, яицкими казаками шла также через сухопутные тракты. Развитие промыслов и торговли способствовало значительному росту населения города. В 1769 г. с образованием Саратовской провинции Саратов стал административным центром. В 60–70-е гг. XVIII в. город попал в поле зрения географических экспедиций, организованных Академией наук, – здесь побывали академики И. И. Лепехин, И. П. Фальк, П. С. Паллас. Они сделали описания Саратова, опубликованные и известные современному читателю.

Между тем далеко не все источники XVIII в. по истории Саратова, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области, изучены и введены в научный оборот. В фонде Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) находится дело под условным названием «Рукопись с описанием Саратова неизвестного автора». Дело состоит из двух рукописных документов, датируемых XVIII в. Их объединяют два момента: время создания и то, что оба имеют отношение к Саратову. Во всем остальном это вполне самостоятельные, обособленные документы. Поэтому можно сказать, что соседство документов под одной обложкой достаточно случайно. Один из них – копия окружной грамоты, выданной 13 марта 1701 г. жителям Саратова на сенные покосы, луга для выпаса скота и лесные угодья. Текст этой грамоты был опубликован в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии в 1894 г.¹ Но в данной статье речь идет о втором документе.

Документ, предлагаемый вниманию читателя, представляет собой ответы на вопросы, касающиеся Саратова, текст которых до нас не дошел, – 22 пункта (всего их 23, но один из них механически пропущен).

¹ *Лебедев А. О.* Жалованная грамота гор. Саратову (1701 г.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 69–76.

Содержание ответов дает основание сделать вывод, что это – ответы на анкету.

Анкетное обследование Европейской России ввел М. В. Ломоносов. В 1759 г. он составил примерный вопросник по городам России. Вскоре такая форма обследования получила распространение. На основе ломоносовского вопросника годом позже Академией наук была разработана и разослана по городам России анкета. В том же 1760 г. Шляхетский корпус разослал свою анкету, составленную историком Г. Ф. Миллером. Проводило анкетирование и Вольное экономическое общество.

Наш документ, безусловно, является ответами на какую-то из анкет. Историк Е. Н. Кушева, например, считала, что это анкета Шляхетского корпуса. В своей статье «Саратов третьей четверти XVIII века» она опирается на некий источник, хранящийся в рукописном отделе библиотеки Нижне-Волжского общества краеведения. Кушева называет его копией ответов Саратовской воеводской канцелярии, данных в 1769 г. на анкету Шляхетского корпуса, и приводит цифры из этого документа – количество купцов, цеховых, пахотных солдат, бобылей, помещичьих крестьян в Саратове. Цифры полностью совпадают со сведениями в публикуемом документе². Поэтому можно сделать вывод, что Е. Н. Кушева держала в руках и имела в виду в статье именно его.

Однако доводом против этой версии служит тот факт, что в анкете Шляхетского корпуса было 33 вопроса³. Аргументом не в пользу Шляхетского корпуса является и время происхождения документа. Он не датирован, но, судя по десятому пункту, где упоминается 1768 г. в прошедшем времени, документ написан не ранее этого года. А последний, 23-й, пункт рукописи свидетельствует о том, что герба город Саратов не имеет. Это значит, что документ появился не позже 1781 г., так как герб Саратова был утвержден 23 августа (3 сентября) 1781 г.⁴ Внимательное прочтение рукописи позволяет еще больше сузить хронологические рамки ее написания. В пункте 21-м говорится о том, что в Саратове имеется только два каменных здания – воеводская канцелярия и низовая соляная контора.

Это не идет вразрез с описаниями Саратова, сделанными академиками И. И. Лепехиным, И. П. Фальком и П. С. Палласом, несмотря на некоторые расхождения в описаниях их путешествий. Первые два, побывав в Саратове в 1769 г., оставили противоречивые данные. Лепехин писал о Саратове, что его «можно почесть за один из лучших волжских

² Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII века // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. С. 2–3.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т. XX. № 15250.

провинциальных городов». Он отмечал, что в городе никаких других каменных строений, кроме семи церквей и двух монастырей, нет⁵. Фальк утверждал, что в городе, кроме храмов, имеется «довольно каменных домов», а также несколько каменных лавок⁶. Паллас, посетивший Саратов в 1773 г., свидетельствовал, что там имеются каменные сооружения. К их числу относятся здания воеводской канцелярии, лавки, а также каменные дома, которые строят зажиточные жители⁷. Эти разночтения можно объяснить, допустив, что кто-то из ученых, впоследствии, готовя описания своих путешествий к печати, очевидно, дополнял некоторые места, полагаясь на свою память.

Таким образом, рукопись можно датировать периодом между 1769 и 1773 г. Если предположить, что публикуемый документ и есть ответы на анкету Шляхетского корпуса, то получается большой промежуток времени, отделяющий время рассылки анкеты от ответов на нее – по меньшей мере девять лет. Это слишком большой срок, даже если сделать скидку на бездорожье и нерасторопность волокитчиков-чиновников.

Взвесив все «за» и «против» при установлении автора анкеты, мы оставляем вопрос открытым. Но это не умаляет ее ценности. Ответы, детальные и достаточно обстоятельные, представляют большой интерес, даже несмотря на то, что на некоторые вопросы воеводская канцелярия не отвечает, отсылая к более компетентным учреждениям. Эти сведения дополняют другие источники по истории Саратова и дают возможность судить о наиболее важных деталях экономико-географического развития города в «догубернский» период.

Документ является копией, очевидно одновременной с подлинником. Он не озаглавлен, поэтому заголовок дан авторами публикации. При подготовке к публикации были использованы «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Документ воспроизводится со всеми особенностями правописания того времени. Вышедшие из употребления буквы заменены современными, обозначающими тот же звук: ѣ – е, і – и, ѳ – ф. Буква ъ в окончаниях слов опущена согласно современным правилам. Выносные буквы (писавшиеся над строкой) внесены в строку без оговорок. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации. Употребление прописных букв также приведено в соответствие с нормами современного

⁵ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Спб., 1771. Ч. I. С. 360–361.

⁶ История Саратовского края с древнейших времен до 1917 года. Саратов, 1996. С. 59.

⁷ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3. Половина вторая. С. 243–244.

русского языка. Слова, введенные публикаторами, заключены в квадратные скобки.

Авторы выражают признательность за консультативную помощь кандидату исторических наук, доценту СГУ А. С. Майоровой и историку-архивисту З. Е. Гусаковой.

(1) Город Саратов лежит на высоком месте. С востока протекает мимо ево река Волга. С полудня и севера окружен буераками, а с запада – ровное место. С полудня же в девяти [верстах], з запада в четырех и [с] севера к самому буераку окружают высокие горы. Окружная земля постирается во все четыре стороны по тридцати верст. Сколко четвертей имеет, неизвестно, ибо она отведена всем жителям обще по урочищам и немежевана. В нагорной стороне по большей части гористая и на многих местах сухая и буераками изрытая, к хлебопашеству и покосу неспособная. Во ж низменных местах хлеб родит хорошой и около речек пожни, а особливо в дождливыя годы весьма хорошия бывают, на луговой стороне в поемных местах травы растут хорошия, и около тех мест хлеб родит, а особливо просу. Но в степи земля сухая и не к чему неспособная. Болот совсем нет, тако ж лесов весьма мало, и то мелкои.

(2) Город Саратов построен на берегу реки Волги на нагорной стороне. Волга течение имеет вниз до Астрахани и ниже даже до Спизкаго моря⁸. Против Саратова ходят суда гребные, рошшивы и всякие мелкие.

(3) Город Саратов расстоянием от Москвы девятьсот две, от Санкт-Петербурха тысяча шестьсот тридцать шесть, а от Астрахани семьсот четырнатцеть, от Казани пятьсот четырнатцеть, от смежных городов: от Дмитриевска сто восемьдесят, от Петровска девяноста, от Пензы сто восемьдесят, от Синбирска двести восьмидесят, от Сызрану сто восьмидесят [верст].

(4) По городу Саратову положенных в подушной оклад бобылей тысяча триста шездесят семь душ, пахотных салдат девитьсот восьмидесят девять душ, купцов тысяча сто сорок три души, цехов тысяча сто семдесят семь, помещичьих крестьян шестьсот тридцать пять.

(5) В городе Саратове и в уезде годовых ярмонков не бывает, что ж касаеця до еженедельных торгов в самом городе, о том должно известно быть в магистрате.

(6) Внутри города фабрики есть, но оные под ведением Канторы опекунства иностранных, а на требование Саратовской воеводской канцелярии оная объяснилась тако: об оном де знать дано будет к сочинению уложения канцеляриею опекунства иностранных.

⁸ Писарь называет так Каспийское море либо в силу своей неграмотности, либо употребляет допустимое на местном диалекте обозначение.

(7) Об оном де знать дано будет к сочинению уложения канцеляриею опекунства иностранных.

(9)⁹ В самом городе никаких мелниц нет, а во округе двенадцать.

(10) Под ведением Саратовской Канцелярии рыбные ловли есть, токмо оные не в одном Саратовском округе, и вверх и нис реки Волги, по примеру на сто верст называемое Даниловские и Ахмацкия, по примеру которым окладу положено пять тысяч сто один рубль девяноста четыре копейки с четвертью, однако в год собираетца верными сборщиками не против окладу, а со уменьшением, а тот недобор бывает, как под следствием оказывается, от умаления против прошлых лет рыбных промышленников, так же и что прежде оные воды были смешаны с царицынскими и черныярскими водами, с прибавлением против выше писанного окладу, а потом лутчие места отошли и отданы от Каморколлегии в тех городах в купеческие содержания, а окладу от Саратовских рыбных ловель отделено против доброты тех ловель несравненно менши. Саратовские ж хотя против оных черныярских и царицынских ловель добротою и хуже, а окладу, как то выше значит, положено пять тысяч сто девять рублей девяноста четыре копейки с четвертью, о чем против тех вод со излишеством, котораго никогда сполна и собрать невозможно, а собиравлось в разные прошедшие годы, а именно: в 764м году денег три тысячи девятьсот семнатцеть рублей восемьдесят копеек три четверти да клею и вязиги, котораго здесь в Саратове не продавалась, и велено прислать для продажи в Каморколлегию, то против платимо от купцов, когда оные воды еще были на откупе, за клеи сорок рублей пуд, за везигу пятнатцеть рублей сорок копеек пуд, а всего полагая клеи и вязигу по означенной цене в денги, то почитать должно б в том 764м году в приход четыре тысячи триста сорок три рубли восемьдесят копеек, а и в 765м также, 767 и 768м годах против оклада за выше означенными ж резоны сполна не собиравлось.

(11) Через реку Волгу мосту нет, а имеется перевоз на лотках и завознях, а на речках Курдюме и Чардыме мосты, кои содержатся на казенном коште, и в год положено на содержание сто девяноста девять рублей пятьдесят семь копеек, которыми тогда исправлятца, а в другие годы бывает во издержке из неположенных доходов со излишеством.

(12) В город Саратов получаетца хлеб в летнее время водою из Нижнева, Казани, Синбирска и протчих верховых городов. Сухим путем, как в зимнее время, так и летнее время ис Пензы, Синбирска и Сызрана. Мясные припасы по большой части от калмык в летнее время, а зимой ис Пензенскаго и Синбирскаго уездов. Рыбою довольствуютца своим

⁹ Восьмого пункта нет в тексте.

ловом, а притом торг знатной имеют астраханскую рыбу. Леса для строения и дрова с Вятки и Казанского уезда.

(13) Об оном знать дано к сочинению уложение канцелярии опекунства иностранных.

(14) Об оном надлежит дать знать от магистрата.

(15) Казенные поборы собираемы бывают по учиненным окладным книгам в назначенные указные сроки и щеты свидетельствуются в ревизион коллегии.

(16) На обывательском содержани разные оброчные статьи и збор бывает, а именно: с мелниц, с лавок, анбаров, выходов, полков, кузниц, с постоянных дворов и з домовых бань.

(17) За фарштатом и не во отдаленном месте от города кирпичные заводы имеютца и кирпичей бывает в выработывании для города довольно, плитной ломки никакой не бывает.

(18) Градские жители имеют на Саратовской округ, то есть на землю и сенные покосы, грамоту ис Казанского болшаго Дворца, с которой при сем и копия приложена.

(19) В котором году и кем и кем¹⁰ город основан и застроен за згорением неоднократно города тако ж канцеляри и письменных дел знать¹¹.

(20) Город Саратов не пограничной.

(21) В городе Саратове никаких училищ и богаделен и иных публичных строеней, кроме воеводской канцеляри и низовой соляной конторы каменно да двух деревянных казенных домов и на казенном содержании, в которых имеют жителство: в первом опекунства канцеляри кантора да главной судья господин брегадир Резанов, во втором низовой соляной главной присутствующих, а других никаких строения нет.

(22) Об оном знать дано будет к сочине[нию] уложение канцеляриею опекунства иностранных.

(23) Особливаго городского герба город Саратов не имеет.

¹⁰ В подлиннике «и кем» повторено дважды.

¹¹ Фраза не закончена.

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ВОПРОСА В РОССИИ

22 июля 1763 г. Екатериной II был издан манифест, имевший целью способствовать массовому переселению в Россию выходцев из Западной Европы для экономического освоения земель в Поволжье и на юге России. Использование внутренних трудовых ресурсов было сопряжено со значительными затруднениями из-за крепостного права. Впоследствии, в развитие манифеста, появился ряд других законодательных актов. Благодаря содержащимся в них льготам, как и в Манифесте 1763 г., переселение иностранцев, преимущественно из германских государств, в Россию приняло масштабный характер. Только на Волгу в 1760-е гг. прибыло свыше 22 тыс. человек. Колонии появились в Поволжье, под Петербургом, в Прибалтике, Новороссии, Крыму, Бессарабии и т. д. Льготы оказали благотворное влияние на экономику колоний.

Для управления колониями была создана отдельная система, прекратившая свое существование лишь в 1871 г. Колониальное управление способствовало изолированному от немецких селений развитию колоний и не содействовало установлению более прочных отношений с местным населением. Со временем колонисты стали заложниками отношений между Германией и Россией, так как ухудшение последних со всей неизбежностью влекло за собой появление сомнений российского руководства в лояльности бывших колонистов. Следует добавить, что в Германии был принят закон о двойном подданстве. Сомнения искусственно или добросовестно подогревались в печати. Это и привело к появлению немецкого вопроса. Колонистов обвиняли в нежелании интегрироваться в российскую среду, высокомерии, сохранении связей с Германией, в усиленной скупке земель, что вело к росту цен и разорению русского крестьянства, в распространении германского влияния. Самым ярким противником колонистов стал автор ряда публикаций чиновник земского отдела МВД Александр Александрович Палтов, дослужившийся к 1891 г. до титулярного советника.

В 1889 г. Палтов совершил объезд немецких колоний, организованный, предположительно, при активном содействии обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, одного из наиболее влиятельных политиков России второй половины XIX в. Национально-религиозные вопросы вызвали особый интерес последнего; не случайно, огромный массив его писем и записок посвящен именно этим проблемам.

Впервые о немецких колонистах он высказался задолго до того как стал обер-прокурором. В 1863 г. Победоносцев, в то время один из наставников наследника престола Николая Александровича, вместе с це-

саревичем и группой придворных совершил путешествие по Волге. Одним из итогов этой поездки и стали путевые заметки, немедленно опубликованные в «Московских ведомостях». Год спустя К. Победоносцев (в соавторстве с И. К. Бабстом) выпустил отдельным изданием «Письма о путешествии государя наследника престола по России от Петербурга до Крыма», вызвавшие большой интерес в обществе. В 1863 г. тон высказываний Победоносцева о немецких колонистах был сдержанным. Но во второй половине 1880-х гг. в России нарастала волна ксенофобии, вызванная обострением национальных проблем, чему в немалой степени содействовала и политика правительства, одним из «архитекторов» которой был Победоносцев.

«Труды» Палтова на ниве просвещения русского общества о немецкой опасности, несомненно, получили одобрение «сверху». Обширные статьи Палтова (под псевдонимом А. А. Велицын) о российских немцах были опубликованы в «Русском вестнике» за 1889 г. (№ 1, 2, 3, 6) и 1890 г. (№ 1, 5, 10) и не остались незамеченными. В полемику с Палтовым вступила газета «St-Petersburger Zeitung» (1889, № 39, 162, 163; 1890, № 17, 20, 44, 40). Учитывая, что влиятельным автором и могущественным покровителем «Русского вестника» был все тот же Победоносцев, можно предположить, что именно он рекомендовал редакции журнала безвестного до той поры «специалиста» по немецким колониям в России.

Журнальные публикации Велицына и особенно его книга «Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России» (СПб., 1893) гораздо более агрессивны в отношении колонистов, нежели представленная обер-прокурору записка. Опубликованные работы Палтова имеют явно выраженный антинемецкий характер, в них почти вовсе опущены те положительные моменты в жизни колоний, которые все же отмечены в записке.

В дореволюционное время выводы Палтова были взяты на вооружение антигерманскими кругами в России, хотя существовали и объективные исследования по истории немецких колоний. Несомненно, в работах Палтова есть и рациональное зерно, но его важно отделить от плевел. Определенные его наблюдения подтверждаются материалами современных исследований¹².

¹² См.: Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995; Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996; Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997; Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998 и материалы последующих международных научных конференций в Анапе и Москве; Вашкау Н. Э. Школа в немецких колониях Поволжья. Волгоград, 1998; Лиценбергер О. А. Евангелически-лютеранская церковь в российской истории. Минск, 2003 и т. д.

В основу публикаций Палтова положены материалы, собранные им во время поездки по колониям. Из содержания документа явствует, что записка составлена в 1889 г. и адресована Победоносцеву. «Краткая записка делопроизводителя Земского отдела коллежского Александра Палтова о настоящем состоянии немецких колоний на Волге и на Юге России» содержится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (Ф. 1574. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–26).

Рукопись представляет собой нескрепленные листы писчей бумаги большого формата, исписанные от руки с обеих сторон черными чернилами (всего, таким образом, 26 листов), четким, крупным почерком. «Записка» хранится в отдельной папке. Рукопись – оригинал предназначенной обер-прокурору записки (копии, если они были, в деле не отсутствуют). Рукописный текст написан по старой орфографии и оснащен авторскими примечаниями, вынесенными в конец документа и отмеченными знаком «*». Наиболее важные, с точки зрения автора, данные подчеркнуты. Рукопись находится в хорошей сохранности, за исключением того, что в ряде мест выцвели чернила.

Текст рукописи публикуется впервые и без купюр, с сохранением некоторых особенностей авторского правописания и стиля. В основном же орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Необходимые по смыслу пропущенные слова взяты в угловые скобки. Те слова в рукописи, которые разобрать не удалось, отмечены авторами публикации.

Краткая записка делопроизводителя Земского отдела МВД коллежского секретаря Александра Палтова о настоящем состоянии немецких колоний на Волге и на Юге России

Настоящая краткая записка составлена на основании следующих данных: во-первых, на основании личного объезда и осмотра 22 немецких волостей и 230 немецких колоний; во-вторых, на основании обстоятельных бесед с представителями высшей администрации губерний и со всеми теми лицами, которым так или иначе был близко знаком вопрос о немецкой колонизации в России, а именно: Его Высокопревосходительство архиепископ Херсонский и Одесский, представители дворянства, председатели земских управ, неперенные члены уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, бывшие смотрители и инспекторы колоний и многие другие лица; в-третьих, наконец, на

* Полное собрание законов. № 4603.

основании личного впечатления, вынесенного мною из двухдневного пребывания в колониях под видом немца – скупщика пшеницы. Представляя Вашему Превосходительству настоящий мой краткий очерк, имею честь заявить, что в подтверждение каждого из высказанных в нем общих положений у меня имеются многочисленные, собранные мною цифровые и иные документальные данные.

При сем прилагаю также копию вопросного листа, по которому были собираемы сведения в помянутых выше 230 немецких колониях¹³.

Колонии эти следующие: по Саратовской губернии: в Камышинском уезде: Илавлинская волость – 8 колоний, Каменская волость – 11 колоний, Норкская волость – 2 колонии, Линево-Озерская волость – 1 колония, Усть-Кулалинская волость – 9 колоний, Сосновская волость – 13 колоний; в Царицынском уезде: Сарептская волость – 1 колония.

По Екатеринославской губернии: в Екатеринославском уезде: Хортицкая волость – 16 колоний, Николайтальская волость – 9 колоний, Николайфельдская волость – 9 колоний; в Александровском уезде: Заливянская волость – 7 колоний, Фриденфельдская волость – 5 колоний, Шенфельдская – 6 колоний; в Мариупольском уезде: Андреевская волость – 5 колоний, Людвигстальская – 14 колоний, Грунауская – 17 колоний, Бергтальская – 4 колонии.

По Таврической губернии: в Мелитопольском уезде: Пришибская волость – 27 колоний, Эйгенфельдская волость – 7 колоний; в Бердянском уезде: Гнаденфельдская волость – 26 колоний, Гальбштадтская волость – 31 колония; в Симферопольском уезде: Нейзацкая волость – 6 колоний; в Феодосийском уезде: Цюрихстальская волость – 6 колоний.

Итого, лично исследованы мною в уездах трех означенных губерний 22 немецкие волости и 230 отдельных немецких колоний.

Истекший срок моего отпуска лишил меня возможности осмотреть колонии Херсонской, Бессарабской, Киевской, Волынской и Подольской губерний, в каковых губерниях они также очень многочисленны и, кроме того, представляют в строе своей жизни много весьма своеобразных и характерных особенностей.

Краткий очерк немецкой колонизации. Начало наших немецких колоний следует отнести к 1764 году. До этого времени были случайные попытки нашего правительства к земледельческому заселению окраин государства иностранными колонистами, но попытки эти – как, например, колония грузинцев в 1719 году у крепости Св<ятого> Креста¹⁴ <в настоящее время г. Буденновск Ставропольского края. – Авт.> тех же грузинцев на Украине в 1738 году¹⁵ и, наконец, поселение в 1751 году

¹³ В деле не сохранилась.

¹⁴ Ныне г. Буденновск Ставропольского края.

¹⁵ Там же. № 7614.

сербов, греков, венгерцев, болгар, молдаван и валахов на Украине за Днестром при Елизавете Петровне – все не имели прочного, устойчивого характера.

Только с царствованием Екатерины II иностранная колонизация была введена в общий строй нашей общей государственной жизни.

22 июня 1862 года появился знаменательный манифест Императрицы, послуживший краеугольным камнем всей последующей иностранной колонизации в России.

«Мы, ведая пространство земли нашей империи, – начинается этот замечательный акт нашей истории, – между прочим усматриваем наиболее выгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших мест до сего еще праздно остающихся не малое число, из которых многие в недрах своих скрывают неисчерпаемое богатство разных металлов, а как лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и заводов способность великая».

Затем установился целый ряд льгот. Манифест приглашает иностранцев, которые пожелали бы воспользоваться им, приехать в Россию и поселиться на этих «наиболее выгоднейших для населения праздноостающихся землях».

Главнейшие из этих льгот были следующие: казенный отвод земли; свобода веры и обогащения; полная свобода от казенных податей и повинностей на 10 лет; выдача из казны денег по 5.000 рублей ассигнациями на каждую семью*** «на заведение и домостроительству разного скота, на потребные к хлебопашеству и к приготовлению всякие инструменты, припасы или материалы»; свобода от воинской повинности и наконец полная свобода внутренней юрисдикции.

Манифест этот возымел надлежащее действие. С 1764 по 1770 гг. из заграницы, и преимущественно из Германии, потянулись иностранные поселенцы, водворявшиеся в низовом Поволжье и частью губерниях: Слободо-Украинской (ныне Воронежской), и С.-анкт> Петербургской. Затем в 1770 году вследствие Польских и Турецких войн вызов и прием переселенцев из-за границы был временно приостановлен и только 12 лет спустя начинаются новые колонизационные попытки русского правительства, вызванные нашим победами над Польшей и Турцией, но на этот раз колонизация была исключительно направлена на Новороссийский край, Крым и Бессарабию.

С 1787 года начинается переселение в эти места менонитов из окрестностей Данцига и других немецких колонистов, непрерывно продолжавшееся в течение 30 лет. Эти колонисты при своем водворении, не до-

*** Смот.: Указ 17 апреля 1821 года.

вольствуясь теми правилами, которые были дарованы поволжским немцам, выговорили себе, сверх предоставленных манифестом 1763 года, еще следующие льготы: отвод земли в количестве 60–65 десятин на каждое хозяйство (вместо 30 десятин, которые получили поволжские), право руководствоваться собственными обычаями при наследовании и, наконец, выдачи им кормовых денег в количестве 10 коп<еек> на душу до первого у них урожая****. Для их водворения были отведены сплошными участками 52.000. десятин земли в Екатеринославской, 263.000 десятин в Херсонской и 214.000 десятин в Таврической губернии.

Это были, так сказать, начальные меры нашего правительства касательно иностранной колонизации. Затем в течение столетия – до 1871 года – правительство не переставало оказывать колониям совершенно исключительное внимание и всячески опекать своих иностранных поселенцев. Не останавливаясь на целом ряде этих льготных мероприятий, достаточно указать, что за это время правительством было затрачено, и преимущественно безвозвратно, до 2.000.000. рублей на дело колонизации, не считая ценности отводимой под колонии земли. Здесь уместно остановиться только на том из них, которое после материальной поддержки оказало наибольшее влияние на строй колониальной жизни – именно на полное их выделение в смысле административном из общей массы наших русских подданных.

Еще в 1763 году для высшего управления делами переселения и водворения иностранцев была учреждена в Петербурге «Канцелярия опекунства иностранных», которой были присвоены права отдельного министерства. Затем в 1782 году по образованию губерний Канцелярия опекунства была упразднена и колонисты вместе с казенными крестьянами отошли в заведование бывших «Директоров домоводства». Но уже с 1799 года они снова были выделены и поступили в ведение «Экспедиции государственного хозяйства иностранных и сельского домоводства», причем в помощь этой экспедиции были учреждены уже и местные управления: а) для колоний Приволжских; в) для колоний С.<анкт>Петербургских; с) для колоний Южного края России, т. е. губерний Таврической, Херсонской, Екатеринославской и также Бессарабской области.

С учреждением министерств Экспедиция эта вместе с местным управлением вошла в состав Министерства внутренних дел и оставалась в нем до 1837 года, когда она была включена во вновь образованное Министерство государственных имуществ, в ведении которого состояла до конца 60-х годов.

**** Полное собрание законов. № 21163 и № 21177.

Наконец 4-го июля 1871 года колонисты снова включены в общую массу нашего населения и подчинены одинаковым с ним органам управления. Таковы в кратких чертах мероприятия нашего правительства касательно колонизации.

Два главные типа колоний в настоящее время: колонии с общиной и колонии с лично-общественной формой землевладения. Переходя затем к настоящему созданию колоний, в настоящее время необходимо, прежде всего, различать два главных типа немецких колоний: это колонии Поволжья с общиной и колонии юга России с лично-общественной формой землевладения. Прежде всего, они отличаются по тем правам, которые им были дарованы при их водворении, по количеству отведенной им земли – поволжские 30 десятин, южные по 60–65 десятин на хозяйство, но затем и главным образом их отличает друг от друга форма землевладения. Поволжские колонии в начале настоящего столетия перешли к общинному землевладению, которое у них существует по настоящее время, и благодаря этому их быт ближе, чем быт других колонистов, подходит к общим порядкам наших русских селений. На юге, наоборот, господствует чуждая нашему общему быту лично-общественная форма землевладения, кладет существенный отпечаток на строй жизни южных колоний, резко выделяя и отличая их от всех остальных поселений России.

Сущность этой формы землевладения, неизвестной нашим гражданским законам, и которую всего точнее назвать лично-общинной, изложена в статьях 159 и следующих Устава о колониях издания 1857 года (Том XII. Ч. II).

Из сопоставления вытекают следующие общие положения касательно только что помянутой формы собственности: 1. Все отведенные под поселения колонистов земли присвоены им в неоспоримое и вечно-потомственное владение, но не в личную кого-либо, а в общественную каждой колонии собственность, без права отчуждать эту собственность в посторонние руки (ст. 159, 160, 248–251 Уст. о кол.); 2. При самом основании колонии поселянское общество отведенную лицу землю распределяет по угодьям, частью в общее (выпас, лес, воды), частью же в лично-потомственное пользование (усадьбы, поля, сенокосы) своих членов уравнительно, но не по числу дворов, а подворно, или посемейно (ст. 155, 156 и 170), причем такие подворные или посемейные наделы с хозяйственными на них обзаведениями никогда уменьшаемы быть не могут ни количественно, ни качественно (ст. 173); 3. Первоначально участковый надел остается из рода в род исключительно в лично потомственном пользовании одного хозяина (ст. 172); 4. В отведенных подворных участках устраняется личный произвол колониста владельца. Такой участок может переходить

только к однообщественнику и в порядке наследования установлены правила, строго нормирующие деятельность колонистов в этом отношении (ст. 169–175 Устава о колониях).

Из этих положений выясняется, с одной стороны, то новое начало смешанного общинного и подворного владения, которое установлено в колониях статьями II-ой части XII т. Собрании Законов, с другой стороны, становится ясным и все их экономическое значение, потому что эта комбинация начал личной и общественной собственности является, несомненно, одним из самых целесообразных условий для поднятия благосостояния сельского населения. Во всяком случае, эта разница в форме землевладения кладет существенную грань между колониями Поволжья и Юга и различие это необходимо иметь в виду при последующем изложении.

Другие виды немецких колонистов. Кроме этих двух типов колоний существуют еще более мелкие подразделения, так, например, менониты благодаря своей строгой религиозности сильно разнятся от других колонистов, всюду, где бы они не жили, сохраняя им одним присущие черты. Затем немцы – колонисты-католики отличаются в своем развитии и в своем отношении к русскому населению от немцев – колонистов-лютеран; в свою очередь, последние разбиваются на мелкие религиозные группы – как, например, анабаптисты, сепаратисты, «танцующие братья», штундисты, из которых каждая имеет свои отличительные признаки, даже и в экономическом строе жизни. Наконец, совсем особняком стоит поселение Евангелического братства – Сарепты.

Современное благосостояние колоний. Установив эти отдельные виды колоний и переходя затем к описанию их быта и современного их состояния, прежде всего, необходимо подчеркнуть факт их исключительного богатства. Как поволжские колонии, так и колонии Юга, в особенности, впрочем, последние, поражают, на первый взгляд, картиной своего благосостояния. Все они расположены по одному плану. По обеим сторонам широкой улицы ровными линиями тянутся узорные каменные заборчики с красивыми фонтанами у ворот. За заборами густой зеленой массой высятся деревья фруктовых садов и в глубине, защищенные от пыли, кокетливо ютятся опрятные маленькие домики с пестрыми ставнями и большей частью с стеклянным балконом, выходящим на двор. Дома все без исключения каменные, крытые то черепицей, то понтом, смотря по местности. В каждой колонии большой дом – иногда более двух этажей – отведен под школу; на каждые два, три селения приходится кирка, костел, или большой молитвенный дом (у менонитов). Чистота и порядок везде образцовые и такое внешнее впечатление вполне соответствует и внутреннему состоянию колоний.

Хозяйство и внешние условия жизни в колониях. Хозяйство везде ведется образцово. В поволжских колониях, усвоивших себе общинную форму землевладения, существующий порядок можно почесть самым совершенным применением начал, положенных в основание нашего крестьянского законодательства. Переделы земли, способы ее обработки, общественные запашки; состояние кредитных учреждений, положение аптекарского дела и все вообще функционирование сельского и волостного управления не оставляют желать ничего лучшего. То же самое в колониях Юга, но здесь, благодаря изложенным выше началам землевладения, благосостояние колоний достигает еще большей степени; здесь колонисты, у которых, кроме земли наделной, есть еще тысячи десятков земли на стороне – явление заурядное; есть колонисты, как, например, Фейн, у которого 300.000 десятин земли. В домах мягкая мебель и другие предметы роскоши; хозяйственные постройки все каменные, несравненно лучше, чем во всяком средней руки помещицьем имении центральной полосы России; обработка земли многопольная – производится новейшими орудиями и машинами; громадные конюшни и хлевы переполнены лучшими породами рогатого и мелкого скота; такой колонист ездит не иначе как в крытой рессорной <нрзб.> коляске местного производства и зачастую посылает своих детей воспитываться за границу. Нечего и говорить, что недоимок не имеется и не может существовать в таких колониях потому, что в распоряжении волостного правления имеются, (как, например, в Хортицкой волости) капиталы, доходящие до 2.000.000 рублей. Достаточно сказать, что некоторые волостные писари, например, в Пришибской волости, получают по 3.800 рублей жалованья при готовой квартире. Богатство и даже подчас роскошь поражают во всех отраслях, во всех проявлениях колонистской жизни.

Причины такого благосостояния. Такое положение колоний невольно наводит на мысль, что оно создано исключительно трудами самого немца-колониста, и при сравнении с положением русского крестьянства у весьма многих создавалось впечатление, что такую разницу следует целиком отнести к превосходству германороманской расы над славянской натурой.

Но такой взгляд в данном случае является неосновательным. Немцы, пришедшие к нам из Германии, были нищими и по своим нравственным качествам стояли далеко ниже среднего уровня. По имеющимся у нас историческим данным, первые колонисты не только не проявили особого рвения, <но> и даже старались, напротив, всеми мерами устранить от себя возложенную на них обязанность <обрабатывать> отведенную им казенную землю.

Так, например, в «Дополнении к инструкции внутреннего распорядка и управления в Новороссийских колониях» сказано, что немцы-колонисты нарочно повреждали, вырывали и выбрасывали данные им от казны деревья и виноградные лозы, что у многих из них не было необходимых для земледелия орудий, и что вообще они выказывали крайнее нерадение к хозяйству. Точно так и джук Ришелье, военный губернатор Херсонский, писал в 1806 году министру внутренних дел о немцах-колонистах, что тут «они несносны, жатва их была хуже посредственной; им нечем будет <нрзб.>¹⁵ по крайней мере тем, что около Одессы».

Таким образом, не во внутренних свойствах и качествах тевтонской природы следует искать причины современного благосостояния колоний. Причины эти кроются во внешних условиях, какими является деятельность колонистского управления касательно колоний. Достаточно просмотреть распоряжения местные смотрителей колоний, чтобы увидеть, сколько труда было вложено и затрачено ими, чтобы поставить хозяйство колоний на ту высоту, на которой оно теперь находится. Благосостоянием своим колонии целиком обязаны тем целесообразным правильным началам, которые были положены в основу их земледелия, и деятельности и энергии колониального управления. История колоний в этом отношении является блестящим доказательством того, насколько благоразумие и просвещение стали необходимы для преуспевания сельского населения.

Степень обрусения немцев-колонистов. Такое положение вещей могло заставить ожидать от колонистов чувства благодарности к попечениям правительств, прежде всего выразившегося бы в стремлении к слиянию с коренным населением страны, оказавшей им столь широкое гостеприимство. В действительности мы встречаемся, однако, с фактом прямо противоположного характера. Более ста лет прошло с тех пор, как они пришли в Россию; сменились три поколения, но немцы-колонисты остались теми же немцами, как и были. Русского языка они совсем не знают. Сельские старосты, как, например, староста колонии «Лесной Карамыш» (Камышинского уезда) и староста колонии «Нижняя Хортица» Екатеринославского <уезда>, которые положительно ни слова не понимают по русски, отчего, естественно, испытывают большое неудобство и затруднение нижние чины местной администрации – становые, полицейские надзиратели и т. п.

Враждебное отношение ко всему русскому. Мало того, в колониях проявляется прямо враждебное и пренебрежительное отношение ко всему русскому. Этот взгляд на русских, как на нижнюю расу,

¹⁵ В тексте не разборчиво.

по самой природе своей предназначенной к подчинению высшей германской национальности, просматривается всюду. – Die Kerl's¹⁶. – Die russische Schweine¹⁷, – говорит колонист про своих русских рабочих и то же настроение проявляет он и по отношению к русским властям. За последние десять лет многое изменилось к лучшему в этом отношении, но и теперь еще местные власти натываются на возмутительные подчас проявления этого враждебного духа.

Древняя связь с Германией. Это обособленное положение, в котором колонисты находились в течение столетия, только дало пищу и еще более усилило в них сознание своего превосходства перед остальным населением; кроме того, длительная корреспонденция с заграницей, масса покупаемых ими иностранных газет политического свойства – «Kölnische Zeitung»¹⁸ – все это, только усиливая их связь с Германией, все более и более отделяло их от России. После этого станут понятны факты, что на вопрос: неужели они не понимают, что они суть русские подданные на вечные времена, колонисты в разговоре гордо отвечали: Внутренняя граница государств ничего не значит: «Da wo Deutsche Sprache, da ist das Deutsche Reich» – «там, где господствует немецкий язык, там и немецкая Держава»¹⁹.

Отдельные проявления этой связи. Во всех домах колонистов и даже во многих помещениях висят портреты Бисмарка и Вильгельма, причем иногда они, как, например, в колониях Мессер²⁰ и Тифенбурн²¹, были повешены над портретами нашей императорской фамилии. В школах колоний Линево²², Добринка²³ на поставленный мною на немецком языке вопрос: Wie heist?²⁴ – ни в одной почти (за весьма редким исключением школе) не могли мне назвать ныне царствующего Государя императора, а в колонии Вальддорф²⁵ <Мелитопольского уезда Таврической губернии> школьный учитель сам не знал титула Его Императорского Величества. В той же колонии книги сельского управления велись на немецком языке. В прошлом году в

¹⁶ Парни, субъекты, малые.

¹⁷ Русские свиньи.

¹⁸ «Кельнская газета».

¹⁹ Перевод предшествующей фразы на немецком языке.

²⁰ Официальное название – Усть-Золиха, находилась в Камышинском уезде Саратовской губернии.

²¹ Колония находилась в Мелитопольском уезде Таврической губернии.

²² Обиходное название колонии Линево Озеро, находилась в Камышинском уезде Саратовской губернии.

²³ Официальное название – Нижняя Добринка, находилась в Камышинском уезде Саратовской губернии.

²⁴ Как зовут?

²⁵ Колония находилась в Мелитопольском уезде Таврической губернии.

Мариупольском уездном воинском присутствии <Екатеринославской губернии> на вопрос новобранцу колонисту, как зовут Государя, он ответил: Вильгельм; когда же его спросили: Да где же ты живешь? – последовал ответ: В колонии Руднервизе. Но в какой же это стране? Как зовут русского государя? – на эти вопросы новобранец прямо отказался отвечать.

Изложенные факты, несомненно, в отдельности являются не особенно значительными, но в совокупности они теряют свой единичный случайный характер и служат лишь проявлением того господствующего в настоящее время в колониях настроения, которое неизменно почувствует каждый русский человек после нескольких дней пребывания в таком немецком селении. В этом отношении и у нескольких видов колонистов настроение это существует в различной степени.

Различная степень этого направления у отдельных видов колонистов. Наиболее грубо и резко проявляются они у южных колонистов потому, что они уже начинают чувствовать себя хозяевами на нашем юге.

Значительно слабее – у поволжских колонистов, которые, будучи менее обеспеченными и находясь дальше от Vaterland`а²⁶, не так уже высоко держат германское знамя, и, наконец, наименее оно заметно у менонитов. Эти последние, целиком живя интересами религиозными, в очень слабой степени и то большей частью не произвольно проявляют свой национальный характер.

Школы в колониях. Такой порядок вещей невольно приводит к вопросу, что же делает в немецкой колонии школа, которая, казалось бы, должна была служить главным орудием для образования подрастающего немецкого населения. Много было осмотрено с разрешения местных директоров народных училищ, слишком 200 школ сельских и 5 центральных училищ Министерства народного просвещения, и я вынес самое тяжелое о них впечатление. Центральные училища действуют, несомненно, прекрасно, но слишком недостаточно. Они выпускают лишь учителей и сельских писарей для колоний, но они ничего не могут сделать для всего полумиллионного немецкого населения Поволжья и юга России.

Господствующим типом в колониях является церковно-приходская школа, так называемая Dorfschule²⁷ и gemeinde Schule²⁸. В этом отношении опять необходимо отличать поволжских колонистов, южных немцев и менонитов.

²⁶ Отчизны.

²⁷ Сельская школа.

²⁸ Общинная школа.

В Поволжье существуют два типа немецких школ: общие детские – Schulen²⁹, которые там очень плохи, и особые товарищеские русско-немецкие школы, существующие с пособием от земств 300–450 рублей в год – на средства родителей тех детей, которые в них воспитываются. Преподавание в них ведется на русском и на немецком языке и последний поставлен относительно удовлетворительно. Факт этот во всяком случае очень отраден, доказывая, что у некоторых колонистов под влиянием льгот, предоставляемых при отбывании воинской повинности, зародилась мысль о пользе изучения русского языка. Но школ этих не много и число детей, в них воспитывающихся, незначительно.

Церковно же приходские школы в Приволжских колониях прямо невозможны. Число детей в них громадно, в колонии Бальцер³⁰ их, например, 1200 человек; все они помещаются в одной комнате громадных размеров; учитель один, он же пастырь церковный; ответы даются хором; словом, обстановка самая первобытная. Хотя и здесь в последствии два года введено преподавание русского языка, но при только что изложенной системе обучения результат сведется к нулю.

На Юге России нет товарищеских русско-немецких школ, но зато для Dorf Schulen поставлены гораздо лучше <условия>. Дети разбиты на классы, учителей больше, но и здесь результаты, достигаемые в знании русского языка, незначительны. После семилетнего курса дети с трудом читают и пишут по-русски, и то большей частью не понимая прочитанного. Блестящим исключением в этом отношении является <школа> в с. Пришибе³¹, где стараниями волостного старшины и пастора она поставлена прекрасно.

У менонитов в этом отношении школы лучше и к знанию русского языка прилагается гораздо больше старания.

Духовенство в колониях. Таким печальным положением школы в колониях обязаны своему духовенству. Состав этого духовенства, частью из дерптских студентов, частью же из Германии, является силой прямо враждебной всему русскому. Прекрасно образованные, хорошо обеспеченные материально, пасторы получают от 2.500 до 3.500 рублей при готовой квартире – они имеют сильное влияние на своих прихожан, которым и пользуются зачастую в разрез с видами русского правительства. Достаточно вспомнить обильные пожертвования, собиравшиеся ими по церквам и колониям в пользу германской армии в 1870–1871 гг.; дело Нейзацкого пастора, установившего миссионерские

²⁹ Школы.

³⁰ Официальное название – Гольй Карамыш, находилась в Камышинском уезде Саратовской губернии.

³¹ Другое название – Молочна, находилась в Мелитопольском уезде Таврической губернии.

праздники и сборы на пропаганду среди русского населения, и другие факты для того, чтобы стало ясным, что в этом духовенстве лежит еще более строптивый дух, чем в Остзейском крае. Все эти пасторы, хотя и являются на словах горячими поборниками идеи распространения русского языка, на самом деле сильнее всего тормозят это дело, совершенно справедливо полагая, что в распространении русских начал в <немецком> населении может пошатнуться их исключительное влияние на умы колонистов.

Католические пасторы – преимущественно воспитанники Саратовской духовной семинарии – гораздо лучше в этом отношении; точно также и проповедники у менонитов (у них нет пасторов); далеко не представляют собой такой сплоченной и враждебной силы как лютеранские пасторы.

Особенные условия, по которым опасно для России такое положение вещей. Подобная обособленность немцев-колонистов в России не представляла бы такого значения, будь они какойнибудь другой национальности, а не немецкой. Болгары и греки также держатся особняком, но это явление проходит незамеченным по той простой причине, что за их спиной не стоит могучего воинственного народа, располагающего миллионами штыков. Но кроме племенного и национального различия, кроме этих внешних условий, кладущих резкую грань между немецкими колонистами и всеми другими национальными элементами империи, в немецких колониях Юга есть еще одно явление, сразу придающее им совершенно своеобразный характер и значение. Явление это есть систематическая и все возрастающая из года в год скупка земель.

Скупка земель немецкими колонистами на Юге. Рост колонистского землевладения до 1871 года шел с помощью казны, отводом им под новые колонии казенных земель. Таким образом, в 1864 году, т. е. через сто лет после начала иностранной колонизации, во владении колоний вообще состояло до 2 1/2 миллионов десятин земли, из которой приблизительно доля, т. е. 1 1/2 миллиона, приходилось на южные губернии России. Но уже и в это время начинается рост частного землевладения колонистов, который безостановочно продолжается все в возрастающих размерах до самого последнего времени. Колонистские общества и отдельные колонисты десятками тысяч десятин земли скупают земли других частных владельцев. Для примера приведем движение частной собственности по Екатеринославскому уезду по условиям:

В каком году	Дворян		Крестьян		Колонистов	
	состояло владельцев	в обладании находилось десятин земли	состояло владельцев	в обладании находилось десятин земли	состояло владельцев	в обладании находилось десятин земли
1861	231	399.265	1	400	2	5.133
1870	189	301.066	13	4.509	22	24.561
1880	168	280.775	33	4.132	58	32.893
1889	163	231.169	128	20.010	72	51.402

Таким образом, частное землевладение колонистов возросло с 5.133 до 51.402 десятины, т. е. увеличилось в десять раз; крестьянское возросло в 1889 году до 20.010 десятины; между тем как дворянское землевладение систематически уменьшается из года в год и с 399.265 спустилось до 231.169 десятины.

Высчитано, что ежегодно дворяне теряют до 1 % своей земли, причем процент этот распределяется между другими сословиями следующим образом: мещане приблизительно – 0,03 %, купцы – 0,18 %, крестьяне – 0,20 % и колонисты – 0,59 %, т. е. больше половины.

Если же прибавить к частной собственности колонистов их общественную землю – получится внушительная цифра в 109.186 десятины земли, находящейся в руках немцев в Екатеринославском уезде. Тот же факт повторяется и в других уездах нашего Юга. Везде колонистское землевладение растет в ущерб и за счет землевладения дворянского и крестьянского. По сведениям отделения Дворянского банка, действующего в Екатеринославской, Таврической и Херсонской <губерниях>, из 100 десятины земли, остающейся за банком и поступающей к продаже, 61 десятина идет в руки немцев.

В настоящее время количество земли, состоящей во владении колонистских обществ, может выразиться следующими валовыми цифрами: в Самарской <губернии> – 800 т<ыс>. десят<ин>; в Саратовской – 500 т<ыс>. десят<ин>; в Бессарабской – 600 т<ыс>. десят<ин>; в Таврической – 900 т<ыс>. десят<ин>; в Херсонской – 700 т<ыс>. десят<ин> и в Киевской, Волынской и Подольской – до 600 т<ыс>. десятины.

Всего во владении колонистских обществ состоит в перечисленных 9 губерниях до пяти миллионов десятины земли. Если же прибавить к ним частные владения колонистов, которые преимущественно распространены в губерниях Екатеринославской, Таврической и Херсонской и

достигают в этих губерниях до двух миллионов, получается, что в руках немцев находится до семи миллионов десятин русской земли.

Я не имел возможности собрать сведения о размерах частного колониетского землевладения в Области Войска Донского, но, проезжая по этой области, я видел многочисленные немецкие хутора и, как мне известно, недавно еще колонисты Людвигстальской волости купили у генерала Орлова 5 т<ыс>. десятин в Области Войска Донского на правом берегу Дона.

Насколько сильно это движение к скупке земель, видно из того, что во время моего пребывания в колониях были частью заключены, частью начаты следующие сделки по покупке земель у княз. Уручевых – 17 т<ыс>. десятин в Харьковской губернии; у наследников Борисовских – 22 т<ыс>. десятин земли; у графини Игнатъевой – 17 т<ыс>. десятин; у Милорадовича – 8 т<ыс>. десятин земли и у генерала Орлова вышеупомянутые 5 т<ыс>. десятин земли.

Причины этой скупки. Какие же причины этого явления и откуда колонисты берут средства для таких громадных затрат – эти вопросы прежде всего возникают при знакомстве с ростом колониетского землевладения.

Что касается причин скупки земель, то они кроются в условиях лично-общинного начала землевладения и этим объясняется факт, что скупка земель имеет место только в южных колониях, усвоивших себе эту форму земельной собственности. Одним из главных ее оснований служит недробимость подворных участков, вследствие чего двор-хозяйство от отца переходит только к одному сыну, для других же общество обязано из капиталов, специально для этой цели предназначенных, покупать землю на стороне.

Порядок наследования. Закон в ст. 170 устанавливает в этом отношении миноратство, т. е. наследование меньшего сына, но колонисты, отступив от этого положения, усвоили себе обычаем следующий порядок наследования. После смерти отца наследники собираются и проводят между собой <нрзб.>³² продажу двора – хозяйства, со всеми недвижимостями, но без инвентаря. Двор остается затем тому из сыновей, который дает наибольшую сумму, обычно от 10 тысяч рублей. Сумма эта поступает в общую массу движимого имущества, которое делится между всеми наследниками. Одна вдова только в иных местностях получает $\frac{1}{2}$, в других $\frac{1}{4}$ движимого имущества, – причем получает свою долю и тот брат, который выкупил на себя хозяйство.

В практическом применении такой порядок делает то, что после смерти каждого колониета остается три, четыре, иногда и больше сы-

³² В тексте не разборчиво.

новой (семьи у колонистов обыкновенно большие), которые не получают земельного надела. Образуется класс безземельных, обязанность приискать землю для которых всецело падает на то общество, к которому они принадлежат. Возьмем для примера колонию, считавшую при своем водворении 40 дворов-хозяйств, и, предполагая по четыре сына в семье, получится, что 40 из них унаследуют дворы отцов. Для 120 же общество должно озаботиться приобретением 50 десятин на каждого, т. е. 6.000 десятин; у этих 160 человек в свою очередь также будут дети, из которых, принимая прежний расчет по четыре сына на семью – три четверти, т. е. 430 человек, потребуют каждый по 50 десятин земли; у следующего поколения число безземельных будет уже 1.920 (всего 640 хозяев; у них по четыре сына, из которых 640 идут на хозяйство отцов, а по трое от каждой семьи превратятся в безземельных) – для которых потребуются уже 6.000 десятин земли. Приведенный расчет, конечно, приблизителен. Может случиться, что прирост населения будет меньше, что многие безземельные, отказавшись от земли, займутся ремеслом – таких, впрочем, немного, но, во всяком случае, он в общих чертах дает верную картину причин ежегодного увеличения скупки земель немцами-колонистами. Достаточно для того, чтобы убедиться в этом, обратить внимание на количество ежегодно покупаемой немцами земли, на то, сколько они ежегодно водворяют своих безземельных, и как число этих безземельных не уменьшается, а напротив, растет во все возрастающей пропорции, требуя от своих обществ новых денежных затрат, новых покупок земель.

Общественные капиталы колоний. Для такой систематической скупки земель необходимы большие капиталы и мы действительно находим их в колониях. Капитал Хортицкой волости, например, от овчаренного участка, от оборотов сиротской кассы и сиротских и вдовьих капиталов равнялся в 1899 году 2.294.520 рублям 13 1/4 коп. И это не было исключением. В распоряжении волостных правлений находятся сотни тысяч рублей, но, не смотря на такое обилие капиталов, их все таки не хватает, если дело скупки земель будет расти в таком же размере. И тогда, несомненно, колонисты обратятся к помощи иностранного кредита, в чем их давно уже обвиняет общественное мнение, но чему я лично не нашел никаких прямых доказательств и улики.

Влияние немецкой колонизации на русское население. При таком систематическом росте колонистского землевладения в высшей степени важным является вопрос о том, какое влияние оно оказывает на окрестное русское население. В этом отношении, как из своего личного впечатления, так и в особенности из мнений лиц, близко стоящих к этому делу, я вынес глубокое убеждение, что влияние немцев на окрестное русское население только отрицательное.

Многие говорят, что немец-колонист научил крестьян пахать «букером», ездить в дышло и обрабатывать землю лошадьми; несомненно, в известной степени он это сделал, но неужели для этих мелких результатов стоило призывать немцев-колонистов, отводить им лучшие земли и затрачивать на них миллионы казенных денег? Между тем ни один немец-фил не назовет других их заслуг перед Россией, разве что назовет еще страшное возвышение ими цены на землю. Но, далеко не считая это государственное поднятие цен на землю явлением полезным и желательным, я позволю себе думать, что <оно> представляет собой факт весьма вредный в экономической жизни такого земледельческого государства, каким является Россия****. Немцы действительно усиленно поднимают цены на землю. Конкурировать с ними в покупке и аренде земли не может никто; там, где появляются немцы, цены на землю немедленно учетверяются.

Так, десять лет тому назад цена земли в Перекопском уезде <Таврической губернии> была по 8 руб. за десятину; а аренда под распашку 1 руб 20 коп; пришли туда немцы и цены немедленно с 8 руб. подняли до 60 рублей, а арендная плата возросла до 7 руб. 50 коп. И то же повторяется всюду. Поэтому для помещиков, желающих ликвидировать свои дела, прибытие немцев в уезд явление благоприятное, но, кажется, только они одни и могут желать их наплыва.

Для крестьянского населения колонии немецкие являются самым опасным экономическим врагом. Там, где они водворяются, в самом непродолжительном времени начинает беднеть окрестное русское население, бросает землю и идет в отхожие промыслы, что объясняется тем, что мужик, сидящий на земле на 3-х десятинах, не может выдержать конкуренции колониста, ведущего хозяйство на 65 и больше десятин. Рядом с прекрасными продуктами почвы в колониях крестьянин не может найти прибыльного сбыта своим собственным сборам.

Экономический гнет. Колонисты должны по идее служить примером для русского землепашца – в какой мере они выполнили это предначертание, видно из положения у них русских батраков. Кормят они их сытно, как и всю вообще свою рабочую скотину, но дальнейшая затем судьба этих батраков самая тяжелая.

Как наиболее зажиточные и пользующиеся самым дешевым кредитом колонисты, в свою очередь, ссужают самих крестьян по 25 % и выше в год.

Трудно перечислить все эти мелкие проявления экономического гнета колонистов; они хорошо известны каждому местному деятелю, и

**** В особенности губительно это может отразиться на деятельности кредитных учреждений, поземельных банков и пр.

Екатеринославское уездное земство, формулировав их в своем журнале 11 октября 1888 г., в котором оно ходатайствует об ограничении местным немцам-колонистам земли в Екатеринославском уезде и о совершенном воспрещении таковой покупки немцами и вообще иностранцами, приходящим из других губерний, является лишь выразителем мнений большинства русского населения нашего Юга.

Штунда. Но, кроме экономического гнета, немцы оказывают растлевающие влияние на нравственность крестьян. Это именно распространение штунды³³. Личные мои наблюдения только служат лишним доказательством справедливости мнения Его Высокопреосвященства архиепископа Никанора о том, что штунда на Юге есть явление экономическое и политическое, а не религиозное. Не духовных истин ищет в нем русский крестьянин, а материальной поддержки. Видя богатства немца и собственную бедность, – в населении слагается убеждение, что для того, чтобы достичь подобного благосостояния, необходимо сделаться немцем. И вот, вступая в штунду, русский крестьянин, прежде всего, одевается как немец, выносит из избы образа и портреты Государя, и на их место ставит бюстик Бисмарка и вешает фотографию Вильгельма. Пример тому лично видел в каждом селении, где есть штунда, в особенности мерзко это меня поразило в с. Александровке на Сухом Лимане. Немцы, пропагандисты штунды, проповедают, что скоро придет немецкий царь, завладеет всем Югом и тогда немцам будет хорошо, а русских всех выгонят вон, – поэтому, если они сами желают себе добра, пусть скорее научаются говорить по-немецки, вешают портреты Бисмарка и пр.³⁴.

Политическое значение немецкой колонизации России. И эти пропагандисты не так далеки от истины, как это может показаться на первый взгляд. Что немцы-колонисты проникнуты сознанием своего единения с германской империей, что они смотрят на себя, как первых пионеров немецкого дела в России, и что такой взгляд господствует и за границей, тому разительным доказательством служит маленькая брошюра, изданная всего только в 1889 году, но которую я видел в каж-

³³ Сektанское учение в протестантизме.

³⁴ В царствование Александра III штундисты подверглись гонениям. О распространении Штунды и правительственной реакции известный ученый и общественный деятель Б. Н. Чичерин писал: «Эта секта, близкая к протестантским методистам, сильно распространилась на юге. Не удовлетворенные формализмом господствующей церкви, многие, даже из низших классов, охваченные религиозной жадью, собирались для молитв и для чтения Св. <ященного> Писания. Они были признаны опасными для государства и причислены к особенно вредным сектам. Собрания их были запрещены; против них принимались самые строгие полицейские меры, суды карали их немилосердно». См.: Чичерин Б. Н. Философия права. Спб., 1998. С. 367–368.

дой почти колонии Юга. Это «Die Deutschen im Ausland»³⁵ некоего Г-на Retursch³⁶. В ней автор в грубых и высокопарных выражениях, ссылаясь все время на официальное происхождение своей брошюры, возвещает в самом непродолжительном времени всемирное установление господства Германской империи: die Weltmachtstellung des Deutshen Reiches³⁷. Поэтому он увещает всех немцев за границей, а в особенности русских колонистов, упорно противодействовать всем русским началам, вводимым правительством, высоко держать Германское знамя, ибо час победы близок. Затем, наметив целую программу действий для распространения германизма и указав на те Verein`s³⁸ и кредитные учреждения Германии, которые готовы оказать широкую материальную поддержку всякому такому начинанию, автор заключает, что «распространение германского владычества» должно иметь место в отношении соседней русской национальности в занимаемых ею владениях, будь то при посредстве силы, будь то путем хитрости и лукавства: sei es mit Gewalt, sei es mit List!³⁹ В своей наглой откровенности эта брошюра проливает окончательный свет на факт немецкой колонизации наших окраин и нашего Юга. Враждебность ко всему русскому, полная обособленность, систематическая скупка лучших земель и экономический и духовный гнет немецких колоний приобретают все более рельефный характер, и еще грознее вырисовывается та темная пора германизма, которая медленно, но неизбежно надвигается на Россию.

Деятельность крестьянских учреждений. Лицом к лицу с этим очень серьезным явлением что же делают крестьянские учреждения, которые ближе всего должны были бы стоять к этому вопросу. В этом отношении, за исключением Саратовского губернского по крестьянским делам присутствия, крестьянские учреждения под предлогом того, <что> им непредоставлено право вмешиваться во внутренние дела сельских обществ, совершенно устранились от <решения> вопросов о колониях. Есть непеременные члены, которые за все (10 лет) своей службы не были ни в одной колонии. Все беспорядки по управлению громадными общественными капиталами, весь сложный вопрос о безземельных и о пользовании овчаренными участками совершенно не затрагивался уездными представителями. Предоставленные самим себе колонии дошли до того, что в Мариупольском уезде на доходы с овчаренных участков покупались земли для прусских подданных (сообще-

³⁵ Немцы за рубежом.

³⁶ Ретурш.

³⁷ Установление мирового господства Германской империи.

³⁸ Союзы.

³⁹ Будь то силой, будь то хитростью.

ние неперменного члена Веленского, занесенное в журнал уездного по крестьянским делам присутствия от 5 декабря 1875 г.).

Меры к устранению вредного влияния немецкой колонизации⁴⁰. В числе мер противодействия немецкой колонизации, предлагаемых уездными властями и лицами, близко стоящими к этому делу, есть такие, с помощью и целесообразностью которых согласны, безусловно, все; другая группа мер, находя горячую поддержку одних, вызывает, однако, с других сторон очень много замечаний и возражений. К числу первых мер относятся:

Знание русского языка сельской и волостной администрации. 1. Обязательное требование знания русского языка от лиц сельской и волостной администрации, причем мера эта могла быть привлечена уездными присутствиями тем способом, что оно не утверждало бы в должности лиц, не знающих русского языка, по их непригодности к исполнению обязанностей, сопряженных с постоянным употреблением русской речи.

Замена племенного состава волостей началом территориальным. 2. Замена племенного состава волостей территориальным. Благодаря применению принципа племенного состава в Цюрихстальской, например, волости селения раскинуты на громадные расстояния, и колония, лежащая целиком в середине русской волости, считает себя принадлежащей к волостному правлению, отстоящему за 50 и более верст.

Это начало только усиливает обособленность колонистов, да и, кроме того, слияние в надлежащей пропорции русских селений с немецкими колониями в одну волость может оказать благое влияние на ту и на другую сторону.

Реформа школы. 3. Введение надлежащего школьного устава для немецких школ для надлежащего проведения русских начал в население.

Более тщательный выбор при назначении духовенства. 4. Более тщательный выбор при назначении духовенства и более строгий контроль его деятельности в виду его ненадежного состава в настоящее время и того громадного влияния, которое оно имеет на население.

Более энергичные мероприятия. 5. Все эти меры, полезность которых общепризнанна, являются, однако, лишь средствами воздей-

⁴⁰ Предложенные А. Палтовым меры полностью совпадали с правительственной политикой русификации, унификации управления и права в национальных окраинах империи в конце XIX в. Следует предположить, что выпады автора «Краткой записки...» против немцев были инициированы сверху и поддерживались правыми кругами в русском обществе.

ствия в более или менее отдаленном времени, – между тем, время идет, скупка земель немцами все усиливается и поэтому все единогласно признают необходимость других более энергичных мероприятий, которые положили бы конец этому мирному завоеванию в настоящем. Но относительно рода этих мер мнения расходятся.

Проект Екатеринославского уездного земства. Екатеринославское уездное земство в ходатайстве от 11 октября минувшего года предлагает окончательно воспретить немцам дальнейшую скупку земель. Предложение это встречает, однако, большие возражения, как мера недостойная правительства, неполитичная, наделающая много шума и, наконец, могущая повести к страшному упадку цен на землю и вследствие этого к экономическому кризису.

Предложения Таврического губернатора. Для устранения этого неудобства Его Превосходительство А. Н. Всевожский предполагает выйти с представлением о введении в Таврической губернии для усиления в ней русского элемента русской колонизации на тех ее началах, на каких была в свое время введена немецкая колонизация. Эта мера, по его представлению, является единственным положительным противовесом немецкой колонизации.

Для облегчения же ее он предполагает, начав скупку земель в правительственные руки, временно запретить всем без исключения иностранцам приобретать земли в Таврической губернии.

Недостатки этих мер. Оба эти проекта страдают однако существенными недостатками. Во-первых, меры запретительные, не остановив явления, скроют его от глаз правительства, создав ряд обходов правительства. Затем, требуя больших денежных затрат, они сопряжены с большим экономическим расходом и во всяком случае требуют создания нового законоположения.

Возможность достичь цели на почве существующих законоположений. Между тем цель лишения немцев этой экономической силы, казалось бы, могла быть достигнута и прямым только применением к ним существующих законоположений. Эта форма землевладения нигде не санкционирована существующими нашими законами. Уничтожить ее, применить полностью к колониям общие положения о крестьянах, иными словами, заставить их принять или общинную форму землевладения с переделами на наличные души или подворную систему владения с правом дробить хозяйство, и сила их немедленно исчезнет, почти так же, как прекратится скупка земель.

Что может быть сделано без экономического кризиса, без упадка существующих цен на земли, доказательством тому служат приволжские колонии. Параллельное сопоставление этих двух типов колоний – поволжских и южных – представляет очень много положительного в этом

отношении. Для того, чтобы войти во внутренний быт колоний Юга, вмешаться в их хозяйственные распорядки, то тут правительство имеет возможность разрешения вопроса о безземельных, не нарушая духа закона, ввести в строй жизни колоний те начала, которые могут еще представляться желательными и удобными.

Раз же будет уничтожена их страшная экономическая сила и приостановится скупка земель, дальнейшая ассимиляция колоний с коренным населением, постепенное обрусевание подрастающих поколений явится только вопросом отдаленного будущего.

В заключение настоящего краткого отчета о результатах своей поездки позволю себе принести Вашему Превосходительству глубокую мою признательность за содействие, которое Вам угодно было мне оказать, и благодаря которой мне только и удалось собрать сведения. Со своей стороны я приложил все старания к тому, чтобы усиленным трудом и добросовестным изучением вопроса по мере сил и способностей оправдать оказанное мне доверие.

**ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ПЛЕННОГО В РОССИИ
В 1812–1813–1814 гг.⁴¹**

Жак Ромэн Родольф Вьейо (Viellot) (1786–1856) происходил из буржуазной семьи г. Руана. Он получил, по-видимому, достаточно неплохое образование, возможно в Иезуитском колледже Руана. В декабре 1806 г. Вьейо вступил в национальную гвардию в качестве су-лейтенанта и, проявив рвение, в июне 1807 г. стал лейтенантом. Но уже после Тильзита и возвращения французской армии на родную землю части национальной гвардии остались без дела и были распущены.

Тем не менее Вьейо сумел добиться для себя значительной милости: 4 марта 1809 г. он стал младшим лейтенантом 4-го батальона 72-го линейного полка пехоты. В составе этой части Р. Вьейо принял участие в австрийской кампании 1809 г. и в битве под Ваграмом. В августе того же года он получает новое назначение – заниматься вербовкой новобранцев в департаменте Норд, чем он и будет занят до января 1812 г.

15 января 1812 г. Вьейо назначается лейтенантом 5-го батальона 24-го полка легкой пехоты. Первые четыре батальона 24-го полка были приписаны к 10-й дивизии 3-го корпуса маршала Нея, а 5-й батальон отправлен в резерв в Мец. Только в апреле 1812 г. 2-я, 3-я и 4-я роты 5-го батальона, в котором служил Р. Вьейо, были отправлены в Жюльер, где их соединили с другими частями и включили в состав 1-й резервной дивизии Великой армии, которая входила в состав Резервного армейского корпуса. При реорганизации последнего в 11-й армейский корпус она не вошла в него, а была наименована маршевой дивизией и в дальнейшем двигалась в Россию вслед за 9-м армейским корпусом маршала К. Виктора. Эта дивизия была под непосредственным руководством генерала Ж. Лагранжа и состояла из четырех полубригад (под командованием генералов Ожеро и Равье). Третьей полубригадой, в которой находился Р. Вьейо, непосредственно командовал майор Ж. М. Абержу.

5 июля 1812 г. в арьергарде армии Вьейо прибыл в Берлин, откуда их полубригаду направили на Кенигсберг. Он оказался на границах России примерно в тот момент, когда корпус маршала Нея готовился к битве под Москвой. 29 сентября 1812 г. состав 3-й и 4-й маршевых полубригад был изменен: Родольф Вьейо был приписан к 4-й маршевой полубригаде, которая прибыла под Смоленск 14 октября 1812 г.

⁴¹ *Viellot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années 1812–1813–1814. Luneray, 1996.*

Наполеон задумал покинуть Москву по Калужской дороге и отдал приказ отправить 1-ю резервную дивизию под командованием дивизионного генерала Л. Бараге д'Ильера из Смоленска к Ельне для организации коммуникации. Но план Наполеона провалился, он был вынужден отступить не через Калугу, а через Можайск. В результате французские части под Смоленском были застигнуты Кутузовым врасплох. Р. Вьейо попал в плен 12 ноября 1812 г.: он был взят у села Княжее солдатами лейб-гвардии Финляндского полка под командованием полковника М. К. Крыжановского, когда его часть пробивалась к Смоленску.

Написаны мемуары были в большей своей части после 1830 г. Они писались, когда их автор давно уже не был лейтенантом, а имел полное право поставить на обложке: «Родольф Вьейо, капитан кавалерии, кавалер Почетного легиона, бригадир Люксембургской роты королевских гвардейцев».

Почти сто лет манускрипт был забыт, но в 1930-е гг. о нем вспомнили наследники Вьейо – представители фамилии Дени-Массе (Denis-Massé). Текст этот был впервые опубликован Сандрин Крошар с предисловием Ж. Тюлара в 1996 г.

Русский читатель уже смог составить общее представление о мемуарах Вьейо благодаря докладу доктора истории и права, директора Центра наполеоновских исследований в Париже Фернана Бокура⁴², в котором Бокур без каких-либо критических комментариев бегло пересказывает основные моменты ряда воспоминаний военнопленных французов. При этом автор доклада склонен преувеличивать ценность подобных свидетельств, уверяя, что только благодаря их свидетельствам «удалось точно воссоздать картину тех дней» (курсив наш. – Авт.)⁴³.

Вторая часть мемуаров Вьейо носит показательное название: «Долгий переход заключенных через русскую зиму»⁴⁴, в которой есть небольшая глава, посвященная его пребыванию в Саратовском крае. Правда, сведения, содержащиеся в ней, крайне скудны из-за серьезной болезни Вьейо. К тому же они подчас расходятся в оценках со свидетельствами других пленников, побывавших в Саратове. Но тем не менее и они представляют большой интерес для исследователей.

Глава XIX. На грани сил, Вьейо впадает в бессознательное состояние

<...> Все, что осталось в моей памяти от этого периода своеобразной летаргии, в которую я впал, представляется как долгий сон, от которо-

⁴² См.: Бокур Ф. Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812–1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сб. ст. Самара, 1997. С. 47–53.

⁴³ Там же. С. 47.

⁴⁴ Viillot R. Op. cit. P. 141.

го для доказательства моего существования осталась только огромная слабость и ужасно болящие ноги. Я не мог понять, каким чудом они не были полностью отморожены, и как я их не потерял наподобие других моих товарищей по несчастью.

Глава XX. Последние этапы, Саратов и Симбирск

Мы прибыли в Саратов, расположенный на берегах Волги. Там мы полагали наше путешествие закончится. От 2800 заключенных нас осталось не более 150 человек⁴⁵. Эти 150 человек все были кто больше, кто меньше больны.

По обычаю меня расположили в избе с еще тремя или четырьмя другими пленными. Я не мог самостоятельно стоять на ногах, когда я хотел подняться, я чувствовал страдания столь жестокие, как если бы я шел по раскаленному железу. Когда нужда меня обязывала выйти из избытки на улицу, то в течение месяца я только и мог, что передвигаться на коленях. Одетый все в то же, что и в момент моего пленения⁴⁶, терзаемый паразитами и страдающий от нечистоплотности, разделяя плохую пищу с моими товарищами, я был вынужден, несмотря на мои болезни и несостоятельность передвигаться на ногах, когда подходила моя очередь, заниматься нашей жалкой стряпней, чтобы хоть как-то поддержать наше хилое существование. Я одновременно боролся с физической болью и испытывал мучения от тех огорчений и причитаний, которые выпали на долю моей родины и моей семьи. Часто, начиная с трех часов по полудню, когда ночь начинала вступать в свои права, тесня свет, и до десяти утра следующего дня, когда начинало немного проясняться, мы были вынуждены оставаться на своих скамьях или на полу (*sur la terre*), переваливаясь с боку на бок,

⁴⁵ Хотя каждый транспорт пленных терял много людей больными и умершими, не следует думать, что все остальные товарищи Вьейо погибли. Дело в том, что уже с октября 1812 г. Саратов был переполнен военнопленными и их стали размещать партиями в разных местах губернии. Причем в Саратов отправляли одних только офицеров в сопровождении денщиков (см. об этом, напр.: *Рюа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 года и о двух годах плена в России*. Спб., 1912. С. 97).

⁴⁶ Мемуарист сгущает краски, так как русское правительство обязало губернии снабжать колонны пленных одеждой и обувью соответственно времени года, а также выделять питание и постои. Не преувеличивая возможностей и служебного рвения местной администрации, отметим, что К. А. В. фон Ведель свидетельствует, что когда пришла зима каждому офицеру была выплачена сумма в 100 рублей ассигнациями для приобретения зимней одежды (*Wedel von C. A. W. Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812 in russische Gefangenschaft 1813 bis 1814 im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Lebenserinnerungen von Carl Anton Wilhelm grafen von Wedel*. Berlin, 1897. S. 206).

своих скамьях или на полу (*sur la terre*), переваливаясь с боку на бок, не видя ни света, ни солнца, занятые грустными думами, терзаемые толпой отвратительных насекомых, осаждаемые огромными крысами, которые, бывало, пробегали и по лицу и мы часто пробуждались от страха, что они близко.

Если бы мы были оставлены в этом городе, то я думаю, мы здесь существовали бы достаточно хорошо. Жизнь здесь идет полным ходом (*très bon marché*). Зайца (без шкуры) здесь продают за 2 пятака (*rétaques*), 10 копеек или полрубля, что в наших деньгах будет около 10 су, иногда меньше. Глухарь, который в России достаточно распространен и весьма желаем, стоит 5 пятаков или 30 копеек. Молоко, рис и другие продукты питания, которые можно добыть себе зимой, не столь дороги как в центре России. Замороженные мясо и рыба также по очень низкой цене за ливр⁴⁷.

Самое большое 8 дней как мы находились в Саратове, и мы уже думали, что нас оставят здесь зимовать, когда прибыл приказ о новом отпращивании. Нам нужно было вновь отправляться в дорогу, и мы ожидали новых мучений и несчастий. Мы не знали, куда нас поведут и, будучи на границах Сибири, мы опасались, что нас отправят именно туда. Правда состоит в том, что в самом плачевном и безнадежном положении еще можно переживать чувство радости. Именно это чувство мы испытывали, покидая Саратов и видя, что сани заскользили по той же дороге, по которой мы сюда прибыли. Мы испытали большое облегчение, когда развеялись наши страхи относительно Сибири. Но куда мы направились? Это было неизвестно. Почему в тридцатиградусный мороз мы вновь отправились в путь? Полагали что нас еще слишком много? Хотели нас снова подвергнуть суровости этого ужасного климата и заставить погибнуть остаток? Этот угасающий остаток от 2250 человек⁴⁸, которые ранее сошли в могилу. Без сомнения подобные резоны были, ибо это было единственное средство нас полностью уничтожить без откровенного оскорбления земных и общечеловеческих законов⁴⁹. Несмотря на эту суровость к нам, противоречащую всякому милосердию, которое должно бы

⁴⁷ Ливр – французская мера веса. Подобная точность, учитывая болезненное состояние Вейо и прошедшие года, удивительна. Вероятно, когда писались эти мемуары, автор использовал либо какие-то свои черновые записи (письма) того времени, либо опять пополнял свою память из чужих текстов. Ср. с воспоминаниями фон Веделя: «Здесь полное изобилие домашней птицы, в особенности индеек. Зимой в город привозили целые возы грузенные зайцами, ободранная заячья тушка продавалась за несколько пятаков...» (Op. cit. S. 198).

⁴⁸ Ранее мемуарист писал о 2800.

⁴⁹ Размышления о смысле подобных перегонов возникали и у других пленных, но с иной аргументацией (см., напр.: *Wedel von C. A. W.* Op. cit. S. 195).

проявлять по отношению к несчастным заключенным, несмотря на нашу нищету⁵⁰ и отсутствие необходимого для поддержания жизни, им, однако, не удалось заставить нас всех умереть. Несмотря на холод и плохое содержание, неожиданно [мы выжили], действительно как будто чудом, чтобы сохранить память о зверствах (*atrocités*), которым подвергались несчастные французы, в тысячи лье от своей родины, без провианта, без помощи, почти голые в условиях этого губительного климата, в зиму, чья суровость была необычна даже для местных жителей. Старики, которым было под сто лет и больше, мне говорили, что они не помнят подобной зимы, 25, 30, 40, 45 градусов было даже в снежные дни⁵¹! Господин Николаев, которого я узнал позднее, забавлялся тогда в своем замке физическими экспериментами, он рассказал мне, что однажды у него застыла даже ртуть. Я, полагаю, помню великий холод того дня.

Болезнь, от которой я еще полностью не излечился, сделала весьма тягостным это новое путешествие. Я видел все смутно и как бы сквозь туман; перед моими глазами постоянно то ли плясали, то ли летали неизмеримо малые черные точки, наподобие насекомых, мушек или майских жуков, которые, как мне казалось, заполнили всю атмосферу. Это длилось довольно долго и происходило от ослабления органов страданиями и продолжительного наблюдения снегов⁵². Эти точки так мне надоедали, что я пытался прогнать их рукой, как я делал бы среди тучи комаров или маленьких мушек. Иллюзия доходила до того, что я боялся их проглотить. Однако я сопротивлялся и взял верх, я выздоровел и увидел, что доживу до конечной цели нашего путешествия, и моя конституция не даст мне умереть.

После нескольких дней пути мы переправились на левый берег и прибыли в Симбирск, также находящийся на берегу Волги⁵³. Мы решили, что наконец-то здесь мы и должны остаться. Но после нескольких дней отдыха нас посадили в сани, и мы выступили в новую дорогу. Я был столь изнурен, что уделял очень мало внимания тому, что проис-

⁵⁰ На самом деле пленным унтер-офицерам, рядовым и нестроевым был положен солдатский провиант и 5 копеек в сутки, обер-офицерам – 50 копеек, майорам – 1 рубль, полковникам и подполковникам – 1 рубль 50 копеек, генералам – 3 рубля. При дешевизне продуктов этого с избытком хватало офицерам (см.: *Иелин Х.-Л. фон. 1812 г. Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 73; Руа И. Указ. соч. С.104; Wedel von C. A. W. Op. cit. S. 199*).

⁵¹ О морозах см. также: *Пешке С. Б. Мое пребывание в российском плену в 1812 году // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 396; Wedel von C. A. W. Op. cit. S. 208.*

⁵² Веййо получил нечто наподобие снежной слепоты.

⁵³ Ошибка мемуариста, возможно вызванная его болезнью, так как Симбирск (нынешний Ульяновск) находится на правом берегу.

ходит вокруг меня, не имея сил двигаться, я стал столь индифферентен даже к своей жизни, что ничего не могу сказать относительно тех двух городов⁵⁴, которым я уделил столь мало внимания. Они представляются мне достаточно широкими и красивыми, насколько это можно судить, когда все покрыто снегом и посреди этого монотонного вида только зеленые купола церквей и монастырей⁵⁵. Нас везли очень быстро, и, проехав достаточно большое число городов и деревень, названия которых мне неизвестны, мы узнали, что пунктом нашего окончательного назначения был Тамбов. Мне кажется, что мы получили эту новость, проходя через Нижний Новгород (Nigéni Novogogod)⁵⁶. Мы приблизились к Москве, этот район по температуре более мягкий, чем Саратов и Симбирск, что заставляло нас надеяться (если уж мы продержались до того), что в более мягком климате мы сумеем преодолеть те тяготы, которыми были обременены. Мы знали также, что идет 1813 год, но мы не имели представления о том какой сегодня день или месяц. Наконец, я предполагаю к концу февраля, <...> мы прибыли в Тамбов, обещанную землю, цель наших желаний. Городничий занимался нами два дня, после чего решил отправить нас в Лебедянь (Lebedian)⁵⁷, небольшой городок в 60 или 80 верстах⁵⁸ от Тамбова. <...>

Публикация подготовлена А. В. Гладышевым
(перевод с французского) и В. П. Тотфалушиным (комментарии).

⁵⁴ Очевидно, имеются в виду Саратов и Симбирск.

⁵⁵ «В городе [Саратове] шесть церквей каменных...», в Симбирске «...приходских церквей и с соборною каменных 15, деревянных 1, и два монастыря...» (Щекатов А. Географический словарь Российского государства. М., 1807. Ч. 5. Стлб. 740, 968).

⁵⁶ Примечание издателей мемуаров Вьейо: «Р. Вьейо хочет сказать Нижний Новгород, нынешний Горький. Маловероятно, что автор, находясь на берегах Волги, мог подняться до Горького, который находится в 400 км от Москвы, и это менее чем за месяц, в то время как заключенные находились в плачевном состоянии. Более того, колонна направлялась в Тамбов, и заход в Горький означал бы значительный крюк. Наконец, в России существует множество городов, которые начинаются на «Нижний». Автор просто ошибся. Можно было бы найти по дороге от Симбирска на Тамбов городок, начинающийся на «Нижний», но мы не знаем точного пути Вьейо» (см.: *Viellot R. Op. cit.* P. 236, note). Мы же от себя заметим что, подобные перегоны действительно имели место, например, партия А. Флека была отправлена из Саратов в Н. Новгород, где получила сообщение об отправке в Пензенскую губернию (см.: *Флек А. Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. II: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 137. С. 220).*

⁵⁷ Лебедянь Тамбовской губернии.

⁵⁸ 64 или 87 км.

**«НЕ ПИСАТЬ ВАМ, А ВИДЕТЬ ВАС Я ХОТЕЛ БЫ...»
(ПИСЬМА А. Д. СКАЛДИНА А. В. и В. В. ЛЕОНТЬЕВЫМ)**

Летом 2000 г. историческое здание Саратовского Радищевского музея готовили к началу ремонтно-реставрационных работ. Помещения освобождались. Рабочие вынесли из кабинета директора шкаф, за которым находилась наглухо запертая дверь, ведущая в соседнее помещение. Дверь необходимо было открыть, поэтому сняли плинтус, выдернули гвозди, и обнаружилось, что в дверном проеме был устроен стеной шкаф с несколькими полками. В нем – связки с документами, обернутые в газеты, папки, книги, другие какие-то мелочи... Раскрытое наугад не оставляло сомнений: большая часть из вновь обнаруженных источников – это чудом уцелевший до наших дней личный архив известных саратовских краеведов братьев Александра Владимировича (1893–1962) и Виктора Владимировича (1898–1965) Леонтьевых, считавшийся навсегда утерянным.

Архив в целом уникален по своему составу и, безусловно, заслуживает специального обозрения и всестороннего научного изучения. Но среди множества интереснейших документов оказалась еще одна неожиданная находка: в отдельно упакованном и тщательно перевязанном пакете из крафтовой бумаги находилось двенадцать писем, написанных характерным крупным почерком и подписанных «Ваш А. Скалдин».

Последние десятилетия XX в. вернули читателям имена и произведения многих выдающихся деятелей русской культуры и науки. Перед исследователями открылись несметные богатства недоступных ранее архивных сокровищниц, стало возможным беспрепятственно общаться и обмениваться научной информацией с зарубежными партнерами, активно начали публиковаться материалы семейных архивных собраний. На читающую публику хлынул настоящий поток забытых и полузабытых имен авторов и их, казалось, навеки канувших в Лету сочинений, вновь и вновь подтверждая бессмертный булгаковский афоризм – «Рукописи не горят».

Удивительная жизнь одного из таких писателей, судьба которого являлась одновременно и отражением реальной исторической эпохи и парафразом его собственных фантастических романов, была прочно связана с нашим городом. Имя этого человека – Алексей Дмитриевич Скалдин (2[14].10.1889, деревня Корыхново Новгородской губернии – 18.07 [по другим сведениям 28.08] 1943, Карлаг). Прозаик и поэт, последний петербургский символист, относивший себя к духовным ученикам и последователям Вяч. Иванова, он был дружен с М. Куз-

миным, Г. Ивановым, Р. Ивановым-Разумниковым, его самобытный писательский дар высоко ценили А. Блок и А. Белый, наконец, своим оригинальным творчеством он надолго предвосхитил стилистические новации А. Платонова, М. Булгакова и обэриутов.

В 1991 г. в журнале «Юность» (№ 9, 10, 11) появилась перепечатка с первого «фантазмагорического и головокружительного» романа А. Д. Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего», вышедшего в Петрограде в сентябре 1917 г. и с тех пор в течение 74 лет ни разу не переиздававшегося в нашей стране. Зато в 1987 и 1990 гг., переведенный на английский язык, он дважды (!) увидел свет в американских издательствах.

В настоящее время личностью и творчеством А. Д. Скалдина всерьез заинтересовалась сотрудница Санкт-Петербургского института русской литературы Татьяна Сергеевна Царькова. Ее самоотверженная и кропотливая работа, связанная с разысканием, сбором и систематизацией биографического и творческого наследия писателя, скрупулезным обследованием отечественных и зарубежных архивохранилищ, ибо из-за троекратных репрессивных гонений на А. Д. Скалдина большая часть его личного архива оказалась утерянной, привела исследовательницу в середине 1990-х гг. в Саратов.

В Радищевском музее Т. С. Царькову встретили с радостью. Музейные работники уже в то время хотя и смутно, но сознавали, что А. Д. Скалдин – это не просто одна из ярчайших личностей, оставившая заметный след в культурной жизни нашего города на рубеже 1910–1920-х гг., но феномен общероссийского масштаба, значимый для всей русской культуры в целом. Вместе с тем творческая и личная судьба писателя продолжала по-прежнему оставаться для всех загадкой, которую еще предстоит разгадать литературоведам и историкам.

В Саратове А. Д. Скалдин провел более четырех лет, печатался в периодических изданиях, преподавал, участвовал в публичных диспутах и лекциях, занимал различные административные посты, связанные с руководством театрами и музеями, охраной памятников старины. Около года Алексей Дмитриевич заведовал Радищевским музеем, совмещая директорскую должность с несколькими другими. Одновременно с этим Скалдин усердно трудился над многотомной историей искусств по «совершенно новому научному методу», так называемой «Философической историей вещественных искусств», готовил к публикации ряд прозаических сочинений, в том числе книгу новелл «Вечера у мастера Христофора».

На Александровской сидит один
И разбирает мирно негативы,

Движения его неторопливы,
То вождь музейный Алексей Скалдин.

Не потрясет своей кудрявой гривой
В стране разрушенной родных осин,
О тягости пережитых годин
Стекло пенсне поет нам сиротливо.

А рядом с ним жена Елизавета
Шьет, печкою-буржуйкою согрета,
Ночные туфли дочери своей.
А он, не ведая, кладет угрюмо
К пластинке с Государственною Думой
Парламент оголенных дикарей.

Это незатейливое на первый взгляд стихотворение, рисующее и род занятий автора, и его скудный семейный быт, написано было А. Д. Скалдиным в 1920 г. Последняя строчка его – «Парламент оголенных дикарей» – словно предвещала неминуемую катастрофу, гибель привычного и устоявшегося уклада жизни, нечто такое, что неподвластно было здравому человеческому рассудку. В итоге она оказалась пророческой – саратовский период жизни поэта закончился трагически.

В середине ноября 1922 г. Алексея Дмитриевича арестовали. Было инспирировано уголовное дело, по которому он обвинялся в краже музейных экспонатов. Всевозможных слухов и сплетен по этому поводу в городе ходило не мало. И каждый падкий на сенсацию горожанин интерпретировал услышанную новость по-своему. Вот как, например, трактовал ее на страницах своего «Дневника» М. Н. Чернышевский:

«Со Скалдиным форменный скандал – при вскрытии его багажа (50 ящиков) оказалось, что он хотел увезти с собою громадное количество редчайших книг Мальцовой библиотеки, лучшие ризы и даже несколько вещей и миниатюр из Радищев[ского] Музея. Дело велено довести до суда»⁵⁹.

После скандального судебного процесса, приговоренный к трем годам строжайшей изоляции, А. Д. Скалдин оказался в тюрьме, но, к счастью, уже 27 августа 1923 г. был выпущен на свободу. Это стало возможным лишь благодаря бескомпромиссным и решительным хлопотам о его освобождении жены Елизаветы Константиновны и петроградских друзей писателя, прежде всего, Ал. Чеботаревской, Ф. Сологуба, Вяч. Иванова и П. С. Когана. Немаловажную роль в этом деле сыграло также и прямое вмешательство в конфликтную ситуацию тогдашнего наркома просвещения А. В. Луначарского.

⁵⁹ Дневник М. Н. Чернышевского 1917–1924 гг. // Муниципальное Учреждение Культуры (МУК) «Музей Н. Г. Чернышевского». № 529/6. Л. 125 об.

Подлинными материалами уголовного дела, возбужденного против А. Д. Скалдина в 1922 г., мы в настоящее время, к сожалению, не располагаем. За давностью лет они были списаны с архивного хранения и попросту уничтожены «милицейскими архивариусами». Размышлять же об объективности или предвзятости судебного разбирательства, опираясь при этом лишь на саркастические, пропитанные откровенной желчью и злобой к подсудимому газетные репортажи тех лет, дважды воспроизведенные Т. С. Царьковой в разных изданиях⁶⁰, занятие не благодарное. Однако, невольно сравнивая дело Скалдина с другими известными аналогичными случаями, трудно усомниться в справедливости вывода, к которому приходит в своих умозаключениях биограф опального писателя: «Реальным побудительным мотивом возбуждения уголовного дела было желание власти избавиться от неугодного лидера»⁶¹ и что это был «один из первых, по сути своей, несомненно, политических процессов, замаскированных под уголовные»⁶².

Тем бóльшую научную ценность и значимость приобретают обнаруженные письма А. Д. Скалдина. Они проливают дополнительный свет на загадочный внутренний мир их автора, на его творческую физиономию, манеру общения с окружавшими людьми.

Адресаты писем Скалдина хорошо известны в нашем городе. Братья А. В. и В. В. Леонтьевы принадлежали к числу тех деятелей «золотого десятилетия» саратовского краеведения, чья жизнь была ярким примером бескорыстия и верности избранному однажды жизненному пути. Решающую же роль в определении круга интересов обоих братьев, формировании их исследовательского почерка, несомненно, сыграл А. Д. Скалдин. Масштаб его личности, оригинальность суждений, разносторонняя образованность саратовского «музейного вождя» не могли, конечно, не увлечь молодых людей, еще только вступавших на путь самостоятельной творческой деятельности. Под благотворным влиянием своего духовного наставника Леонтьевы совершили первые экспедиции по Саратовской губернии, в 1920–1921 гг. приняли участие в составлении карты памятников церковной архитектуры, профессионально начали заниматься фотографией. Намечался у них и совместный со Скалдиным творческий проект по созданию большой печатной работы

⁶⁰ См.: Царькова Т. С. «Скалдиновщина». Саратовский период жизни А. Д. Скалдина // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.–СПб., 1994; Она же. Материалы об аресте 1922 года // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Т. С. Царьковой. СПб., 2004.

⁶¹ «Вашим романом я очарован, как прекрасной вещью...». Письма Н. В. Кузьмина А. Д. Скалдину / Публ. и вступ. статья Т. С. Царьковой // Волга. 1994. № 9–10. С. 135.

⁶² Царькова Т. С. «Скалдиновщина»... С. 467.

о памятниках церковного и гражданского зодчества Саратова. Но, увы, в силу известных обстоятельств он не был осуществлен в полной мере. Однако интерес к обозначенной теме оба брата сохраняли на протяжении всей своей жизни, продолжая собирать ценнейший документальный и изобразительный материал, оказавшийся востребованным как современниками, так и молодыми исследователями, представителями нового поколения.

Мысленно охватывая взором историю становления и развития научных направлений в деятельности Радищевского музея первых десятилетий Советской власти, можно с уверенностью заявить о том, что именно А. Д. Скалдину принадлежит пальма первенства в деле серьезного изучения художественной культуры Саратовского края. Именно им были предприняты первые крупномасштабные действия по собиранию и осмыслению бесценных образцов краевой культуры, намечены темы будущих научных исследований, многие из которых и по сию пору не утратили своей актуальности.

Тесные дружеские связи между А. Д. Скалдиным и братьями Леонтьевыми, несмотря на некоторую разницу в возрасте, сложились и поддерживались во многом благодаря сходству их характеров и жизненных позиций. Это были люди, что называется одной группы крови. Стиль и манеру их взаимоотношений друг с другом определяли такие, казалось бы, старомодные понятия, как «такт», «щепетильность», «точность», «предусмотрительность». Искренняя человеческая привязанность к скромным провинциальным труженикам, так и не получившим заслуженных наград и престижных званий, слышится буквально в каждом его почтовом послании. Она проявляется и в первых строках писем, в нежно-интимном обращении к адресатам – «дорогие и любимые», и как бы в случайно оброненной, но такой многозначительной фразе – «думаю о вас».

Письма Алексея Дмитриевича наполнены чувством щемящей ностальгии по некогда радостному для него общению с саратовскими друзьями: художниками В. М. Юстицким и Н. И. Гржебиным, театральными деятелями А. И. Каниным, С. О. Вольфом и М. И. Шелковским, историком и краеведом А. А. Гераклитовым. Но по тому, как язвительно и даже резко отзывался он о некоторых других своих бывших знакомых: Б. М. Соколове, П. С. Рыкове, Ф. В. Баллоде и Д. В. Прокопьеве, становится ясно, что в памяти его свежи еще были воспоминания о трагических событиях 1922 г. и неблагоприятной роли в них перечисленных лиц. В качестве свидетелей судебного разбирательства по делу Скалдина, все они, несмотря на положительные в целом отзывы о деловых качествах подсудимого, в конечном итоге дали показания не в его пользу. Исключение на процессе составил лишь один из выступавших

свидетелей – профессор Саратовского университета С. Н. Чернов, который, кстати, и сам к концу 1920-х гг. оказался не в чести у новой власти. Подвергнутый публичному остракизму за мифическую пропаганду в пролетарской студенческой среде «буржуазных научных взглядов» и «идей великодержавного шовинизма», он, как и Скалдин, будет вынужден навсегда расстаться с Саратовом.

Парадоксально, но уже в ближайшем будущем судьбе вновь будет угодно испытать этих людей на прочность их характеров. И следует признать, что высокие моральные принципы, выдержка и благородство духа, присущие каждому из них, всякий раз оказывались выше житейских невзгод. Чтобы удостовериться в справедливости этих слов, достаточно сравнить встречающиеся в скалдиновских письмах высказывания о В. А. Бутенко и С. Н. Чернове с неподражаемой по своей выразительности характеристикой самого Алексея Дмитриевича, сохранившейся в эпистолярном наследии С. Н. Чернова.

В 1930 г. в письме к А. А. Гераклитову, наряду с другой информацией, Сергей Николаевич сообщал: «Т[ак] к[ак] обо мне и моих ты, вероятно, все знаешь от Лены [Е. П. Подъяпольской. – Е. С.], пишу тебе о других твоих знакомых. [...] В. А. [Бутенко] много нервничал, ибо долго не мог устроиться; потом устроился – сносно, потом все сорвалось, потом опять устроился при помощи А. Д. Ск[алдина]; [...].

Относительно А[лексея] Д[митриевича] должен сказать, что он меня очень радует: прелестный человек, по-настоящему прелестный; я горжусь тем, что один из всех вас в свое время его понял и оценил. У него, действительно, есть величие души, немногим свойственное. Как тепло он отнесся к В[адиму] А[пполоновичу] и В[ере] П[авлове Бутенко], которые когда-то не жалели помой на его голову! Как просто протянул им руку помощи почти без просьб с их стороны! Да, А[лександр] А[лександрович], я горжусь моими прошлыми и новыми с ним отношениями. Это, повторяю, прелестный и добавлю – настоящий человек... Какое моральное ничтожество, какая мразь перед ним твой излюбленный П. С. [Рыков], которого, впрочем, ты ранее гораздо правильнее ценил! – Прости эту лирику, сдобренную руганью: она невольная!»⁶³

Душевное радушие и искренняя забота А. Д. Скалдина об окружающих его людях, с кем когда-либо ему приходилось жить и работать, были поистине всеобъемлющими, ибо распространялись они не только на избранных и знаменитых, но и на простой люд. В своих письмах к Леонтьевым, он то и дело посылал по-деревенски многочисленные

⁶³ Письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклитову от 20-х чисел июня 1930 г. // Отдел рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова.

приветы и поклоны обыкновенным музейным служащим, интересовался событиями жизни Никанора Гришина, дяди Феди Гамаюнова, безвестной Андроновны, вспоминая при этом о ее усопшем муже Константиныче.

А что чудо строки из его писем, посвященные Петербургу – Ленинграду!.. О каких бы подробностях и таинствах Северной Пальмиры он ни сообщал бы адресатам – о головокружительной красоте архитектурных ансамблей или о «совсем шведских ландшафтах», все без исключения свидетельствовало о том, что человек, их писавший, бесконечно влюблен в этот город. После вынужденной разлуки с ним Алексей Дмитриевич неожиданно для себя открывает элементарную истину: город «пронзительно хорош по-новому». Но вместе с этим его приводят в ужас нескончаемые склоки и раздоры между учреждениями, засилье во властных структурах случайных людей, едва не узаконенное Советским правительством распродажа архивных ценностей Петергофского дворца-музея и пришедшие в негодность из-за длительного отсутствия капитального ремонта жилые строения. Для всего этого у писателя находится другое меткое определение: «наша неряшливость».

Ко всему прочему поистине демонической личностью для Скалдина в эти годы становится некто Г. С. Ятманов. В прошлом саратовец, ученик Боголюбовского рисовального училища, затем – крупный партийный функционер, ведавший музейным строительством в Петроградской губернии, он всеми силами препятствовал Алексею Дмитриевичу в стабилизации его как морального, так и материального положения. Постоянная зависимость Скалдина от безграмотных и властных чиновников, утомительная волокита с документами и едва преодолеваемое им безденежье не могли, конечно, не воздействовать угнетающе на психику писателя, желавшего и не могущего найти своего места в постреволюционной действительности. Недолгие просветы надежды, стремление «накопить хороших новостей», дабы порадовать ими своих корреспондентов, сменяются в письмах стоическим: «Пишу, а что буду печатать и когда неопределенно».

Опираясь даже на отдельные, разрозненные между собой факты из биографии А. Д. Скалдина можно смело сделать вывод о том, что жизнь и труды этой, безусловно, незаурядной личности таят в себе много загадочного. Литературоведам и историкам предстоит немало еще потрудиться над воссозданием цельного облика этого незаслуженно забытого соотечественниками крупного и самобытного писателя и неутомимого общественного деятеля на ниве культурного строительства.

В заключение хочется выразить искреннюю благодарность кандидату исторических наук, доценту кафедры истории России Саратовско-

го университета Владимиру Анатольевичу Соломонову за оказанную им бескорыстную помощь в подготовке настоящей публикации, проявившейся в целом ряде ценных советов и указаний, а также в предоставлении автору уникальных архивных источников, существенно расширяющих наши представления о личности А. Д. Скалдина.

1

Петербург, 28 сент[ября] 1923 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Я не писал Вам, пожалуй, долго. Это потому, что хотел написать побольше, пообстоятельнее. К тому же занимался и бездельем, и некоторыми делами – это отнимало время.

Но теперь собрался и пишу. Прежде всего, о делах. Мою книгу о «Никодиме»¹ для отправки Вам я приготовил и если еще не отправил, то потому лишь, что это дорого стоит, а мне приходится еще пока рассчитывать и копейки. Также приготовил книгу и для отправки Покусиным² (они просили). Прошу об этом передать, а также вручить Розалии Григорьевне³ прилагаемую записочку.

Просматривая здесь отпечатки с саратовских снимков, я нашел привезенные сюда, очевидно, еще в прошлом году:

1. Задний фасад корпуса в усадьбе мужского монастыря.
2. Южный портик Нового собора.
3. Второе реальное училище.
4. Надгробный памятник у южной стены мужского монастыря.
5. Колоннада северного портика собора мужского монастыря.
6. Изразцы [неразборчиво] дома на Покровской улице.
7. Южный портик собора мужского монастыря.
8. Новый Собор. Вид с алтаря.
9. Иконостас правого придела Нового собора.

Я не мог вспомнить здесь, положили Вы описать негативов к моим вещам или только обещали ее дослать потом, при удобном случае?

Вот и все дела.

А чем я здесь занят? И сам не знаю – провожу время как бы в бездельи, не пишу, не читаю и добыванием денег не занимаюсь. К тому же Петербург так отстал и мертв, что последнее в нем очень трудно.

В ученых и художественных учреждениях здесь как будто и много работы, но результаты ее плохо видны. Быть может это от неряшливости, все более и более въедающейся в наши круги. Неряшливость ползет широкою волною и неспешною при том, как туман. Нужно думать, что при таких свойствах движение продлится долго. Взять хотя бы, к примеру, так называемые «художественные издания», и не какие-нибудь,

а «Медный всадник» и «Версаль» Александра Бенуа и «Белые ночи» Достоевского с рисунками Добужинского⁴, где, казалось бы, имена художников служат некоторой порукой вкуса. И что же? Иначе как безобразными эти издания назвать нельзя.

Между самими учреждениями – постоянная грызня. Главмузей⁵ и Академия материальной культуры⁶ хотят съесть Институт истории искусств⁷; Академия материальной культуры не прочь позавтракать Главмузеем; в раздоры вступает против Главмузея и Академии материальной культуры; на стороне Института Художественный отдел Главнауки⁸, а Академия наук желает потихоньку перервать горло всем. Не только множественность учреждений и споры о превосходстве играют роль в создании этих раздоров, но и большая нищета (бюджетная борьба из-за государственной копейки). Над Институтом истории искусств была создана революционная комиссия вроде тех, которые терзали Гржебина⁹. Результат был самый нелепый: члены вроде Марра¹⁰ и Фармаковского¹¹ нашли все благополучным, а некоторые, Ятманов¹², например, говорили прямо, что институт нужно упразднить. Вот тут-то и вступилась Главнаука.

Я же пока от этой склоки, слава Богу, далек. Читаю свои тюремные произведения. Они имеют значительный успех. «Рассыпанное ожерелье» мне предлагают выпустить отдельной книжечкой с рисунками Талепоровского¹³ (такие издания здесь в моде – есть и коллекционеры, и дешевизна сравнительная позволяет их покупать)¹⁴. А «Крылатое Сердце» нельзя будет издать, по цензурным условиям очевидно. Думаю написать еще одну поэму (опять петербургскую) – «Два Желания»¹⁵.

Хожу по городу, смотрю на него со всех сторон. Петербург пронзительно хорош по-новому. К тому же после дождливого холодного лета с моим приездом установилась ясная, медленная и теплая осень. И открываются чудеса. Идешь где-либо, и вдруг – то удивительная [неразборчиво] между высокими домами и огромными деревьями в уходящей вдаль улице, то где-нибудь совсем шведский ландшафт (с моста между Аптекарским и Каменным Островами, на стыке косы Аптекарского и Каменного или другого какого-то, я не разобрал). Митрохин¹⁶, который сейчас много работает над зарисовкой петербургских видов, говорит, что Петербург ему теперь напоминает по своему построению ландшафтов – Италию. Такие чудеса совершаются в природе. А скоро свершатся чудеса и в жизни. Только ждите.

Елисавета Константиновна¹⁷ шлет Вам приветы от всего сердца. Целую Вас крепко. Ваш А. Скалдин.

P. S. О саратовской художественной жизни мне предлагают написать в местные журналы (например, «Аргонавты»¹⁸ [под] ред[акцией])

Митрохина, Н. Лансере¹⁹ и Голлербаха²⁰). Думаю написать, хотя дневникового материала у меня нет, и отстал за полтора года последние очень. А. С.

¹ Неполное название романа А. Д. Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего» (Пг., 1917).

² *Покусины*, знакомые А. Д. Скалдина по Саратову; дополнительные сведения не известны.

³ *Покусина* Розалия Григорьевна, знакомая А. Д. Скалдина; дополнительные сведения не известны.

⁴ Имеются в виду графические работы, выполненные известными русскими художниками: Александром Николаевичем Бенуа (1870–1960) к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» (Пг., 1923) и Мстиславом Валериановичем Добужинским (1875–1957) к повести Д. Ф. Достоевского «Белые ночи» (Пг., 1923), а также альбом «Александр Бенуа. Версаль» (Пг., 1922) со вступительной статьей «Версаль», написанной самим художником, и изображениями дворца, парка и парковой скульптуры Версаля.

⁵ Для большей централизации руководства музейным строительством 20 апреля 1921 г. Наркомпрос утвердил положение о Главмузее, согласно которому все музеи на территории РСФСР, как художественные, так и естественно-научные, были переданы в ведение Главного комитета по делам музеев и охране памятников (Главмузей).

⁶ Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), созданная 18 апреля 1919 г. на базе существовавшей с 1859 г. Археологической комиссии. В 1926 г. РАИМК была переименована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК). В ее составе имелось три отделения: этнологическое, археологическое и художественно-историческое, а также Московская секция, Институт исторической технологии и пять вспомогательных учреждений. С 1937 г. ГАИМК вошла в систему Академии наук под названием Института истории материальной культуры (ИИМК). В 1959 г. ИИМК получил новое наименование – Институт археологии.

⁷ *Российский институт истории искусств* (РИИИ) – научно-исследовательское учреждение, созданное в Петрограде (Ленинграде) в 1920 г. на базе частного специального высшего учебного заведения, основанном в 1912 г. графом Валентином Платоновичем Зубовым (1884–1969).

⁸ *Главнаука* – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями академического центра Наркомпроса РСФСР в период с 1922 г. до сентября 1933 г. (в 1930 г. переименовано в Сектор науки). Главнауке принадлежало общее руководство работами научно-исследовательских учреждений, музеев и опытно-показательных художественных учреждений, дело учета и охраны памятников искусства страны и природы, организация и производство работ по археологическим изысканиям и по реставрации историко-художественных памятников.

⁹ *Гржебин* Нахман Шиевич [Наум Исаевич] (1861–1928), художник; в 1920-е гг. директор Саратовского художественно-промышленного техникума. Брат издателя Зиновия Исаевича Гржебина (1869–1929).

¹⁰ *Март* Николай Яковлевич (1864–1934), ученый-филолог, археолог, этнограф; академик АН СССР (член Петербургской АН с 1912 г.). С 1900 г. профессор Петербургского университета, с 1919 по 1934 г. возглавлял Академию истории материальной культуры.

¹¹ *Фармаковский Мстислав Владимирович* (1873–1946), искусствовед, музейевед, один из создателей историко-бытового отдела в Русском музее. С 1919 г. сотрудник Академии истории материальной культуры.

¹² *Ятманов Григорий Степанович* (1876–1944), советский партийный деятель. Учился в Боголюбовском рисовальном училище в Саратове и школе при Обществе поощрения художеств в Петрограде. С октября 1917 г. комиссар по защите музеев и художественных коллекций, в 1918 г. председатель Коллегии по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Петроградской губернии при Наркомпросе, в 1922–1926 гг. заведующий пригородными дворцами-музеями и отделом музеев Петроградского управления научных учреждений, с октября 1926 по май 1929 г. инспектор по музеям Управления уполномоченного Наркомпроса, с 1929 г. директор Музея города Москвы.

¹³ *Талепоровский Владимир Николаевич* (1889–1958), художник-график, искусствовед и архитектор; в 1918–1924 гг. хранитель Павловского дворца-музея. Автор книги «Павловский парк» (Пг., 1923).

¹⁴ Предполагаемое издание рассказа А. Д. Скалдина «Рассыпанное ожерелье» не состоялось.

¹⁵ По авторитетному замечанию Т. С. Царьковой у А. Д. Скалдина «...с годами наметилось притяжение к стихотворному эпосу. Со слов современников мы знаем по крайней мере о двух произведениях больших форм – поэме «Крылатое сердце», написанной по получении известия (ошибочного) о расстреле во время Гражданской войны друга – С. В. Троцкого и о «длинном стихотворном послании» (возможно, «Два Желания». Е. С.) – цикле из семнадцати стихотворений, присланном в 1923 г. Вяч. Иванову из саратовской тюрьмы. (Хранится в римском архиве Иванова и остается недоступным ни читателям, ни исследователям.)» (*Царькова Т.* «...Нить блестящая тонка» // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Т. С. Царьковой. СПб., 2004. С. 10).

¹⁶ *Митрохин Дмитрий Исидорович* (1883–1973), советский график, заслуженный деятель искусств РСФСР (1969). В 1902–1904 гг. учился в училище живописи, ваяния и зодчества и в Строгановском художественно-промышленном училище в Москве, в 1905–1906 гг. – в частных рисовальных школах в Париже. С начала 1910-х гг. много работал в области книжного оформления. Мастер ксилографии (1923–1934), литографии (1925–1934), гравюры резцом и сухой иглой на металле (с 1927 г.), станкового рисунка и акварели (пейзажи и натюрморты). В 1924–1931 гг. профессор Ленинградского художественно-технического института.

¹⁷ *Скалдина* [урожд. Бауман; по первому мужу – Вальтер] Эльжбет [Елизавета, Елисавета] Константиновна (1885–1933), переводчица; жена А. Д. Скалдина.

¹⁸ «*Аргонавты*» – иллюстрированный сборник по вопросам искусства и музыкальной жизни, выходивший в 1920-е гг. под редакцией Э. Ф. Голлербаха, Д. И. Митрохина и Н. Е. Лансере.

¹⁹ *Лансере Николай Евгеньевич* (1879–1942), архитектор-художник, профессор Академии художеств. В разное время сотрудничал в журналах «Старые годы», «Ежегодник общества архитекторов-художников» и других

²⁰ *Голлербах Эрих Федорович* (1895–1942), библиофил, литературовед и искусствовед. Сыграл большую роль в становлении советского библиофильства, один из организаторов Ленинградского общества библиофилов (1923).

Ленинград, 30/III [19]24 г[ода].

Дорогие друзья!

Долго пришлось лежать Вашему письму в ожидании ответа: я все думал накопить хороших новостей, чтобы порадовать ими Вас. Но новостей нет, а дела есть. Откладывать больше нельзя. И вот, пишу.

Спасибо за передачу сообщений Покусиным и Сергею Оскаровичу¹. Сергей Оскарович удачно устроился в Москве. Он – директор Сокольнического рабочего театра. По-видимому, доволен.

Александр Матвеевич² ничего нам не пишет. Я не знаю, почему. Неужели он в таких тяжелых условиях? Во всяком случае, передайте ему, что хочу иметь от него какие-либо вести и всегда думаю о том, чтобы он мог попасть в Петербург. Но это сейчас устроить для него не так-то легко.

Также думаю и о Вас. Хорошо было бы, если бы Вы могли работать здесь. Правда, Рыковых³ и в Петербурге сколько угодно, но все же не все Рыковы.

Опись негативов я нашел.

О переводе Б. М. Соколова⁴ я узнал от Машковцева⁵, бывшего здесь. Как и чем отличился Б[орис] М[атвеевич] на Всесоюзной выставке, понять нетрудно⁶. Он всегда отличался особым умением угодить власть держащим.

К переводу профессора Баллода⁷ в Москву Машковцев отнесся с недоумением. А здесь в Петербурге, проф[ессор] Петри⁸ рассказал мне новый анекдот о Франце Владимировиче – это о нахождении в «кочевническом кургане» кисета с табаком. Не на основании ли этого изумительного открытия Ф[ранц] В[ладимирович] переведен в Москву? – спрашивал меня проф[ессор] Петри. Работать Баллод будет в Историческом музее.

Виктору Гавриловичу с женой⁹ и двумя сыновьями кланяйтесь. Кстати, скажите ему, чтобы он, как штатный сотрудник церковного музея¹⁰ и до некоторой степени мой наследник, проделал следующую манипуляцию с оловянными экспонатами музея:

А. Поместил их в чистый деревянный сосуд.

Б. Налил сей сосуд водою.

В. Взял другой сосуд, бóльших размеров.

Г. Тоже наполнил его водою.

Д. И поместив в него первый, кипятил бы сей состав до 3 часов.

Воду для первого сосуда нужно взять чистую, без соленых примесей, т. е. если не дистиллированную, то дождевую или снеговую.

Это в предохранение от «оловянной чумы», разъедающей сейчас оловянные вещи во многих музеях России и Германии, т. е. в тех, ко-

торые не отапливались. Совет пригоден и для Радищевского музея. В следующие зимы рекомендуется оловянные вещи переносить в отапливаемое помещение.

Прокопьев¹¹ же пусть станет профессором. Это ему вполне подойдет. Но Машковцев говорит о нем, что это «необъяснимо-неприятный человек», что он «не может выносить его присутствия в одной комнате с собой».

Книгу Оппоковой¹², о которой Вы пишете, я знаю по рукописи и не могу хвалить ее – мне она кажется «либерально-педагогической», но Архивка¹³ с нею много возилась.

Другое дело книга Гераклитова¹⁴. Как о самом Александре Александровиче, так и о его книге я высокого мнения. К сожалению, этой книги я сейчас под руками не имею – будь она у меня, я написал бы о ней Александру Александровичу некоторые соображения.

Для Саратова несколько выставок, о которых Вы пишете, – это много. Для Петербурга одной выставки Эберлинга¹⁵ за весь сезон – мало. Да и какая выставка. Здешние художники предпочитают выставлять в Америке. Но что именно – трудно сказать.

Эрмитаж открыл несколько новых зал, преимущественно XIX века. Неудовлетворительно – достаточно мусора. Потом устроил и открыл две комнаты кружев, карманных часов, миниатюр, табакерок. Интересные вещи, но их, в общем, так мало, что скорее нужно всю выставку счесть за частное собрание в частной квартире. Русский музей открыл залы современной русской литографии.

Впрочем, Эрмитаж тоже открыл выставку французских литографий. Изумительные экземпляры Гаварни¹⁶, Домье¹⁷ и других. Но места, чтобы развернуться – не дали. Это в Петербурге-то, где ряды дворцов пустуют.

О себе. Осень и зима были для меня неудачны. С длиннейшими проволочками получил я место в Институте истории искусств. Редактирую труды Института для издания, занят по вечерам. Работа не утомляет и не занимает. Еще осенью у меня появилась возможность занять место заведующего дворцами и парками Петербургского района после ухода отсюда Ф. Г. Бернштама¹⁸. Район – огромный (Петергоф¹⁹, Ораниенбаум²⁰, Стрельна²¹), работы масса. Но Ятманов вопреки предложению обо мне Ерыкалова²² и Надеждина²³ направил туда некоего приятеля своего – Измайлова²⁴. Новое назначение ознаменовалось скандалом. Измайлов продал «для усиления хозяйственных средств управления» на бумагу часть архива петергофского дворца – главным образом елизаветинской эпохи. Кое-как спасли (напал на след случайно ученый секретарь Эрмитажа Макаров²⁵), но многое разошлось по рукам граждан вместе с селедками. Впрочем, Измайлов благоденствует в Петербурге.

Одно время у меня была надежда прочно устроиться в «Красной Газете»²⁶, пока там редактором был Флеровский²⁷. Но его очень скоро перевели в Москву, а оставшиеся (главным образом люди, настроенные по отношению к Флеровскому враждебно), не очень-то склонны дать мне возможность играть в этом издательстве значительную роль.

Наконец 1 марта я получил вторую службу – заведующего Юсуповским дворцом-музеем²⁸. Работы в нем много – надо привести в порядок бытовое имущество Юсуповых, вернуться к достройке выставки картин – их выставлено четыреста с небольшим, но еще осталось около шестисот, да около девятиста рисунков. Кроме того, архив, гравюры, литографии, библиотека, «распутинская история», коллекция тростей, музыкальный архив Н. Б. Юсупова. Миниатюры, табакерки, кружева, фарфор, серебро хотя и переданы в Эрмитаж «для сохранности»²⁹ (дом Юсуповых дважды подвергался «ограблению»), но числятся за домом и к ним тоже придется обратиться.

Все бы хорошо, переехать в Дом и работать (хотя оплата мизерная, но квартира, дрова, электричество за счет Фонда) – если бы опять не Ятманов. У него желание садить на это место другого своего приятеля, некоего Слободенюка-Подольяна³⁰. Поэтому я воздерживаюсь от переезда из осторожности.

Несколько времени тому назад (недели три) я написал письма Машковцеву и С. Н. Чернову³¹, как лицам, указанным в моем заявлении, могущим дать обо мне сведения по своему служебному положению. Хотя Машковцев, будучи здесь, в Петербурге, обещал мне дать такое письмо в случае надобности, но обещания своего до сего времени не исполнил. От Серг[ея] Ник[олаевича] тоже нет ответа. Будьте так добры, попросите его написать в здешний Музейный фонд – это будет мне определенной поддержкой против Ятманова.

Осенью находились издатель и художник для моего «Рассыпанного ожерелья». Это – Ноттрафт³² (изд[ательство] «Аквилон»³³) и Талепоровский – хранитель Павловских музеев. Кроме того, иллюстрировать повесть не прочь был Митрохин. Но Ноттрафт прогорел, а других издателей такая книжка интересовать не может, и я ее никому не предлагаю.

Нашу работу по Саратову³⁴ пора бы издавать. Если удастся мне план расширения издательства Института истории искусств – быть может, удастся тогда и включить описание хотя бы некоторых памятников Саратова или в «Записки» или в «Ежегодники» Института. Но работать над подготовкой следует уже теперь. Можно было бы наметить Новый собор³⁵, Старый собор³⁶, Мужской монастырь³⁷. Напишите, что Вы об этом думаете, и в каком положении у Вас материалы? Даже издаека мы могли бы эту работу закончить вместе.

Привет всем, особенно Н. И. Гржебину, Юстицкому³⁸, дяде Феде³⁹ и Никанору⁴⁰ с женами, Александру Матвеевичу, Татьяне Михайловне⁴¹, Шелковскому⁴², Канину⁴³ (если он в Саратове), А. А. Гераклитову, Серг[ею] Н[иколаевичу] Чернову и Покусиным. Ел[исавета] Конст[антиновна] тоже кланяется. Ваш А. Скалдин.

P. S.

31/III [19]24 г[ода].

Елисавета Константиновна с большой благодарностью вспоминает Вас, но она, бедная, проболела почти всю зиму. Заработок мой был ничтожен и, вначале, случаен – пища плохая, т. к. жизнь в Петербурге очень дорога (только в Мурманске еще дороже), никаких дел нет, все мертво: внешне стараются подкрасить мертвеца, но он разлагается быстро, дома просто разваливаются, мостовые хотя и чинят, но видно, что этой починке верить нельзя – так раньше не делали.

Тот дом, в котором мы живем, приходит в полный упадок: печи не топят, обваливаются внутри, крыши текут, повсюду трещины и косые оседания стен, штукатурка сыпется, нужен капитальный ремонт, чтобы поддержать дом (спасти его нельзя – поздно), но у жильцов нет и не будет на этот ремонт денег: дом придется очистить через два года – не больше. И подобных домов в Петербурге тысячи. Ясно, что город будет представлять собою через какие-нибудь пять лет. Руины вроде римских?

Кстати, еще просьба. Здешнее 16 отделение милиции по моему заявлению запросило Саратовский Губ[ернский] суд через Саратовское Г[лавное] П[олитическое] У[правление] о возврате тех документов, которые были отобраны у меня при аресте. 6-ой месяц идет, но ответа нет. Я сомневаюсь в том, чтобы запрос был сделан, а хожу без постоянных документов. Справьтесь, пожалуйста, в Губсуде или через него в ГПУ, действительно ли был запрос? Ваш А. Скалдин.

И еще узнайте у Шелковского, получил ли он посланную ему мною пьесу [неразборчиво] и что он думает с нею сделать?

¹ Вольф Сергей Оскарович (1890–1951), театральный деятель. В 1920-е гг. являлся администратором драматического театра имени К. Маркса в Саратове, с 1929 по 1941 г. и потом в эвакуации – директором Воронежского драматического театра.

² Кожевников Александр Матвеевич, сотрудник Саратовского губмузея. В 1922 г. был осужден вместе с А. Д. Скалдиным.

³ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942), историк, археолог и краевед. В 1922–1937 гг. профессор Саратовского университета, с 1921 г. директор Саратовского областного краеведческого музея, в 1925–1931 гг. член Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, с 1929 г. сотрудник Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького, с 1931 г. председатель Нижне-

Волжского бюро краеведения. В августе 1937 г. был арестован, обвинен «в причастности к свержению Советской власти», осужден к 9 годам заключения на Дальнем Востоке, умер на поселении 26 марта 1942 г.

⁴ *Соколов* Борис Матвеевич (1889–1930), языковед и фольклорист; в 1918–1919 гг. профессор Костромского, в 1919–1923 гг. профессор и заведующий кафедрой русской литературы и языка Саратовского университетов; организатор первых фольклорных и этнографических экспедиций в Саратовском университете и создания 25 апреля 1920 г. Этнографического музея.

⁵ *Машковцев* Николай Егорович [Григорьевич] (1883–1962), историк живописи, критик, педагог и музейный деятель, член-корреспондент Академик художеств. В 1918–1927 гг. входил в руководящий состав государственного управления музейным строительством, одновременно работал в Третьяковской галерее.

⁶ Имеется в виду участие Б. М. Соколова во Всероссийской сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве (1923). На ней были выставлены интереснейшие экспонаты, характеризующие материальный быт деревни, собранные этнографической экспедицией в 1923 г., организованной на средства отдела домоводства и быта Главного выставочного комитета. Представленные на выставке материалы послужили позже основой Центрального музея Народоведения, организованного Б. М. Соколовым в Москве. Последнее обстоятельство, собственно, и явилось главной причиной, по которой он оставил службу в Саратове. Сам ученый в письме к В. В. Бушу от 19 февраля 1924 г. по этому поводу писал:

«Лично я Саратовом за проведенные там 5 лет очень доволен; ничего дурного, по совести, не могу о нем сказать. Расставался с ним с глубокой грустью и теперь часто о нем вспоминаю с самым добрым чувством. Уехал я в Москву лишь потому, что меня пригласили для организации здесь большого Этногр[афического] Музея. Эта идея меня давно увлекала. Кроме того сказалось, конечно, и то, что я коренной москвич. Как ни хорошо было в Саратове работать, но пять лет вне Москвы все же – срок не маленький: в Москве моя вся родня и много друзей» (ОР РНБ. Ф. 117 [В. В. Буш]. Д. 213. Л. 1 об.)

⁷ *Баллод* Франц Александр Владимирович [Франц Владимирович] (1882–1947), археолог, историк и искусствовед; в 1918–1924 гг. профессор, заведующий кафедрой теории и истории искусств, в 1919–1921 гг. декан историко-филологического факультета Саратовского, с 1924 г. Московского университетов. С 1940 г. жил в Швеции.

⁸ *Петри* Бернгард Эдуардович (1884–1937), этнограф, археолог, краевед и библиограф; с 1918 г. приват-доцент, профессор Иркутского государственного университета, основатель иркутской археологической школы. Арестован в Иркутске 28 мая 1937 г. по «делу немецких специалистов». Обвинен в шпионаже в пользу английской и германской разведок, участии в немецко-японской, диверсионно-разведывательной, правотроцкистской организациях. 14 ноября 1937 г. коллегией НКВД СССР был приговорен к высшей мере наказания и 25 ноября того же года расстрелян.

⁹ *Панфилов* Виктор Гаврилович, коллекционер и музейный деятель. В 1920–1923 гг. работал в Радищевском музее, в 1923–1925 гг. в церковно-художественном отделе Саратовского музея краеведения, в 1925 г. вел курс по музыкальной грамоте и истории искусств и костюма в Саратовском государственном театральном техникуме.

Репникова В. Н., жена В. Г. Панфилова; дополнительные сведения не известны.

¹⁰ Имеется в виду отдел церковно-художественной старины Саратовского областного государственного научного музея (ныне Саратовский областной музей краеведения). Отдел, действовавший с 1918 г. до 1929 г., занимался сбором и хранением произведений церковного имущества и предметов церковного обихода, а также кустарных работ «в виде резьбы по дереву, изображение Христа в темнице». В нем были богато представлены коллекции парчовых тканей, чеканных и ювелирных изделий, а также «хороший подбор икон, начиная с XVI века» (Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год / Под ред. Д. М. Борисова. Саратов, [1925]. Отд. III. С. 388).

¹¹ *Прокопьев* Дмитрий Васильевич (1902–1942), педагог и музейный деятель. В 1920–1924 гг. работал в Радищевском музее, с 1921 г. занимал должность хранителя.

¹² *Оппокова* Валентина Ипполитовна (1892–1920), историк, педагог, деятель саратовского краеведения. С 1919 г. архивариус, с 1920 г. секретарь Саратовского общества истории, археологии и этнографии. Летом 1920 г. в качестве преподавателя методики истории была зачислена в педагогический состав Саратовского института народного образования. Скончалась 7 октября 1920 г. от заболевания брюшным тифом.

В письме А. Д. Скалдина речь идет о книге В. И. Оппоковой «Прошлое Саратовского края» (Саратов, 1924). По свидетельству профессора С. Н. Чернова, ответственного редактора данного издания: «Этот томик вышел из тех чтений, которые Валентина Ивановна вела в вечерних школах для взрослых и своему любимому детище «Доме Юношества». Часть их она с большим успехом провела на краткосрочных курсах, которые весной 1920 года устраивало Общество для своих научных сотрудников и вольнослушателей из студенческой среды по истории, археологии и этнографии нашего богатого утасшими и живыми культурами края.

Печатаются эти чтения так, как они сохранились после Валентины Ипполитовны в ее бумагах, не вполне для печати отделанными и неохватившими целиком всего прошлого края. Думается, что они будут полезны всем, кто работает над изучением прошлых судеб края или их излагает другим» ([Чернов С. Н]. Валентина Ипполитовна Оппокова // Оппокова В. И. Указ. соч. С. 5).

¹³ *Архивка* – упрощенное наименование Саратовского общества истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), созданного на базе существовавшей с 12 декабря 1886 г. Саратовской ученой архивной комиссии, действовало с 21 июня 1920 г. по 29 сентября 1923 г.

¹⁴ *Герасимов* Александр Александрович (1867–1933), историк, краевед, палеограф. С 1918 г. ассистент, с 1919 г. штатный преподаватель и заведующий библиотекой историко-филологического факультета, в 1928–1930 гг. профессор Саратовского университета, основатель мордовского отделения на педагогическом факультете СГУ. В качестве члена Саратовской ученой архивной комиссии занимался историко-археографическими и краеведческими изысканиями. Как палеограф внес существенный вклад в изучение филигранных рукописей. Автор альбомов филигранных и многочисленных научных и научно-популярных сочинений по истории Саратовского края.

В письме А. Д. Скалдина речь идет о фундаментальном труде А. А. Герасимова «История Саратовского края в XVI–XVIII веках» (Саратов, 1923).

¹⁵ *Эберлинг* Альфред Рудольфович (1872–1951), художник, мастер натюрморта, пейзажной и портретной живописи. Выпускник Санкт-Петербургской академии художеств, ученик Репина, однокашник Рериха, Малевича, Кусто-

диева, Петрова-Водкина, один из учредителей и участников «Общества имени А. И. Куинджи» (1909–1931).

¹⁶ *Гаварни Поль* [наст. имя Сюльпис Гийом Шевалье] (1804–1866), французский карикатурист, рисовальщик и график.

¹⁷ *Домье Оноре Викторен* (1808–1879), французский карикатурист, литограф, живописец и скульптор.

¹⁸ *Бернштам Федор Густавович* (1862–?), художественный деятель; с 1892 г. библиотекарь, 1908 г. действительный член Академии художеств.

¹⁹ *Петергоф* – название города Петродворец до 1944 г.

²⁰ *Ораниенбаум* – название города Ломоносов до 1948 г.

²¹ *Стрельна* – поселок (с 1961 г. в составе г. Петродворец), на Южном берегу Финского залива, на реке Стрелка.

²² *Ерыкалов В. И.*, в 1920-е гг. сотрудник Петроградского отдела по делам музеев и охране памятников искусства, один из организаторов Ленинградского отделения Государственного музейного фонда.

²³ *Надеждин*, идентифицировать личность этого человека не удалось.

²⁴ *Измайлов (?) Николай Федорович* (1893–1981), литературовед, текстолог, пушкинист. В 1921 г. ученый хранитель рукописей, с 1924 по 1929 г. заведующий рукописным отделом Пушкинского Дома при РАН. 14 ноября 1929 г. он был арестован по «академическому делу» и сослан в Печору. После реабилитации в 1953 г. вернулся в Ленинград, получил должность старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (1955), вновь стал заведующим рукописным отделом Пушкинского Дома (1957–1970). Преподавал в Ленинградском государственном университете.

²⁵ *Макаров Владимир Кузьмич* (1885–1970), искусствовед, в 1912–1917 гг. преподаватель истории в средних учебных заведениях Петрограда, в 1918–1928 гг. главный хранитель Гатчинского дворца-музея, в 1940-е гг. председатель Комиссии по сохранности памятников, сотрудник Государственного Эрмитажа.

²⁶ «*Красная газета*» – ежедневная газета, издавалась в Петрограде (Ленинграде) с 12 января 1918 г. по 28 февраля 1939 г. В 1920–1930-х гг. при «Красной газете» действовало одноименное книжно-журнально-газетное издательство.

²⁷ *Флеровский Иван Петрович* (1888–1959), деятель революционного движения, журналист. С апреля 1918 г. главный комиссар Балтийского флота, начальник управления наркомата внутренних дел, член РВС Каспийской военной флотилии. В 1919–1922 гг. член Саратовского губкома РКП(б) и губисполкома, комиссар управления водного транспорта, заведующий губернским отделом народного образования, ответственный редактор «Саратовских известий». С 1922 по 1933 г. являлся редактором ряда газет и журналов («Красная газета», «Рабочий край», «Пролетарская революция»), в 1926–1929 гг. заведовал отделом ТАСС. С 1933 г. на административно-хозяйственной и журналистской работе.

²⁸ *Юсуповский дворец* (набережная реки Мойки, 94), памятник архитектуры классицизма. С 1830 г. зданием владел князь *Николай Борисович Юсупов* (1750/1751–1831) – государственный деятель, дипломат, директор Эрмитажа и Оружейной палаты, любитель искусства и меценат, составитель крупнейшего частного собрания западноевропейской живописи и декоративно-прикладного искусства в России XVIII–XIX вв. До 1917 г. – владение семьи Юсуповых. Здесь в ночь на 17 декабря 1916 г. заговорщики-монархисты (князь Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, великий князь Дмитрий Павлович, В. М. Пуришкевич, А. С. Сухотин и С. С. Лазаверт) убили Г. Е. Распутина. В 1919–1925 гг. – дворец-музей, затем Дом работников просвещения (Дом учителя).

²⁹ После 1917 г. обширное собрание Н. Б. Юсупова было раздроблено, произведения из коллекции переданы через Государственный музейный фонд во многие музеи.

³⁰ *Слободенюк-Подольян*, петербургский художник; дополнительные сведения не известны.

³¹ *Чернов* Сергей Николаевич (1887–1941), историк, краевед, источниковед, специалист по истории освободительного движения в России первой четверти XIX в. В 1917–1928 гг. профессор Саратовского университета, с 1939 г. по 1940 г. работал в Институте истории науки и техники АН СССР, читал курс лекций в Институте народов Севера АН СССР, а с весны 1941 г. заведовал кафедрой русской истории на историческом факультете Ленинградского городского педагогического института.

³² *Нотгафт* Федор Федорович (1896–1942), художественный и издательский деятель, коллекционер. С 1925 г. заведующий художественной редакцией Ленинградского отделения Госиздата, затем – издательства «Искусство».

³³ «*Аквилон*» – частное издательство в Петрограде в 1921–1924 гг. Владелец – инженер-химик и страстный библиофил-книголюб В. М. Кантор, фактический руководитель – Ф. Ф. Нотгафт.

³⁴ Во время судилища над А. Д. Скалдиным в 1922 г. один из братьев Леонтьевых, работавший под его руководством, дал «...подробные показания о совершенных Скалдиным работах – по регистрации деревянных памятников старины, кладбищенских и др[угих]. В этой области Скалдин проявил много инициативы, энергии и знания. Многие работы еще не закончены. Общий смысл показаний этого свидетеля, вызванного защитой, – заключал далее газетный репортер, – сводится к тому, что Скалдин – ценный работник, без которого начатые работы не могут быть окончены» (Материалы об аресте 1922 года // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии... С. 413).

³⁵ Речь идет об Александро-Невском кафедральном (Новом) соборе в Саратове, построенном на народные деньги по проекту архитектора В. П. Стасова (1769–1848) в честь победы русской армии в Отечественной войне 1812 г. Закладка собора состоялась 30 августа 1815 г., а торжественное освещение – 28 марта 1826 г. Позже, в 1840–1845 гг., на пожертвованные М. Ф. Дмитриевой деньги, была выстроена колокольня. В 1856 г. в собор на вечное хранение были переданы знамена саратовского ополчения, участвовавшего в Крымской военной кампании. В 1934 г. собор был варварски уничтожен; ныне на его месте находится стадион «Динамо».

³⁶ Имеется в виду самый древний храм Саратовской губернии – Троицкий собор, заложенный в 1695 г. В начале XIX в. собору грозило закрытие из-за ветхости. И только благодаря капитальному ремонту, проведенному под руководством губернского архитектора В. И. Суранова (1765–1818), храм был сохранен и поныне выполняет свою функцию.

³⁷ Имеется в виду Саратовский Спасо-Преображенский мужской монастырь, основанный в 1680 г. Первоначально находился в черте города за Глебучевым оврагом на высоком берегу над Волгой. В 1811 г. сгорел, после чего в 1814 г. был переведен к подножию Лысой (Алтынной) горы. Возведен в 1814–1822 гг. по проекту Л. И. Руска (1758–1822). Полностью уничтожен в 1930-х гг.

³⁸ *Юстицкий* Валентин Михайлович (1892–1951), талантливый живописец и график. В 1919–1920 гг. преподавал в студии живописи и рисунка при Саратовском пролеткульте, в 1923–1935 гг. – в Саратовском художественном училище. В 1937 г. был репрессирован, приговорен к 10 годам лишения свободы, нахо-

дился в лагерях Карелии, Архангельской области. После освобождения осенью 1947 г. вернулся в Саратов.

³⁹ Гамаюнов Федор Фаддеевич (1866–?), сторож и смотритель Радищевского музея.

⁴⁰ Гришин Никанор Степанович (1884 – после 1951), сторож и смотритель Радищевского музея.

⁴¹ Кожевникова Татьяна Михайловна, жена А. М. Кожевникова; дополнительные сведения не известны.

⁴² Шелковский Михаил Игнатьевич, театральный деятель. В 1920-е гг. жил и работал в Саратове, был администратором Городского театра (позднее театра имени Н. Г. Чернышевского).

⁴³ Канин Александр Игнатьевич (1877–1953), режиссер и актер, заслуженный артист России (1926). В 1917–1923 и 1925–1927 гг. был организатором и преподавателем Саратовской театральной студии. В 1934–1941 гг. художественный руководитель театров в Воронеже, Курске, Рязани и других. Лауреат Государственной премии СССР (1951).

3

Ленинград, 10/VII [19]24 [года].

Дорогие мои друзья.

Пишу это письмо с глубокой мукой. Я все не отвечал, так как надеялся к 10 числу получить деньги за свою работу «Смерть Григория Распутина»¹, только что законченную (объединение старых материалов с новыми, добытыми мною), но получка задержалась – и в результате я должен прибегнуть к героической мере: просить особой запиской Михаила Игнатьевича Шелковского дать Вам два червонца моего долга², т. к. из своего бюджета я ничего не могу уделить – я сам существую сейчас на 45–47 рублей в месяц, что составит в переводе на саратовские цены не более 15–20 рублей в месяц. Бедность в Петербурге ужасающая, те люди, у которых я мог бы занять для Вас денег, отсутствуют.

Сергею Николаевичу передайте, пожалуйста, скажите, что я ему напишу, скажите и то, что я никогда не думал скрывать здесь что-либо о суде, но говорил об этом открыто. В здешнем управлении музейными делами о том знают, даже есть там моя объяснительная записка и указания в ошибках. Впрочем, рекомендация не нужна уже – Москва дала соответствующую, вопрос только в том, будет ли существовать Юсуповский Дом-музей. Обещают его заменить мне Павловским или Петербургом.

О книгах своих ничего не знаю – сам напишу Ольге Васильевне³ как только почувствую в кармане верные деньги. Иначе придется оставить их еще на время в Саратове. Напишу Вам еще подробнее. Целую Вас. Ваш А. Скалдин.

¹ «В 1924 г. в ГИЗ, а затем в издательство «Время», где работал художником младший брат Скалдина – Георгий Дмитриевич, был сдан роман «Смерть Гри-

гория Распутина», написанный «по рассказам людей много о нем знавших». Роман долго «отлеживался» в издательствах, затем, вероятно, затерялся. Был ли он возвращен автору, неясно. Но над этим романом (другой его версией?) Скалдин тщательно работал и в 1930-е годы, филигранно его отделявая» (Царькова Т. «...Нить блестящая тонка» // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии... С. 19).

² Письмо заканчивалось запиской, адресованной М. И. Шелковскому: «Дорогой Михаил Игнатьевич. Во имя старой дружбы прошу Вас, если сможете, дать за мой счет братьям Леонтьевым двадцать рублей. Я им должен и до сего времени не мог выслать, занять здесь ни у кого сейчас не могу – все знакомые нищенствуют, должен в течение ближайших недель получить деньги за свою работу «Смерть Григория Распутина» и незамедлительно Вам вышло. Премного обяжете. Ваш А. Скалдин. Ленинград, 10 июля 1924 года».

³ Возможно речь идет об Ольге Васильевне Зориной, преподававшей в 1920-х гг. литературу и родной язык в Саратовском педагогическом техникуме.

4

Новониколаевск¹, Томская ул[ица], 75.

28 ноября 1924 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Я или дела мои перед Вами очень виноваты. Но, как видите, я в Новониколаевске и не только добрая воля занесла меня сюда. В Петербурге я потерпел много крахов, дошел почти до безнадежности, распродал последнее, чтобы существовать. Ни книга моя о Распутине, ни переиздание романа и издание продолжения его не прошли². Книга о Распутине, быть может, еще выйдет в сильно сокращенном виде, но роман можно будет печатать лишь за границей.

Поэтому я и не послал Вам вовремя деньги – сколь тяжело это для меня не было. Я готов был плакать от огорчения, что не могу этого сделать для Вас, мои милые и дорогие. Сюда я поехал не на свои деньги, а на те, что мне дал Г. П. Блок³ – двоюродный брат покойного А. А. Блока⁴.

Очень может быть, что здесь, во Владивостоке и Харбине я достигну успеха в делах. Из первого же заработка вышлю Вам и долг, и, если можно будет, что-либо на фотографические материалы. Так хочется работать с Вами вместе дальше – и невозможно.

На Сибирь и Дальний Восток у меня поручение – обследовать гражданскую и церковную архитектуру. Но морозы – по старым селам не проедешь сейчас – нужно ждать весны.

Новониколаевск сам слишком нов и в нем нет ничего интересного, кроме поздней деревянной резьбы на наличниках – удивляет своей динамичностью и присутствием большого вкуса. Жалею, что невозможно фотографировать. Мотивы разнообразны, хотя не все одинаково удачны.

Елисавета Константиновна осталась в Петербурге с детьми⁵, пока, буквально, на волю Божию. Кой-какую работу она перед моим отъездом получила, но это гроши по-петербургски (рублей 40 в месяц).

Еще раз прошу Вас, милые мои, за причиненную боль и огорчения простить.

Целую Вас крепко. Ваш А. Скалдин.

Р. С. Привет Александру Матвеевичу и Татьяне Михайловне. Удивляюсь, почему они ничего не пишут. У меня в проекте посещение Омска, Томска, Тобольска, Тюмени, Семипалатинска, Красноярска, Барнаула, Бийска, Иркутска, Читы, Хабаровска, Верхнеудинска⁶, Благовещенска, Владивостока, Харбина. Но это пока в проекте. Видно будет.

¹ Новониколаевск – название города Новосибирск до 1925 г.

² Речь идет о предпринятой А. Д. Скалдиным попытке переиздания романа «Странствия и приключения Никодима Старшего» (Пг., 1917) и публикации его продолжения, состоящего из двух частей. Однако, отчаявшись напечатать их в России, он в конце 1920-х гг. отправил всю трилогию «Повествование о Земле» за границу, где она и затерялась.

³ Блок Георгий Петрович (1888–1962), прозаик, переводчик и литературовед, в 1950–1960-х гг. старший научный сотрудник словарного отдела ИЛИ РАН (ЛО ИЯ АН СССР). Один из организаторов создания в Петрограде кооперативного издательства «Время» (1923–1934).

⁴ Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт.

⁵ В семье А. Д. Скалдина воспитывалось две дочери: падчерица от первого брака Елизаветы Константиновны с поэтом Р. Вальтером – *Клара Рейнгольдовна Вальтер* (1910–1942) и собственная, которая из-за проволочек с оформлением развода матери должна была всю жизнь носить имя – *Марина Рейнгольдовна Вальтер* (1915–1947).

⁶ Верхнеудинск – название города Улан-Удэ до 1934 г.

5

Новониколаевск, 29 марта 1925 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Завтра еду в Иркутск, из Иркутска в Хабаровск и Владивосток. Путь долгий и утомительный. На обратном пути должен побывать в Никольске-Уссурийске¹, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Красноярске, Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Славгороде и Омске. Если считать на круг по 5 дней в каждом городе – 65 дней плюс дороги. Вернусь домой лишь в июне, ибо дороги отнимут еще около месяца. Впрочем, забыл еще Семипалатинск.

Я очень рад, что Вам удалось все же съездить в Казань, и Вы не лишились заслуженного отдыха из-за моих злоключений. Теперь я уже

оправился: уезжая, я просил Елис[авету] Конст[антиновну] перевести Вам деньги из первой значительной полочки (она часто получает по грошам).

Неужели только в [19]26 или [19]27 году Вы попадете в Питер? Отчего не этой осенью – одновременно с поездкой в Москву?

Относительно книг – прошу обождать: вероятно, в мае мы переедем на новую квартиру – тогда и можно будет переслать. Я попрошу об этом Александра Матвеевича. Я думаю, что это для него не будет трудно.

У меня просьба к Вам: вероятно у Вас сохранился формуляр, по которому мы описывали церкви. Здесь, в Сибири, я от Института истории искусств организую кружки по изучению церковной и гражданской архитектуры (словом, так же, как мы работали в Саратове): формуляр этот у меня в Петербурге, но я забыл его взять с собою и думаю, что Елис[авета] Конст[антиновна] не так-то легко сможет найти его в моих многочисленных бумагах. Поэтому прошу Вас, сделайте копию и пошлите в Новониколаевск, по адресу – Коммунистическая ул[ица], Народный музей – Елене Николаевне Орловой². Премного меня обяжете.

Равным образом прошу помочь здешним работникам советами в фотографическом деле. Они – любители. Конечно, хорошему вкусу не научишь, но если бы они стали спрашивать о том-о сем – ответьте им. Я рекомендовал им обращаться к Вам, зная Вашу точность и предусмотрительность. До следующего письма. Целую крепко.

Ваш А. Скалдин.

¹ *Никольск-Уссурийск* – название города Уссурийск в 1926–1935 гг.

² *Орлова* Елена Николаевна, сотрудница Новониколаевского Народного музея, участвовавшая в научной экспедиции 1928 г. на Алтай; дополнительные сведения не известны.

6

25 апреля 1926 г[ода]

Ростов-н[а]/Д[ону].

Дорогие Александр Владимирович и Виктор Владимирович.

Живы ли Вы и где и как живете? Сообщите мне Ваш адрес, чтобы я мог выслать по нему Вам денег. Не думал я, что мне так долго придется быть лишенным возможности отблагодарить Вас. Душевный привет.

Ваш А. Скалдин

Адрес: Ростов н/Д., Средний проспект, № 15.

Склад изд[ательств]а «Начатки Знаний».

Ростов н[а]/Д[ону], 28/V-1926 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Я обещал Вам написать, когда у меня выберется свободное время. Ну, вот оно и вышло. Не потому, конечно, что мне сейчас нечего делать, а просто я забыл на складе нужные мне бумаги, над которыми должен был работать и сейчас, поневоле, бездельничаю.

О чем же писать? Прежде всего о том, что письмом не вспомнишь некоторые невозможности. Не писать Вам, а видеть Вас я хотел бы и вместе с Вами смотреть на то, что Вы сделали, и говорить об этом. Ну, а этого, разумеется, нельзя. Совсем не могу себе представить, как и по каким делам, я мог бы попасть в Саратов. Вы же только в будущем году собираетесь в Ленинград.

Бранить Рыкова и вообще Ваших музейных профессоров – стоит ли? Всегда они были такими и останутся такими же навсегда. Конечно, будь Вы более независимы – Вы могли бы на них, что называется, «наплевать». Увы, этого сделать невозможно. Терпеть приходится. В Москве защиты тоже не найдете.

Вас интересует, как я живу, что делает Елисавета Константиновна? Я с осени и всю зиму в Ростове, если не считать не очень продолжительного пребывания в Баку. Работы было сверх всяких сил, но Вы знаете, что я к этому привык и жаловаться на свое здоровье и выносливость не могу. Ничего интересного не видел и не делал и с этим мирился. Город сам по себе неинтересный.

Елисавета Константиновна все это время была с детьми в Петербурге. Здоровье ее неудовлетворительно, т. е. все сердце дает о себе знать. Дети очень выросли – учатся во всю и очень хорошо. Их еще детская жизнь обнаруживает разные хорошие и крупные задатки, но родителям говорить о них не пристало.

Относительно книг моих – пусть они полежат у Вас еще до конца лета – мы думаем изменить квартиру и тогда уж лучше книги направить в новый адрес, без перевозки в Петербурге с одного места на другое.

Почему Вы ничего не пишете о тех саратовцах, жизнь и судьба которых меня интересуют? Что делают Кожевниковы: от Александра Матвеевича ведь не дождешься письма. Как живет Наум Исаевич? Как его мастерские? Где Юстицкий? Что Сергей Николаевич Чернов? Как Панфилов? Левин? Ведь не может быть, чтобы Вы их не встречали?

Как живут музеи – Радищевский и Церковный? Получили ли Вы посланные мною 40 рублей? Я это спрашиваю потому, чтобы уничтожить

почтовую расписку. Уж очень не люблю хранить такую мелочь. У меня и крупных бумаг горы.

Привет Вам. Жму Ваши добрые, хорошие руки и целую Вас сердечно.
Ваш А. Скалдин.

P. S. Поверьте, что судьба Федора и Никанора мне тоже небезынтересна. Что с ними? Если они еще в Саратове – кланяйтесь им от всей души.

А. С.

¹ В данном случае речь могла идти либо о сотруднике Саратовского пролеткульта *Иосифе Михайловиче Левине* (1894–?), либо о преподавателе истории и заведующем Саратовским государственным театральным техникумом *Герасиме Александровиче Левине*. О ком именно из них говорится в письме, установить не удалось.

8

Детское Село¹, ул. Первого Мая, № 33.

7/III 1929 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Сколько времени я не имел от Вас вестей – даже после того, как я послал Вам в мае 1926 года 40 рублей, я не получил от Вас извещения о том, дошли ли до Вас эти деньги?

Сравнительно недавно, т. е. осенью, встретив Вадима Аполлоновича Бутенко², я узнал, что Вы по-прежнему в Саратове и живете даже в Радищевском музее.

Я же работаю с лета 1928 года в Ленинградском отделении Госиздата редактором. Мой отдел – история искусства, археология и этнография. Дает это мне немного заработка, но я еще пишу и живу сравнительно терпимо. Пишу не только роман, повести и рассказы, но и по вопросам искусства и археологии и осуществляю понемногу мой план большой и по-новому построенной истории искусств³.

О Вашей работе я слышал тоже от Вадима Аполлоновича. Ваша работа меня очень интересует: мой труд в значительной степени строится на исследовании и систематизации второстепенных и третьестепенных памятников искусства и на анализе эволюции деталей, как явления, лежащего совершенно вне сознания художника второй или третьей руки.

Если Вам нетрудно – напишите мне, чего же Вы достигли. Если есть интересные фотоснимки – пришлите два-три отпечатка. Сам я тоже понемногу начинаю заниматься фотографией: будущим летом хочу пообследовать несколько церквей (XV, XVII и XVIII вв.) по Шелони⁴ и в Валдайском уезде, еще не подвергавшихся изучению. О своих

художественно-литературных делах напишу Вам подробнее, но в следующий раз.

Затем интересуется меня судьба моего сундука, оставленного у Вас при отъезде. Если жизнь была к нему милостива, и он сохранился – сообщите. Я хочу его, наконец, взять: в нем есть (или были) очень нужные для меня вещи.

Елисавета Константиновна Вам шлет сердечнейший привет (она, бедная, все хворает и серьезно). Дети уже так выросли, что, если еще не зарабатывают сами, то, во всяком случае, мыслят самостоятельно: Клара достигла больших успехов в пении (правда, камерном), а Марина – в литературе и рисовании.

Так как в Саратове встречи с людьми дело почти каждодневное и заурядное – кланяйтесь Александру Матвеевичу, Татьяне Михайловне, Науму Исаевичу, Шелковским и Сергею Николаевичу, а также Герасклитову. Жива ли Андроновна или уже отправилась за своим Константинычем⁵? Как живет Федор Гамаюнов, что с его кумом?

Целую Вас крепко. Ваш А. Скалдин.

¹ *Детское село* – название города Пушкин в 1918–1937 гг.

² *Бутенко* Вадим Аполлонович (1877–1931), историк, специалист по истории Франции конца XVIII – начала XIX в. В 1917–1928 гг. профессор, в 1918–1919 гг. декан историко-филологического факультета, в 1920–1921 гг. факультет общественных наук Саратовского университета. С февраля 1923 по октябрь 1928 г. заведовал Радищевским музеем в Саратове.

³ Исследуя саратовский период жизни и деятельности А. Д. Скалдина, Т. С. Царькова пишет: «С осени 1918 года Скалдин живет в Саратове. Сначала по-прежнему занимается делами страховых обществ, но уже в 1919 году он выступает в саратовской прессе с серией статей, все они посвящены классическому и современному искусству, философии искусств, литературе. Кроме того, Скалдин вместе с театральным художником Симоном ведет занятия в экспериментальном театре-студии, преподает в Высших государственных мастерских театрального искусства, в Боголюбовском рисовальном училище, в Педагогическом институте. Его интерес к теории искусств реализовался в подготовке и чтении своеобразных, избранных в духе времени курсов: «История и теория вещественных искусств» и «Философия человеческого действия» (Царькова Т. Терпение и верность. Очерк об Алексее Скалдине // http://belousenkolib.narod.ru/SerebVek/skaldin_tsarkova.html).

⁴ *Шелонь* – река на Северо-Западе Европейской части страны.

⁵ *Андроновна* и ее муж *Константиныч*, идентифицировать личность этих людей не удалось.

9

Ц[арское] С[ело]¹, 16 апр[еля] 1929 г[ода].

Дорогие мои друзья.

Я рад был получить от Вас письмо после столь долгого молчания. Но само по себе письмо не может очень радовать: дела ваши тяжелы и плохи, как видно². И все же писать друг другу нужно чаще, чем мы это делаем. И полного ответа на мое письмо я надеюсь дожидаться от Вас.

О 40 рублях я беспокоился только потому, что почта их могла почему-либо Вам не доставить, а срок ее ответственности (двухгодичный) уже истек. О том же, что было 40, а не 20 рублей – не стоит и говорить. Если бы я послал Вам и больше – это было бы от искреннего желания помочь жить и работать.

Сообщите же, как имя жены Александра Владимировича³ и передайте ей сердечный привет от Елисаветы Константиновны и от меня.

Листовка о Зубриловке⁴ (я ее получил – спасибо!) не так уж плохо издана по нынешним временам. Не стоит жаловаться. А написана она хорошо: просто и с необходимой выдержкой (без эстетства).

О моей просьбе. Я не совсем понял – нет ли у Вас готовых отпечатков или право на воспроизведение с негативов принадлежит не Вам, а Крайно. При последнем – не приходится разговаривать, но если просто нет готового материала – другое дело. Я думаю, у Вас просто нет денег на свой материал? Если так – я готов Вам послать, сколько могу. Невозможно, чтобы я пользовался Вашей любезностью: все же я всегда могу заработать больше, чем Вы, и свободнее располагать деньгами. Разумеется, я хотел бы получить побольше снимков не для того, чтобы воспроизвести их сейчас в какой-либо работе. Если бы представилась необходимость – мы раньше сговорились бы.

О сундуке. Послать его малой скоростью с дубликатом для оплаты здесь вполне целесообразно. Но ведь и отправка на месте все же будет стоить денег. Сосчитайте, во что это обойдется, и я вышлю Вам предварительно.

1. Нужно обшить в рогожи.
2. Обвязать веревками.
3. Набить чем-либо пустоты, если сундук неполный.
4. Свезти на вокзал и погрузить.

Упаковать нужно особенно прочно, т. к. в дороге будут две перегрузки. За все время с тех пор, как я с Вами расстался, библиотека моя увеличилась очень мало – едва ли я купил на 1000 рублей (за 6 лет).

От Александра Матвеевича я письма не получил. Жаль, что Наума Исаевича я больше не увижу.

Сергей Николаевич был последнее время в Ленинграде.

Всем остальным привет. Особенно Андроновне, дяде Феде и Никанору. И от меня, и от Е[лисаветы] К[онстантиновны]. Александру Августиновичу⁵ тоже. Как ему работается в церковном хранилище?

Мои писательские дела. Пишу, а что буду печатать и когда – неопределенно. Посылаю Вам недавно вышедшую книжку⁶. Все мне в ней не нравится – рисунки сделаны без моего участия. Конец изменен, хотя и вместе со мною, но не вполне удовлетворяет меня. Сначала говорилось о цветах, а не о щах из щавеля.

Жму Ваши руки, целую Вас и желаю Вам хорошо встретить Светлое Христово Воскресенье.

Ответьте поскорее. В частности, сколько нужно денег на предварительные расходы по отсылке книг?

Ваш А. Скалдин.

P. S. Да, кстати. Жив ли Палимпсестов⁷ и что он делает. При встрече можете ему передать от меня поклон, хотя одновременно следовало бы ему сказать, что он свиноват⁸. А. С.

¹ Царское село – название города Детское село (с 1937 г. город Пушкин) до 1918 г.

² Возможно, это намек на недолгий арест братьев Леонтьевых, о причинах и обстоятельствах которого в настоящее время пока ничего не известно.

³ Речь идет об *Анне Игнатьевне Леонтьевой*, второй жене А. В. Леонтьева.

⁴ Имеется в виду брошюра А. В. и В. В. Леонтьевых «Зубриловка» (Саратов, 1928).

⁵ Кротков Александр Августинович (1866 – не ранее 1944), археолог, краевед и музейный деятель. С 1900 по 1917 г. работал делопроизводителем и заведующим окладным отделением Саратовской губернской управы, бухгалтером Саратовской казенной палаты. С 17 ноября 1902 г. член Саратовской ученой архивной комиссии, с 25 декабря 1921 г. почетный член общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Один из инициаторов создания Нижне-Волжского института краеведения и Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Герой труда (1924).

⁶ Речь идет о книге А. Д. Скалдина «Чего было много» (Л., 1929).

⁷ Палимпсестов Владимир Петрович, бывший священник, с 20 октября 1907 г. член Саратовской ученой архивной комиссии, с 12 апреля 1919 г. помощник заведующего секцией церковной старины подотдела музеев и охраны памятников искусства и старины при Саратовском губернском отделе народного образования. Дядя саратовского художника Вячеслава Петровича Палимпсестова (1910–1982).

⁸ Явный намек на фигурировавший в свидетельских показаниях Д. В. Прокопьева во время судебного процесса 1922 г. факт покупки А. Д. Скалдиным у В. П. Палимпсестова старинных вышивок. Подробнее об этом см.: Материалы об аресте 1922 года // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии... С. 410.

Дорогие мои друзья.

Что уж там говорить – не ладится наша переписка.

А все-таки, время от времени, писать нужно. Если не ладится переписка, это еще не значит, что не ладится дружба.

Слышал о Вас, что Вам трудно, но что Вы держитесь с прежней твердостью, несмотря на все обиды и огорчения.

Я тоже, кажется, держусь, но, может быть, у меня обид и огорчений меньше, чем у Вас.

Работаю по-прежнему в Госиздате. Пишу. Кой-то печатаю и готовлю к печати. За прошлый год написал для словаря (энциклопедического) много статей по истории искусства, археологии, этнографии¹. Всего с мелкими заметками листов 15, т. е. авторских по 40000 знаков. Кроме того, закончил одну книгу листов в 4–5 для юношества², где темой послужила одна страница из истории культуры – книгу эту пошлю Вам, как только выйдет из печати.

Часто бываю у Сергея Николаевича, который живет очень близко от меня³. Бывает и он у меня, но больше я к нему хожу: мы видимся обыкновенно утром, часов в семь, когда у меня все еще спят. У него же – дом ранний. Передавал мне Сергей Николаевич, что Александр Александрович тяжело и безнадежно болен⁴. Как жаль старика. Истории Саратовского края от его ухода большой будет убыток.

Я пишу ему сегодня сам письмо, но передайте Вы ему так же поклон. Поклонитесь и Кожевникову, а также Федору и Никанору.

С Бутенко я часто встречался в Госиздате, но теперь эти встречи прекратились – Вадим Аполлонович «изъят из обращения»⁵.

Напишите, пожалуйста, сколько нужно выслать денег, чтобы вы могли упаковать и отправить книги. Некоторые из них мне очень нужны. Привет от Елисаветы Константиновны. Напишите поскорей. Целую Вас крепко. Ваш А. Скалдин.

Детское Село, ул[ица] Первого Мая, 33, кв[артира] 1
7/VII 1930 г[ода].

¹ В личном архиве А. Д. Скалдина «сохранились словники по сельскому хозяйству и технике, списки написанных им словарных статей, тематический диапазон которых очень широк: экономика, естественные науки, история, искусствоведение» (Царькова Т. «...Нить блестящая тонка» // Скалдин Алексей Дмитриевич. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии... С. 20).

² Имеется в виду научно-популярный роман А. Д. Скалдина для детей и юношества «Колдун и ученый» (М.; Л., 1931), посвященный изобретению человечеством в древние времена красок и постепенному усовершенствованию их химиками XIX и первой трети XX в.

³ С. Н. Чернов с женой Маргаритой Алексеевной и сыном Костей проживали по адресу: Детское село, Октябрьский бульвар, дом 83, квартира 7.

⁴ Как явствует из выданного А. А. Гераклитову 12 июня 1930 г. медицинского заключения: «Клиническая картина заболевания укладывается в форму ту-

беркулезного процесса гортани. Ввиду стойкого поражения гортани при общем упадке сил проф[ессор] Гераклитов А. А. должен быть признан как педагог абсолютно нетрудоспособным. [...] Больному неоднократно давался совет временно воздержаться от преподавательской деятельности и работы в архивах, но в силу объективных условий он этого выполнить не мог, процесс прогрессировал и вылился в вышеуказанную форму...» (Архив СГУ [А. А. Гераклитов]. Д. 28. Л. 81).

⁵ Завершив в 1928 г. профессорскую деятельность в Саратове, В. А. Бутенко вернулся в Ленинград, где 26 апреля 1930 г. был арестован по так называемому Академическому делу и 10 февраля 1931 г. приговорен к десяти годам заключения. Умер он 14 сентября 1931 г. на Беломорстрое от скоротечного легочного туберкулеза. Подробнее об этом см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. VII; *Золотарев В. П.* Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931) // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 113–114; *Клестова С. Л.* В. А. Бутенко – профессор Саратовского университета (1917–1928) // Российские университеты в XVIII–XIX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 197–213.

11

Детское Село, 1.II.1931 г[ода].

Дорогие друзья.

Несколько дней тому назад Сергей Николаевич писал своему брату¹ о высылке в Ленинград, т. е. в Детское, из Саратова его книг и вещей и просил прихватить и сундук с моими книгами. Когда Маргарита Алексеевна² была в Саратове, она договорилась с дядей Федей, что он эту отправку ускорит. Сделайте так, чтобы все это не задержалось.

Мне помнится, что мой сундук не доверху наполнен. В таком случае в него сверху можно положить носильные вещи, оставленные Маргаритой Алексеевной у Виктора Николаевича³.

В марте месяце должна выйти большая книга о Ленинграде (о его истории и памятниках)⁴, над которой несколько лиц (и я в том числе) работали больше двух лет. В книге будет около 150 иллюстраций и 25 листов текста (кроме с правочника). Несмотря на значительные объемы, конечно, книга не исчерпывает и десятой части возможного материала. Экземпляр ее я вышлю Вам: думаю, что она будет Вам интересна.

Теперь, т. е. буквально на днях, мы приступаем к работе еще над двумя книгами о Ленинграде – одна для заграницы на четырех языках, в размере 10–12 листов + иллюстрации, другая – для детей, около 10–12 листов⁵.

Дяде Феде и Никанору привет и поцелуи. Целую и Вас. Ваш А. Скалдин.

¹ Чернов Виктор Николаевич (1888 – после 1978), ботаник, в 1922–1923 гг. доцент Саратовского университета. В 1940-е гг. заведовал кафедрой ботаники Карее-

ло-Финского государственного университета, один из членов-учредителей (с 11 июля 1945 г.) Карело-Финского филиала Всесоюзного географического общества (ВГО). Брат С. Н. Чернова.

² Чернова [урожд. Филипова] Маргарита Алексеевна (1893–1978), жена С. Н. Чернова.

³ В. Н. Чернов.

⁴ Речь идет о капитальном издании «Ленинград. Путеводитель. История. Экономика. Прогулки по городу. Музеи. Справочник». (Л., 1931), в работе над которым участвовало свыше 30 авторов.

⁵ В 1934 г. к 230-летию основания города вышел новый двухтомный «Путеводитель по Ленинграду». Имя к тому времени репрессированного А. Д. Скалдина, автора разделов по истории строительства и архитектуре в первом томе и достопримечательностям Васильевского острова и Петроградской стороны – во втором, скрыто за инициалами А. С.

12

Детское Село, 25 июня 1931 г[ода].

Дорогие друзья.

Посылаю Вам сегодня почтовой посылкой две книги: «Ленинград – Путеводитель» и свою «Колдун и ученый».

Приготовлены они и зашиты для отправки давно, а отправить их все никак не мог – некогда было. Я очень завален, по обыкновению, всякими делами и работой.

В книгах исправлено несколько опечаток. Но, кроме того, нужно в «путеводителе» сделать кой-какие исправления по существу. Вскрывать пакет мне сейчас не хочется – он зашит хорошо. Поэтому, вскрыв, сделайте сами следующие поправки: стр[аница] 39 подпись: «Проспект Биржи и старый Гостиный двор и т. д.».

Нужно, просто: «Биржа и старый Гостиный двор и т. д.», потому что это вводит в заблуждение. «Проспект» в данном случае значит просто «вид». Проспекта Биржи в том понятии, как мы этому обозначению даем теперь, никогда не существовало.

Такое же исправление нужно сделать и в указателе иллюстраций на стр[анице] 515. Стр[аница] 200: «...начиналась от Реформатской церкви (построена Резановым¹ и Кракау²)» следует: «(построена архит[ектором] Гриммом³ по проекту архит[ектора] Боссе⁴)».

Считалось, что церковь эта построена Гриммом. С некоторого времени В. Я. Курбатов⁵ стал утверждать авторство Резанова и Крикау. Но мне лично недавно удалось установить авторство Боссе, на основании его объяснительного письма к проекту.

Стр[аница] 218. «Ю. М. Фельтен⁶... Решетка Летнего сада...». С. И. Яремич⁷ установил, что решетку Летнего сада делал не Фельтен, а Валлен-Деламот⁸.

Стр[аница] 515. В «Списке иллюстраций»: «Казнь первомагтовцев 3 апреля 1881 года», картина В. В. Верещагина⁹. Это не по картине В. В. Верещагина, а по рисунку Бунина¹⁰.

Ну, вот, кажется, и все.

Путеводитель уже распродан. 20000 экземпляров разошлись в течение месяца. Начата работа над новым изданием. Руководить этой работой я начну, вероятно, с азов, т. е. с плана переделки. Думаю, что во многом он изменится к лучшему.

Теперь о моих книгах. Мне они нужны. Раз они уже упакованы – их легче выслать. Мне все равно, как посылать – большой или малой скоростью. Расходом я в данном случае не стесняюсь. Но Вам, очевидно, на расход понадобятся деньги. Так как Маргарита Алексеевна переданные Вам двадцать пять рублей забрала через свою знакомую, то мне остается выслать вновь. Напишите, сколько нужно.

Привет Никанору, Федоровой старухе и всем, кто приветов заслуживает. Если удастся увидеть Кожевникова – поклонитесь ему.

Елисавета Константиновна Вам кланяется. Ваш. А. Скалдин.

¹ *Резанов* Александр Иванович (1817–1887), художник-архитектор; с 1850 г. академик архитектуры, с 1852 г. профессор, с 1871 г. ректор Академии художеств по архитектуре.

² *Кракау* Александр Иванович (1817–1888), архитектор.

³ *Гримм* Давид Иванович (1823–1898), архитектор; с 1855 г. академик, с 1860 г. профессор, в 1888–1892 гг. ректор Академии художеств по архитектуре.

⁴ *Боссе* Геральд Андреевич [Эрнестович] (1812–1894), архитектор и рисовальщик; с 1837 г. академик, с 1854 г. профессор Академии художеств. Строил (в основном, в Санкт-Петербурге) дворцы, особняки, загородные резиденции и церкви (Реформатская церковь, 1862–1865).

⁵ *Курбатов* Владимир Яковлевич (1878–1957), ученый-химик, историк искусства, краевед. С 1908 г. работал в Технологическом институте (с 1922 г. профессор, заведующий кафедрой физической химии). После Октябрьской революции – в системе Наркомпроса в органах охраны памятников искусства и старины. В 1918 г. член Комиссии по приему церковных ценностей из домовых церквей, затем – комиссар и заведующий отделом садов и парков. Один из инициаторов создания Музея города (1918, ныне Музей истории Ленинграда), Российского института истории искусств (с 1920 г. профессор), общества «Старый Петербург» (1921) и др.

⁶ *Фельтен* Юрий Матвеевич (1730–1801), архитектор, представитель классицизма. С 1764 г. преподавал архитектуру в Академии художеств, с 1772 г. академик, с 1785 г. адъюнкт-ректор академии.

⁷ *Яремич* Степан Петрович (1869–1939), художник-пейзажист и искусствовед. С 1900 г. публиковал статьи по вопросам русского и западноевропейского искусства, был большим знатоком и коллекционером западноевропейского рисунка. С 1918 г. заведующий отделением рисунков (с 1930 г. – реставрационной мастерской) Эрмитажа.

⁸ *Деламот* Жан-Батист-Мишель (1729–1800), французский архитектор, первый профессор зодчества в Петербургской Академии художеств.

⁹ *Верещагин Василий Васильевич* (1842–1904), выдающийся живописец-баталист, автор художественного полотна «Казнь первомартовцев».

¹⁰ *Бунин Наркиз Николаевич* (1856–1912), художник, автор графического рисунка «Казнь первомартовцев 3 апреля 1881 г.».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВФ ГАСО	Вольский филиал Государственного архива Саратовской области
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ДСГУ	Доклады Саратовской губернской земской управы
НА СОМК	Научный архив Саратовского областного музея краеведения
ПГВ	Пензенские губернские ведомости
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГВА	Российский государственный военный архив
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
ССЗ	Сборник Саратовского земства
СУ	Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия
ЦДНИСО	Центр документации новейшей истории Саратовской области
ЭФ ГАСО	Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ардабацкий Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Воронезцев Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, директор Государственной архива Саратовской области, доцент кафедры истории России исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Волков Владимир Александрович – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Гольдъбина Ирина Андреевна – ведущий специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области.

Горюнова Зоя Александровна – старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения.

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии.

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Захаров Вадим Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета

Канавина Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Киселева Елена Сергеевна – ассистент Балашовского филиала Саратовского государственного университета

Коробова Юлия Борисовна – соискатель кафедры историографии, региональной истории и археологии.

Маркушина Софья Вячеславовна – заведующая отделом истории Вольского краеведческого музея, аспирантка кафедры историографии, региональной истории и археологии.

Майорова Юлия Владимировна – главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области.

Мраморнов Александр Игоревич – студент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Наумлюк Антон Александрович – студент исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Пантеева Наталья Михайловна – заведующий отделом природы Саратовского областного музея краеведения.

Савельева Елена Константиновна – ученый секретарь Саратовского государственного музея им. А. Н. Радищева.

Самохвалова Наталья Валерьевна – начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области.

Симонов Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Степанов Юрий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Тотфалушин Виктор Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Тотфалушина Ксения Викторовна – студентка Института туризма и гостеприимства Московского государственного института сервиса.

Фрибус Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Саратовского этнографического музея.

Хуторная Ольга Ивановна – старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения.

Шалыгин Андрей Александрович – студент исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Шульга Игорь Иванович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Саратовского военного института радиационной, химической и биологической защиты.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО	3
<i>Ардабачкий Е. Н.</i> «Это есть меры поднятия народного благосостояния» (о деятельности саратовского городского головы В. А. Коробкова)	3
<i>Киселева Е. С.</i> Саратовское земство и земская статистика: к истории взаимоотношений (80-е гг. XIX в.)	14
<i>Науцлюк А. А.</i> Осуществление правил 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии	22
<i>Хуторная О. И.</i> Выборы в I Государственную думу 1906 г.: партийный и социальный состав депутатов от Саратовской губернии	33
<i>Тотфалушина К. В.</i> Праздники древонасаждений в дореволюционном Саратове	48
<i>Шалыгин А. А.</i> Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы гражданской войны: повстанческое движение Серова	58
<i>Симонов А. А.</i> Борьба с «бандитизмом» в Саратовском Поволжье (1921–1922)	70
 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	84
<i>Маркушина С. В.</i> Формирование промышленно-предпринимательских слоев Саратовской губернии в XIX – начале XX в.	84
<i>Зайцев М. В.</i> Бюджет Саратова в 1871–1892 гг.	97
<i>Гуменюк А. А.</i> Демографические процессы в Саратовской губернии в начале 1920-х гг.	116
 КУЛЬТУРА КРАЯ	124
<i>Горюнова З. А.</i> Пример, достойный подражания (общественная помощь учебным заведениям Саратовской губернии в XIX–XX вв.)	124
<i>Тотфалушин В. П.</i> Из истории стрелково-охотничьего спорта Саратовской губернии	129
<i>Канавина Н. В.</i> Экономическое положение культурно-просветительных учреждений Саратовской губернии в годы нэпа	138
<i>Пантеева Н. М. А. Г.</i> Хинчук – ученый агроном, ученица и соратница Н. И. Вавилова	148
<i>Данилов В. Н., Коробова Ю. Б.</i> Обеспечение всеобщего обучения детей и подростков в Саратовской области в период Великой Отечественной войны	161
 ЭТНОГРАФИЯ РЕГИОНА	176
<i>Шульга И. И.</i> Украинцы в Саратовской губернии (XVIII – начало XX в.)	176
<i>Фрибус Т. Ю.</i> Табор современных цыган-котляр в Саратовской области	187
 ИЗ ИСТОРИИ КРАВЕДЕНИЯ	196
<i>Захаров В. М.</i> Историко-краеведческая деятельность Ф. Ф. Чекалина	196
<i>Мраморнов А. И.</i> Наследие С. А. Щеглова в контексте исследования истории Саратовской епархии (источниковедческий и историографический аспекты)	213
<i>Голыдьбина И. А.</i> Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 300-летнего юбилея г. Саратова	221
<i>Волков В. А.</i> Археологическое картографирование в Саратовском Поволжье в досоветский период	229
 ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И МЕМУАРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ	240
<i>Майорова Ю. В., Самохвалова Н. В.</i> Саратов второй половины XVIII в. в ответах на неизвестную анкету	240
<i>Воронезцев А. В., Степанов Ю. Г.</i> К истории немецкого вопроса в России	246
<i>Вьейо Ж. Р. Р.</i> Воспоминания одного пленного в России в 1812–1813–1814 гг. (Перевод А. В. Гладышева, комментарии В. П. Тотфалушина)	269
<i>Савельева Е. К.</i> «Не писать Вам, а видеть Вас я хотел бы...» (Письма А. Д. Скалдина А. В. и В. В. Леонтьевым)	275

Научное издание

САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Выпуск 2

Под редакцией проф. *В. Н. Данилова*

Подписано в печать. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Георги.
Усл. печ. л. 15,11 (16,25). Уч.-изд. л. 15,9.

Отпечатано в ООО «Ракурс»
410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 79/85.
Тираж 250 экз. Заказ 678

